

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская,
С. А. Борисов, А. А. Пивоваренко**

НАЦИОНАЛЬНЫЕ
МЕНЬШИНСТВА
АЛЬПИЙСКО-
ПАННОНСКОГО
РЕГИОНА

**очерки по языку,
культуре, истории**

МОСКВА
2024

УДК 811.1
ББК 81-67(47)
П32

Исследование выполнено в рамках проекта
Российского научного фонда № 20-78-10030
*«Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций
у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона»*

Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН
(Протокол № 7 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 31.10.2023)

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

д.ф.н. *Т. Б. Агранат*,
к.ф.н. *О. А. Остапчук*

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР:

И. С. Пекунова

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская (отв. ред.), С. А. Борисов

**Пилипенко Г. П., Ясинская М. В.,
Борисов С. А., Пивоваренко А. А.**

**Национальные меньшинства альпийско-паннонского региона:
П32 очерки по языку, культуре, истории.** Колл. монография / Отв. ред.
Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская, ред. С. А. Борисов. — М.: Институт
славяноведения РАН, 2024. — 408 с.: ил.

ISBN 978-5-7576-0499-2

DOI 10.31168/7576-0499-2

Коллективная монография представляет собой результат исследований, проводившихся в рамках гранта РФФ № 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона». Работа авторов основана на уникальных полевых данных, собранных участниками проекта за период 2012–2023 гг., а также на архивной работе и анализе современных публикаций по данной проблематике. В монографии обсуждаются некоторые аспекты языковых контактов, традиционной духовной культуры, специфики функционирования миноритарных сообществ и их истории, публикуются тексты, записанные авторским коллективом в экспедициях (на венгерском, итальянском, румынском, сербском, словенском, украинском, чешском языках).

Книга адресована лингвистам, этнографам, фольклористам, историкам и всем, кто интересуется проблематикой национальных миноритарных сообществ в альпийско-паннонском регионе.

УДК 811.1
ББК 81-67(47)

ISBN 978-5-7576-0499-2

9 785757 604992

© Коллектив авторов, текст, 2024
© Институт славяноведения РАН, 2024
© Оформление, ООО «ПОЛИМЕДИЯ», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская</i>)	5
--	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Переключение кода в речи носителей надижского и терского диалектов словенского языка на территории Италии (<i>Г. П. Пилипенко</i>)	15
Переключение кода в речи венгров, проживающих в южнославянском окружении (<i>Г. П. Пилипенко</i>)	57
О некоторых контактно-обусловленных особенностях синтаксиса чешских переселенческих идиомов Сербии и Хорватии (<i>С. А. Борисов</i>)	94
Терминологическая лексика традиционной культуры у словенцев в Италии (Надижская и Терская долины) (<i>М. В. Ясинская</i>)	118
Деятельность организации «Итальянский союз» в Хорватии и Словении. Историческая и структурно-географическая характеристика (<i>А. А. Пивоваренко</i>)	133
Список литературы	184

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Тексты из обследованных населенных пунктов альпийско-паннонского региона	199
Тексты из Истрии (Словения)	200
Итальянский язык (<i>Г. П. Пилипенко</i>)	200
Тексты из провинции Фриули-Венеция-Джулия (Италия)	223
Итальянский язык (<i>Г. П. Пилипенко</i>)	223
Словенский язык. Долина Натизоне (<i>Г. П. Пилипенко</i>)	226
Словенский язык. Долина Торре (<i>Г. П. Пилипенко</i>)	259
Тексты из Воеводины (Сербия)	266
Украинский язык (<i>Г. П. Пилипенко</i>)	266
Венгерский язык (<i>Г. П. Пилипенко</i>)	275
Сербский язык как функционально второй (L2) (<i>Г. П. Пилипенко</i>)	298
Сербский язык (<i>Г. П. Пилипенко</i>)	300
Чешский язык (<i>С. А. Борисов</i>)	301

Тексты из Прекмурья (Словения)	306
Прекмурский диалект словенского языка как функционально второй (L2) (<i>Г. П. Пилипенко</i>)	306
Венгерский язык (<i>Г. П. Пилипенко</i>)	307
Тексты из Славонии (Хорватия)	316
Венгерский язык (<i>Г. П. Пилипенко</i>)	316
Чешский язык (<i>С. А. Борисов</i>)	319
Тексты из Баната (Румыния)	327
Румынский язык как функционально второй (L2) (<i>Г. П. Пилипенко</i>)	327
Чешский язык (<i>С. А. Борисов</i>)	329

Приложения

Приложение 1. Лексико-тематический указатель к публикуемым текстам (<i>С. А. Борисов, Г. П. Пилипенко</i>)	341
Приложение 2. Список публикаций по проекту РНФ № 20-78-10030	365
Приложение 3. Иллюстрации из экспедиций	369
Приложение 4. Карты населенных пунктов, в которых были записаны опубликованные тексты (<i>Г. П. Пилипенко</i>)	401

Предисловие

Коллективная монография представляет собой результат исследований, проводившихся в рамках гранта РФФ № 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона». Работа авторов основана на уникальных полевых данных, собранных участниками проекта за период 2012–2023 гг., а также на архивной работе и анализе современных публикаций по данной проблематике. Альпийско-паннонский регион характеризуется большой концентрацией островных переселенческих сообществ выходцев из центральной и восточной Европы, а также автохтонных миноритарных групп, в разное время испытывавших на себе доминантное немецкое, венгерское, итальянское языковое и культурное влияние, при этом объединенных общностью исторического развития и географическим положением. Основной акцент был сделан на лингвистической составляющей, однако авторский коллектив стремился показать междисциплинарный характер изучаемой темы, поэтому уделялось внимание и традиционной народной культуре, и истории развития и функционирования изучаемых национальных меньшинств. Речь идет о следующих сообществах: венгры в Воеводине (Сербия), венгры в Славонии (Хорватия), венгры в Прекмурье (Словения), словенцы в провинции Фриули-Венеция-Джулия (Италия), чехи в Славонии (Хорватия), чехи в Воеводине (Сербия), итальянцы в словенской части Истрии. Поскольку представители всех перечисленных групп проживают либо на различных пограничьях, либо в соседстве с другими этносами (при этом часто речь идет об этнических анклавах), интерес авторов был направлен прежде всего на исследование процессов и результатов контактного взаимодействия с мажоритарными сообществами и с другими миноритарными группами, что находит отражение в многочисленных заимствованиях, случаях переключения кода, в образовании гибридных морфологических и синтакси-

ческих конструкций, в проникновении лексики, обрядовых практик, сюжетов от соседних народов в сферу собственной традиционной культуры, а также в институциональном взаимодействии с государственными и общественными организациями. В поле зрения авторов попадают случаи сосуществования и взаимодействия на одной территории более двух идиомов (например, в Прекмуре: венгерский литературный язык, словенский литературный язык, прекмурский диалект словенского языка). Выбор конкретных примеров и миноритарных групп был продиктован разным типом их генетической близости. Так, при контактировании венгров с сербами, хорватами и словенцами мы говорим о взаимодействии языка из угорской группы уральской языковой семьи с южнославянскими языками индоевропейской языковой семьи; при контактировании словенцев и романских народов (фриулов и итальянцев) происходит взаимодействие языков из славянской и романской групп индоевропейской семьи языков; рассматривая контакты чехов с сербами и хорватами, мы сталкиваемся со взаимодействием близкородственных языков, принадлежащих, однако, разным подгруппам — западнославянской и южнославянской (причем сербский и хорватский языки частично относятся к балканскому языковому союзу). Подобные комбинации позволяют лучше понять особенности и закономерности контактирования, которые не зависят от генетической близости языков и сообществ, находящихся в контакте. Авторы каждый в своей области стремились продемонстрировать различные аспекты подобного контактирования. Настоящая коллективная монография не является подробным описанием языковой системы анализируемых идиомов, она также не претендует на полноценный охват и анализ исторического развития и функционирования всех обсуждаемых сообществ и не преследует цель описать всю систему народных верований и представлений. С этой задачей предстоит справиться в будущем. Поэтому в название было решено добавить слово «очерки», чтобы подчеркнуть некоторую фрагментарность выбранных для обсуждения тем.

Коллективная монография состоит из двух частей. В первой части представлены монографические исследования, разделенные на пять глав. Во второй части публикуются нарративы, записанные

от наших собеседников во время проведения полевых исследований 2012–2022 гг. В приложениях дается лексико-тематический указатель к публикуемым текстам, библиографический список статей, изданных научным коллективом за три года реализации проекта РФФ № 20-78-10030, даны иллюстрации из экспедиций; также приводятся карты с указанием населенных пунктов, в которых были записаны опубликованные тексты.

Монографию открывает глава *«Переключение кода в речи носителей надижского и терского диалектов словенского языка на территории Италии»* (Г. П. Пилипенко). Целью данной главы является выявление в нарративах, собранных авторским коллективом в ходе полевых исследований 2017–2022 гг., а также в опубликованных ранее сборниках текстов, случаев переключения кода, их анализ и классификация у словенцев, проживающих в долинах рек Натизоне и Торре в провинции Удине (Италия). Установлено, что в записанных высказываниях переключения на фриульский язык единичны. Предложенная автором схема их классификации строится на комбинированном подходе: с одной стороны, в основе классификации лежит противопоставление переключения кода внутри предложения и на границе между предложениями, с другой стороны, при ее формировании учитываются прагматические особенности высказывания, трудности в коммуникативной компетенции, а также лексическое значение определенных конструкций. Данная схема позволяет сделать выводы о частотности моделей переключения. Отдельно рассматриваются примеры отсутствия словоизменения, «дублирования» лексических и грамматических элементов, случаи «размытых» границ переключения кода. Отмечена эта практика и в нарративах на темы, связанные с традиционной культурой, в том числе и в фольклорных жанрах. Применение количественного подхода, подсчет словоформ на функционально первом (L1) и функционально втором (L2) языке, дает возможность понять, какие факторы влияют на частоту переходов и представленность той или иной структурной модели. Вторая глава также посвящена проблематике переключения кода, но уже на ином материале: *«Переключение кода в речи венгров, проживающих в южнославянском окружении»* (Г. П. Пилипенко). На материале собственных полевых данных из экспедиций 2012–2022 гг. в Воево-

дину (Сербия), Славонию (Хорватия) и Прекмурье (Словения) автор анализирует смену кода в нарративах представителей венгерского сообщества трех регионов, устанавливает закономерности появления, статистики, границ перехода с одного языка на другой, анализирует морфологические и социолингвистические факторы, которые влияют на подобное речевое поведение информантов. Как и в предыдущей главе, устанавливается, что наряду с двунаправленным переключением кода, когда используются два языка, в обследованных меньшинственных сообществах фиксируются примеры тройного переключения кода, что характерно в основном для Прекмурья. Структурные особенности границ перехода с L1 на L2 обусловлены различием языковых систем. Так, границей перехода на славянский язык в именной группе в позиции прямого объекта может быть использование венгерского определенного артикля, что сопровождается объектным спряжением у глагола. Особое место, как и в первой главе, занимает анализ переключения при цитациях, случаи гезитаций и метаязыковых высказываний, которые их сопровождают. Показательно, что во всем корпусе венгерских нарративов не фиксируется ни одного факта переключения в группе с числительным, в отличие от корпуса, собранного у словенцев в Италии. При этом зафиксированные переключения внутри притяжательной конструкции, хотя и немногочисленные, позволяют сделать вывод об отсутствии ограничения на подобного рода смену кода. Очевидно также влияние возраста информантов и тематики беседы на появление невенгерских форм в венгерской устной речи. Как и в предыдущей главе, дана классификация случаев переключения кода, а также использован количественный подход, который позволил подсчитать число словоформ из южнославянских языков в высказываниях информантов. Автор приходит к выводу, что у представителей разных поколений внутри одной семьи процент вставок из славянских языков будет разным. Как в первой, так и во второй главе дана краткая характеристика изучаемых сообществ, в общих чертах представлена языковая ситуация. В третьей главе «*О некоторых контактно-обусловленных особенностях синтаксиса чешских переселенческих идиомов Сербии и Хорватии*», которая завершает блок непосредственно лингвистических исследований, С. А. Борисов рассматривает аспекты синтаксиса

чешских переселенческих говоров Сербии и Хорватии, возникшие в результате полуторавековых контактов с литературными и нелитературными идиомами сербско-хорватского языкового континуума. Автор описывает актуальную социолингвистическую ситуацию в областях компактного проживания чехов в Сербии и Хорватии, приводит краткий обзор истории изучения чешских сообществ в регионе, анализирует наиболее яркие контактные черты синтаксиса, выявленные в ходе работы с собранным материалом. Материалом для исследования послужили полевые записи 2015–2022 гг. из Сербии и Хорватии. Отмеченные особенности синтаксиса свидетельствуют об интенсивности языковых контактов между чешскими переселенческими идиомами и языками мажоритарных этносов (к ним относятся, например, изменение порядка клитик, появление связки 3 л. глагола ‘быть’, проникновение *da*-конструкции на место инфинитива в чешских идиомах Сербии). В четвертой главе, этнолингвистической, «*Терминологическая лексика традиционной культуры у словенцев в Италии (Надижская и Терская долины)*» М. В. Ясинская рассматривает функционирование терминологии традиционной народной культуры на итальяно-словенском пограничье, а также анализирует, насколько данная сфера подвержена конвергентным явлениям. Материал для изучения был собран в ряде полевых исследований 2017–2022 гг., а также почерпнут из «Словенского лингвистического атласа», «Общеславянского лингвистического атласа» и из сборников, в которых опубликованы фольклорные рассказы, записанные в указанном регионе. Обсуждается лексика из следующих лексико-семантических групп: хрононимы и названия календарных обрядов; наименования предметов и реалий, связанных с календарными обрядами; семейные обряды, их участники, объекты и реалии; мифологическая лексика (наименования мифологических персонажей). Отмечается, что помимо заимствований из фриульского и итальянского языков, встречаются и немецкие заимствования, а термины из романских языков зачастую функционируют параллельно со словенскими. В четвертой главе представлена сводная таблица анализируемых заимствований. Завершает первую часть монографии пятая глава «*Деятельность организации “Итальянский союз” в Хорватии и Словении. Историческая и структурно-географическая*

характеристика» (А. А. Пивоваренко), в которой представлена проблематика итальянского национального меньшинства в Истрии с точки зрения исторического развития и этно-демографической перспективы. Через процесс становления и развития «Итальянского союза», крупнейшей общественной организации итальянского национального меньшинства в Хорватии и Словении, показана история данного сообщества, а также проанализированы региональные структуры этого объединения. «Итальянский союз», возникнув в социалистической Югославии на основе итальянских организаций заключительного периода Второй мировой войны, сумел сохранить структуру при социалистической Югославии, а после ее распада — воспользоваться режимом благоприятствования, возникшим в 1990-е гг. Важную роль в этом отношении играет поддержка, оказываемая со стороны государственных и гуманитарных организаций Италии.

Во второй части публикуются тексты из следующих регионов: Воеводина (Сербия), Славония (Хорватия), Прекмурье (Словения), Истрия (Словения), долины рек Натизоне и Торре провинции Фриули-Венеция-Джулия (Италия), Банат (Румыния). Тексты записаны на итальянском, словенском, венгерском, чешском, украинском, сербском, румынском языках. В некоторых случаях было решено опубликовать тексты на функционально втором для информантов языке (L2): текст на сербском языке, записанный от венгерского информанта; тексты на прекмурском диалекте словенского языка, записанные от венгерского информанта; тексты на румынском языке, записанные от чешских информантов.

Нарративы для публикации подбирались по следующим темам: традиционная духовная и материальная культура (в том числе были записаны сказки, былички), автобиографические рассказы, языковые анекдоты, рассказы о жизни на пограничье, положение миноритарного сообщества, характеристика языковой биографии, языковая ситуация. Тексты на **итальянском** языке даны в стандартной орфографии; тексты на **украинском** языке (переселенческий поднепровский диалект) приводятся в фонетической записи; **словенские** тексты (диалекты долины Натизоне, долины Торре, прекмурский диалект) представлены в упрощенной записи с опорой на стандартную орфографию и с отражением наиболее характерных фонетических

явлений; **сербские** и **хорватские** тексты даются в стандартной орфографии за исключением отображения некоторых звуков в текстах на сербском как L2; тексты на **чешском** языке даны в упрощенной транскрипции на основе стандартной орфографии; тексты на **румынском** языке приводятся в стандартной орфографии; **венгерские** тексты печатаются в стандартной орфографии, в случаях диалектного характера текста отображаются наиболее характерные фонетические явления. Все публикуемые нарративы переведены на русский язык и снабжены шифром; к ним имеется лексико-тематический указатель.

Авторы выражают благодарность всем информантам за готовность сотрудничать, а также коллегам, которые высказали ценные замечания на этапе подготовки рукописи к публикации.

Монография будет интересна лингвистам, этнографам, фольклористам, историкам и всем, кто интересуется проблематикой национальных миноритарных сообществ в альпийско-паннонском регионе.

Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская

Часть
ПЕРВАЯ

Переключение кода в речи носителей надижского и терского диалектов словенского языка на территории Италии

I. Изучение диалектов долины рек Натизоне (ит. *Natisone*, словен. *Nadiža*, словен. диал. *Nediža*) и Торре (ит. *Torre*, словен. *Ter*) начинается еще в XIX в. Эти говоры, распространенные на самом западе словенской этнической территории, исследовал во время экспедиций И. А. Бодуэн де Куртенэ (Бодуэн де Куртенэ 1904; Vaudouin de Courtenay 1988). Словенский фольклорист М. Матичетов в 1940 г. предпринял экспедицию в Терскую долину, чтобы записать фольклорные материалы (FGT 2022). Позднее они изучались с точки зрения фонетики, морфологии, синтаксиса, а также контактного взаимодействия с окружающими романскими языками (Skubic 1986, 1991, 1997; Zuljan Kumar 2022; Merku 1980; Logar 1983; Špehonja 2012; Ježovnik 2022 и др.). Однако проблематика переключения кода (далее — ПК) в этих диалектах за редким исключением до сих пор подробно не анализировалась, см. например, работу о ПК в народных песнях на итальянско-словенском пограничье (Pisk 2020). Больше внимание уделялось адаптации романизмов, семантическим и синтаксическим калькам. При этом практика перехода с одного языка на другой является довольно распространенной, фиксируется она в том числе и в более ранних диалектных записях, однако детально не поясняется.

Носители надижского (словен. *nadiško narečje*) и терского диалектов (словен. *tersko narečje*), относящихся к приморской диалектной группе словенского языка¹, до недавнего времени имели мало контактов со словенским литературным языком, как и со Словенией в целом, что объясняется историческим развитием данных земель.

¹ К этой группе также относятся резыанский, присочский, бришский, нотраньский, крашский, истрийский диалекты и диалект области Чичария.

Этот край со Средних веков входил в состав Венецианской республики, тогда как большая часть словенской территории принадлежала Габсбургской монархии. С 1866 г. эти земли становятся частью Италии. По свидетельству диалектологов, говоры долин Натизоне и Торре являются одними из самых романизированных среди словенских наречий (Smole 2001). Особое положение словенцы провинции Удине занимают и в рамках словенского сообщества в Италии. В отличие от Триеста и Гориции, двух центров словенского национального меньшинства в Италии, а также Канальской долины, здесь не было школ с преподаванием на словенском языке, эти территории оказались в стороне от формирования словенского национального самосознания в XIX в. Это дало основание утверждать, что на основе этих диалектов сформировались самостоятельные языки². Местные наречия действительно использовались в прошлом и продолжают использоваться в СМИ, богослужении, на них публикуются фольклорные материалы (Tomasetig 2010; Balloch 2018)³. По многим социолингвистическим показателям обсуждаемые диалекты сближаются с резьянским диалектом⁴.

В административном отношении долины рек Натизоне и Торре относятся к провинции Удине, входящей в автономный регион Фриули-Венеция-Джулия. Точными данными по владению языками мы не располагаем, поскольку эти сведения не отражаются в переписях, однако исследование Л. Спиноцци-Монай, проведенное в 1984 г., показало, что в долине Натизоне в целом для 71,5% среднего поколения родным языком является словенский, для 14% – итальянский, 5% — фриульский (см. Baudouin de Courtenay 1988: 43); среди молодого поколения 50% могут говорить по-словенски, 71% понимают словенский, тогда как в Сан-Пьетро-аль-Натизоне эти показатели значительно ниже — 8,16% и 36,7% соответственно. Следует предположить, что на сегодняшний день эти цифры еще скромнее.

² А. Д. Дуличенко выделяет венецианско-словенский микроязык (Дуличенко 1981). Независимый статус надижского диалекта оспаривается словенскими лингвистами (Izjava 2020).

³ В подобных записях тексты проходят редактирование и не в полной мере отражают живую речь.

⁴ В настоящей главе резьянские материалы привлекаются лишь спорадически для фонового сопоставления.

На протяжении XX в. обсуждаемые общины численно сокращались из-за оттока трудоспособного населения в другие регионы Италии и за границу (прежде всего в Бельгию, Францию, Германию, Аргентину) (Kalc 1997). Первая школа на словенском языке была учреждена в конце XX в., сейчас это двуязычная школа в Сан-Пьетро-аль-Натизоне, при которой действует детский сад (Mezgec 2017). В Терской долине словенских школ не существует. Находясь в такой ситуации, словенские диалекты подвергаются влиянию соседних романских языков, итальянского и фриульского, в словенской речи широко представлены неадаптированные элементы из этих языков. При этом в речи представителей молодого поколения фактов переключения больше, а зачастую наблюдается и полный переход на итальянский язык при сохранении в лучшем случае возможности понимать сказанное на местном словенском диалекте.

На материале, собранном в экспедициях за 2017–2022 гг. (подробнее об экспедициях см. (Пилипенко, Ясинская 2018; Пилипенко, Ясинская 2023)), будут рассмотрены случаи переключения кода со словенского на итальянский язык⁵. Цель главы — выявить в нарративах факты переключения кода, проанализировать и классифицировать их. Под переключением кода мы подразумеваем «использование билингвами в одном речевом акте единиц, относящихся к разным языковым системам» (Русаков 2004: 66–67). В настоящей главе не будут рассматриваться адаптированные романские элементы, также не будут учитываться неадаптированные одиночные включения, по форме которых невозможно судить о процессах фонетической и морфологической адаптации (о проблеме отнесения одиночных заимствований к фактам переключения кода см. (Морозова, Русаков 2021: 114–115)). Нас будут интересовать предложения и сочетания, сохраняющие внутренние морфологические и синтаксические связи. Думается, что сущность структурного процесса включения одиночных или более пространных неадаптированных фрагментов речи на другом языке едина.

Фактов перехода на фриульский язык нами практически не зафиксировано, если не считать отдельные отсылки информантов к происхождению конкретных лексем (напр., *tavajuč* ‘скатерть’, *komar* ‘по-

⁵ Общий объем расшифрованного корпуса текстов составляет 70 000 словоформ.

витуха’). Однако это не означает, что такого переключения не было в прошлом или что оно спорадически не наблюдается и сейчас. Его отсутствие в нашем корпусе мы связываем с низким статусом фриульского языка, а также с неравномерным распространением знания этого языка среди информантов (у некоторых — только пассивное).

Общий корпус рассмотренных интервью — 30 часов аудио записей из Сан-Пьетро-аль-Натизоне (San Pietro al Natizone), Вернасцо (Vernasacco), Сорценто (Sorzento), Мерсино (Mersino), Клодича (Clodig) (долина Натизоне), Тамориса (Tamoris), Платискиса (Platischis), Лузеверы (Lusevera) (долина Торре). Беседы проводились с людьми старшего и пожилого возраста (от 50 до 92 лет), поскольку у них более высокая языковая компетенция в словенском языке; кроме того, они могли предоставить наиболее компетентные сведения по традиционной духовной и материальной культуре словенцев в исследуемом регионе.

II. Проанализируем тексты на обсуждаемых словенских диалектах, собранные и опубликованные предшественниками и содержащие переключение на фриульский и на итальянский языки. В наших материалах, как отмечено выше, практически не обнаруживается следов ПК на фриульский язык, хотя многие информанты заявляли о том, что активно им владеют, либо по крайней мере понимают. Положение фриульского языка в провинции Удине заметно отличается от положения итальянского языка. Хотя за фриульским признаны официальные права на использование, и в лингвистическом ландшафте населенных пунктов ощутимо его присутствие, он по-прежнему остается языком домашнего общения, но и в этой сфере постепенно вытесняется итальянским (De Cia 2013: 11). До сих пор на проблематику ПК со словенского на фриульский не обращали внимания, существующие немногочисленные работы о языковых контактах двух языков касаются в большей степени лексики и синтаксиса (напр., Skubic 2007; Šekli 2013).

Записи диалектной речи, сделанные И. А. Бодуэном де Куртенэ в долине Торре (1904) и в Резии (1895), демонстрируют, что вставки из фриульского, иногда довольно обширные, широко использовались в речи словенцев. При этом следует отметить, что ПК с резьянского на фриульский в записях, выполненных спустя сто лет Я. Стеенвейком (Steenwijk 1992), фиксируется уже в редких случаях. Произо-

шедшие изменения можно объяснить языковым сдвигом последних 100–150 лет, когда функции итальянского языка значительно расширились. Отход от фриульского наблюдается не только у фриулов, но и у словенцев, проживающих в провинции Удине. С другой стороны, до сих пор для многих словенцев (в особенности для представителей старшего поколения) языковой репертуар выглядит следующим образом: L1 — диалект словенского языка, L2 — итальянский/фриульский, L3 — фриульский/итальянский, L4 — словенский литературный язык (чаще всего пассивное знание). Первоочередность идиомов для L2 и L3 зависит от возраста, языкового окружения и порядка усвоения языков. Перспективным представляется изучение перехода со словенского диалекта на словенский литературный язык, так как он все больше присутствует в общественной жизни словенцев провинции Удине благодаря культурным мероприятиям, школьному образованию, а также связям с соседней Словенией. Приведем высказывание о фриульском языке и собственной языковой компетенции собеседников из Клодича (1.1) и Сан-Пьетро-аль-Натизоне (1.2)⁶.

1.1	<p>Furlánsko, jaz san imiela tetó San Giorgio di Nogaro, tam so γuoríl buj furlánsko, ko midrúz tle, an pa san bla otrók, san sál-do čúla, san se navadla sáma par sebé. An potlé sál-do če príde Furlán, γuorím po furlánsko, če príde Talján, γuorím po taljánsko, če príde naš, če príde Slovénj, poviém po benéško, na po slovénsko, ma γuorím buj po nášin. Če príde Niémac, γuorím po niémško, kar znan, ker se niésan zabíla, zak púno liet, ke na γuorín. An francósko san znála, an zabíla san se⁷.</p>	<p>Фриульский, у меня была тетя в Сан-Джорджо-ди-Ногаро, там говорили больше по-фриульски, чем у нас. И ребенком я всегда слышала, я сама научилась. И потом всегда, если придет фриул, я говорю по-фриульски, если придет итальянец, я говорю по-итальянски, если придет наш, словенец, скажу по-бенечийски, не по-словенски [литературно], больше говорю по-нашему. Если придет немец, я говорю по-немецки, что знаю, что я не забыла, так как я много лет уже не говорю. И французский я знала, но забыла (МП)⁸.</p>
-----	---	--

⁶ О языковой идентичности у словенцев и фриулов см. (Zuljan Kumar 2016).

⁷ Примеры на словенских диалектах из нарративов наших экспедиций приводятся в упрощенной записи с опорой на орфографию литературного языка. Записи на итальянском языке даны в стандартной орфографии. Полуужирным шрифтом выделены фрагменты на итальянском языке. Если не указано иное, курсивом выделяется прямая речь.

⁸ Данные об информантах приведены в конце главы.

1.2	Furlansko san se navadu, kar san začew dielat dolié, k' san fini w tu parvu šuolu. Alora oni te kličeju, Furlani, Lahi, te kličeju Šklaf, ma na liepuo, γarduo. Zok niesan znuw nič po furlansku, ka ne, an oni se na maj navadiju po slovensku, an če boju stuo liet živel, se na maj navadiju, alora dolié za tiedan dva san znuw po laško ku oni.	По-фриульски я выучился, когда я начал работать внизу [зд. Фриульская низменность], когда я закончил первую школу. Они тебя называют, фриулы, <i>лахи</i> , они тебя называют <i>иклаф</i> , но это нехорошо, плохо. Потому что я не знал ничего по-фриульски, и они никогда не выучивают словенский, даже если будут сто лет жить, они никогда не выучат. И внизу я за одну-две недели уже знал по-фриульски, как они (ДК).
-----	--	--

Таб. 1.

Фриульские элементы, состоящие более чем из одной лексемы и проявляющие собственные фонетические, морфологические и синтаксические признаки, в нашем корпусе появляются в нарративах о традиционной культуре, в которых поясняется происхождение отдельных обрядовых действий в культуре фриулов, т. е. речь идет о культурных реалиях. Ниже приведем высказывание собеседника из Лузеверы, сочетающее в себе три кода: словенский литературный язык, фриульские элементы и терский диалект:

2.1	Tle je ostala beseda polovin, ker so hodili okoli ognja, in vorili: “ <i>Pan e vin!</i> ” E-e, da njim da kru ano vino, in potem se je to združilo in postalo polovin, ampak je kries.	Здесь сохранилось слово <i>polovin</i> , потому что ходили вокруг костра и говорили: « <i>Pan e vin!</i> » Э, чтобы им дали хлеб и вино. И потом это соединилось и стало <i>polovin</i> , но это [называется] <i>kries</i> (ВЧ).
-----	--	--

Таб. 2.

Здесь мы видим цитированное фриульское выражение, появляется лексема *polovin*, фиксируется она в некоторых говорах Терской долины. Речь идет об обрядовом костре, который жгут на Богоявление 6 января (см. подробнее (Пилипенко, Ясинская 2018a); см. также IV главу данной монографии), ее происхождение связывается с фриульским выражением *pan e vin* ‘хлеб и вино’ (Erat 2008: 550–551).

В терских записях Бодуэна де Куртенэ нам встретились фрагменты ПК с терского диалекта на фриульский⁹. Исследователь стремился

⁹ Примеры приводятся в оригинальной транскрипции И. А. Бодуэна де Куртенэ, как и способы обозначения иноязычных вкраплений. Переводы на русский

точно передать устную речь своих собеседников, в его публикациях переход на другие языки визуально маркирован другим шрифтом. В опубликованных материалах имеются свидетельства о языковой ситуации конца XIX — начала XX в., в том числе и о начавшемся языковом сдвиге с фриульского на итальянский язык:

3.1	Mí-zledúamo <i>nóme sín-děsat pó-slovijski; azát to-wljěže tùw-láški, pér furlán, per-furlán per-plúj</i> (Бодуэн де Куртенэ 1904: 120).	Мы считаем только до десяти по-словенски, загѣм это переходит в фурланский, по-фурлански большею частью.
3.2	Pojemó <i>per-latiń</i> (Бодуэн де Куртенэ 1904: 98).	Молимся по-латыни.
3.3	Èңе nu-ǰé mjéte nè-kuj láško, <i>ma šò ta-ljãñ, añ otrocé nu-znájo l'iwšò taljãñ, kuj láškə</i> (Бодуэн де Куртенэ 1904: 34).	Теперь они хотят имѣть не только по-фурлански, но тоже по-итальянски, и теперь дѣти знают лучше по-итальянски, нежели по-фурлански.
3.4	Èңе tlò tu-nášej-wási nu-učijo <i>sowsə pər-taljãñ, tikaj tów cjerkvə kuj tów-škwołə</i> (Бодуэн де Куртенэ 1904: 34).	Теперь здѣсь в нашей деревнѣ учат все по-итальянски, как в церкви, так и в школѣ.
3.5	Mý zladúwamò mákuj dú du tríst po rozoánski (rozoánskih); <i>dópo to hré po láškə (láškəh)</i> (Бодуэн де Куртенэ 1895: 285).	Мы считаем только до тринадцати на резьянском, далее идет по-фурлански.

Таб. 3.

В высказывании 3.1 собеседник дает характеристику языковой компетенции носителей терского наречия и признает, что при счете свыше десяти происходит переход на фриульский язык (при этом в конце высказывания осуществляется переход на фриульский с функцией дублирования словенского). Похожую ситуацию можно наблюдать сегодня в угасающем истрорумынском языке в Хорватии (Нарумов 2001: 663), в котором составные числительные могут быть гибридными. Об использовании итальянских числительных в надижских говорах см. (Пилипенко 2021), а также подробнее (Таб. 15)¹⁰.

язык также взяты из издания и даны по источнику (Бодуэн де Куртенэ 1904). Переводы примеров в настоящей главе на русский язык из издания (Бодуэн де Куртенэ 1895) сделаны с немецкого языка оригинала.

¹⁰ Многочисленны подобные неадаптированные конструкции в переселенческих славянских говорах в странах Южной Америки (ПМА).

Кроме того, имеются такие же свидетельства из текстов, записанных Бодуэном де Куртенэ в Резии (пример 3.5), в которых присутствует метаязыковой комментарий собеседников по поводу числительных. При упоминании числительного в составе конструкций, выражающих время (дату, час и т. д.), в этих нарративах используется фриульский язык. Славянские конструкции с числительными (в том числе выше десяти) могут идти в одном ряду с фриульскими. Например, в 4.5 дата и месяц выражены на терском диалекте, а год — на фриульском.

4.1	Sàn-sə-stwóru <i>dal-činkwántə-vòt</i> , te-dàn na-svétì-Barnabà, k o-pride <i>aj úndiš di-jonj</i> (-jonj) (Бодуэн де Куртенэ 1904: 139).	Я родился в 1858 г., в день святого Варнавы, одиннадцатого июня.
4.2	Já-maŋ <i>viŋče-sjèt-áj</i> (Бодуэн де Куртенэ 1904: 101).	Мнѣ 27 лет.
4.3	E-mjèw <i>trénta-kwátre-áj</i> (Бодуэн де Куртенэ 1904: 101).	Ему было 34 года.
4.4	An drūyi-dàn <i>aliz-úndiš sò-paršlš s-ka-rěton</i> (Бодуэн де Куртенэ 1904: 73).	И на слѣдующий день в одиннадцать часов приѣхали с тельгой.
4.5	Ànu twólb tš-socedàlo mjësca mājja nadwarèdi-an-trí-mājja ljëtos, <i>mil-nuf-čènt-e-in</i> , ro-powdnè <i>čjérge-o-štègħ</i> ro-powdnè (Бодуэн де Куртенэ 1904, 73).	И это случилось в маѣ мѣсяцѣ двадцать третьяго мая нынѣшняго года, 1901, по полудни около четырех часов по полудни.
4.6	Anu <i>dal sesánta kwátre</i> э-mwòru spèkij riŋt̃ nāzat tow-Viškwòršo (Бодуэн де Куртенэ 1904: 74).	И в 1864 г. он должен был опять вернуться въ Вишкоршу.
4.7	<i>Dal-sédiš, dal-dižesjèt</i> jə-bò no-xùdo-ljèto (Бодуэн де Куртенэ 1904: 43)	В 1816–1817 был скверный год...
4.8	Na- <i>vinfi-ženārja dal-setánte-nūf</i> siŋ-šùw tàot-xiš (Бодуэн де Куртенэ 1904: 7).	Двадцатаго января семьдесят девятого года я отправился из дому.
4.9	Pjócory Holánda má (á má) páterdóu nu štíri líta, ká to só « <i>cinkwánta kwátro áni</i> » po taljánskyp (Бодуэн де Куртенэ 1895: 283).	Петру Голанду 54 года, что по-итальянски будет cinquantaquattro anni.

4.10	To bó <i>due óre</i> (Бодуэн де Куртенэ 1895: 336).	Это будет два часа.
------	---	---------------------

Таб. 4.

В примерах 4.1, 4.4, 4.6, 4.7 помимо числительных заметно присутствие фриульских предлогов, представляющих собой стяженные формы артикля и предлога (напр., форма предлога *di* с определенным артиклем м. р. ед. ч. — *dal* (Нарумов, Сухачев 2001: 380)), т. е. мы наблюдаем включение фриульской предложной конструкции в высказывание на терском диалекте. В 4.8 информант для обозначения даты использует сначала терскую конструкцию (судя по всему, калькированную) с предлогом *na*, а во втором случае — конструкцию с фриульским предлогом *dal*. Помимо предлогов могут употребляться существительные со значением временного интервала — месяца, года (4.1–4.3). Очевидна и некоторая непоследовательность при выборе языка в предложных конструкциях: в 4.1 название месяца подчинено правилам функционирования фриульского языка, так как является составной частью фриульской конструкции, и употребляется после предлога (*di jon*), тогда как в 4.8 фриульское название месяца (*ženàrja*) выступает в адаптированной форме после фриульского числительного. В резьянских примерах засвидетельствована та же ситуация, что и в терском диалекте: при числительных используются слова со значением ‘год’ (4.9), ‘час’ (4.10), в 4.9 дается пояснение уже не на фриульском, а на итальянском, на что обращает внимание сам собеседник Бодуэна де Куртенэ в метаязыковом комментарии.

Цитаты также представляют собой наиболее распространенный случай реализации ПК (примеры из нашего корпуса см. таб. 12). Любопытно, что таким образом иноязычные вставки проникают и в фольклорные жанры, в том числе и в сказки, как в 5.1. Один персонаж наставляет трех героев, что им нужно отвечать в определенных ситуациях. Его высказывание можно отнести к цитате с частичным воспроизведением фриульских элементов. Показательно еще и то, что в приведенном фрагменте только третье фриульское высказывание *per dífíř-tréj* дается с переводом *za-wsé-trî*. В других же фрагментах сказки эти три фриульских клише могут частично заменяться на словенские, либо оставаться без изменений.

5.1	<i>E ví dān mate-rejê “pér-formádi”, è te-drúv mate-rejê “pér režón”, è te-drúv máte-rejê “per dufiš-tréj”, za-wsé-trî</i> (Бодуэн де Куртенэ 1904: 109).	А вы должны сказать, один (а тогда один из вас должен сказать) <i>«per formadi»</i> (за сыр), другой должен сказать <i>«per režon»</i> (справедливо), а третий должен сказать <i>«per dutjis trej»</i> , «для всех троих».
5.2	Аџ je-bъw-zapîsù-yòr: “ <i>dom Pjêro čénčэ pensjêro</i> ” (Бодуэн де Куртенэ 1904: 3).	И написал на ней: « <i>don Piero senza pensiero</i> » (отец Петр без думы, т. е. без забот).
5.3	<i>Jäst-seŋ-jāv, de mèn den-kîlo ušī. Alora me-je-poslù: “andâte-avánti, ke non-vi-fáčjo la-vizita, portáтели a káza-vòstra”</i> (Бодуэн де Куртенэ 1904: 8).	Я сказал, что у меня два килограмма вшей. Тогда он меня послал (прогнал): ступайте, ибо я не стану вас обыскивать, несите их (т. е. вшей) домой».

Таб. 5.

Что касается цитат в 5.2–5.3, то здесь заметно влияние итальянского языка. В 5.2 также видим включение иноязычного элемента в сказку. Пример 5.3 является биографическим рассказом, итальянское высказывание иллюстрирует речь итальянского чиновника на итальянско-австрийской границе. Итальянский язык используется, поскольку воспроизводится диалог с государственным служащим, который использует этот язык в официальной коммуникативной ситуации. Цитатные комплексы оформляются по стандартным правилам, после глагола речи *rejê*, в 5.2 используется глагол со значением ‘писать’, *je-bъw-zapîsù-yòr*, так как речь идет о письменной фиксации.

В материалах М. Матичетова, записанных в 1940 г. в Терской долине, находим несколько фактов ПК на итальянский в фольклорных текстах, в данном случае — в сказке (6.1). Здесь переход со словенского осуществляется в прямой речи главного персонажа, который до этого в повествовании использовал словенский.

6.1	<i>Zàt on ie diau: “Un sêrko, una galína, un pòrko, un kaválo, una fêmena mórta, ke víva, ke mi pòrta”</i> (FGT 2022: 94–95).	Потом он сказал: «Кукурузный початок, курица, поросенок, лошадь, мертвая женщина, которая живая, которая меня несет».
-----	---	---

Таб. 6.

Как и в наших примерах (см. таб. 12.), переключение кода в материалах Бодуэна де Куртенэ маркируется метаязыковыми высказы-

ваниями, в данном случае — указанием языковой принадлежности в терских (7.1) и в резьянских записях (7.2).

7.1	Ènu òŋ-e-mjèw-xūdo, <i>mál-di-kwàrp</i> po lãškin (Бодуэн де Куртенэ 1904: 88).	[Вдруг] ему сдѣлалось дурно, «mal di kwarp» (mal di corpo) по фурлански.
7.2	Mažcérja = mír náryt <i>čénča málté</i> ; pá roo lãškin “mažcérje” (Бодуэн де Куртенэ 1895: 213).	Maseria — стена, сделанная без известняка, по-фриульски называется maserie.

Таб. 7.

Многочисленны переходы на фриульский в предложных группах (наши примеры см. таб. 18); некоторые из них представляют устоявшиеся выражения (8.2). Присутствуют они и в предыдущих примерах (см. 3.1, 3.2, 3.4, 5.1), а также в группах с числительными (4.1, 4.4, 4.6, 4.7, 4.8).

8.1	Twoó to-ò (-jè) <i>fur-dal</i> -(*-di-*) <i>mùt</i> (Бодуэн де Куртенэ 1904: 125).	Это уж через-чур.
8.2	<i>Invéce</i> to-je wsò <i>pàr-volè-di-djò</i> (*-od-Boá*) (Бодуэн де Куртенэ 1904: 127).	Между тѣм это все по Божьей волѣ.
8.3	Tòw-Fərijùle Lãxi nò-sò-bojè sùšã <i>frà-lis-Madónis</i> (Бодуэн де Куртенэ 1904: 26).	Во Фриулѣ Фурланы боятся засухи к Успенію.

Таб. 8.

Встречаются здесь и названия праздников (8.3), что в конкретном примере может быть обусловлено характером и темой высказывания: собеседник рассказывает о фриульских традициях.

Примеров использования фриульских глаголов при словенских подлежащих ($N_{sl} + V_{fr}$) обнаружено мало. Одним из таких случаев в терском служит (9.1), здесь находим словенское подлежащее и фриульский глагол после отрицательной частицы. С другой стороны, это может быть устоявшаяся заимствованная глагольная форма (о ПК между подлежащим и сказуемым ($N + V$) в наших материалах см. таб. 20, 21, 22). В резьянском встретилось распространенное целевое дополнение глагола *jítèt ... di vižítát sepùlkri di Bèzu Krísto* ‘пойти ... чтобы посетить гроб Иисуса Христа’.

9.1	Tò-nə- <i>torñà-kònt</i> (Бодуэн де Куртенэ 1904: 25).	Не стóит.
9.2	Ánu an sò je obahál dí jìtèt nutar (nutar), Borožolém (nuter w Borožolém), <i>dí vižítát sepùlkri dí Bèzu Kristo</i> , tú, k an je bil poňán Bùh (Бодуэн де Куртенэ 1895: 124).	И он поклялся пойти в Иерусалим, чтобы посетить гроб Иисуса Христа, там, где был погребен он, Бог.

Таб. 9.

Следует отметить фриульские заимствования в нарративах, собранных Я. Стеенвейком. ПК на итальянский язык в этих материалах преобладает.

10.1	Ma ko ni so bili pjàni <u>plui di là che di cà</u> (Steenwijk 1992: 213).	Но когда они были пьяные более там, чем здесь.
10.2	Nu to je prulíwalu <u>a sèlis</u> (Steenwijk 1992: 193).	И затопляло часто.

Таб. 10.

Таким образом, мы можем наблюдать, что еще сто лет назад переход в речи с терского и резьянского на фриульский язык (при постепенном проникновении итальянского) был довольно обычным явлением. Со временем в результате распространения итальянского языка, он оказался вытесненным на периферию. В наших материалах такие случаи являются исключением. Однако в ситуации с молизским хорватским до сих пор фиксируются выражения на местном итальянском диалекте, что может объясняться немногочисленностью самой славянской общины, проживающей в итальянском окружении, а также устойчивостью местных итальянских диалектов, напр., *je stala tut la not* ‘она провела всю ночь’, *ona ke rabi cond delo stat* ‘она, которая работает за счет государства’ (Ščukanec, Breu, Vuk 2021: 135).

III. Рассмотрим высказывания из нашего корпуса, когда ПК маркируется самими информантами. Происходит это в том случае, когда собеседники осознают собственную неудовлетворительную компетенцию в родном диалекте. Признаком могут быть различные вербальные и невербальные хезитации, обращение к присутствующим за помощью, констатация незнания проблемной лексики/

выражения (подробнее о маркировании при помощи метаязыковых комментариев см. (Petrović 2009; Пилипенко 2018)).

Как правило, метаязыковому осмыслению подвергаются лексемы и выражения, имеющие признаки иноязычного морфологического и синтаксического оформления: артикль (11.1), сочетания с зависимыми словами (с местоимением (11.2), прилагательным (11.5)).

11.1	<p>СБ. An smo hodil w šolo γu Tapolove Tapolove, smo miel šole, kjer je biw prostor, so miel kajšno, zak ni blo šuole, e, ko e-e-e, ko se porče, e-e-e, lo stabile? ЖГ. Ja ja, stavba. СБ. Ne blo šuole, alora so nardil, zak nas je blo puno otruoκ γu Tapolove¹¹.</p>	<p>СБ. И мы ходили в школу в Тополо́, у нас была школа, где было помеще-ние, было какое-то, потому что не было школы, э, как сказать, lo stabile? ЖГ. Да, да, здание. СБ. Не было школы, тогда построи-ли, потому что нас было много детей в Тополо́ (СБ; ЖГ).</p>
11.2	<p>СБ. Ja, razumem vse! Naše, e-e, ke ve-neto, lombardo, tutti i dialetti, ke vse, ko se dejo dialetti? ЖГ. Je dijalekt. СБ. Ja, zadost zastopan.</p>	<p>СБ. Да, я понимаю все! Наше, э, что венецианский, ломбардский, все диа-лекты, все, как сказать диалекты? ЖГ. Это диалект. СБ. Да, я достаточно понимаю (СБ; ЖГ).</p>
11.3	<p>СБ. Ja! Tist dan pried veliko nocjó je puno, je <i>puno-o</i>, e-e-e, ko se porče? Riti, e-e-e. ЖГ. Ja, beh. СБ. Ci sono dei rituali, zak se žeyna wodá, se žeyna oγinj.</p>	<p>СБ. Да! В тот день перед Пасхой мно-го, много, как сказать? Обряды, э. ЖГ. Да, ну. СБ. Есть ритуалы, потому что освя-щается вода, освящается огонь (СБ; ЖГ).</p>
11.4	<p>U Benečiji smo paržyali kries, to je bla paganska stara, je blo, solstizio, kako se pravi? Od poletja ne, ko-o, em, e, dnevi so se začeli, e-em, skrajšat.</p>	<p>В Бенечии мы зажигали костер, это был языческий старый [обычай], бы-ло, солнцестояние, как сказать? На-чиная с лета, когда, э, дни начали, э, сокращаться (ЛБ).</p>
11.5	<p>Rum se luože-e-e, ja ne vien tud, e-e, frutta secca, frutta secca, ecco! Po slo-vensko ne znam.</p>	<p>Ром добавляется-я-я, не знаю еще, су-хофрукты, сухофрукты, вот! По-сло-венски я не знаю (ММ).</p>
11.6	<p>An na žená je šla, je hodíla runát kwin-trabánd, kuo se die tiste, contrabando come si dice? E hodíla kontrabánd tóla žená.</p>	<p>И одна женщина шла, ходила занима-лась контрабандой, как это говорится, контрабанда как сказать? контрабан-дой занималась та женщина (ЭК).</p>

¹¹ Курсивом в таб. 11 выделены фрагменты метаязыкового высказывания.

11.7	Alóra, e jála nóna, ke e biw puob an čěčá, <i>kuo se die due fidanzati, due?</i>	И так, бабушка говорила, что были парень и девушка, как говорят, двое помолвленных? Двое? (ЭК).
------	--	---

Таб. 11.

В примерах 11.1–11.3 помимо исследователей присутствует местный житель ЖГ, который выполняет роль «проводника», поскольку привел исследователей в дом к информанту. Кроме того, ЖГ владеет помимо местного диалекта словенским литературным языком. Вероятно, это также является причиной, по которой СБ обращается к ЖГ с вопросом, как сказать то или иное слово/выражение. В высказываниях 11.1–11.3, 11.4–11.7 реализуется наиболее частая стратегия маркирования иноязычных вставок — вопрос к исследователям (в 11.5 присутствуют только исследователи) или к другим присутствующим при разговоре лицам. Констатация незнания представлена в 11.5. Собственно метаязыковые маркеры в большинстве случаев словенские (*ko se porče, kuo se die, kako se pravi*), лишь в особых случаях находим эти маркеры на итальянском, как в 11.6 (*come si dice*)¹². В этом случае вопрос ЭК обращен к внуку М, ученику двуязычной школы в Сан-Пьетро-аль-Натизоне, который был приглашен на интервью, чтобы в случае непонимания между собирателями и информантом помочь с переводом. Показательно, что ЭК использует и словенские диалектные аналоги для маркирования иноязычных вставок в той же беседе (11.7). В отдельных высказываниях заметно присутствие словенского литературного языка: в 11.4 ЛБ использует элементы литературного языка, поскольку часто общается с гостями из Словении, кроме того, ЛБ является культурным активистом. Не найдя соответствия, ЛБ дает объяснение (пример 11.4). В 11.5 ММ делает метаязыковой комментарий (констатация незнания) на словенской литературной норме (при этом предшествующее повествование — на терском диалекте), которая ей знакома со времен учебы в Триесте. Следует сказать, что подобные вкрапления с использованием литературной нормы нечасты, поскольку большинство собеседников

¹² Подобные маркеры на итальянском встречаем и в ситуации хорватско-итальянских билингвов: *pisao sam radove za neke druge tečajeve, eh, come si dice, eh, concorsi?* ‘я писал работы для некоторых других курсов, э, как сказать, э, курсы?’ (Županović Filipin, Hlavac, Piasevoli 2021: 341–342).

ей не владеет. Похожие стратегии с использованием метаязыковых комментариев мы находим во многих других языковых ситуациях с участием других языков (ср. напр., Борисов, Пилипенко 2020). Кажется, что это явление универсальное. Пример 11.6 интересен еще потому, что в нем метаязыковой комментарий относится к фриульской лексеме (*cuintraband*), что в нашем корпусе является скорее исключением. ЭК во второй раз совершает автокоррекцию и использует итальянский аналог (*contrabando*) (словен. лит. *tihotapljenje*).

Следующим способом маркирования иноязычных высказываний в речи, при этом весьма частым, является цитирование. Происходит воспроизведение на итальянском языке либо собственной речи, либо речи других лиц. Такие случаи встречаются и в других регионах итальянско-словенского пограничья, см. анализ одного диалога из района Триеста (Пилипенко 2022). Распространены они и в других контактных регионах, что свидетельствует об их универсальном характере: у хорватско-немецких билингов в Германии (Kresić Vukosav, Šimčić 2021: 236), у хорватско-итальянских билингов в Италии (Županović Filipin, Hlavac, Piasevoli 2021: 340–341), а также у сербов в словенском регионе Бела-Крайна (Petrović 2009: 153–158).

12.1	<p>Ke nismo znali, malo talijanskega, ne. Sad za reč en primer, ne. E, je bla učiteljica, ki je miela butiyo, tu blizu vas, prva hiša vasi. An mama j' jala: "<i>Biež po varčice!</i>" Varčica za-a-a, ko jaz povem po talijansko? "<i>Mi ha detto la mamma se mi date un paio di-i-i varčice!</i> Je bla učiteljca: "<i>Ne, biež dami!</i> An reci mame, de te navade, kako se reče po talijansko, in potem te jih dam". Tole je za en primer.</p>	<p>Потому что мы не знали, [мы знали] мало по-итальянски. Сейчас один пример приведу. Была учительница, у которой был магазин, здесь поблизости деревня, первый дом в деревне. И мама сказала: «Беги за веревкой». Веревка для-я, как я скажу по-итальянски? Мне сказала мама, чтобы Вы мне дали пару э-э-э... веревок. Она была учительница: «Нет, беги домой! И скажи маме, пусть тебя научит, как сказать по-итальянски, и потом я тебе их дам». Это для одного примера (КК).</p>
12.2	<p>An nobeden te ne more nič, jes, kar sem šuw, sem djaw: "<i>Sono italiano, però parlo sloveno, italiano, parlo sloveno! Io pertengo all'Italia, ma sono sloveno! Allora, sloveno, allora si za Slovenijo!</i>" He-he, ta, ki se ne razume, če ti diješ enemu tle, se držiš za Slovenijo, za bit Slovenj naš.</p>	<p>И никто тебе ничего не может сделать, когда я шел, я всегда говорил: «Я итальянец, но я говорю по-словенски. Итальянец, говорю по-словенски. Я принадлежу Италии, но я словенец! Ну раз словенец, тогда ты за Словению!» Хе-хе, тот, кто не понимает, если ты скажешь кому-то здесь, что ты за Словению, что ты словенец наш (КК).</p>

12.3	Собиратель. A je dobro, če na dan poroke dežuje? СБ. Е-е, ko se reče u Italiji? Sposa bagnata sposa fortunata!	Собиратель. Хорошо, когда в день свадьбы идет дождь? СБ. Как говорят в Италии? Мокрая невеста — счастливая невеста! (СБ).
12.4	Jo maš čutə dənkrət, te tresie, če jo čuješ. “David, s'n jala, Cantiamo! Non dirme, lascia stare, io non voglio sentire. Ti fa tremare i piedi, perchè, ju je čute ”.	Ты должна ее [песню] услышать однажды, тебя трясет, если ее слышишь. «Давид, сказала я, давай споем! Не говори мне, чтобы я остановилась, я не хочу слышать! От нее у тебя трясутся ноги, потому что ее слышно» (Л).
12.5	Alora wzdyne jo γor an začniju: “ Viva gli sposi! ” A zad začniju piete.	И поднимет [бокал] и начинают: да здравствуют молодожены! А потом начинают петь (Л).
12.6	Ja, še tu je štorja velika! E-e, zad druge dan konjé so miele kitece odpletene, so miele vse-e, a onde, vieš, so šle alora γledat. Konjé so prez kitec. Eko, tuwa je ries! Ma mama mi je nimer pravla, teta Marija, ta k je bla, je jala: “ Guarda, quešto è vero! ” Je jala: “ Non so, non so! ” Oni: “ Abbiamo visto io e tua mamma! ”	Да, тут такая история! Э, на следующий день у коней все косы была расплетены, все было волнами, знаешь, они шли снова посмотреть на коней, но они были без косичек. Вот, это правда! Но мама мне всегда говорила, тетя Мария, которая была, говорила: «Смотри, это правда!» Она говорила: «Не знаю, не знаю!» Она сказала: «Мы видели, я и твоя мама» (ММ).
12.7	Ko jemo, Jezuš Krištuš, dobro jutro, e-e, “ Buon principio dell'anno! ” Tu se ja, po talijansko, koledo, eko, “ Buon principio dell'anno ”, koledo.	Когда мы говорим, Иисус Христос, доброе утро, э, «хорошего начала года!» Тут да, по-итальянски, обходы домов на Новый год, вот, «хорошего начала года», обходы домов на Новый год (ММ).

Таб. 12.

ПК может сопровождаться указанием на иноязычную принадлежность высказывания (*po talijansko*) (12.1, 12.7), либо географической отсылкой (*ko se reče u Italiji*) (12.3), что встречается достаточно редко. Такие цитаты в речи информантов либо приводятся целиком (12.1–12.5), либо разрываются на более короткие сегменты (12.6–12.7), между которыми находим элементы словенского языка. В 12.7 мы наблюдаем не продолжение цитаты, а ее повторение. Практически всегда цитате предшествует глагол говорения и указа-

ние на лицо говорящего (напр., 1 л. ед. ч.: *jaz povem* (12.1), *sem djaw* (12.2), *snjala* (12.4); 3 л. ед. ч.: *teta Marija ... je jala* (12.6); 1 л. мн. ч. *ko jemo* (12.7); безличная конструкция: *ko se reče* (12.3)). В 12.5 присутствует фазовый глагол (*začniju*), а глагол говорения подразумевается. Переход с одного языка на другой в определенных ситуациях совпадает с использованием укоренившихся заимствований в словенском диалекте (как правило, речь идет о дискурсивных маркерах), поэтому точная языковая атрибуция этой границы здесь затруднена, например, в 12.2, где на слове *alora* (ит. *allora*) информант переходит на словенский, или в 12.7, где *eko* (ит. *ecco*) маркирует переход на итальянский язык. В данных случаях можно говорить о размытых границах ПК.

Пример 12.3 интересен тем, что для информанта Италия ассоциируется с итальянским языком и распространенной фразой, воспроизводимой по-итальянски, при этом находящиеся в Италии словенские коммуны противопоставляются остальной территории страны. Словенский аналог итальянского выражения информанты вспомнить не могли. В выбранных примерах итальянские цитаты иллюстрируют использование языка в нарративах о традиционных культурных практиках: в 12.3 и 12.5 речь идет о том, как играли свадьбы, в 12.7 — об обходах домов на Новый год (*koleda*) и произносимых благопожеланиях, в 12.6 — воспроизводится речь рассказчика — комментарий к быличке о том, что рассказчик видел заплетенные косички у коня (подробнее о сюжете см. (Гура 1997: 224–227; Ясинская 2021))¹³. Подобные случаи подтверждают, что и в обрядовые практики словенцев долины Натизоне и Торре постепенно проникает итальянский язык, а в некоторых обрядах начинает проявляться двуязычие¹⁴.

Еще один тип контекстов, где появляются высказывания на итальянском — языковые анекдоты, истории из языковой биографии информантов, которые иллюстрируют неполную языковую компетен-

¹³ Здесь любопытно еще и то, что тетя Мария, чьи слова переданы на итальянском, также словенка и владеет словенским диалектом, однако ее слова приводятся на другом языке, что, возможно, отражает постепенный языковой сдвиг в данном сообществе.

¹⁴ Например, некоторые информанты из деревни Козицца-ди-Сопра сообщали, что во время обходов домов с образом Девы Марии в рождественские дни молитвы могли читать также на итальянском языке.

цию в итальянском языке. В примере 12.1 собеседник рассказывает истории из своего детства, когда у него возникли коммуникативные трудности при общении с учительницей. Данная история отражает языковую ситуацию того периода, когда в школе использовался только итальянский язык, а употребление словенского не одобрялось. В конкретном случае в самой цитате присутствует иноязычный компонент, ее нельзя считать полностью монолингвальной. Такие рассказы широко распространены на пограничьях и у представителей других миноритарных сообществ (Борисов, Пилипенко 2020; Пилипенко 2020).

В протяженных итальянских вставках, содержащих цитаты, не всегда бывает просто определить, где заканчивается сама цитата. Кроме того, в длинных отрывках на L2 не всегда возможно четко определить, когда повествование возвращается с L2 на L1. Так, в 12.4 фраза *ti fa tremare i piedi, perchè ju je čute* может трактоваться как цитата и как продолжение рассказа от лица собеседницы на L1 после цитируемого фрагмента, при этом возвращение на словенский язык происходит в придаточном предложении после итальянского союза *perchè* (см. 27.1). В 12.1 возвращение на словенский обусловлено словенской лексемой *varčice*, являющейся частью именной группы (*un paio di varčice*) и входящей в цитируемый фрагмент. Словенская лексема употреблена в им. п. мн. ч. после итальянского предлога *di*, тогда как согласно словенской норме, ожидаемой в данной позиции, была бы форма род. п. мн. ч.

ПК встречается в случае дублирования, когда высказывание на L1 или L2 предшествует аналогичному высказыванию на L2 или L1 соответственно (словенское аналогичное высказывание выделено подчеркиванием).

13.1	<p>МТ. E, ma va avanti, bene o male va avanti, e-e-e, <u>sviet yre naprej</u>, ne yre nazaj. ДТ. Non veniva, nije, <u>nije parsla tuča</u>. МТ. No, ci hanno dato-o, so nan dal e-e, na roulotte, za iti spat ponoč, čez dan smo bli tu tisti his, a tuk je biw garaž.</p>	<p>МТ. Э, но идет вперед, плохо или хорошо идет вперед, э, мир идет вперед, не идет назад. ДТ. Не приходил, не пришел град. МТ. Нет, нам дали, нам дали э, автотом, для того чтобы спать ночью, днем мы были в этом доме, а тут был гараж (МТ; ДТ).</p>
------	---	---

Таб. 13.

В приведенном диалоге 13.1 участвуют мать (МТ) и дочь (ДТ). Они вспоминают, как переживали последствия землетрясения во Фриули в 1976 г. Реплики МТ и ДТ, обращенные к исследователям и проводнику из местной общины ЖГ, начинаются по-итальянски, после них следуют маркеры хезитации (напр., удлинение конечных гласных) и повторы в словенских конструкциях (напр., конструкция с отрицанием у ДТ). Словенские соответствия при этом идентичны предшествующим итальянским высказываниям (как у ДТ и во второй реплике МТ) либо приводятся с некоторыми модификациями (первая реплика МТ). Если посмотреть на структуру приведенных примеров и границу самого перехода с итальянского языка на словенский (при этом итальянский глагол дублируется по-словенски: *non veniva — nije parsla*), то у ДТ глагол в форме имперфекта с отрицанием — итальянский, а подлежащее — словенское (*non veniva ... tuča*), у МТ во второй реплике глагол итальянский, а прямое дополнение выражено заимствованным из итальянского существительным (*ci hanno dato ... na roulotte*). Подобные формы автокоррекции информантов происходят в присутствии третьих лиц (исследователей), которые, по их мнению, могут не понимать итальянские высказывания. В 13.1 итальянские реплики предшествуют словенским, однако в нашем корпусе встречаются и обратные примеры, например в конструкциях с числительными (см. 15.7 и 15.15). Дублирование при ПК регулярно встречается у билингов, в частности, у молизских хорватов в Италии (Šćukanec, Breu, Vuk 2021: 135), а также при контактах типологически неродственных языков, в частности, при марийско-русском билингвизме (Гаврилова 2012: 57).

ПК может возникать в диалогах не в рамках высказываний одного собеседника, а между репликами участников диалога, когда один последовательно говорит по-словенски, другой — по-итальянски. При этом говорящие понимают друг друга без дополнительных мета-языковых стратегий и комментариев. Приведем пример:

14.1	<p>MT. Ben, oná je hodila w šuoluo yo, zak je biw ankrat špitáw. ДТ. No, no, ero-o, lavoravo già a Tolmezzo! MT. Ne, me parjelo, s' hodila-a-a. ДТ. No-o, lavoravo a Tolmezzo, infatti andavo a sabato e a domenica.</p>	<p>MT. Хорошо, она ходила в школу, потому что была когда-то больница. ДТ. Нет, нет, я была-а, я работала уже в Тольмеццо! MT. Нет, мне казалось, ты ходила-а. ДТ. Нет, я работала в Тольмеццо, на самом деле я ездила в субботу и в воскресенье (MT; ДТ).</p>
------	---	--

Таб. 14.

Данный отрывок интересен тем, что здесь участвуют представители разных поколений одной семьи, мать МТ (83 года) и дочь ДТ (55 лет). Использование языков иллюстрирует постепенный языковой сдвиг у участников диалога. Языковая компетенция ДТ в словенском во время интервью была значительно ниже, чем у МТ, она часто использовала итальянские неадаптированные заимствования, не могла вспомнить словенские лексемы из повседневной сферы общения, у нее отсутствовало согласование в роде и падеже в словенских словоформах. Однако пассивное знание словенского у нее сохранилось, несмотря на то что ее муж — итальянец, с детьми также общается по-итальянски; словенский находится на периферии ее языкового репертуара. Как видно из реплик, ДТ не требуется перевод или пояснения слов МТ, но отвечает она в данном фрагменте (14.1) исключительно по-итальянски. МТ использует здесь исключительно словенский язык. По всей видимости, мы наблюдаем вытеснение словенского языка из общения в данной семье. Мы также были свидетелями общения между МТ и ДТ исключительно по-итальянски. Следует отметить, что общение на словенском с ПК на итальянский возможно только между представителями словенского сообщества; при коммуникации с итальянцами и фриулами такого не происходит, поскольку они, по данным наших полевых исследований, даже проживая среди словенцев, редко активно владеют словенским (см. 1.2). Типологически похожий диалог записан среди представителей венгерского меньшинства в Австрии — двух женщин 30 и 60 лет. Реплики молодой женщины приводятся исключительно на немецком, тогда как венгерские реплики характеризуют речь 60-летней информантки. Подобное переключение кода отражает динамику межгрупповых отношений у разных поколений (Vodó 2005: 254).

В наших материалах задокументировано большое количество случаев перехода со словенского на итальянский при использовании конструкций с числительными (при упоминании дат, времени, чисел, мер весов и т. д.). Переход на итальянский язык, в том числе на местный диалект итальянского при употреблении конструкций с числительными, характерен сегодня для молизских хорватов (Ščukanec, Breu, Vuk 2021: 137). Реализуется ПК в группах с числительными и в других контактных ситуациях, напр., при удмуртско-русском билингвизме (Шаланки, Кондратьева 2019: 383), а также в условиях марийско-русского билингвизма (Гаврилова 2014: 179–180). Рассмотрим подробнее примеры из нашего корпуса:

15.1	Si! Je šlo, že del quara- quaran- osen-inštirdešetęa lieta so začel hodit v Belgio naši fanti.	Да! Ездили, уже с сорок, сорок восемь-мого года начали наши парни ездить в Бельгию [на заработки] (СБ).
15.2	Se zmislın, ke Tapuluova je blizu konfina, ke ne, an del quarantasei quarantacinque so hodil, e-e, partigiani .	Я вспоминаю, что [деревня] Тополо́ находится близко к границе, и с сорок шестого, сорок пятого ходили, э, партизаны (СБ).
15.3	Tu zadnju voltu, ko su prestrojil hišu, je, e, an to že osenstuanosemdeset, mileottocentootanta je, ma, ker je bil potres.	В последний раз, когда перестраивали дом, это уже в [тысяча] восемьсот восьмидесятом, тысяча восемьсот восьмидесятом, когда было землетрясение (ДК).
15.4	Jes san se rodiw, na na, devetandvejest zenarja del quarantaquattro , però moja mat me j' tuole nimar diela, ma jest iman il trenta di gennaio .	Я родился двадцать девятого января сорок четвертого, но моя мать мне всегда говорила, у меня в свидетельстве о рождении записано тридцатое января (ДК).
15.5	Smo bli vsi del quarantaquattro , an, e, tist dan ... nas su šli tenkrat karstit vse kupe.	Мы были все сорок четвертого [года рождения], и в тот день нас шли тогда крестить всех вместе (ДК).
15.6	Potadá je že začelo od, kaj je bilo? Od od milenovecento , tisto je že, pa takoj po tej perve vojské.	Потом началось с, что же было? С тысяча девятьсот, это уже, сразу после этой первой войны (ДК).
15.7	Potem kar je persla Austrija tle, e, lieto dvanajst osemsto, e, mileottocentododici , e, in napravla tud, e, bazo.	Потом, когда пришла Австрия сюда, э, в тысяча восемьсот двенадцатом году, э, тысяча восемьсот двенадцать, э, и сделала также базу (КК).

15.8	Unuo, na quaranta giorni , ka je ascensione , vnebohod, kaj?	Это самое, на сороковой день, когда Вознесение, Вознесение, да? (МБ).
15.9	A kad san peršla tle, is san se puno navadla, san miela vent'anni !	А когда я пришла сюда, я многому научилась, мне было двадцать лет (МТ).
15.10	γo par nas so γa škremál, so naredli trenta percento quaranta percento sicont, si, je bluo buj mizerija.	У нас с молока снимали сливки, делали тридцать процентов, сорок процентов, да, была большая бедность (ВЧ).
15.11	Il cinque maggio je žeyen od vina.	Пятого мая освящают вино (Л).
15.12	Il giorno prima ko svete trije kraje, il cinque gennaio .	Накануне, когда Богоявление [Три короля], пятого января (ПА).
15.13	Il primo novemberja, cielu nuoč so zwonile.	Первого ноября, целую ночь звонили [колокола] (ММ).
15.14	Se zmišljan, kar je peršuw on, je sei mesi naš-s tata γo w Germani, parnesuw čarén kruh.	Я вспоминаю, что он пришел, шесть месяцев наш папа [был] в Германии, он принес черный хлеб (МТ).
15.15	Kar smo prišli pod Taljo, lieta tisoč e-e, devetsto, e-e šestinše- e-e sessantasei , tisoč devetsto šestinšeždeset, in od takrat so začeli naš, e, poitaljančevati.	Когда мы попали под Италию, в тысяча, э, девятьсот, э, шесть э, шестьдесят шестом, тысяча девятьсот шестьдесят шестом, и с того времени нас начали итальянизировать (КК).

Таб. 15.

Конструкции с итальянскими числительными, в зависимости от выражаемого значения, могут включать в себя артикль, предлог (стяженные формы определенного артикля и предлога). Так, предлог *del* (сочетание предлога *di* с определенным артиклем м. р. ед. ч. *il*) находим в примерах 15.1, 15.2, 15.4, 15.5, определенный артикль м. р. ед. ч. *il* — в 15.11, 15.12, 15.13. Однако это правило иногда нарушается — в 15.6 и 15.8 присутствуют словенские предлоги *od* и *na* соответственно; итальянские числительные после них в этих случаях не проявляют признаков словоизменения в соответствии со словенской грамматикой, а остаются в своей начальной форме (об использовании словенских и итальянских предлогов в предложных конструкциях см. таб. 18 и таб. 19). В конструкции с числительными

фиксируются также существительные, обозначающие месяц (с предшествующим предлогом (15.4) или без него (15.11, 15.12, 15.14)), год (15.9), день (15.8), процент от целого числа (15.10) и т. д. Помимо количественных числительных информанты используют и порядковые, напр., в 15.13 (*il_{it} primo_{it} novemberja_{sl}*). Этот случай особо интересен, так как граница ПК проходит между порядковым числительным и существительным, обозначающим месяц, что представляет большую редкость в нашем корпусе. Словенская лексема, обозначающая месяц, употреблена в родительном падеже после конструкции с итальянским порядковым числительным, состоящей из определенного артикля м. р. ед. ч. и собственно числительного в форме м. р. ед. ч. Стратегия дублирования применяется собеседниками в трех случаях: в 15.3, 15.7, 15.15; при этом словенское числительное предшествует итальянскому (частично, как в 15.7). В 15.15 заметны трудности при подборе числительного, что выражается в замедлении темпа речи. Собеседник не произносит целиком год и заканчивает фразу названием десятков и единиц по-итальянски, что в итоге приводит к образованию гибридного числительного (*lieta tisoč ... devetsto ... šestinše- ... sessantasei*), в котором граница перехода проходит внутри самого числительного. В данном случае создается впечатление, что включение итальянского числительного способствовало актуализации словенской формы, помогло информанту произнести впоследствии по-словенски дату целиком. В 15.1 информант производит автокоррекцию: не договорив до конца итальянское числительное, он переходит на словенский язык (в итальянском числительном сначала произносятся десятки, а словенское числительное начинается с единиц). В остальных высказываниях словенского варианта числительного нет. В примерах с числительными из таб. 15 находим также и временные конструкции: напр., в 15.12 (*il giorno primo*) со значением 'накануне'. Примечательно, что в рамках одного высказывания на одну и ту же тему собеседники комбинируют стратегии: в 15.4 собеседник последовательно называет число и месяц на словенском диалекте, а затем год — на итальянском, однако чуть позже другие число и месяц называет по-итальянски. Комбинирование стратегий в одном высказывании свойственно также речи собеседников в других контактных ситуациях, напр., носителям удмуртского языка в России

(Шаланки, Кондратьева 2019: 383), что может свидетельствовать об универсальном характере подобного языкового поведения. Если говорить о контекстах использования итальянских конструкций с числительными при ПК, то они встречаются и в нарративах на темы, связанные с традиционной духовной культурой, напр., при упоминании даты праздника или обрядового действия, как в 15.8 (Вознесение), 15.11 (освящение вина), 15.12 (Богоявление), 15.13 (День Всех святых). Фриульские числительные, широко распространенные в то время, когда Бодуэн де Куртенэ собирал свой материал, нами ни разу не фиксировались (ср. таб. 4), что соответствует общей тенденции вытеснения фриульского языка у словенцев на словенско-итальянском пограничье в провинции Удине с L2 на позиции L3, а также у самих фриулов (с L1 на L2). Нами было отмечено, что итальянские числительные используются словенцами с большей легкостью и быстротой, чем словенские, в особенности, когда речь идет о назывании больших чисел. В частности, при назывании номеров телефонов ПК происходит практически регулярно (в том числе и у словенцев на юге края, в провинциях Триест и Гориция).

IV. Далее рассмотрим ПК в рамках одного предложения. Использование неадаптированных вставок из итальянского языка (сохраняющих внутри себя характерные синтаксические связи), которые провоцируют более пространное ПК, происходит на границе между словенским глаголом и итальянским прямым дополнением¹⁵ ($V_{tr} + (ART_{it/sl} / ADJ_{it/sl}) N_{acc}$).

16.1	Dažela Belgia je dopustila, zak <u>šo miel certificato medico</u> , de tist k' ni muw dielat tu, e-e, tu <u>carbone</u> ... ¹⁶	Государство Бельгия разрешило, потому что у них было медицинское свидетельство, что тот, кто не мог работать [досл. в угле, т.е. в шахте]... (СБ).
16.2	Zok za božič, se j' naredluo, uní, se j' <u>nareduw</u> , per esempio, an <u>albero di Natale</u> .	Потому что на Рождество делали [зд. в значении устанавливали], это, делали, например, и рождественское дерево (ДК).

¹⁵ Похожие случаи у хорватов Италии: *da stavim tutti gli ingredienti* 'чтобы положить все ингредиенты' (Županović Filipin, Hšavač, Piasevoli 2021: 355).

¹⁶ В данной таблице подчеркиванием выделена группа с глаголом и прямым дополнением.

16.3	Druγ dan, ke je bila velika nuoč, si šuw runat auguri di buona Pasqua , an te su dal icé, ke si nesew oγinj γu hišu, tista je bila navada.	На следующий день, когда была Пасха, шли поздравлять с Пасхой, и давали яйцо, несли огонь в дом, такой был обычай (ДК).
16.4	Je puno liet od tuod smu miel an centro vacanze za utruoke, smu naredli una ricerca , smu ušafal suwde talijanske, niemške, francuske.	Уже много лет назад у нас был лагерь для детей на каникулах, мы проводили исследование, мы нашли итальянские деньги, немецкие, французские (ДК).
16.5	Jes nimar dijen, an tele otroké, ki wozen okuole, e-e, jes sam mew nu taku, mla-do-ja, infanzia, e-e, felice , e-e, ku iman reč? Vesela, vesela! Je bluo kar je bluo!	Я всегда говорю, и эти дети, которых я везде вожу, э, у меня была такая молодость, э, счастливая! Как сказать? Веселая, веселая! Чего только не было! (ДК).
16.6	Tu u rinkone so kahal tele, tel kumpirje in kostanje, in tele burje no, an špeh, ki je mel un savôr speciale .	Тут в углу готовили эти, картофель и каштаны, и эти каштаны, и шпек, у которого был особый запах (КК).
16.7	Tle v Italiji nobeden ne uči educazione civica , tle vsak γre po svojem.	Здесь в Италии никто не изучает обществознание, здесь каждый идет своим путем (КК).
16.8	So nardili no no ričerko , ko se more rec tuole, so jal, de more bit, de ble tiste žené.	Мы провели исследование, как можно сказать это, сказали, что должно быть, что были эти женщины (СеБ).
16.9	Lepuo, lepuo, smo-o naredli albero di Natale , an ta smo diel γor oriehe, liešinke, mandarine, karamele.	Хорошо, хорошо, мы установили рождественское дерево, и мы повесили на него орехи, лесные орехи, мандарины, конфеты (МТ).
16.10	Ma nisu runal ku sadá il capannone , pa takuo.	Мы не делали, как сейчас, сарай, и так (МТ).
16.11	Ma je napravuw albero di Natale , an γor je na-a, so ložli kaku karamelu, kak mandarin, mandarino.	И он установил рождественское дерево, и на него повесили какую-то конфету, мандарин (ММ).
16.12	Una specie di teatro dielale .	Что-то вроде театра делали (ММ).
16.13	Smo miel, smo miel ana mikana stufetta elettrica, probabilmente mangiava l'aria, e-e, aperto tutto, le finestre, perchè, per riprendersi, sennò, rimaneremo lì , smo bili ja, atu.	У нас была маленькая печка, электрическая, возможно, она «съедала» воздух, э, все было открыто, окна, потому что, чтобы восстановиться, иначе мы останемся, мы были здесь, да (ДТ).

16.14	Kries <u>pomien</u> pa-a <u>fratellanza fra i popoli</u> .	Крес [огонь на день св. Ивана] означает братство между народами (МП).
-------	--	---

Таб. 16.

Собеседники употребляют в речи итальянские вставки без артикля после переходных словенских глаголов (16.1, 16.7, 16.9, 16.11). Итальянский неопределенный артикль обнаруживается в 16.4 (второй пример), 16.6, 16.12, определенный — в 16.10, при этом в 16.12 фрагменте *una specie di* является клишированным оборотом. Словенский аналог артикля *an* для м. р., (*ana* — для ж. р. (Šrehoŋja 2010: 9, 111) фиксируется перед итальянизмами в 16.2, 16.4 (первый пример), 16.5, 16.8 и 16.13¹⁷. При этом в 16.5 он употреблен в форме вин. п. ж. р. перед местоимением (*ni taku*), которое появляется как результат хезитации; далее следует начальное сочетание по-словенски (*mlado* от *mladuost*, тогда как ожидалось бы существительное с основой *otrok*), после него используется итальянское высказывание (*infanzia felice*). Любопытно, что информант также попытался произвести дублирование: дать словенский аналог для прилагательного (вместо *vesela* ожидалось бы *srečna*). Род словенского прилагательного — женский, что соответствует роду основного существительного как в словенском диалекте Натизоне (*mladuost*), так и в итальянском (*infanzia*). В 16.2 и 16.4 (первый пример) можно предположить, что *an* является эквивалентом союза «и». Во всех этих примерах род словенского артикля не противоречит роду главного слова — итальянского имени существительного. Фрагмент 16.8 выделяется из приведенных тем, что здесь итальянизм (*una ricerca*) подвергается морфологической адаптации (*no ričerko*), принимает окончание *-o*, свойственное существительным ж. р. на *-a* в вин. п. ед. ч. Для сравнения, в 16.4 (второй пример) эта же лексема остается в исходном виде, чему способствует наличие итальянского неопределенного артикля. Между глаголом и прямым дополнением могут вклиниваться и другие члены предложения (напр., *per esempio* в 16.2). Кроме того, итальянское прямое дополнение в предложении может занимать первое место и предшествовать словенскому глаголу, как в 16.12.

¹⁷ Развивается неопределенный артикль и в другой славянско-романской контактной зоне — у моллизских хорватов в Италии (Šćukanec, Breu, Vuk 2021: 163–165).

Высказывания 16.2, 16.3, 16.9, 16.11, 16.14 иллюстрируют использование итальянских вставок в позиции прямого дополнения после словенского глагола в нарративах на темы о традиционной духовной культуре (показательно в этом контексте частое упоминание рождественского дерева (*albero di Natale*)).

Отмечаются и случаи с неоднозначной трактовкой. В 16.6 встречается лексема *savor*, которая может быть истолкована либо как фриульская (*savôr*), либо как устоявшееся заимствование в словенском диалекте (*sauo(a)r*) (Špehonja 2010: 216). Ей предшествует неопределенный артикль м. р. ед. ч. *un*, идентичный по форме в итальянском и фриульском (Нарумов, Сухачев 2001: 380). Однако прилагательное *speciale* используется в итальянской огласовке, ср. фриульскую форму для м. р. ед. ч. — *spiciâl* (Erat 2008: 736). Таким образом, можно предположить использование фриульской лексемы при итальянском прилагательном. С другой стороны, вполне возможно употребление словенской заимствованной лексемы при неопределенном артикле из соседних романских языков, выбор которого может поддерживать наличие схожего артикля и изоморфная конструкция с неопределенным артиклем в словенских говорах долины Натизоне — *an sauo(a)r*.

Следует обратить внимание на пример 16.13, поскольку от всех остальных он отличается довольно продолжительной репликой на итальянском, которая следует после прямого дополнения, в конце реплики информант возвращается к словенскому языку. Интересен он также тем, что здесь ПК происходит не после переходного глагола, а уже внутри именной группы, следующей после переходного глагола: *smo miel*_{v.tr.sl} *ana*_{art.f.nom.sl} *mikana*_{adj.f.nom.sl} *stufetta*_{n.f.it} *elettrica*_{adj.f.it}. Однако словенский артикль и первое прилагательное не проявляют признаков словоизменения, оставаясь в начальной форме им. п. ед. ч. (в отличие от 16.8), т. е. формально ведут себя уже по правилам L2. Артикль и первое прилагательное (*ana mikana*) согласуются по роду с главным словом в именной группе — с итальянским существительным *stufetta*, что может находить дополнительную поддержку в том, что романское заимствование присутствует в местном словенском говоре (ср. *štufa* (Špehonja 2010: 256)), а также в том, что словенский аналог, функционирующий и в говоре, и в литературном языке, тоже женского рода (*peč*). Подобные гибридные конструкции могут сви-

детельствовать об ослаблении языковой компетенции в словенском языке и постепенном распространении тенденции к утрате словоизменения, к разрушению падежной системы¹⁸ (ср. также Пилипенко, Борисов 2024). В нашем корпусе это один из редких примеров, в котором переход осуществляется между существительным и прилагательным (N+ADJ) (о переходе между определяемым и определением в форме причастия см. таб. 23). Такие случаи могут способствовать появлению неизменяемых форм заимствованных одиночных существительных в позиции вин. п. при переходных глаголах, ср. *ylédāt cinema (cinema ‘кино’)*¹⁹ (АТ). Неизменяемые формы существительных, в том числе не заимствованных, могут появляться и в других синтаксических позициях, напр., после предлогов, что отмечено в ситуации хорватско-итальянского билингвизма: *probleme s birokracija* ‘проблемы с бюрократией’, *do osmi razred* ‘до восьмого класса’, *za mala djeca* ‘для маленьких детей’ (Županović Filipin, Hlavac, Piasevoli 2021: 346–347).

Как отмечено выше, пример 16.13 интересен еще и с той точки зрения, что ПК в нем происходит на границе между итальянским существительным и словенским прилагательным (N + ADJ). Приведем похожий пример:

17.1	Potem, ko je pršla-a-a, tretja guerra d'indipendenza , kot pravijo tle, ne, Benetke je šla pod Italijo.	Потом, когда пришла-а, третья война за независимость, как говорят здесь, Венеция отошла Италии (КК).
------	--	--

Таб. 17.

Здесь мы наблюдаем словенское порядковое числительное в роли определения, а имя существительное с зависимым словом — итальянские (*tretja_{sl} guerra_{it} d'indipendenza_{it}*); переход с одного языка на другой происходит внутри именной группы.

¹⁸ Можно также предположить в данном случае им. п. всей именной группы, что отражает неспешный темп речи информанта и особенности актуализации отдельных лексем после паузы. Однако у ДТ в целом отмечается ослабленная языковая компетенция в словенском языке, в корпусе нарративов от ДТ имеются и другие свидетельства редуцирования падежной системы.

¹⁹ Отметим, что в данном случае не проявляет словоизменительных признаков заимствованная лексема, в отличие от словенских лексем в примере 16.13.

Следующий случай, который будет проанализирован — использование итальянской предложной группы в качестве зависимого при имени или глаголе (V+/N + PREP_{it/sl} + N).

18.1	An je dovolila iti, zak so šli col contratto tle u Belgio dielat.	И [Бельгия] разрешила ехать, потому что они ехали с контрактом в Бельгию работать (СБ).
18.2	Kar smo videl, so samo liepé reči, ke ne, ma liepo, pero smo šli s trenen! ȳoz da Mosca San Pietroburgo , se j' ustauvu unkrat treno, dvakrat, so čerešnje predajal.	Все, что мы видели, были только красивые вещи, красиво! Но мы ехали поездом! Из Москвы, Санкт-Петербург, один раз поезд остановился, два раза, продавали черешню (СБ).
18.3	An ȳaspodari su runál hiše da un miliardo! Smo bli boȳát, ka ne.	И владельцы строили дома [стоимостью] по миллиарду [лир]! Мы были богатые (ДК).
18.4	San dobil konkors za dielat, zok san študiraw in provincia .	Я выиграл конкурс на работу, так как я учился в провинции (ДК).
18.5	Su šli po fažine, tu su bli čarvjé della seta , vieš, tist, ki jedó.	И шли за вязанкой хвороста, тут были черви, для шелка, знаешь, те, которые едят (ДК).
18.6	Alora, jas per tradizione o per scherzo , jas kar san se oženuw, san oblekuw nu nje rieč.	И я по традиции или в шутку, когда я женился, я надел одну ее [жены] вещь (ДК).
18.7	Ja, per battesimo , e-e-e, su šle dol.	Да, для крещения [чтобы крестить], э, шли вниз (ДК).
18.8	Vieš káko je, zdi mi se-e, mi se zdi, da ne-e nelle valli Natisono dielajo še.	Знаешь как, мне кажется, мне кажется, что в долине Натизоне делают еще (ММ).
18.9	Ja s'n dala e-e druȳu domandu al e-e a Roma .	Я подала вторую просьбу в Рим (Л).
18.10	Ma še ti dal giudice , ma še ti dall'avocat -.	Но еще ты [идешь] к судье, но еще ты [идешь] к адвокату (Л).
18.11	Je bla di aluminio , vieš.	И была из алюминия, знаешь (ММ).

18.12	Sienca, se ni vidalo, je peršla dalla fessura o od wrat, zat k' je bla težká, col peso je šla or na riebra.	Тень, не было ее видно, она пришла из щели или из двери, потому что она была тяжелая, весом она садилась на ребра (Л).
18.13	An zad se: “ <i>Viva gli sposi!</i> ”, allegria, zad je fešta per tutti .	И потом кричат: «Да здравствуют молодожены!» Веселье, потом праздник для всех (Л).
18.14	Ja! Ja s'n čula direttamente da una mamma , ke me je poviedala.	Да, я слышала напрямую от мамы, которая мне сказала (ММ).

Таб. 18.

В приведенных высказываниях находим следующие итальянские предлоги (в стяженной форме с определенным артиклем или без): *con* (18.1, 18.12), *da* (18.2, 18.3, 18.10, 18.12, 18.14), *in* (18.4, 18.8), *per* (18.6, 18.7, 18.13)²⁰, *a* (18.9), *di* (18.5, 18.11). В рамках одной реплики употребляются итальянские предложные конструкции с другими словенскими предложными конструкциями, напр., в 18.1: *col contratto, u Belgio*, в 18.12: *col peso, na riebra; dalla fessura, od wrat*. В 18.2 мы наблюдаем такое явление как удвоение предлогов: после словенского предлога *voz* следует итальянский аналог *da* (об удвоении показателей см. (Muysken 2000: 104–105; Wilhelm 2017: 67–68; Гаврилова 2012: 57; Борисов, Пилипенко 2021: 62)). В двух высказываниях (18.8, 18.9) заметна хезитация собеседника при начальном произнесении итальянской предложной группы. Перед предложной группой отмечено использование уточняющих (*direttamente*) наречий (18.14). После предложной группы информант возвращается к первоначальному языку. В 18.13 переходе на итальянский в сочетании *per tutti*, возможно, дополнительно способствует укоренившееся замимствование *fešta*.

По всей видимости, практика сосуществования итальянских и словенских конструкций в одном предложении демонстрирует, что языки взаимозаменяемы. Вероятнее всего, актуализируемая в кон-

²⁰ Для итальянского предлога *per* «для» следует также отметить фонетическое сходство с предлогом *per/par* в обсуждаемых диалектах (словен. лит. *pri* ‘у, при’), что, возможно, облегчает его вхождение в систему, даже несмотря на различие в значении.

кредный момент речи итальянская лексема провоцирует использование предлога (при этом главным словом в группе с предлогом помимо специальной лексики может быть и повседневная лексика). Итальянские предлоги употребляются чаще, чем словенские при итальянской неадаптированной именной группе. Ср. примеры:

19.1	<i>γubanca je bila tista, so jo runal, za, za, torta nunziale, mormu rect za takuo.</i>	Губанца ²¹ была эта, её готовили для, для, свадебного торта, мы должны сказать, для этого (Л).
19.2	<i>Tudi svieče, za-a mal di gola.</i>	Также [освещали] свечи от боли в горле (ММ).

Таб. 19.

В данных высказываниях после словенского предлога *za* находим итальянскую именную группу, ПК здесь реализуется в рамках предложной группы после предлога и после некоторой хезитации (повторы словенского предлога, растягивание последнего гласного в предлоге. Предлог *za* в приводимых примерах является аналогом итальянского предлога *per*, использование которого рассматривалось выше (таб. 18). Употребление предлогов с идентичной семантикой при неадаптированных вставках находим, в частности, у албанско-русских билингвов Причерноморья и Приазовья (Морозова 2021: 64–65).

Вставки предложных групп в ситуациях славянско-неславянских контактов обнаруживаем у хорватско-немецких билингвов в Австрии (Šćukanec 2021: 270–271) и молизских хорватов в Италии (Šćukanec, Vreć, Vuk 2021: 135). ПК в предложных группах характерно и для языков разной типологической принадлежности, напр., в речи удмуртских билингвов используются русские предложные конструкции, тогда как для удмуртского языка свойственны послеложные сочетания (Шаланки, Кондратьева 2019: 386).

ПК либо употребление неадаптированных итальянизмов происходит при итальянском подлежащем и словенском глаголе-сказуемом (N + V). К этой группе мы также относим уточнение подлежащего, которое выражается именной группой.

²¹ Обрядовый хлеб.

20.1	An tista vičér <u>je ostála</u> ta par tísti hiš, e-e, l'icona ke ne.	И в этот вечер осталась она [Мария] в том доме, э, икона (СБ).
20.2	Se dene-e em, γrazdouje te suhe, pinjoli, <u>se dene</u> , e-e, biscotti amaretti, liquore , wsake sorte ma, rum, e-e, žγanjé.	Кладется, э, изюм, пиноли, кладется миндальное печенье, ликер, есть разный, ром, э, самогон (СБ).
20.3	Kar smo zmagali fašista, fašizme, in <u>je persla, festa delle liberazione</u> , bi bilo po talijansko.	Когда мы победили фашизм, и пришел праздник освобождения, так по-итальянски (ЛБ).
20.4	Smo <u>šli vičerjat, tutta la famiglia</u> , an ta potle smo šli plesat.	Мы шли ужинать, вся семья, и потом мы шли танцевать (МТ).
20.5	So nardili purton, k' san jala pried, <u>pri-de</u> zdaj, e, štir, e-e, pale, em, tronchi d'albero, piccoli così .	Соорудили «портон» [свадебная арка], как я ранее сказала, и потом идут четыре палки, э, стволы дерева, маленькие такие (СБ).

Таб. 20.

Расположение подлежащего относительно глагола в высказывании (следует сразу или расположено дистантно) никак не сказывается на частотности появления таких типов перехода. Обратим внимание, что и в этом типе ПК обнаруживается метаязыковой комментарий информантов (20.3), характеризующий принадлежность высказывания итальянскому языку (*bi bilo po talijansko*).

Вставки из итальянского языка фиксируются нами в конструкциях с глаголом *быть*. Сами эти конструкции разнообразны по типологии. Здесь присутствуют и бытийные предложения, и конструкции с придаточными целевыми (21.5), и составное сказуемое (21.6). Основой для выделения этой группы является употребление групп, включающих существительное, при глаголе *быть* (N + V(biti)).

21.1	Je praveca tuole, praveca ja, <u>nije-e-e</u> realtà! Non è possibile!	Это сказка, сказка, да, это не-е реальность! Это невозможно! (ММ).
21.2	Žγanjé nije manjkalo, smo lózil žγanjé, nije bluo rum tuole an to drugo, ne, ma <u>j' biló</u> veramente savôr di štruki!	Самогона было достаточно, мы ставили самогон, не было рома или чего другого, но был по-настоящему запах штруклей (МТ).

21.3	Ke zad <u>je-e un procedimento</u> za nardit te-e...	Потом это процедура, чтобы сделать эти... (ММ).
21.4	Ku vieš ti? Na vien, <u>nije biw neanche dən macellaio</u> , ma je biw, su bli dwua, ke su dielali tu dieluo.	Что ты знаешь? Я не знаю, был даже не один мясник, но был, были два, которые выполняли эту работу (ММ).
21.5	San nareduw jest an prodžet za šuole, de <u>bo percorso didattico</u> , ka ne, de se yte.	Я сделал один проект для школ, чтобы был дидактический курс, чтобы шли (ДК).
21.6	Oča je biw, sem zyubuw w vojni, ne, <u>sem biw orfano di guerra</u> , v talijanščini se reče, ne, potem sem šuw v semenišče.	Отец был, я его потерял на войне, я остался сиротой после войны, итальянски так говорят, потом я пошел в семинарию (КК).
21.7	An <u>albero di Natale nije biw</u> nared uon s smricke, je biw nared uon z brenja.	И рождественское дерево не было сделано из ели, оно были сделано из можжевельника (ДК).

Таб. 21.

Такие ПК также провоцируют более продолжительные фрагменты на L2 в последующих предложениях (21.1). Внутренняя структура некоторых весьма необычна. Так, в 21.2 мы наблюдаем, на первый взгляд, итальянскую конструкцию (*veramente savôr di štruki*), лингвистический статус элементов которой трактуется по-разному. Лексема *savor* может относиться к фриульскому языку (Erat 2008: 672), также это романское заимствование фиксируется и в словенском говоре долины Натизоне (*sauo(a)r* (Špehonja 2010: 216)), тогда как итальянское *sapore* здесь не используется (похожий случай с этой лексемой фиксировался в 16.6). Лексема *štruki* приводится в начальной словенской форме, в итальянском распространено наименование *strucchi*. Наречия, благодаря их неизменяемой структуре (*veramente*), могут легко проникать в систему принимающего языка, поэтому их принадлежность к L1 или к L2 также может обсуждаться. Единственный элемент, атрибуция которого в 21.2 не вызывает сомнений, — предлог *di*. Фрагмент 21.4 интересен тем, что в нем между итальянскими неадаптированными лексическими элементами вклинивается словенское числительное (*neanche dən_{sl} macellaio_{it}*).

ПК зарегистрировано нами на границе между словенским подлежащим и итальянским сказуемым ($N_{sl} + V_{it}$). Таких примеров в нашем корпусе совсем мало, встречаются они в долине Торре.

22.1	An otrok nije šuw naprej, nije rastuw, je staw slabo, zak je oná, e-e ciucciava il latte.	И ребенок не развивался, не рос, чувствовал себя плохо, потому что она [мора] сосала молоко (Л).
------	--	--

Таб. 22.

Отметим следующую особенность: в высказывании информанта присутствует «лишний» с формальной точки зрения показатель перфекта — глагол *biti* в 3 л. ед. ч. *je*. Его позиция в предложении соответствует правилу постановки клитик в словенском языке — в придаточном предложении после союза. Однако сам смысловой глагол употреблен на итальянском в форме имперфекта 3 л. ед. ч. (*ciucciava*), а не перфекта (*ha ciucciato*), что более точно передает характер протекания действия, если высказывание совершается на итальянском языке. При этом «реликт» словенского перфекта позволяет предположить, что изначально вся фраза предполагалась без ПК на итальянский, о чем свидетельствует также небольшая хезитация перед самым смысловым глаголом (*e-e*). Следует обратить внимание на то, что словенский и итальянский перфект не изоморфны, а различаются выбором вспомогательного глагола. В данном случае вспомогательный глагол в итальянском — *avere* ‘иметь’, с другими глаголами (возвратными и глаголами состояния) используется глагол *essere* ‘быть’, тогда как в словенском вспомогательный глагол исключительно *biti* ‘быть’. Аналогичные случаи обнаруживаются в речи хорватско-немецких билингвов (Kresić Vukosav, Šimčić 2021: 234): подлежащее и вспомогательный глагол (также от *biti*) выражены на хорватском (L1), тогда как смысловой глагол — на немецком, ср.: (*Nijemci isto su svoj posao haben den ernst genommen* ‘Немцы также свою работу воспринимали серьезно’). Отличие данного примера от 22.1 состоит в том, что глагольное время (перфект) сохранено, вспомогательный глагол (не совпадающий с хорватским — *haben* ‘иметь’) повторен в немецкой части высказывания и дублирует таким образом вспомогательный глагол в хорватской части (*su*), тогда как в нашем высказывании в итальянской части предложения происходит смена

глагольного времени и как результат — изменение структуры предложения. В среде хорватов в Триесте также фиксируется подобный пример: *on je **corretto** greške* ‘он исправлял ошибки’ (Piasevoli 2021: 373–374), вспомогательный глагол и подлежащее хорватские, а причастие смыслового глагола — из итальянского языка. Появлению такой формы мог способствовать также некоторый изоморфизм и фонетическое подобие при образовании перфекта в обоих языках для м. р. ед. ч. Ср. *je corretto (je ispravljao)* — *è (*ha*) *corretto* (если допустить, что вспомогательный глагол может быть *essere*, а не *avere*, как того требуют правила). Отметим только, что здесь речь идет скорее о вставке одиночной формы глагола, а не о полноценном ПК, которое влечет за собой и последующие лексемы на L2 языке.

В следующих примерах отмечен переход со словенского на итальянский между определяемым и определением, которое представлено причастием (N + ADV + PART). Определяемое не всегда бывает выражено формально, как в 23.2: в данном случае речь идет о мифологических персонажах — гномах (*škrati*), информантка рассказывает, как они выглядят и во что одеты. В обоих примерах помимо причастия присутствуют наречия. Итальянское причастие согласовано по роду и числу (м. р. мн. ч.) с определяемыми словами, что происходит автоматически, поскольку в словенском и итальянском род и число у этих слов совпадают (ср. в 23.1 *bambini*, в 23.2 *gnomi*).

23.1	So pravele, de k'r so mieli te male otroké, vieš, appena nati .	Говорили, что у кого были маленькие дети, знаешь, недавно родившиеся (ММ).
23.2	Mai vieš k'r se-e, k'r so ben vestiti, e gilet, giacca , zastopiš ti? To s'n čula.	Ты никогда не знаешь, потому что они хорошо одеты, и жилет, куртка, ты понимаешь? Это я слышала (ММ).

Таб. 23.

ПК отмечено нами в предикате — в составном глагольном сказуемом между глаголами, один из которых словенский, другой — итальянский ($V_{sl} + (da) V_{it} + N_{it}$). Ср. конструкцию (*avere qualcosa da fare* ‘нужно что-то сделать’).

24.1	Ja, ma kako jaz man cognom(e) da fare ?	Как я должна сделать [поменять с итальянской на словенскую] фамилию? (ММ).
------	--	--

Таб. 24.

Уточняющие конструкции с пояснением места, имеющие в своем составе наречие (ADV), приводятся в примере 25.1. Как уже отмечалось выше, вхождение наречий в систему принимающего языка облегчается из-за их неизменяемого характера.

25.1	Je γor ž Žlovenije, qui vicino sul confine , γuori ku midruz, on γuori an po slovensko liepuo.	Он из Словении, здесь рядом с границей, он говорит как мы, он говорит по-словенски хорошо (СБ).
------	---	---

Таб. 25.

Уточняющие конструкции с *come* появляются как самостоятельные вставки из итальянского языка (V/N + *come* + N).

26.1	An san začew dielat, e-e, come garzone , je, dvie liet.	И я начал работать в качестве подмастерья, два года (ДК).
26.2	Vóšta miésca, je devíca Marija Róžinca, na vién, al máta vidrúz? Se klíče takuó, je na velíka velíka fešta, velíka-a e-e, come credenti, come religione . An za tísto parlóžnost se wberé púno rož.	В августе месяце Успение, не знаю, есть ли у вас? Так называется, это большой праздник, большой, э, как верующие, как религия, и для этого случая собирают много цветов (СБ).

Таб. 26.

V. Рассмотрим примеры, когда ПК происходит на границах двух предложений. Оно может реализовываться между главным и придаточным предложением, в сложносочиненных предложениях, а также между самостоятельными предложениями без использования союзов.

27.1	Molit cja po poj, so runal križe, majhane, velike, an so nardil velik križ, perchè quella volta il signore benediva i campi, ecco, allora, facevano le croci piccoli . ²²	[Ходили] молиться на поля, делали кресты, маленькие, большие, и делали большой крест, потому что в этот раз священник освящал поля, и делали маленькие кресты (МТ).
------	---	---

²² В таб. 27 подчеркиванием обозначены союзы.

27.2	Nije biw on, de ya je peštúw, ma era come una mele- maledizione.	Это не был он [дух], кто давил, но это было как проклятье (СБ).
27.3	Saj vieš, da non è possibile!	Ведь ты знаешь, что это невозможно (ММ).
27.4	Če je senca, je ovio che mai!	Если это тень, очевидно, что никогда [это не происходит] (Л).
27.5	A Maria le piace chiacchierare, zatu s'n jala, pujmo k Mariji.	Марии нравится болтать, поэтому я сказала, пойдём к Марии (Л).
27.6	So svetile telé zvezdé an, e-e (?), gli al-beri le coprivano.	Светили эти звезды и деревья их покрывали (ПА).
27.7	An so sli cja e quindi sembravano queste lucette.	И они шли туда и так они были похожи на огоньки [звезды] (ПА).

Таб. 27.

ПК со словенского на итальянский происходит на итальянском союзе в 27.1, 27.2 и 27.7. Однако в высказывании 27.2 определить границы перехода затруднительно, поскольку в самом говоре словенцев Натизоне и Торре, а также в других сопредельных говорах, *ta* является широко распространенным заимствованным союзом (Špehonja 2010: 97). В качестве маркера перехода используются и словенские союзы. В 27.3 после изъяснительного союза *da* следует итальянское высказывание. В 27.5 наблюдаем другую последовательность языков: собеседник начинает реплику на итальянском, а придаточное предложение вводит при помощи словенского союза *zatu*, после которого высказывание продолжается по-словенски. В 27.4 два предложения соединены словенским условным союзом *če*, при этом во втором предложении не все элементы итальянские: используется словенский глагол *biti* в форме третьего лица ед. ч. — *je*. В нашем корпусе встречаются и случаи с двойной трактовкой (когда формально лексическая единица может быть отнесена как к L1, так и к L2), как в примере 27.6, в котором итальянское предложение присоединяется к словенскому при помощи союза *an* (и). Однако не совсем ясен статус последующего растянутого *e-e*, который в этом виде может быть как итальянским аналогом словенского союза, так

и обычным маркером хезитации. Если мы принимаем первую трактовку, тогда мы сталкиваемся с удвоением союзов.

Вставки на итальянском, являющиеся по своей структуре предложениями, часто появляются в словенских высказываниях. Итальянские вставки в приводимых ниже случаях являются дискурсивами и по своим функциям сближаются с дискурсивными словами.

28.1	Ja, ho capito , ma so bli-i, ankrat so se ženili, pa je takuo ustaluo.	Да, я поняла, но были, когда-то женились, и так осталось (Л).
28.2	So ble vse prošnjé, za boýá an za svéto trojico, diciamo così , je buoy an svéta trojica.	Были молитвы к Богу, Святой Троице, скажем так, есть Бог и Святая Троица (СБ).

Таб. 28.

VI. В результате анализа собранных нами материалов установлено, что примеры ПК со словенского на фриульский язык единичны, тогда как в записях столетней давности они преобладали над вставками из итальянского языка, что отражает изменившуюся языковую ситуацию во фриульском сообществе и подтверждает ее проецирование на словенскую общность в Италии.

Рассмотренные в главе примеры ПК можно изобразить схематично в виде таблиц (таб. 29, 30, 31). Предложенная схема классификации строится на комбинированном подходе: с одной стороны, на противопоставлении ПК внутри предложения и на границе между предложениями, с другой стороны, при ее формировании учитывались также прагматические особенности высказывания, недостаток коммуникативной компетенции, а также лексическое значение определенных конструкций. Представленные модели позволяют сделать выводы о границах ПК и частотности самого явления перехода с одного языка на другой. Например, при $N_{sl} + V_{it}$ и $V_{sl} + N_{it}$ первый вариант будет встречаться гораздо реже, чем второй. В высказываниях, содержащих $PREP_{it} + N_{sl}$ или $PREP_{sl} + N_{it}$, второй вариант более редкий. С другой стороны, случаев с $ADJ_{it} + N_{sl}$ зарегистрировано не было. Представляется перспективным выявление и анализ случаев с обратным ПК, а также апробация данной схемы при анализе ПК в других славянско-романских контактных зонах. Особый интерес представляют такие границы ПК, когда фиксиру-

ется «дублирование» показателей (*ȳoz da Mosca*) (18.2), избыточные морфологические элементы (*ona je cucciava il latte*) (22.1), а также утрата словоизменения (*smo miel ana mikana stufetta elettrica*) (16.13), что может свидетельствовать о колебании говорящих при выборе языка и компенсации коммуникативных затруднений подобным образом, а также (в последнем случае) об ослаблении языковой компетенции в L1. Именно данные примеры, отражающие изменения в языке отдельных носителей, позволяют лучше понять механизм речепорождения у двуязычных собеседников, а также предсказать, в каком направлении будет развиваться языковая система при интенсификации языковых контактов, расширении практики ПК и все большем распространении двуязычия в миноритарном словенском сообществе Италии. Были выявлены также некоторые случаи «размытого» ПК, при котором переходный элемент можно отнести к обеим языковым системам (в основном это касается заимствованных и адаптированных в словенских диалектах романизмов, в том числе и служебных слов). Такие элементы служат своеобразными переключателями, на которых происходит переход на другой язык. В силу своего полного или частичного тождества в двух языковых системах они облегчают ПК.

ПК внутри предложения	
словенский	итальянский
V_{ir}	$(ART_{it/sl}/ADJ_{it/sl}) + N_{acc}$
V/N	PREP _{it/sl} + N
N_{nom}	V
V(bit)	N_{nom}
V	N_{nom}
N	ADV + PRCT
ADJ	N
V/N	come + N
V_{modal}	V + N
-----	ADV

Таб. 29.

ПК на границах предложения			
тип предложения	словенский	средство связи	итальянский
Сложноподчиненное предложение	Словенское предложение (главное/придаточное)	CONJ _{it}	Итальянское предложение (главное/придаточное)
	Словенское предложение (главное/придаточное)	CONJ _{sl}	Итальянское предложение (главное/придаточное)
Сложносочиненное предложение	Словенское предложение	CONJ _{sl}	Итальянское предложение
	Словенское предложение	CONJ _{it}	Итальянское предложение
	Словенское предложение	-----	Дискурсивы-предложения
	Словенское предложение	-----	Итальянское предложение

Таб. 30.

Прагматические и коммуникативные особенности	Цитирование
	Смена собеседника
	Маркирование высказываний
	Дублирование
Лексические особенности	Конструкции с числительными

Таб. 31.

ПК из таблиц 29, 30 и таблицы 31 не являются взаимоисключающими. Например, ПК внутри предложений и на границах предложений могут происходить и в рамках цитаций, и при возникновении коммуникативных затруднений и т. д. Важным является и то, что

случаи ПК, рассмотренные в настоящей главе, регулярно встречаются в нарративах на темы о традиционной духовной культуре (в том числе и в сказках, быличках), что свидетельствует о постепенном проникновении романских языков и в эту сферу (наряду с бытовыми повседневными темами) у словенцев в провинции Удине.

Кроме того, в расшифрованных записях для четырех информантов (ДК, ЛБ, МТ, ДТ) были сделаны подсчеты словоформ, относящихся к словенскому и итальянскому языкам. Результаты представлены в таблице 32:

Информант	Длительность интервью	Количество словенских и итальянских словоформ в расшифровке	Количество итальянских словоформ в расшифровке	Процент итальянских словоформ
ЛБ	56:59	6200	20	0,3225%
ДК	1:23:39	10200	76	0,745%
МТ	1:06:07	5850	270	4,61%
ДТ		1657	841	50,75%

Таб. 32.

Для подсчетов были выбраны интервью с количеством расшифрованных словоформ не менее 5000. Учитывались неадаптированные итальянские словоформы (за исключением односложных дискурсивных маркеров) в речи собеседников. Подсчеты показали, что хотя ПК и является повсеместно распространенной практикой, его доля в общем объеме высказываний обычно не превышает 1%. Для ЛБ, владеющей также нормой словенского литературного языка и являющейся культурным активистом, доля итальянских словоформ составляет 0,3225%, что можно связать с некоторой степенью автокоррекции во время интервью с исследователями. Для ДК, более пожилого информанта, доля итальянских словоформ в два раза больше, но все равно не превышает 1%. Иначе обстоит дело с МТ и ДТ, данные по которым мы приводим для сравнения. МТ — более пожилая собеседница, мать ДТ. У ДТ словенский язык является первым, но

в настоящее время он второй по частоте использования и языковая компетенция в нем ниже, чем в итальянском (см. в IV разделе комментариев к примеру 16.13). МТ и ДТ участвуют в одном интервью, межпоколенческий разрыв в уровне использования языков во время интервью отчетливо виден при сопоставлении данных: у МТ доля итальянских словоформ — 4,56% (что больше, чем у предыдущих двух информантов), тогда как у ДТ — чуть более половины всех словоформ — итальянские: — 50,75%. Большую долю итальянских словоформ у МТ можно объяснить тем, что рядом находится ее дочь; во время интервью они обменивались репликами на словенском и — чаще — на итальянском. На этом примере можно проследить, как частотность использования итальянских словоформ зависит от присутствия собеседников с низкой языковой компетенцией, а также как на нее влияют возрастные характеристики.

Список информантов:

- АТ — жен., 65, Сорценти.
- ВЧ — муж., 79, Лузевера.
- ДК — муж., 75, Сан-Пьетро-аль-Натизоне.
- ДТ — жен., 55, Вернассо.
- ЖГ — жен., 72, Мерсо-ди-Сопра.
- КК — муж., 70, Сан-Пьетро-аль-Натизоне.
- Л — жен., 70, Платискис.
- ЛБ — жен., 55, Мерсино.
- М — муж., 14, Таморис.
- МБ — жен., 50, Сан-Пьетро-аль-Натизоне.
- ММ — жен., 92, Платискис.
- МП — жен., 80, Клодич.
- МТ — жен., 83, Вернассо.
- ПА — жен., 45, Платискис.
- СБ — жен., 75, Кросту.
- СеБ — муж., 52, Сан-Пьетро-аль-Натизоне.
- ЭК — жен., 76, Таморис.

Переключение кода в речи венгров, проживающих в южнославянском окружении

I. В главе будут рассмотрены случаи переключения кода (далее — ПК) в устной спонтанной речи венгров, которые проживают среди южнославянских народов за пределами Венгрии: сербов (Воеводина, Сербия), словенцев (Прекмурье, Словения) и хорватов (Славония, Хорватия). Целью главы является выявление смены кода в нарративах представителей венгерских общин указанных регионов, установление закономерности его появления, частотности, границ перехода с одного языка на другой, анализ морфологических и социолингвистических факторов, влияющих на подобное речевое поведение информантов; предстоит также понять, существуют ли ограничения на случаи появления ПК в той или иной ситуации. В ряде примеров анализируются также неадаптированные одиночные вставки²³, в том числе те, которые сохраняют словоизменительные особенности включенного языка (embedded language по терминологии К. Майерс-Скоттон (Myers-Scotton 1993)). Материал для исследования был собран автором в ходе проведения экспедиций в Сербии (2012–2019 гг.), Словении (2012–2014, 2018 гг.) и Хорватии (2019 г.). Общий объем расшифрованного корпуса составляет 250 000 словоформ²⁴. Интервью были записаны по большей части на венгерском языке, однако с венгерскими собеседниками проводились также беседы на сербском, хорватском и словенском языках. Этот материал также включен в рассматриваемые примеры. Основная тематика бесед — биография информантов, деятельность венгерской общины, вопросы затрагивали также сферу духовной и материальной культуры.

²³ Появление неадаптированных одиночных элементов рассматривается нами как типологически близкий по механизму включения случай ПК.

²⁴ Примеры на венгерском, сербском, хорватском и словенском языках приводятся в соответствующей стандартной орфографии с отражением наиболее характерных фонетических явлений (напр., выпадение согласных и удлинение гласных в венгерском: *volt* — *vót* (3 л. ед.ч. прош.вр. от глагола *lenni* 'быть').

Венгры в Сербии, Хорватии и Словении являются национальными меньшинствами. В Сербии они проживают в автономном крае Воеводине на севере страны, в Хорватии они сосредоточены в Восточной и Западной Славонии, а также в Баранье, в Словении компактная область расселения венгров — Прекмурье на северо-востоке. Численность венгерской диаспоры в этих странах разная. Наиболее многочисленна она в Сербии (253899, перепись 2011 г.), далее следуют Хорватия (14048, перепись 2011 г.) и Словения (6243, перепись 2002 г.). Существуют школы с венгерским языком обучения, СМИ, в районах компактного проживания венгров венгерский язык используется в качестве официального наряду с соответствующим славянским языком (напр., в двуязычных общинах Словении: Лендава, Добровник, Ходош, Моравске-Топлице, Шаловци). Однако и в перечисленных регионах проживание венгров не везде компактное: в некоторых районах они составляют большинство (напр., в северной Бачке вдоль границы с Венгрией, в хорватской Баранье), в других являют собой этнический остров среди славянского населения (напр., венгерские общины в области Срем на юге Воеводины, а также венгры в южном Банате).

Контактные особенности венгерского языка в Сербии, Хорватии и Словении активно изучаются в последние тридцать лет. Вышли монографии, представляющие собой классические количественные исследования двуязычных ситуаций, в которых обсуждаются сферы использования венгерского языка у представителей разных поколений венгров, анализируются морфологические и синтаксические особенности, возникшие под влиянием славянских языков, а также диалектные характеристики речи венгров (Göncz 1999; Kolláth 2005; Bernjak 2004; Fancsaly et al. 2016). В отдельных работах изучаются заимствования из сербского, хорватского и словенского языков, их адаптация к фонетической, морфологической и синтаксической системе венгерского языка (Andrić 2018, 2019; Vokor 2001; Пилипенко 2022a; Пилипенко 2022b). Следует отметить усилия коллектива венгерских авторов по составлению словаря венгерского языка за пределами Венгрии, а именно — создание словаря Термини [Termini], куда входит в том числе заимствованная лексика из сербского, хорватского и словенского языков.

Меньшее число работ посвящено речи венгров на славянских языках и влиянию венгерского языка на славянские в ситуации языкового контакта (Zvekić Dušanović 2019; Pilipenko 2016). Проблематика ПК у венгров в южнославянских странах освящается в (Rajslji 2011, 2015), отдельные высказывания с ПК обсуждались в (Пилипенко 2017). В настоящей главе речь венгров, находящихся в контактах с тремя южнославянскими народами, впервые рассматривается в сопоставительном аспекте с акцентом на ПК.

Интерес к ПК в языковых ситуациях с участием венгерского языка обусловлен также тем, что венгерский язык — единственный из уральских, который находится в контакте с языками индоевропейской семьи языков в Центральной Европе: с германскими (немецкой), романскими (румынский), а также — со славянскими языками трех групп: с южнославянскими в Сербии, Хорватии, Словении, с западнославянскими (словацкий в Словакии) и с восточнославянскими (украинский, русский в Закарпатье на Украине). Факты смены кода в языках разной генетической и типологической принадлежности (венгерский язык — агглютинативный) могут выявить специфику этого процесса в подобных языковых ситуациях, например, определить границы этого перехода.

II. Среди наших информантов встречалось венгерско-словенско-хорватское трехязычие, как, напр., в 1.1. В приводимом фрагменте можно наблюдать попеременное использование трех языков. Собеседница, носитель междумурского диалекта хорватского языка, переселилась в Прекмурье еще во времена единой Югославии, вышла замуж за венгра из Лендавы, говорит также на венгерском и словенском. Ее высказывание начинается на хорватском, продолжается на словенском, затем мы видим переход на венгерский язык и снова возврат к словенскому. В хорватской части заметно влияние либо междумурского диалекта хорватского, либо прекмурского диалекта словенского языка (форма род. п. мн. ч. указательного местоимения *teh*). Из-за близости междумурского и прекмурского диалектов трудно сказать, происходит ли на союзе *kak* кодовое переключение с одного диалекта на другой. Очевидно только, что переход на венгерский реализуется, чтобы проиллюстрировать наличие звука [ö] в венгерских словах, но и затем высказывание продолжается на вен-

герском: когда информант говорит об отсутствии проблем с произнесением звуков (*nekem nem vót problémám vele*). Смена языка с венгерского на словенский осуществляется на границах предложений перед словенским союзом *ker* (см. таб. 11 о границе перехода на стыке предложений с союзами).

1.1	<u>Medimurski dijalekt, to znači da ima puno teh glasova kak mađarščina, ö, é, tak da meni s te strani, mađarsko, mondjuk, örökség vagy ez a ö, nekem nem vót problémám vele, ker to mi v našem dijalektu mamó</u> ²⁵ .	Междумурский диалект, это означает, что есть много таких звуков, как в венгерском, <i>ö, é</i> , так что мне с этой стороны, по-венгерски, скажем, [слово] <i>örökség</i> [наследство], или это <i>ö</i> , у меня не было проблем с ним, потому что у нас это есть в нашем диалекте (XP) ²⁶ .
1.2	<u>Apu beszélt szerbül, horvátul, katonaságba megtanult, csak az nem volt szlovén nyelv, azt mondta, hogy dođi ovamo, még pridi sem.</u>	Папа говорил по-сербски, по-хорватски, он выучил в армии, только это не был словенский язык, он говорил, <i>dođi ovamo</i> [иди сюда] и [по-словенски] <i>pridi sem</i> [иди сюда] (АЦ).

Таб. 1.

Второй случай, где наблюдается взаимодействие трех языков, обнаруживается в речи собеседницы АЦ из Добровника (1.2). Здесь необходимость использовать сербское и словенское высказывание (на литературном языке, а не на прекмурском диалекте) в одном предложении продиктовано целевой установкой и тематикой: собеседница рассказывает о языковой компетенции своего отца, который во времена социалистической Югославии служил в армии, где официальным языком был сербохорватский (ср. 2.6, 9.1). В 1.2 сербская реплика относится к цитации, воспроизводится речь отца собеседницы.

Такие примеры свидетельствуют о возможности включения в единое высказывание нескольких реплик на более чем двух языках, где переключение реализуется как между отдельными предложениями, так и внутри предложений на границе перед союзами.

²⁵ В данных примерах (Таб. 1) подчеркиванием обозначены хорватские высказывания, полужирным — венгерские, курсивом — словенские.

²⁶ Данные об информантах приведены в конце главы.

III. В обсуждаемых ситуациях венгерско-южнославянского языкового контакта ПК происходит с большой частотностью при цитировании. Воспроизводится собственная речь либо речь других собеседников, которые не присутствуют при разговоре.

2.1	<p>Én még bent voltam, és mikor belépett, azt mondta, hogy “Dober dan, Bog daj”²⁷ (2.1.1), az üzletősnő visszafelelt neki, hogy “Dober dan, Pista bácsi, želite” (2.1.2). És akkó a bácsi azt mondta, hogy “Ja, za dva dinara mi daj sőréslesztő pa pördas” (2.1.3). Én még néztem, nem értem semmit, még gondoltam, sőréslesztő, azt gondoltam, hogy élesztő, valamit süt talán a felesége, nem. De hogy, mi a pördas, azt még nem tudtam. Na és akkó mikó ment ki, az üzletősnót ismertem, hát: “<i>Mi az a pördas?</i>” (2.1.4). Aszongya paprika.</p>	<p>Я была внутри, и когда он вошел, он сказал: «Добрый день, дай Боже». Продавщица ответила ему: «Добрый день, дядя Пишта, чего изволите?». И тогда дядя [Пишта] сказал: «Да, за два динара дай мне пивные дрожжи и <i>pördas</i>». А я потом посмотрела, я не поняла ничего и подумала, пивные дрожжи, я думала, что дрожжи, что-то будет печь его жена. Но вот что такое <i>pördas</i>, этого я не знала. И когда он вышел, я знала продавщицу [и спросила]: «Что такое <i>pördas</i>?» Как говорится, это паприка (АЦ).</p>
2.2	<p>Én zsír nélkül kérem, hogy “Meni bez masti”, és akkor kérdezte, hogy biztos vagyok. Megsóztam még piros paprikáztam a kenyeret.</p>	<p>Я прошу [хлеб] без жира, что: «Мне без жира», и тогда он спросил, уверена ли я. Я посолила и присыпала хлеб красной паприкой (ММ).</p>
2.3	<p>Van Adorján, Tisza mellett, Hadrianusz névből, de Nadrljan nevet adtak neki, csúnyító, ez a név maradt a titói Jugoszláviában. Viszont hatvanas évek féle a helybeliek kezdeményezték, hogy változtassák, szerbül is hogy legyen más ez a neve, amikor mentek katonának, és “Odakle si? Pa iz Nadrljana! A! Pa ti si nadrljao!”.</p>	<p>Есть село Адорьян, рядом с Тисой, [название происходит] от имени Хадрианус, его прозвали Надрлян, искаженное. И это название осталось при титовской Югославии. А к семидесятым годам местные попросили, чтобы сменили название, чтобы и на сербском было другое название. Когда шли в армию и [там спрашивали]: «Ты откуда? Из Надрляна! А! Так ты сел в лужу» [серб. <i>nadrljati se</i>] (ЛМ).</p>

²⁷ Курсивом в кавычках здесь обозначена прямая речь; полужирным шрифтом выделены фрагменты ПК на славянских языках.

2.4	Ritkán telefonon beszélünk, akkor én sokszor mondom magyarul, ők csak szerbül. Mondom: “ <i>Te csak mondd, samo ti kaži</i> ”, én még értem. Én is mondom vissza nekik. Hát, gyerekkorban sokat itt voltak a faluba nálunk és valamennyire megtanultak az anyjuktól. Az apjuk szerb volt, az anyjuk magyar.	Мы редко говорим по телефону, и тогда я говорю по-венгерски, а они [родственники из Белграда] только по-сербски. Я говорю: «Ты только говори», а я понимаю. И я отвечаю им. В детстве они много времени были у нас в деревне и как-то научились от своих матерей. Их отцы были сербы, а матери венгерки (НН).
2.5	Az Andrej, a fiú pedig, mondom, harmadik negyedikbe, ott, mikor kezdett: “ <i>Aha, madarski razred</i> ”, akkó: “ <i>U-u, én nem tudok magyarul</i> ”, elhanyagolt.	Андрей, сын, в третьем-четвертом [классе], когда началось: «Ага! Венгерский класс!» Тогда: «У-у! я не знаю венгерский», он забросил [язык] (МФ).
2.6	Aztán apu az még szerb, katonaságba azt mesélte, hogy “ <i>Ovo je kazao komandant, ovako moraš stati, onako, Ludvig desno, Ludvig levo</i> ”, mindent.	И потом папа — это уже сербский язык, в армии он рассказывал, что «это сказал командир, так ты должен стоять, вот так, Людвиг направо, Людвиг налево», все это (АЦ).
2.7	Érdekes, gyöjte, ja, az hogy “ <i>Daj mi eno škatlo gyöjtöv</i> ”, az még gyufa, gyufa.	Интересно, спичка, да, это: «Дай мне одну коробку спичек», а это спичка, спичка (АЦ).
2.8	Hát a gyerekek csak szlovén nyelven, az irodalmi nyelvet beszélték az iskolába, de szünetbe tájszólásba beszéltek: “ <i>Ese odi, pa tiü boj, pa ne boš gučala</i> ”.	И дети только на словенском языке, на литературном словенском языке говорили в школе, но на перемене они говорили на местном наречии: « <i>Ese odi</i> [иди сюда], <i>pa tiü boj</i> [веди себя тихо], <i>pa ne boš gučala</i> [ты не будешь говорить]» (АЦ).

Таб. 2.

В нарративах на венгерском языке представлены цитаты на словенском (2.1, 2.7, 2.8) и сербском языках (2.2–2.6). Цитируемые фрагменты вводятся после глаголов речи (*mondani* (2.1, 2.4) ‘говорить’, *visszafelelni* (2.1) ‘отвечать’, *mesélni* (2.6) ‘рассказывать’), фазового глагола (*kezdeni* (2.5) ‘начинать’) и глаголов, выражающих просьбу (*kérni* (2.2) ‘просить’). Глагол может опускаться, в таком случае употребляются союзы, как в 2.3, либо указательное местоимение и союз *hogy* ‘что’ (2.7). Венгерские глаголы в большинстве своем при цитированных фрагментах употреблены в объектном спряжении, зафиксировано только два случая безобъектного спряжения (2.1.2, 2.5).

В первом высказывании АЦ вспоминает сцену из своего детства: воспроизводится диалог между продавщицей (2.1.2) и покупателем (2.1.1, 2.1.3), в котором содержатся венгерские включения. Обращение к покупателю *Pista bácsi* ‘дядя Пишта (Иштван)’ является частью словенского предложения. Как правило, такие формульные обращения довольно часто включаются в речь носителей славянских языков из тех регионов, где венгры и славяне проживают совместно, и являются формой проявления уважения к людям старшего возраста. Во второй реплике покупателя (2.1.3) региональными прекмурско-венгерскими вставками являются две лексемы, разделенные словенским союзом *pa*. История рассказана АЦ с той целью, чтобы продемонстрировать особенности общения в родной деревне (Добровник) и степень смешения венгерского и словенского языков в повседневной коммуникации. Показательно, что две лексемы приводятся в позиции вин. п. ед. ч., но употреблены при этом в своей начальной форме, без венгерского показателя *-t*, подчиняясь таким образом правилам словенского языка. Еще одна реплика в этом высказывании, принадлежащая самой собеседнице (2.1.4), дается уже на венгерском. В 2.2 собеседница также вспоминает сцену из своего детства, когда она была в гостях и попросила на сербском языке, чтобы хлеб не мазали жиром. При этом сербскому высказыванию (*meni bez masti*) предшествует аналогичное по содержанию венгерское (*én zsír nélkül kérem*), т. е. мы наблюдаем дублирование (см. раздел IV данной главы). Ответ второго действующего лица здесь уже дается как косвенная речь и приводится по-венгерски, хотя весь диалог, как следует из логики рассказа, изначально проходил на сербском языке. Высказывание 2.3 содержит цитату на сербском, что призвано продемонстрировать языковую игру и комичность ситуации при назывании топонима — села Адорьян. Село находится на севере Сербии на берегу Тисы и населено преимущественно венграми. В сербском языке название села созвучно глаголу *nadrľjati se* ‘оплошадь, сесть в лужу, опозориться’, что вызывало многочисленные насмешки у носителей сербского языка, а носителям венгерского языка глагол мог быть незнаком из-за недостаточной компетенции в сербском языке у венгров, проживающих в однородных венгерских районах (хотя сам информант затем и добавляет, что местные жители

просили изменить сербское название из-за ассоциации с сербским глаголом). Здесь представлена часть диалога на сербском между новобранцами в армии, даны только реплики, которые не принадлежат уроженцам Адорьяна. Именно для передачи комического эффекта реплики были воспроизведены по-сербски в венгерском нарративе. В 2.4 собеседница из венгерского села рассказывает, как происходит ее общение с родственниками из Белграда. Воспроизводятся ее слова, адресованные родственникам. При этом мы также видим стратегию дублирования. Здесь же мы сталкиваемся с проблемой, как определить, где заканчивается цитата. Заканчивается ли она на сербской реплике, либо последующее предложение также является ее частью? В 2.6 можем наблюдать цитату на сербском языке у собеседницы из Прекмурья, которая рассказывает о языковой биографии своего отца, служившего при Югославии в армии. Интересно, что в сербском высказывании сохраняются особенности экавского произношения (ср. серб. экавское *levo*; иекавское — *ljevo*).

Отметим, что после глаголов, вводящих цитаты, может следовать союз *hogy* (2.1.1, 2.1.2, 2.1.3, 2.2), а перед глаголом — располагаться указательное местоимение в вин. п. ед. ч. — *azt* (2.1.1, 2.1.3), что является особенностью венгерского языка (подробнее см. (Wasserscheidt 2015: 268–270)). Редкое явление видим и в 2.1.1: перед словенской репликой употребляется венгерский определенный артикль, что придает словенским приветствиям адаптированный характер с точки зрения морфологии венгерского языка и таким образом они воспринимаются как цельная группа. В предложениях с союзом *hogy* цитатное переключение пересекается со структурными характеристиками смены кода: таким образом дополнительно маркируется переход на другой язык в зависимых предложениях с венгерским союзом (ср. 11.5). Подобные переключения при цитации с использованием союза *hogy* регистрируются и у венгров в Словакии (Rabec 2012: 137).

Высказывания 2.1, 2.7, 2.8 примечательны тем, что в них реализуется переход не на литературный словенский язык, а на прекмурский диалект, широко распространенный в том числе и среди венгров Прекмурья в качестве L2/L3²⁸. В прекмурских репликах отмечается специфическая лексика, фиксируемая в диалектных словарях, напр.,

²⁸ О языковой ситуации в Прекмурье см. работы (Markoja 2014; PiliPENKO 2014).

в 2.8: *esi odi* ‘иди сюда’ (Novak 1996: 38), *tüü* ‘тихо’ (Ibid.: 161). Включение словенских прекмурских диалектных элементов отражает специфику языковой ситуации и широкое функционирование этого диалекта в наше время. Информант АЦ вводит их в качестве цитаций, чтобы проиллюстрировать распространение этого диалекта в прекмурском обществе, а также продемонстрировать, что в прекмурском диалекте много заимствований из венгерского языка. С этой целью АЦ выбирает истории из собственной языковой биографии.

Смена кода при цитации — весьма распространенная практика у венгров, проживающих вне Венгрии, в частности, в Словакии (Lansztyák, Szabó Mihály 2005: 66–67), в Закарпатье (Csernicskó 2005: 116–117; Márku 2008: 142–143) и США (Fenyvesi 2005: 312).

IV. Стратегия дублирования высказывания, полная или частичная, встречается довольно часто. В следующих примерах находим несколько вариантов ее реализации.

3.1	Azok jó beszélnek magyarul, de nem mondhatom, hogy beszélnek másképp, mint én is, hogy mondanak valamit, amit én nem mondom izt a, nem, nije jednako, ovaj, a jednako razgovaramo, ne znam kako to ²⁹ .	Они хорошо говорят по-венгерски, но я не могу сказать, что они говорят по-другому, нежели я, что они говорят что-то, что я не говорю это, не одинаково, а говорим одинаково, не знаю, как это (МВ).
3.2	Az én mamám, papám Szigötvár körül vótak valahon, soha nem kérdeztem, csak tudom, hogy pusztán étek, és hogy valami gróf, na nekoj grofoviji služili, tak da su oni tamo imali svega. Nisu ničega bili žedni, imali su i svinja i blaga i, i birke, i, mladine, znam, tudom , hogy a mama vitte városba, tojást eladni, annyi vót nekik, hogy nem bírták, hasznáni annyiit.	Моя мама, мой папа, были где-то около Сигетвара, я никогда не спрашивала, только знаю, что они жили в пусте ³⁰ , и что какой-то граф, они служили в поместье, так что у них там было все. Они ни в чем не нуждались, у них была и свинья, и скот, и овцы [гуси] ³¹ , и молодежь, знаю, знаю, что мама носила в город продавать яйца, у них их было столько, что они не могли использовать (МВ).

²⁹ Подчеркиванием выделены венгерские элементы, которые полностью или частично дублируются на славянских языках, полужирным — фрагменты ПК на славянских языках.

³⁰ Часть Среднедунайской низменности на территории современной Венгрии.

³¹ Ср. в воеводинских говорах: *бирка* ‘порода овец с белой головой и с короткой вьющейся шерстью’ (ср. венг. *birka* ‘овца, баран’); *бирка* ‘гуси’ (РСГВ 1: 119).

3.3	Én soha nem számított, ja nikad nisam sebe smatrala velikom Madaricom.	Я никогда себя не считала, я никогда себя не считала «большой» венгеркой (МФ).
-----	---	--

Таб. 3.

В 3.1 переключение наступает после отрицания *net*, за ним следует его частичный аналог *nije*. Мы называем его частичным аналогом, потому что в хорватском ему будет соответствовать в зависимости от синтаксической позиции *ne* (если речь идет об отрицательной частице, напр., при глаголе в наст. вр.) или слитные формы с бытийным глаголом *nisam*, *nisi*, *nije* и т. д., а также слитные формы с глаголом *htjeti* ‘хотеть’: *neću*, *nećeš*, *neće* и т. д. В данном случае нейтральным аналогом в хорватском было бы употребление *ne*, однако информант выбирает отрицательную форму глагола *biti* в 3 л. ед. ч., поскольку в хорватском стандартном языке невозможно использование **ne je* (тогда как в венгерском в бытийных предложениях в 3 л. ед. и мн. ч. наст. вр. не используется глагол *lenni* ‘быть’). В 3.2 переход на хорватский происходит после словосочетания *valami gróf*, употребленного в им. п. ед. ч. Нельзя также быть уверенным, что это сочетание не представляет собой эллиптированную конструкцию (напр. *valami grófi birtokon* ‘в поместье какого-то графа’), поскольку в хорватской части используется конструкция, аналогичная венгерской конструкции с падежом суперессив, а также подчеркивается, что речь идет об имени графа. Это же высказывание представляет собой пример реализации стратегии дублирования в одном речевом акте в двух разных направлениях: сначала с L1 на L2, затем с L2 на L1. Второй раз осуществляется полноценный переход, дублируется хорватский глагол *znam* (*tudom*). В 3.3 переключение также происходит при автокоррекции, собеседница дублирует на сербском языке фрагмент первоначального венгерского высказывания. При этом венгерская фраза здесь может быть признана эллиптированной, поскольку не содержит аналога сербского возвратного местоимения *sebe*, а венгерский глагол употреблен не в том спряжении и лице, которое бы ожидалось в случае использования после него возвратного местоимения *magam* (*nem számítottam magam*)³². Отмечена стратегия

³² Однако употребленная форма может считаться оборванной: ср. *számított* (3 л. ед.ч., безобъектное спряжение) — *számított(am)*.

дублирования в разных контактных ситуациях с участием венгерского языка, в частности, в Закарпатье (Csernicskó 2005: 117), а также у сербов в Венгрии (Wasserscheidt 2015: 54, 169–179).

V. В наших нарративах обнаруживается ПК, связанное с метаязыковым комментированием, которое либо предшествует ПК, либо следует после. Рассмотрим примеры, среди которых встречаются одиночные вставки, словосочетания, а также полноценные предложения.

4.1	Slovenci pa tudi ne napredujejo, ker so v skupini, ki je premočna za njih. Na tem področju bi morali narediti prvi korak, da bi se tudi slovenski otroci vsaj do neke, do nekega, <u>kaj že to szint?</u> ³³	И словенцы тоже не продвигаются в учебе, потому что они в группе [венгерского языка в школе], которая для них сильная. В этой области нужно было бы сделать первый шаг, чтобы словенские дети тоже по крайней мере до некоторой, до некоторого, как это <i>szint</i> [венг. уровень]? (ИН)
4.2	Baš kažem sad, pravim za naručenje, za rođendane, <u>za kako kaže, van az esküvő, ötven éves esküvő.</u>	Я как раз говорю, я делаю на заказ, для дней рождений, для, как... как сказать, есть свадьба, пятьдесят лет свадьбе (СН).
4.3	A nemzeti hírgyűnékségnek a híreit fordítani kell és a szerb nyelv grammatikája és a mondat szerkesztése teljes más mint a magyaré, a szerbben vannak, <u>nem is tudom, hogy hívják, relative rečenice</u> , amikor hozzáteszed <u>onaj koji</u> , tehát a szóhoz hozzá tudsz ragasztani egy tagmondatot.	Нужно переводить новости международных новостных агентств, и грамматика сербского языка и структура предложения совсем другие, чем венгерские, в сербском языке есть, я не знаю, как называют, придаточные предложения, когда ты добавляешь <i>onaj koji</i> [серб. тот кто], т. е. к слову ты можешь присоединить часть предложения (НР).
4.4	Aszongya nem tudtam, mert amikor vannak ez a, e, <u>hogy is mondjam, ez a popis stanovništva</u> , ugye, mi a nacionalom, még volt, hogy kijelentsem, hogy jugoszláv vagyok, addig jelenttem.	Как говорится, я не знала, потому что когда есть э, как сказать, это перепись населения, да, какая у меня национальность, когда было, чтобы можно было заявить, что я югослав, до тех пор я это заявляла (ПР).

³³ Подчеркиванием здесь обозначены метаязыковые комментарии, полужирным шрифтом — случаи перехода на другой язык.

4.5	Itt dolgozom a könyvtár területen, nem könyvtáros vagyok, én karbantartó <u>ilyen</u> ... scenska delatnost azt fordítsam lehet , tehát színvadi tevékenység, épület karbantartás.	Я работаю здесь на территории библиотеки, я не библиотекарь, я по хозяйственной части, такая ... деятельность по сцене, это мне можно перевести, т. е. деятельность по сцене, поддержание здания (БА).
4.6	Szeretem, hogy legyen tiszta, nem akarom, hogy legyen piszkos, <u>látod, ja ne znam dobro mađarski, ja srpski znam.</u>	Я люблю, чтобы было чисто, я не хочу, чтобы было грязно, ты видишь, я не знаю хорошо венгерский, я сербский знаю (ЦН).
4.7	Fánk, <u>tudod, mi fánk?</u> Krofne. U rerni pečem, kad pravimo, i to ti dođe kao krofni.	Пончик, ты знаешь, что такое пончик? Пончики. В духовке я запекаю, когда мы делаем, и выходят как пончики (ЦА).

Таб. 4.

Метаязыковыми маркерами снабжаются случаи перехода как со славянских языков на венгерский (4.1, 4.2), так и переход с венгерского языка на славянские (4.3–4.7). Информант ЙН из Лендавы в Словении, венгр, рассказывает по-словенски о системе двуязычного образования в школе. Из-за сложности при выборе слов он употребляет одиночную венгерскую лексему, перед которой задан вопрос, обращенный к исследователю (*kaj že to*). Показательно, что до этого мы можем наблюдать хезитацию информанта, выраженную в повторе предлога и неопределенного местоимения: собеседник колеблется в выборе рода согласуемого с главным словом определения в род. п. ед. ч. Первый раз выбрана форма род. п. ед. ч. ж. р. (*neke*) (что соответствует словенскому аналогу, существительное *raven* в словенском — женского рода, при этом оканчивается на согласный), второй раз выбирается форма мужского рода (*nekega*), что формально соотносится с венгерским существительным, оканчивающимся на согласный и воспринимающимся как существительное мужского рода в словенском (*szint*). Либо оно соотносится с формой словенского существительного с исходом на согласный, которая может восприниматься по этому критерию как относящаяся к мужскому роду (*raven*). В примере 4.2 собеседница из села Скореновац рассказывает исследователю о том, что она печет торты на заказ

по разным случаям. Беседа ведется на сербском, но из-за коммуникативных трудностей (сербским языком она в повседневном общении пользуется редко) рассказчица переходит на венгерский язык: используется вопросительная конструкция *kako kaže* без возвратного местоимения *se* (ср. также похожие случаи у венгров в Словакии с использованием идентичных по значению словацких маркеров: *ako sa povie* ‘как сказать’ (Rabec 2012: 142), а также аналогичные случаи у венгров в румынском Банате (Laihonen 2008: 686)). В 4.3, 4.4, 4.5 маркируются коммуникативные затруднения перед сербскими словосочетаниями: констатируется незнание (4.3), появляются также паузы (4.5), дополнительные звуки (4.4); в 4.5 комментарий к сербскому сочетанию *scenska delatnost* следует уже после самого выражения, а не предшествует ему. При этом в комментарии указывается необходимость перевода сербского словосочетания на венгерский язык (*azt fordítsam lehet* ‘это мне можно перевести’). Следует отметить, что сама граница ПК здесь проходит между двумя определениями: венгерским местоимением (*ilyen*) и сербским прилагательным (*scenska*), являющимся частью именной группы (ср. 7.1). Во всех этих примерах речь идет о специальных устоявшихся понятиях, так, в 4.3 — это грамматический термин, поскольку речь идет о сербском языке, информант не может вспомнить венгерский аналог (в этом же высказывании перечисляются сербские местоимения); в 4.5 — актуализируется название должности; в 4.4 — также сталкиваемся с термином. Высказывания 4.6 и 4.7 интересны тем, что они принадлежат цыганам, которые проживают в Адорьяне. Эти цыгане двуязычны, владеют как сербским, так и венгерским языками, кроме того, среди них проживают также носители румынского языка (баныши³⁴), которые таким образом являются трехязычными. В 4.6 метаязыковой комментарий относится не к какой-то конкретной лексеме, а в целом к собственной коммуникативной компетенции. При этом здесь само ПК на сербский язык можно рассматривать и как часть метаязыкового комментария. В 4.7 информант объясняет значение венгерской лексемы (*fánk*) через смену языкового кода: дано сербское соответствие венгерской лексемы (*krofne*).

³⁴ См. подробнее (Sikimić (ur.) 2005).

VI. В данном разделе будут рассмотрены случаи ПК внутри предложения. Ниже анализируется переключение в именном предикате при венгерском подлежащем. В предикате могут также использоваться формы глагола-связки.

5.1	Lendván viszont nem használják nagyon, Lendván <u>nem güćijo</u> , hanem <u>govorijo</u> , Muraszombat vagy Goricskón dialektusban beszélnek, viszont a lendvaiak nem.	В Лендаве прекурский диалект не особо используют, в Лендаве не <i>güćijo</i> [словен. прек. 'говорят'], а <i>govorijo</i> [словен. лит. 'говорят']. В Мурска-Соботе или в области Горичко говорят на диалекте, а жители Лендавы нет (НУ).
5.2	Majd igen, ez <u>nem, nisu, nije ti naučni rad, nego ono, kad tvoje mišljenje</u> , a környezet még a papa, mennyire beszélnek most magyarul.	И потом, это не, не научная работа, а то, когда [говорят по-венгерски], [какое] твое мнение, [какая] среда и [как говорит] папа, насколько они сейчас говорят по-венгерски (МФ).
5.3	A mi falunk első helyen Vajdaságba, tisztaság még a tájház, <u>mink vagyunk najjači</u> , mint szoktak mondani, <u>mi smo najjači</u> , az is van prospektusba, és akkor kaptuk ezt a boltot, áruljuk.	Наша деревня на первом месте в Воеводине, [здесь] чистота и этно-дом, мы самые сильные, как обычно говорят, мы самые сильные, это есть тоже в буклете, и тогда мы получили этот магазин, мы торгуем (ВД).
5.4	Olyan hogy kérdezték, milyen nyelven beszélünk és mondtam, hogy magyarul, és mondták, na hát, <u>az ő felesége is Madarica</u> , és nem ismerte meg. Most jöttem néhány éve vissza Budapestről.	Такое, что спрашивали, на каком языке мы говорим. И я сказала, что по-венгерски, и они сказали, ну, его жена тоже венгерка, и он не узнал. Я несколько лет назад приехала из Будапешта (АА).
5.5	Van, csinál a Csaba. <u>Az predsednik, za selo predsednik</u> .	Есть, делает Чаба. Это председатель, председатель села (ЦА).
5.6	<u>Az</u> valamikor Jugoszláviának <u>volt dan republike</u> , és mikor akkor volt a disznótor	Это когда-то был день республики Югославии, и тогда забивали свиней (ПР).

Таб. 5.

В 5.1 при невыраженном венгерском подлежащем употребляются одиночные глаголы в грамматической форме, свойственной словенскому языку. Однако контекст употребления этих форм в 5.1 имеет свою специфику, они приведены здесь, чтобы продемонстрировать

исследователю разницу между прекмурским диалектом словенского языка и словенским литературным языком, что выражается в использовании разных глаголов говорения (Novak 1996: 49). Показательно, что все другие глаголы, употребленные этим собеседником в иных контекстах, — венгерские. Кроме того, отрицательная частица, употребленная перед прекмурским глаголом, также венгерская, т. е. формальная граница переключения проходит между отрицанием и глагольной формой. При этом стоит сделать оговорку, что здесь речь не идет о чистом отрицании, а о части составного союза (*nem ... hanem*). Примеры использования чистого венгерского отрицания при заимствованных формах глаголов нами не обнаружены, однако, если принимать во внимание тенденцию к использованию отрицательных форм бытийного глагола только на одном языке (как в 5.2), а также случаи из типологически близких ситуаций языкового контакта³⁵, то можно предположить, что скорее всего при полнозначных глаголах будет использовано отрицание на том же языке, на котором используется и сам глагол. Факты использования словацких глаголов при невыраженном подлежащем в венгерском высказывании отмечены также у венгров Словакии: *aztán_{hu} pride_{sk}* ‘затем придет’ (Rabec 2012: 120), речь идет об информантах с редуцированной языковой компетенцией в L1.

В примере 5.2 заметна хезитация информанта, перечислены три формы отрицания: одна венгерская (*nem*) и две — сербские (*nisu*, *nije*). В сербском колебание затрагивает только число глагольной формы: ед. ч. или мн. ч. глагола *biti* в отрицательной форме. Данный фрагмент можно отнести к дублированию. В этом случае мы наблюдаем выраженное подлежащее (*ez*) при сербском глаголе в отрицательной форме (случаи отдельного использования венгерского отрицания при южнославянском бытийном глаголе нам не встретились), по всей видимости, венгерское отрицание при славянском бытийном глаголе не может быть употреблено из-за невозможности

³⁵ Ср. у марийско-русских билингвов фиксируются одиночные вставки форм глагола с русским отрицанием: *не получилось армейш кодаш* ‘не получилось остаться в армии’, *и не объясня колтат ынде* ‘и увольняют, не объясняя’ (Гаврилова 2014: 180–181). То же самое находим в языке ингерманландских переселенцев в Сибири: *mittäki ne priznali* ‘ничего не признали’ (Сидоркевич 2014: 317–318).

разложить единую отрицательную форму в словенском (*ni*) и сербском/хорватском (*nije*) языках. В 5.3 находим именное сказуемое, выраженное одиночным сербским прилагательным в превосходной степени в мужском роде, им. п. мн. ч. Прилагательному предшествует венгерское подлежащее — личное местоимение 1 л. мн. ч. (показательно — в форме *mink* в отличие от стандартного *mi*), а также венгерский глагол-связка в 1 л. мн. ч., что создает параллелизм с сербской конструкцией (бытийный глагол в венгерском употребляется в 1 и 2 лицах ед. и мн. ч., тогда как в сербском — во всех лицах и числах). Обсуждаемая реплика является лозунгом культурного объединения, позже она повторяется полностью на сербском языке. Подобную конструкцию с личным местоимением в качестве подлежащего, венгерским глаголом-связкой и прилагательным фиксируем и у венгерско-словацких билингвов: *én vagyok_{hu} spokojná_{sk}* ‘я спокойна’ (Rabec 2012: 125). В 5.4 также встречаем одиночную сербскую лексему, которая употреблена в функции именного сказуемого: речь в данном случае идет о существительном ж. р. Подлежащее выражено венгерским существительным с притяжательным аффиксом 3 л. ед. ч., бытийный глагол *lenni* здесь отсутствует, поскольку в этой позиции он в наст. вр. не используется. Таким образом, формально переход к сербской словоформе осуществляется на границе между двумя существительными (о трактовке принадлежности нулевой глагольной связки см. ниже). Вряд ли можно сказать, что использование сербской лексики в этом примере было продиктовано низкой языковой компетенцией собеседницы, скорее всего таким образом она стремилась подчеркнуть национальную принадлежность обсуждаемого лица, а также выразить грамматическими способами отнесенность существительного к женскому роду, что передается в сербском при помощи суффикса *-ic-* и окончания *-a* (и ситуативно реализуется в венгерском при помощи добавления *nő* ‘женщина’). В примере 5.5 переключение, идентичное по структуре предыдущему, происходит уже не в одиночной лексеме, а влечет за собой полноценное повествование на сербском языке. Здесь используется в качестве подлежащего венгерское указательное местоимение, а сербское существительное является частью именного сказуемого. Венгерский бытийный глагол в 3 л. ед. ч. отсутствует. Идентичный

5.5 пример (за исключением использования определенного артикля) фиксируется у венгров в Словакии: *az_{hu} a_{hu} odcudzená_{sk} pravda_{sk}* ‘это украденная правда’ (Rabec 2012: 146), что, по мнению исследователя, происходит из-за недостаточности средств выражения на венгерском у информантов со сниженной языковой компетенцией.

Рассмотрим примеры 5.4, 5.5, а также 9.6 с точки зрения использования глагола-связки в именном сказуемом. В примере 5.5 в качестве подлежащего выступает венгерское указательное местоимение ед. ч., в 5.4 и 9.6 — существительные с притяжательным аффиксом 3 л. ед. ч. (*felesége* ‘его жена’; *apja* ‘его отец’). Везде отсутствует глагол-связка. В сербской фразе предполагалось бы использование формы 3 л. ед. ч. *je* от глагола *biti*, которая является клитикой и которая должна была бы располагаться в начале сербской реплики (напр., в 5.5 *az *je predsednik*). Однако этого не происходит, позиция глагола-связки остается незаполненной. Следует предполагать, что это значимое отсутствие предполагает наличие венгерской связки, поскольку она восстанавливается в тех позициях, где ее использование обязательно (ср. в 5.3 после личного местоимения 1 л. мн. ч.: *mi vagyunk*); восстановление связки в рассматриваемых примерах произошло бы при изменении глагольного времени с настоящего на прошедшее (ср. 5.6) или будущее (ср. в 5.5 *az *volt predsednik*). Следует заключить, что подобное использование глагола *lenni* свойственно не только рассматриваемым примерам, но и фиксируется в других зонах венгерско-славянских контактов, ср. приведенный выше пример *az_{hu} a_{hu} odcudzená_{sk} pravda_{sk}*. Также можно прийти к выводу, что в формах без отрицания будет встречаться венгерский глагол-связка (в тех позициях, где он ожидается), тогда как в отрицательных формах — славянский (при возможном дублировании, как в 5.2).

В 5.6 реализуется венгерский глагол-связка в прош. вр. при выраженном венгерском подлежащем — указательном местоимении. При этом само именное сказуемое чрезвычайно интересно, так как представляет собой именную группу, притяжательную конструкцию, состоящую из венгерской и сербской части: главное слово — сербское (*dan*), зависимые — сербское (*republike*) и венгерское (*Jugoszláviának*). Венгерская часть притяжательной конструкции — существительное в дат. п. — формально отделено от сербской части

венгерским глаголом-связкой в прош. вр. (*volt*). Собеседница ПР производит согласование по венгерской модели в притяжательной конструкции лишь частично: снабжает окончанием дат. п. топоним *Jugoszlávia*, однако не прибавляет признак притяжательности (*-(j)a/-(j)e*) к сочетанию *dan republike*, возможно, опасаясь нагромождения показателей, которые в таком случае следовали бы друг за другом **dan republike*_{gen.f.sg.sr} *-je*_{px.3sg.hu}. Подобных запретов на сочетаемость разных показателей другие контактные ситуации с уральскими языками не дают. Например, в речи марийцев возможны сочетания, которые оформлены одновременно показателями русского и марийского языков, речь идет о русских притяжательных конструкциях с марийскими окончаниями (Гаврилова 2013: 17). В нашем корпусе примеров такого оформления не встретилось.

Отметим, что ПК на полнозначном венгерском глаголе при выраженном сербском подлежащем реализуется у сербов в Венгрии, с той лишь разницей, что для них венгерский — это L2, а сербский — L1: *oni to već_{srb} lerendezték_{hu}* ‘они это уже устроили’ (Wasserscheidt 2015: 184). Здесь обратим внимание на форму объектного спряжения у глагола в прошедшем времени (т. к. в качестве прямого объекта выступает указательное местоимение), а также — на отсутствие вспомогательного глагола — клитики *su* (3 л. мн. ч.) в сербской реплике. Переключение в именном сказуемом (при отсутствии вспомогательного глагола в перфекте) также фиксируется у сербов в Венгрии: *onda bila_{srb} főkönyvelő_{hu}* ‘и она была главным бухгалтером’ (Ibid.: 190).

VII. В качестве обратного случая, когда подлежащее выражено на славянских языках, а глагол — по-венгерски, приведем высказывание 6.1.

6.1	Van hét-hat egyesületük, lényeg, hogy Primorci in Istrani v Prekmurju ilyesféle csináltak egy kis múzeumot Bencén.	Есть семь-шесть их обществ, главное, что приморцы и истрийцы в Прекмурье создали такого рода маленький музей в селе Беница (АЙ).
-----	---	--

Таб. 6.

Информант воспроизводит по-словенски именную группу, состоящую из двух существительных в им. п. мн. ч., соединительно-го союза *in* между ними, а также обстоятельства места — топоним

ма ср. р. в мест. п. с предлогом *v*. Глагол с прямым дополнением приводится по-венгерски. По всей видимости, распространенная именная группа может считаться также цитатой, которая отсылает к наименованию культурных объединений упоминаемой общности. Отметим, что нами не зафиксированы случаи использования славянских однозначных глаголов в высказываниях с выраженным венгерским подлежащим, тогда как обратный пример — всего один, что свидетельствует о нетипичности подобных форм переключения. Такие случаи встречаются только в предложениях с глаголом связкой «быть», выраженной на L1 или L2.

VIII. Переключение осуществляется между определением, выраженным на венгерском, и определяемым, выраженным на славянских языках. В качестве определения могут выступать прилагательные или местоимения (Adj/Pron + N).

7.1	Ez tiszta szlovén falu, <u>ilyen</u> slovenski otok , kjer živijo Slovenci in tri procete madžarske narodnosti , de az idősebb generáció mindenki beszél a magyar nyelvet ³⁶ .	Это чисто словенская деревня, такой словенский остров, где живут словенцы и три процента венгерской национальности, но старшее поколение все говорят по-венгерски (АЦ).
7.2	Mert van itt lent, ez a-a házunk lent, <u>hogyan</u> mondik magyar dom , mađarski dom , és mink oda, most bánom, hogy többet nem mönnünk, mer sokan möghatak má, öregök möghalnak, fiatalok emönnek innen, városba vagy emönnek kilföldre, most már nincs ki többé.	Потому что здесь внизу, э, наш дом внизу, как говорят, венгерский дом, и мы туда [ходим]. Теперь я жалею, что больше мы туда не ходим, потому что многие умерли уже, пожилые умирают, молодые уезжают отсюда, в город или за границу, теперь уже некому (МВ).

Таб. 7.

В примере 7.1 отмечаем ПК и продолжительный фрагмент на словенском языке, который следует после венгерского определительного местоимения. Граница перехода здесь проходит между местоимением *ilyen* и существительным *otok*, однако в самой именной группе присутствует еще одно определение — словенское прилагательное *slovenski*, и с формальной точки зрения мы можем говорить о пе-

³⁶ Подчеркиванием обозначается определение на венгерском языке.

реключении после венгерского местоимения и перед словенским прилагательным в рамках именной группы. Тематически выбор словенского языка здесь обусловлен тем, что повествование идет о словенском селе Кобилье (*Kobilje*), расположенном в Прекмурье среди венгерских поселений. Похожий пример наблюдаем у венгерско-словацких билингов, венгерское местоимение употреблено со словацким прилагательным: *én vagyok olyan_{hu} čudná_{sk}* ‘я такая странная’ (Rabec 2012: 107). В 7.2 мы видим пример одиночной хорватской лексемы при венгерском прилагательном. Интересно, что собеседница повторяет всю именную группу по-хорватски, производит дублирование и автокоррекцию, так как ощущает неуместность подобного перехода. Употребление хорватской лексемы *dom* может быть связано с языковыми трудностями при подборе венгерского слова, хотя речь идет о венгерской культурной организации (*magyar ház*). Возможно также, что переход на хорватский язык мог произойти после использования прилагательного *magyar*, которое имеет общий корень с аналогичным по значению хорватским прилагательным *mađarski*. То же самое прилагательное в позиции определения при существительном наблюдаем у венгров в Словакии: *és magyar_{hu} básničky_{sk} is tudok* ‘я также знаю венгерские стихи’ (Rabec 2012: 125).

IX. В следующем разделе представлены высказывания, в которых ПК происходит в позиции прямого объекта при переходном глаголе. Направление смены кода нам встретилось двустороннее: с венгерского языка на славянские (8.1, 8.4, 8.5) и со славянских языков на венгерский (8.2, 8.3). Отмечаются как распространенные фрагменты перехода (8.1–8.3), так и одиночные вкрапления (8.4, 8.5). Переключения на прямом объекте регистрируются в том числе в речи сербов на территории Венгрии (Wasserscheidt 2015: 196, 211), что подтверждает их частотность в речи информантов.

8.1	Éppen az iskolába beszélgetünk, hogy mindenki nem tudja ³⁷ a povratni osebni zaimek se ne znamo uporabljat.	Мы как раз в школе разговаривали, что не все знают, возвратное личное местоимение <i>se</i> не умеем использовать (УЦ).
-----	---	---

³⁷ Подчеркиванием обозначен переходный глагол.

8.2	Reka, ki loží ta , ezt a két nemzetet.	Река, которая разделяет этот, эти две нации (УЦ).
8.3	Ali treba trideset hiljada da napraviš jednu, da kupiš onaj ügyved, kako , ügyvegyet (sic!) fogadni, hogy azt intézze, de honnan nekem harmincezer dinár?	Но нужно тридцать тысяч [динаров], чтобы сделать одну..., чтобы купить этого адвоката, как, принять адвоката, чтобы он это уладил, но откуда у меня тридцать тысяч динаров? (ЦН)
8.4	Amikor <u>hozzáteszed onaj koji</u> , tehát a szóhoz hozzá tudsz ragasztani egy tagmondatot... a magyarban azt másként kell megoldani.	Когда ты добавляешь <i>onaj koji</i> , т. е. к слову ты можешь добавить придаточное предложение... в венгерском ты по-другому должен это выразить (НР).
8.5	Ott élte át az életét és mikor kapott át-prekomandu , akkor Újvidékre rakták őket.	Там он прожил свою жизнь, и когда получил направление, тогда их отправили в Нови-Сад (МФ).
8.6	A Mura az, ami <u>elválasztja</u> , Muravidék a Prekmurje od Prlekije , és például a szlovén nyelv a belső része ezt nem tudja.	Река Мура отделяет Прекмурье от Прлекии, и например, носители словенского языка, проживающие во внутренней части страны, этого не знают (УЦ).

Таб. 8.

Информант УЦ в 8.1 рассказывает о коммуникативной компетенции венгров в словенском языке и морфологических и синтаксических трудностях, в частности, при использовании возвратных глаголов с частицей *se*. После венгерского переходного глагола *tudni* в объектном спряжении в 3 л. ед. ч. (*tudja*) употреблен определенный артикль *a*, затем следует реплика на словенском. Сочетание *povratni osebni zaimек* воспринимается как единое понятие, перед ним употреблен артикль, но оно никак не оформлено венгерскими аффиксами. Венгерское окончание вин. п. ед. ч. *-t* следовало ожидать у существительного *zaimек*, в этом случае вся именная группа трактовалась бы как адаптированное заимствование (ср. похожие случаи оформления падежным показателем существительного в именной группе у венгерско-словацких билингвов: *modrá knížká-t kapott* ‘получил синюю книжку’³⁸ (Rabec 2012: 115). При этом встречаются случаи

³⁸ В Чехословакии свидетельство о негодности к военной службе.

и без оформления показателем, но с неопределенным артиклем: *hozott_{hu} nekēm_{hu} egy_{hu} krém_{sk} na_{sk} nohy_{sk}* ‘принес мне крем для ног’ (Lanstyák, Szabó Mihály 2005: 70–71). В 8.1 адаптация реализована лишь частично при помощи добавления определенного артикля, что по всей видимости, требовало использования объектного спряжения у глагола. В обсуждаемом примере переход с венгерского на словенский происходит внутри именной группы между венгерским определенным артиклем *a* и словенским прилагательным *povratni*. Вероятно, в конкретный момент сам информант еще не знает, будет ли произведена адаптация всего сочетания при помощи венгерского окончания (он еще находится в «подвешенной позиции»). При такой адаптации граница перехода сдвинулась бы вправо от этой именной группы, но это обстоятельство существенно не отразилось бы на классификации данного случая как ПК в позиции прямого объекта при переходном глаголе. Кроме того, мы не можем точно сказать, связан ли по смыслу венгерский глагол *tudni* и отрицание *nem* со словенским глаголом *uporabljati* (и тогда можно говорить о «разорванном» составном глагольном сказуемом: *nem tudja* <...> *uporabljat* ‘не умеет <...> использовать’), либо венгерский глагол имеет самостоятельное значение ‘знать’, а составное глагольное сказуемое реализуется уже в словенской реплике — *ne znamo uporabljati* ‘мы не умеем использовать’. Можно предположить как дублирующую стратегию с глаголами *tudni*, *znati*, так и самостоятельное их употребление, на что может указывать несовпадение лица у этих глаголов в венгерской части высказывания (3 л. ед. ч.) и в словенской (1 л. мн. ч.). Причиной смены кода является тематика беседы: при упоминании словенских грамматических терминов реализуется ПК. Похожий пример мы обнаруживаем в 8.6: после венгерского глагола в объектном спряжении³⁹ следует группа из словенских топонимов. Перед ними употреблен топоним *Muravidék* в начальной форме, тогда как он используется в позиции прямого объекта и ожидается его оформление при помощи венгерского окончания *-t*. Начальная форма связана, вероятно, с оборванностью фразы и переходом на словенский язык, в словенской реплике этот топоним дублируется (*Prek-*

³⁹ Объектное спряжение подразумевается, если в качестве прямого объекта употреблен топоним (Майтинская 1993: 262).

murje), перед ним употреблен венгерский определенный артикль *a*, который в данной позиции может показаться «лишним», поскольку фраза полностью воспроизводится уже на словенском (отметим, что при венгерском аналоге *Muravidék* артикль отсутствует).

В примере 8.2, записанном от той же собеседницы, что и 8.1, наблюдаем переход уже со словенского на венгерский. Здесь глагол словенский, а прямое дополнение — венгерское. При этом после глагола наблюдаются колебания в выборе формы указательного местоимения: вначале используется словенское местоимение *ta*, омонимичная форма для им. п./вин. п. ед. ч. м. р., им. п./вин. п. мн. ч. с. р. и им. п. ед. ч. ж. р. После словенского местоимения следует венгерское указательное местоимение, оформленное окончанием вин. п., дублирующее предшествующий словенский аналог (*ezt*). Местоимение употреблено в ед. ч., поскольку в венгерском языке после числительных от 2 и более согласуемые слова употребляются в ед. ч.

В примере 8.3 наблюдаем переход с сербского языка на венгерский: глагол употреблен по-сербски, в прямой объект — по-венгерски. Следует отметить, что в именной группе прямого объекта указательное местоимение — сербское, а существительное — венгерское. При этом венгерская лексема не оформлена словоизменительными аффиксами ни венгерского языка (ожидалось бы окончание вин. п. *-t*), ни сербского языка (ожидалось бы окончание м. р. вин. п. ед. ч. *-a*, поскольку речь идет об одушевленном существительном м. р. ед. ч.). Отсутствует словоизменение и у согласуемого с ним определения — указательного сербского местоимения (вместо ожидаемого *onog(a)* используется форма для м. р. ед. ч. им. п. *onaj*). Однако после сербского маркера хезитации (вопросительное слово *kako*) употребляется эта же лексема с окончанием вин. п. при глаголе *fogadni* ‘принять’, что можно трактовать как разновидность дублирования. В 8.4 находим случай, который близок по тематике к фрагменту 8.1. Поскольку речь идет об особенностях сербской грамматики, эти части высказывания воспроизводятся по-сербски. Здесь мы сталкиваемся с одиночными лексемами в позиции прямого объекта после венгерского переходного глагола в объектном спряжении. Сербские местоимения приводятся в качестве примера, вероятно поэтому они не снабжаются венгерскими словоизмени-

тельными аффиксами, а используются в начальной форме. Пример 8.5 также представляет собой одиночное вкрапление: сербское существительное ж. р. в вин. п. ед. ч. Употреблено оно после венгерского переходного глагола в безобъектном спряжении, поскольку не снабжено венгерским определенным артиклем. Любопытно, что сербской лексеме предшествует фальстарт: собеседница произнесла начало венгерского слова с той же приставкой, аналог которой затем повторен в сербской лексеме (изоморфный характер приставок/предлогов в венгерском и сербском языках: *át — pre*), однако из-за коммуникативных трудностей венгерская лексема не была реализована, вместо нее находим сербскую (происходит коррекция-дублирование на уровне части слова — его приставочной части). Помимо случая 8.3 (где мы видим автокоррекцию) все вставки снабжены соответствующими падежными показателями, в том числе с нулевой морфемой (как в 8.1, 8.6 у неодушевленных существительных м. р. и существительных ср. р. в вин. п. ед. ч.). Существительных в т. н. bare form, без признаков словоизменения не отмечено (за исключением одиночных примеров, см.: (Пилипенко 2022а: 425)).

Таким образом, говоря о ПК в позиции прямого дополнения, необходимо учитывать переход с одного языка на другой внутри самой именной группы, где формальная граница может проходить между артиклем и остальными частями этой группы, между составными частями группы, а также иногда затрагивать и словообразовательную структуру слова.

Х. Рассмотрим ПК, которое происходит при употреблении обстоятельств места, времени, образа действия и т. д. в L1 или L2 (включая также появление предложно-падежных групп) в рамках одного предложения.

9.1	<i>Az én időmben a gimnáziumban mi smo učili srpskohrvatski, to je politika, van egy szerb nyelv, van egy horvát nyelv, már most nem szabad mondani, hogy szerbhorvátot beszélek⁴⁰.</i>	В мое время в гимназии мы учили сербохорватский, это политика. Есть сербский язык, есть хорватский язык, сейчас уже нельзя сказать, что я говорю по-сербохорватски (ТД).
-----	--	--

⁴⁰ Подчеркиванием выделены обстоятельства места, времени, образа действия.

9.2	Azt is esszük, z daj mam paradižnik ott, még minden.	И это мы едим, сейчас у меня есть помидор здесь, и все (ВЦ).
9.3	Van minden évben egy vetélkedés, és a Muráról, vagy az egyik partra se postavijo Prleki, na drugo stran pa Prekmurci , kötelet húznak és húzzák egymás, tudod.	Каждый год проходит соревнование, и со стороны Муры, или на один берег встанут жители Прлекии, а на другую сторону прекурцы, протягивают веревку и тянут друг друга, знаешь (УЦ).
9.4	Nem tud szerbul kod nas u trgovini, ne zna srpski .	Не знает по-сербски у нас в магазине, не знает сербский (ЦА).
9.5	U Kanjiži razumeju srpski, a tu ne znaju, tu magyaru .	В Каниже понимают сербский, а здесь не знают, здесь — по-венгерски (ЦА).
9.6	Az anya onnani, az apja pedig iz srca Srbije, Šumadije, samo što je bio vojno lice .	Его мать оттуда, а его отец из сердца Сербии, Шумадии, только он был военный (МФ).
9.7	Három évestől az iskolás előtti gyerek egy csoportba voltak, úgyhogy három-négy évet preklapali su se, ni je bilo po generacijama odeljenje .	С трех лет дети дошкольного возраста были в одной группе, так что они три-четыре года пересекались, отделение было не по возрасту (МФ).
9.8	A magyar nyelv akkó nem volt, most sincs azon a ... na tom smeru , az irányban nincsen.	Венгерского языка тогда не было, и сейчас нет на том <...> на том направлении, нет на направлении [подготовки] (МФ).

Таб. 9.

Различные обстоятельства могут быть выражены на венгерском и на славянских языках. Так, в 9.1–9.3, 9.5, 9.7 обстоятельства в предложении употреблены по-венгерски, а остальная часть предложения — на славянских языках. При этом в 9.1, 9.3, 9.7 повествование начинается на венгерском и ПК происходит после венгерского обстоятельства, тогда как в 9.2 и 9.5 венгерское обстоятельство используется после реплики на славянском языке. Что касается примера 9.5, то здесь обстоятельство образа действия (*magyaru*) — одиночная венгерская лексема, тогда как соседствующее с ним обстоятельство места (*tu*) — сербское. Переход на венгерский язык связан с тематикой высказывания, поскольку информант рассказывает об использовании

венгерского языка в общине. Во фрагментах 9.4 и 9.6 обстоятельства выражены на сербском языке в изначально венгерском высказывании, в обоих случаях это предложно-падежные формы. Отличие примера 9.4 от 9.6 состоит в том, что в 9.4 собеседник дублирует начальную венгерскую часть высказывания. Интерес представляет высказывание информанта ТД (9.1), поскольку здесь происходит переход на L3 — информант из Лендавы использует сербское высказывание. Причиной является тема беседы — таким образом он демонстрирует, что во времена социалистической Югославии в школе изучал сербохорватский язык. В рамках предложно-падежных групп в славянских языках находим предлоги *kod* (9.4), *iz* (9.6), *na* (9.8); среди венгерских групп встречаются имена в падеже инессив (9.1) и сублатив (9.3). Предложно-падежные группы и наречия появляются как элементы ПК также у венгерско-словацких билингвов: *van_{hu} u_{sk} kolegov_{sk}* ‘есть у коллег’ (Rabec 2012: 119), у венгров Закарпатья: *megy_{hu} v_{ru} kabinet_{ru}* ‘идет в кабинет’ (Márku 2008: 117).

В фрагменте 9.8 сербской реплике предшествует форма указательного венгерского местоимения в падеже суперессив (*azon* «на этом»), идентичная славянской конструкции с предлогом *na* + мест. п.: собеседница дублирует венгерское местоимение (вероятно, здесь происходит автокоррекция), а после сербской реплики происходит дублирование и существительного (в соответствующей падежной форме — в инессиве: *az irányban*). Таким образом, мы не наблюдаем случаев разложения предложно-падежных конструкций на венгерскую и славянскую часть, где граница переключения проходила бы между составными элементами. Похожий случай дублирования в предложной конструкции фиксируется нами в ситуации словенско-итальянского билингвизма в провинции Удине: *ȳoz da Mosca* ‘из Москвы’, где дублируется предлог, сначала на словенском диалекте Натизоне, затем на итальянском (см. глава I, 18.2.)). Также в немецкой речи немцев северо-запада Румынии отмечаются случаи удвоения показателей в предложно-падежной группе: *waten of^{prep} egyetem-en_{sup} waren* ‘кто был в университете’, где немецкий предлог *of* употреблен при венгерском существительном с окончанием падежа суперессив *-n* (Wilhelm 2017: 68). У сербов в Венгрии мы также находим случаи удвоения показателей в предложно-падежных кон-

струкциях: *sas*_{prep} *szőlők-ke*_{inst} ‘с виноградниками’, *и*_{prep} *jednoj*_{num. f.loc.sg} *barlang-ba(n)*_{inn} ‘в одной пещере’ (Wasserscheidt 2015: 209, 210). В последнем примере отметим согласуемую по ж. р. форму числительного *jedan*.

Интерес вызывает местоположение клитик в славянских репликах после венгерских наречий и обстоятельств. Примеры 9.3 и 9.7 в этом отношении оказываются диаметрально противоположны: в 9.3 в словенской реплике возвратная клитика *se* следует сразу после венгерского обстоятельства, тогда как в 9.7 в сербской реплике кластер клитик (*su*, форма 3 л. мн. ч. от глагола *biti* и возвратное местоимение *se*) располагается после смыслового глагола. Возможно, здесь сказывается различие в постановке клитик в словенском и сербском языках (в частности, в словенском возможна постановка в начале высказывания, в том числе в зависимых предложениях (Плотникова 1990: 105)), тем не менее в свете двуязычного (и многоязычного) профиля информантов нельзя отрицать возможности контактного влияния. Поскольку сербский глагол употреблен в зависимом предложении после союза, ожидалась бы постановка клитик сразу после союза (Пипер 2009: 527) (ср. сербский аналог венгерского союза *úgyhogy* ‘так что’: *tako da su se preklapali* ‘так что они переключались’). Однако между союзом и глаголом находится венгерское обстоятельство времени (*három-négy évet* ‘три-четыре года’), что затрудняет такое расположение кластера клитик (вероятно, в момент произнесения союза еще не прогнозировался переход на сербский язык, следовательно, фраза выстраивалась по синтаксическим правилам венгерского языка). Похожий случай с постановкой клитик после этого союза отмечен у МФ в 11.9.

XI. ПК осуществляется на границах между самостоятельными предложениями, без использования союзов. Зачастую в качестве единственного средства разграничения используется пауза.

10.1	Jött a zsidó, kiabált: “ <i>Ringyet-rongyot, ringyet, tökmagot, lenmagot, babot veszek, tányérokot, poharakat, üvegeket vegyenek!</i> ” Rongyos zsidónak hívták. Šifuc je bio, koji dolazio iz grada pa išao po mađarskim selima na mađarskom je vikao, u srpskima srpski, a švapskim njemački, mondom, énekelt hangosan, öreg volt.	Приходил еврей и кричал: «Покупаю старые лохмотья, семена тыквы, семена льна, фасоль, покупайте тарелки, стаканы, бутылки!» Его звали евреем-старьевщиком. Это был Шифуц, который приходил из города, шел по венгерским селам и кричал на венгерском, в сербских селах — на сербском, в немецких — на немецком. Говорю, он пел громко, он был старый (ШБ).
10.2	Hát ez a fesztivál, úgyhogy oda szeretnének menni, potem zaradi tega se učijo, pa eni kaj jaz vem zaradi česa.	Ну этот фестиваль, так что туда они хотели бы поехать, из-за этого они учат [венгерский язык], а другие — я даже не знаю из-за чего (УШ).
10.3	Ja, končnice so drugačne, al pa ednina, množina, dvojina, moški spol, ženski spol, ezt keverik.	Да, окончания другие, или единственное число, множественное число, двойственное число, мужской род, женский род, это они путают (НУ).
10.4	Velika je razlika, ü ő je notri, pa se pravi teh mađarskih glasov, tudi nekatere mađarske besede so, muskátlí virágot ismeri? Pelárgonia, kíirják Muraszombatba, v Soboti napišejo: Na prodaj pelargonije. V oklepaju spodaj: muškattli, do zdaj.	Большая разница, [в прекурском диалекте] есть <i>ü ő</i> , т. е. венгерские звуки, также некоторые венгерские слова. Вы знаете пеларгонию? Пеларгония, пишут в Мурска-Соботе. В Мурска-Соботе пишут: «Продаются пеларгонии». А в скобках внизу: <i>muškattli</i> , до сих пор (НУ).
10.5	Úgy nézett ki, hogy szlovénül mondták, zárójelben a magyar kifejezéseket mellé írják, to ni stoprocentna dvojezičnost.	Выглядело так, что они сказали по-словенски, в скобках подписали венгерские выражения, это не стопроцентное двуязычие (ЙК).
10.6	To je Pomurje, az Muravidék, tehát, to je na obeh straneh Mure, Prekmurje je čez Muro.	То Помурье, это Прекмурье, т. е. это на обеих берегах Муры, Прекмурье находится через реку Мура (ЙК).
10.7	Uskrs je isto veliki, to su sve, verski, katolički, van a Szent István nap, minden.	Пасха также большой [праздник], это все религиозные, католические [праздники]. Есть Иванов день, все (ФФ).
10.8	Mornarska sedam, tamo oko pumpe, onnan kezdődnek a számok a pumpától.	[Улица] Морнарска семь, там около заправки, отсюда начинаются номера от заправки (МФ).

Таб. 10.

Переключение и здесь реализуется в разных вариантах: в 10.1, 10.4, 10.6 мы видим рамочную структуру — встроенный фрагмент обрамляется высказываниями на втором языке, разница заключается в том, что в 10.1 — встроенный фрагмент хорватский в венгерском высказывании⁴¹, а в 10.4 и в 10.6 встроенным является венгерский фрагмент в словенском высказывании. Переход на венгерский язык в высказывании 10.4 можно связать с пояснительной функцией, поскольку собеседница приводит в пример венгерское слово, которое заимствуется в прекурский диалект словенского языка. В 10.2 и 10.5 рамочная конструкция отсутствует, высказывание начинается венгерской репликой, затем следует переход на словенский язык, тогда как в 10.3, 10.7 и 10.8 мы наблюдаем обратную ситуацию: высказывание начинается на славянском языке, а вторым следует венгерский. Отметим, что в 10.7 речь идет о народном календаре, однако не все праздники названы по-венгерски: при упоминании Иванова дня (*Szent István nap*) собеседница переходит на венгерский язык, тогда как о Пасхе чуть выше она говорит на сербском (*Uskrs*). В этом же фрагменте заметна хезитация при согласовании прилагательных и местоимений по роду (ср. *sve* ж. р. мн. ч., *verski* — м. р. мн. ч., *katolički* — м. р. мн. ч.); существительным, с которым происходит согласование, является сущ. м. р. мн. ч. *praznici*. Подобные колебания свидетельствуют о том, что информантка из Нови-Сада недостаточно хорошо владеет словенским языком. В фрагменте 10.3 использование словенского языка продиктовано темой самой беседы: собеседница рассказывает о грамматических особенностях словенского языка у венгров Прекмурья и использует при этом грамматические термины. Когда перечисление терминов закончено, в следующем предложении происходит переход на венгерский язык. Смена кода в 10.6 вероятно реализуется по принципу противопоставления «свой-чужой». О регионе, где нет венгерского населения (Помурье), собеседница говорит по-словенски, а о своем родном крае (Прекмурье), где используют также венгерский язык, она в рамках стратегии самопрезентации говорит на венгерском во встроенном фрагменте.

⁴¹ Фрагмент 10.1 интересен еще тем, что характеризует языковую ситуацию в Восточной Славонии и Баранье в межвоенный период.

В примере 10.4 мы видим дублирование, когда заключительная часть венгерской реплики дублируется в словенской реплике (*kiirják Muraszombatba, v Soboti napišejo*). Дальнейший переход на словенский объясняется приводимой словенской цитатой, которую можно найти на вывесках в магазинах. В высказывании 10.8 переход на венгерский язык можно было бы трактовать как переключение перед обстоятельством места, однако паузы позволяют рассматривать эти реплики как отдельные предложения. ПК на границах между предложениями встречается у сербов в Венгрии (Wasserscheidt 2015: 186–187), а также у венгров Закарпатья (Márku 2008: 126–128).

ХII. Перейдем к анализу случаев ПК на границах между главным и зависимым предложением с использованием союзов или союзных слов.

11.1	Vsi razumejo v Prekmurju, da se gre za muškatli, ami magyar nyelv, ugye . Jaz tudi prehajam zdaj iz jezika v jezik, to praksa, to se še mi smejemo na tem ⁴² .	Все понимают в Прекмурье, что речь идет о пеларгонии, что это венгерский язык, правда? Я тоже перехожу сейчас с языка на язык, это практика, это еще мы смеемся над этим (НУ).
11.2	Nikoli nisem niti trudila, da bi vzporedno poznala tudi drugi izraz, to je pa zaradi okolja, ha én például azt mondom, hogy bors , ne rabim vedeti, da je to poper, saj pa tu vsi vejo, bors , tako.	Я никогда не старалась, чтобы параллельно узнать новое выражение, это из-за окружения, если я, например, скажу, <i>bors</i> , мне не нужно знать, что это черный перец, ведь все тут знают, <i>bors</i> , вот так (ХР).
11.3	De a prekmuricek is. Vigyázod, van egy olyan, da majo reka Mura .	Но и прекмурцы тоже. Будь осторожен, есть такое, есть река Мура (УЦ).
11.4	Ha család egész itt van, akkor moramo srpski da pričamo, zetovi i on je išao u madarsko zabavište .	Если семья здесь целиком, то мы должны говорить по-сербски, зять и он ходил в венгерский детский сад (БФ).
11.5	Kerestek, de nem tudom, vagy találtak-e vagy nem, mert voltak ezek a nagy kamionosok és akkor kerestek, hogy ima nešto, olaj, šta znam ja .	Они искали, но я не знаю, нашли ли они или нет, потому что были эти большие грузовики, и тогда они искали, есть ли что, масло, что я знаю (ЦН).

⁴² В данной таблице подчеркиванием выделен союз, после которого (на котором) происходит ПК. Полуужирным шрифтом обозначается ПК на венгерский или на славянский язык.

11.6	Ne, ne, oni mešajo Prlekija, Prlekijo s Prekmurjem és a Pörlekek nagyon erről mérgesek.	Нет, нет, они путают Прлекия, Прлекию с Прекмурьем и [жители,] прлекийцы, очень из-за этого злятся (УЦ).
11.7	Za nas pa je logika, mert ülj le.	А для нас есть логика, потому что [по-венгерски] <i>ülj le</i> [садись] (УЦ).
11.8	Ezt nem tudja, vagy, ne da ne vejo...	Этого не знает, или не то что не знают... (УЦ).
11.9	Manap is dolgozik, működik, úgyhogy pun je energije, tudja a politikát itt még ott is.	И сегодня он работает, так что он полон энергии, он знает политику и здесь, и там (МФ).

Таб. 11.

В примерах 11.1 и 11.2 переключение на венгерский язык в зависимых предложениях осуществляется в обрамляющем словенском высказывании, в 11.3–11.5 и 11.8 переход на славянские языки происходит при первом венгерском предложении, в 11.6–11.7 смена кода производится на венгерский язык при славянском начале; в 11.9 происходит смена языка в зависимом предложении на сербский язык в рамочном венгерском высказывании. Что касается союзов, то только в 11.3 используется словенский изъяснительный союз *da*, в других высказываниях мы видим венгерские союзы: как перед переключением на венгерский (11.1, 11.2), так и перед ПК на сербский (11.4, 11.5) и словенский (11.8). В 11.4 интересно то, что *akkor* является частью составного союза *ha ... akkor* ‘если ... то’, поэтому перед сербской репликой вторая часть венгерского союза воспроизводится полностью. В 11.1, 11.2 и 11.7 ПК на венгерский язык в зависимом предложении употреблено информантами с той целью, чтобы подчеркнуть, что их примеры относятся к венгерскому языку, т. е. речь идет о метаязыковых высказываниях, которые можно также рассматривать как иллюстрацию метаязыкового маркирования ПК. В 11.4 то же самое справедливо для сербской реплики, собеседница сменой кода акцентирует внимание на том, что общение, когда вся семья собирается вместе, происходит на сербском языке. Интересно, что в 11.3 в словенской части реплики не происходит согласования в падеже существительных после переходного глагола: лексемы в сочетании *reka Mura* употреблены в начальной форме вместо ожидае-

мой формы с окончанием *-o* (вин. п. ж. р. ед. ч.): *da majo reko Muro*. В 11.6 используется венгерский соединительный союз *és*. Фрагмент 11.9 примечателен тем, что здесь клитика (*je*, безударная форма 3 л. ед. ч. от глагола *biti*) расположена не после союза, а после первого слова в сербской реплике — краткой формы прилагательного м. р. им. п. ед. ч., что свидетельствует о некоторой паузе и делении предложения в сознании информанта на венгерскую и сербскую части. Случаи ПК на союзе или сразу после союза отмечены у венгров Словакии (Rabec 2012: 136–137, 146), также фиксируются частые переключения в ситуации марийско-русского билингвизма на стыке главной и придаточной части сложноподчиненного предложения (Гаврилова 2013: 18).

ХIII. На основе расшифрованных записей был произведен подсчет общего количества словоформ и количества словоформ венгерского языка у двенадцати наиболее репрезентативных информантов: из Прекмурья (шесть информантов), Хорватии и Воеводины (шесть информантов); общее количество словоформ в обоих корпусах — в пределах 10 000–11 000. Таким образом можно проследить частотность появления невенгерских словоформ у информантов. В большинстве случаев славянские неадаптированные словоформы составляют небольшую долю в нарративах и не превышают 1–2%. Как правило речь идет о лексических затруднениях со специальными терминами, а также о ситуациях уточнения географических данных. В некоторых случаях это цитаты либо метаязыковые комментарии по поводу «смешанного» характера местного варианта языка.

Информант	Общее количество словоформ	Количество невенгерских словоформ	Процент невенгерских словоформ
УЦ	457	81	17,72%
АЦ	3958	133	3,36%
АЙ	2013	35	1,738%
ХЗ	1204	15	1,245%
ТД	2030	16	0,788%
РК	610	3	0,49%

Таб. 12.

Информант	Общее количество словоформ	Количество невенгерских словоформ	Процент невенгерских словоформ
МФ	1304	70	5,368%
ШБ	1415	31	2,19%
КК	1296	7	0,54%
ОЕ	2350	7	0,297%
ФФ	674	2	0,296%
НР	4031	10	0,248%

Таб. 13.

Необходимо прокомментировать данные, которые превосходят средний показатель. Среди прекмурских собеседников у УЦ и АЦ доля невенгерских словоформ наибольшая. Речь идет об одном интервью, в котором участвовали АЦ (70 лет) и УЦ (35 лет) одновременно, мать и дочь. Большое количество невенгерских словоформ частично объясняется тематикой интервью — собеседницы рассуждали об использовании словенского языка, говорили о собственных языковых биографиях, а также комментировали языковую ситуацию в Прекмуре. При этом у УЦ гораздо большая доля невенгерских словоформ (17,72%), чем у матери АЦ (3,36%), что можно трактовать как обычную практику смены кода в семейном диалоге у представителя более молодого поколения. Межпоколенческую разницу при употреблении невенгерских словоформ на примере другой семьи можно наблюдать у МФ (45 лет) и ФФ (80 лет), отца и дочери, проживающих в Нови-Саде. Дочь замужем за сербом и в повседневной жизни редко использует венгерский язык, тогда как отец, хотя и проживает в Нови-Саде, в большом городе, в котором доля венгров 5–6%, в повседневной жизни говорит на венгерском с женой и с соседями. У дочери гораздо больше коммуникативных трудностей в венгерском (5,368% невенгерских форм), чем у отца, который практически не использует невенгерские словоформы (0,296%). Таким образом, можно констатировать, что на процент появления невенгерских форм в ситуации интервью наряду с местом проживания информанта влияет как тематика беседы, так и возрастные характеристики.

XIV. В результате анализа рассмотренного материала, было установлено, что наряду с двунаправленным ПК, когда используются два языка, в речи обследованных миноритарных сообществ фиксируются примеры тройного ПК, что обусловлено спецификой языковой ситуации в Прекмуре. Кроме того, зафиксированы случаи ПК у венгерских информантов на местные славянские диалекты, которыми они владеют в пассивной форме (в основном — жители Лендавы и Добровника), а проживающие за их пределами — также в активной форме (напр., область Горичко). Для таких информантов возможна ситуация, когда L1 — венгерский язык (при этом родным для многих информантов, особенно пожилых, является диалект венгерского), L2 — словенский литературный, L3 — прекмурский диалект, который выучивается в ходе устного общения (при этом очередность усвоения L2 и L3 может быть разной), L4 — хорватский/сербский язык. Ранее проблематике перехода с венгерского языка на прекмурский диалект в устных нарративах внимания не уделялось. Очевидно влияние возраста и тематики беседы на появление невенгерских форм в венгерской устной речи.

Границей перехода на славянский язык в именной группе в позиции прямого объекта может служить венгерский определенный артикль, что сопровождается объектным спряжением у глагола. В составном именном сказуемом не в отрицательных предложениях используется глагол-связка на венгерском языке в тех случаях, когда его использование продиктовано правилами двух контактных языков. Несовпадение правил использования глагола-связки в венгерском и в контактных славянских языках провоцирует случаи хезитации при выборе адекватной формы глагола. В случае сочетания венгерского определения и славянского существительного в именной группе может присутствовать несколько определений из славянских языков, поэтому граница будет проходить между ними. Рассмотрены были и случаи перехода со славянских языков на венгерский (напр., в позиции прямого объекта при переходном глаголе, в позиции подлежащего). При этом отмечено, что случаев перехода в группе подлежащего и сказуемого не так много, в основном они инициированы использованием цитат либо иллюстративной метаязыковой функцией. В зависимых предложениях с союзами обнаружено,

что переключение происходит как на самом союзе, так и в позиции сразу после союза. Показательно, что во всем имеющемся в нашем распоряжении корпусе текстов не фиксируется ни одного факта ПК в группе с числительным, которые особенно многочисленны у словенцев в Италии (см. глава I), а также, например, среди марийцев (Гаврилова 2014: 179–180). Примеры с числительными в венгерском языке диаспоры фиксируются только у венгров в Словакии, имеющих низкую языковую компетенцию в L1, кроме того, пример дублируется на двух языках: *az olyan hogy z dvanástich tizenketőből* ‘это так из двенадцати’ (Rabec 2012: 122), а также у венгров в США (Fenyvesi 2005: 311). При прямой речи заметно частое использование союза *hogy* ‘что’.

Случаев использования славянских предлогов при венгерских падежных формах, а также венгерских послелогов при славянских падежных формах не встречается (единичные случаи дублирования, которые свидетельствуют о хезитации, нами не считаются случаями двойного маркирования). Также не отмечается и славянское отрицание при полнозначном глаголе, тогда как в случае использования глагола-связки «быть» возможен либо венгерский глагол с отрицанием, либо славянская конструкция с отрицанием, контаминированные формы не регистрируются. Переключение в славянских предложно-падежных группах невозможно внутри самой группы, таких случаев не отмечено. Интерес представляют примеры немногочисленных переключений в венгерских притяжательных конструкциях, что позволяет сделать вывод об отсутствии запрета на подобного рода ПК; можно также предположить их более широкое функционирование за пределами собранного нами корпуса. В перспективе предстоит разработать специальные тесты для информантов для целенаправленного выявления подобных случаев.

Описанные в главе случаи можно схематично представить в виде следующих таблиц. Случаи ПК в таблицах 14, 15 и 16 не являются взаимоисключающими, а дополняют друг друга: например, прагматические причины сочетаются с переключением внутри предложения и на границах предложений.

Прагматические причины ПК		
Цитирование	Дублирование	Метаязыковые комментарии

Таб. 14.

ПК внутри предложения	
венгерский язык	славянские языки
(N)	V
N + COP	V
N	COP + V
N	N
V	N
V _{tr} + (art)	N _{acc}
N _{acc}	V _{tr}
ADJ/PRON	(ADJ) + N
Обстоятельства (ADV, N _{cas})	
	Обстоятельства (ADV, PREP + N)
PSSR(N)	PSSM(N)

Таб. 15.

ПК на границах предложения		
Венгерское предложение	-----	Славянское предложение
	CONJ _{sl}	
	CONJ _{hu}	

Таб. 16.

Список информантов:

- АА — жен., 34, Нови-Сад (Сербия).
АЙ — муж., 42, Лендава (Словения).
АЦ — жен., 70, Добровник (Словения).
БА — муж., 49, Ада (Сербия).
БФ — жен., 72, Нови-Сад (Сербия).
ВД — жен., 76, Скореновац (Сербия).
ВЦ — муж., 6, Добровник (Словения).
ЙК — жен., 54, Лендава (Словения).
ЙН — муж., 54, Лендава (Словения).
КК — муж., 58, Суботица (Сербия).
ЛМ — муж., 65, Ада (Сербия).
МВ — жен., 78, Велика-Писаница (Хорватия).
ММ — жен., 46, Нови-Сад (Сербия).
МФ — жен., 45, Нови-Сад (Сербия).
НН — жен., 81, Адорьян (Сербия).
НР — муж., 55, Нова-Црня (Сербия).
НУ — жен., 44, Лендава (Словения).
ОЕ — муж., 83, Ада (Сербия).
ПР — жен., 52, Нови-Сад (Сербия).
РК — муж., 27, Мотварьевцы (Словения).
СН — жен., 56, Скореновац (Сербия).
ТД — муж., 77, Лендава (Словения).
УЦ — жен., 35, Добровник (Словения).
УШ — жен., 50, Лендава (Словения).
ФФ — муж., 80, Нови-Сад (Сербия).
ХЗ — жен., 54, Тримлини (Словения).
ХР — жен., 60, Лендава (Словения).
ЦА — жен., 78, Адорьян (Сербия).
ЦН — жен., 49, Адорьян (Сербия).
ШБ — муж., 92, Осиек (Хорватия).

О некоторых контактно-обусловленных особенностях синтаксиса чешских переселенческих идиомов Сербии и Хорватии

В данной главе рассматриваются особенности синтаксиса чешских переселенческих говоров Сербии и Хорватии, возникшие в результате полуторавековых контактов с литературными и нелитературными идиомами сербско-хорватского языкового континуума. Глава состоит из трех разделов. В первом описывается актуальная социолингвистическая ситуация в областях компактного проживания чехов в Сербии и Хорватии, далее приведен краткий обзор истории изучения чешских сообществ в регионе и охарактеризован материал настоящего исследования. Во втором разделе под отдельными пунктами представлен анализ наиболее ярких контактных явлений синтаксиса, выявленных в ходе работы с собранным материалом. В третьем разделе изложены основные выводы исследования и описываются перспективы и направления дальнейшей работы, приведен список информантов.

I. Представителями чешских диаспор в Сербии и Хорватии являются потомки переселенцев из Богемии и Моравии, прибывших на территории, расположенные вдоль Банатской и Хорватско-Славонской военной границы преимущественно во второй половине XIX в. Рассмотрим современную социолингвистическую ситуацию с точки зрения существующих чешских сообществ в этих регионах.

Общее количество чехов, проживавших в Сербии на момент переписи 2011 г., составляло 1824 чел., из них на территории автономного края Воеводина — 1399 чел., в Белграде — 307 чел. (Перепись 2011: 106). Центром чешского меньшинства в Воеводине являются населенные пункты в общине Бела-Црква: г. Бела-Црква (серб. Bela

Crkva, чеш. Bílý Kostel, нем. Weiskirchen/Weißkirchen⁴³), Крушчица (серб. Kruščica, чеш. Kruščice, нем. Kruschiz/Kruschtschitz), Чешко-Село (серб. Češko Selo, чеш. Ablián/Fabián, венг. Csehfalva ‘Чешское село’), относительно крупное сообщество чехов проживает в городе Вршац (серб. Vršac, чеш. Vršec/Vršic/Veršice, нем. Werschetz⁴⁴) в одноименной общине, а также в селе Гай (серб. Gaj, чеш. Gáj) в общине Ковин. В каждом из перечисленных населенных пунктов в большей или меньшей степени функционирует своя чешская беседа (чеш. česká beseda, серб./хорв. češka beseda) — неформальное культурное объединение местных представителей меньшинства⁴⁵. В г. Бела-Црква находятся несколько учреждений, представляющих интересы чехов в Сербии на разных уровнях, центральным является Национальный совет чешского национального меньшинства⁴⁶. Чешский язык является официальным на всей территории общины Бела-Црква, что позволяет, в частности, устанавливать мультязычные дорожные знаки на въездах и выездах из населенных пунктов общины (Борисов 2023: 234–235). В Сербии отсутствует школьное обучение на чешском языке, однако в двух школах в г. Бела-Црква, а также в школах Крушчицы и Гая в программе есть факультативный предмет «чешский язык с элементами национальной культуры»⁴⁷. Также преподаванием чешского языка в формате курсов и организацией различных кружков, направленных на популяризацию чешского языка и культуры, на регулярной основе занимается учитель, направ-

⁴³ В скобках приведены названия на государственном языке, языке меньшинства и на других языках, если такие названия встречаются в речевом обиходе местных чехов, либо эксплицитно выражают связь с чешской колонизацией.

⁴⁴ В разговоре с местным жителем чешской национальности нами была зафиксирована форма *ve Veršicix*. Данное название, которое может быть мотивировано немецкой огласовкой топонима *Werschetz*, упоминает М. Павласек (Pavlásek 2015: 64).

⁴⁵ Список чешских бесед и аналогичных чешских обществ в Сербии шире, чем перечень основных пунктов проживания представителей меньшинства (См. Kontakty | Velvyslanectví České republiky v Bělehradě. URL: <https://www.mzv.cz/belgrade/cz/informace/krajane/kontakty/index.html> (дата обращения: 22.04.2023).

⁴⁶ O nama — Nacionalni savet češke nacionalne manjine. URL: <https://www.savetceha.rs/o-nama/> (дата обращения: 22.04.2023).

⁴⁷ Pokloni za đake koji pohađaju češki jezik sa elementima nacionalne kulture. Vojvodina uživo. 2022, 02. septembra. URL: <https://vojvodinauzivo.rs/pokloni-za-đake-koji-pohađaju-ceski-jezik-sa-elementima-nacionalne-kulture/> (дата обращения: 22.04.2023).

ленный в Сербию по Программе поддержки чешского культурного наследия за рубежом⁴⁸.

В Хорватии по данным переписи 2021 г. проживает 7862 представителя чешского меньшинства. Больше всего — на территории Бьеловарско-Билогорской жупании, 5002 чел.: в г. Дарувар (хорв./чеш. Daruvar) — 2114 чел.; в г. Грубишно-Поле (хорв. Grubišno Polje, чеш. Hrubéšné Pole), в состав которого входит, в том числе, Иваново-Село (хорв./чеш. Ivanovo Selo, неофиц. хорв. Remija, чеш. Remie⁴⁹) — 861 чел.; в общине Кончаница (хорв. Končanica, чеш. Končepice) — 831 чел. В населенных пунктах Пожегско-Славонской жупании проживает 491 чех, Сисакско-Мославинской — 394 чеха. Среди жителей Загреба насчитывается 807 чехов. Кроме того, в Бродско-Посавской жупании на границе с Боснией и Герцеговиной проживает 48 чехов, потомков вторичных мигрантов с Волыни, которые не остались в Боснии, а переправились через Саву в поисках лучших условий для жизни⁵⁰. Центром чешского меньшинства в Хорватии, как уже упоминалось, является г. Дарувар. Там находится резиденция представителя чешского и словацкого меньшинства в Парламенте Хорватии, центральный политический орган чешского меньшинства — Союз чехов в Республике Хорватии, издательство Jednota (чеш. «Единство»). В Хорватии функционируют два чешских детских сада, где коммуникация детей с педагогами происходит на чешском, и две восьмилетние школы, в которых есть возможность обучения на чешском языке (при наличии преподавателя). Данные учреждения находятся в Даруваре и Кончанице. По данным Союза чехов, в настоящее время в Хорватии функционирует 31 чешская беседа⁵¹.

⁴⁸ Závěrečná zpráva o působení učitele u krajanů. Školní rok: 2020/2021. Srbsko. Stanislav Havel. URL: https://www.dzs.cz/sites/default/files/2021-09/Bela%20Crkva%20Srbsko_2021.pdf (дата обращения: 22.04.2023).

⁴⁹ Топоним связан с неофициальным этнонимом *Pemac* (от нем. *Böhme* 'житель Богемии'), распространенным в Хорватии, Сербии, Боснии и Герцеговине, Румынии (Борисов 2021; Борисов, Пилипенко 2021). Отражение данной реалии в топониме, который употребляют как хорваты, так и чехи, связано именно с тем, что данное село было первым населенным пунктом, основанным чешскими колонистами в Славонии (Škiljan 2016: 268–271; Борисов 2022: 94).

⁵⁰ О чехах в Боснии и Герцеговине см. (Popović 1968: 5–7; Uherek 2011), о чешском языке на Волыни (Čeština na Volyni 2020).

⁵¹ Krajanské spolky. URL: <https://www.savez-ceha-rh.hr/index.php/cz/krajanske-spolky> (дата обращения: 22.04.2023).

Наши полевые наблюдения показали, что отдельные сообщества чехов в Сербии и Хорватии живут не изолированно друг от друга. У многих представителей меньшинств есть родственники в других чешских селах в пределах одной страны, либо в населенных пунктах соседней страны. Кроме того, налажена коммуникация между местными чешскими культурными обществами (беседами): проводятся различные фестивали, конкурсы кружков художественной самодеятельности. Во время экспедиции к чехам в Хорватию в 2019 г. мы посетили смотр драматических кружков в г. Грубишно-Поле и с. Шибовац (хорв. Šibovac, чеш. Šibovec) (Борисов, Пилипенко 2019: 598), в 2022 г. автор побывал на музыкальном фестивале «Сербский Банат», включавшем в себя, помимо концерта, конкурс по приготовлению блюда паприкаш (*paprikašijada*), где традиционно собираются команды из разных чешских бесед в Сербии, а также приезжают туристы из Чехии (Борисов 2023: 237). Что касается трансграничных взаимоотношений между сообществами, то в силу историко-географического положения в тесном контакте находятся чешские беседы из сербской и румынской частей Баната; чехи из хорватского города Славонски-Брод больше контактируют с чехами из Боснии и Герцеговины (населенные пункты Мачино-Брдо (серб./чеш. Maćino Brdo), Нова-Вес (серб./чеш. Nova Ves), Баня-Лука (Banja Luka), Приедор (Prijedor), Приявор (Prnjavor) в Республике Сербской), чем с другими беседами в Хорватии. С другой стороны, например, чешская беседа в Меджуриче (хорв. Međuríć, чеш. Mezugač) (Хорватия) активно взаимодействует с культурным обществом из Чешко-Село (Сербия), хотя между ними 418 км пути по автомобильным дорогам. По словам наших собеседников, такое взаимодействие обычно налаживается после знакомства творческих коллективов на фестивале.

Первые исследования чешских сообществ в Королевстве СХС, позже в Королевстве Югославия относятся к 20–30-м гг. XX в. В это время в Праге выпускался журнал Чехословацкого национального совета «Наше зарубежье» (чеш. Naše zahraničí), где публиковались статьи, посвященные чешским общинам по всему миру. Среди них можно выделить статью Ф. Буриана «Чешская речь в окрестностях Дарувара (СХС)» (Burian 1929), в которой дан первый подробный социолингвистический анализ речи даруварских чехов, прежде всего

фонетики, лексики и морфологии местного идиома, сделаны ценные наблюдения над метаязыковыми комментариями говорящих⁵². Пик интереса исследователей к языковой ситуации в чешских общинах на Балканах пришелся на 1950–1970-е гг. Это связано с периодом расцвета диалектологии как лингвистического направления в Чехии (Прадкова 2022: 421–423). В 1959 г. вышла статья Я. Белича «Заметки о чешском языке в окрестностях Дарувара в Югославии» (Bělič 1959). В 1960-е гг. полевые исследования среди чехов в Румынии проводили С. Утешены (Utěšený 1962; 1964) и Г. Чипля (Ciplea 1963; 1967), С. Утешены также посетил г. Бела-Црква и чешские села Крушчица и Чешко-Село в сербском Банате (Utěšený 1970), С. Попович изучала говоры чехов в селах Мачино-Брдо и Нова-Вес в Боснии и Герцеговине (Popović 1968), Д. Миркович занимался изучением языковой ситуации у чехов в Славонии (Mirković 1968), в Хорватии также работал П. Янчак (Jančak 1971; 1973). Интерес к проблематике меньшинств в Центральной и Юго-Восточной Европе вновь возникает после произошедших в регионе в последнее десятилетие XX в. политических, экономических и социальных изменений. Двухсотлетнюю историю и современное состояние чешских миноритарных сообществ анализируют историки, этнографы и лингвисты. Среди крупных этнографических трудов упомянем работы Д. Гэче о чехах в Румынии (Gecse 2013), З. Угерек о чешском сообществе в Боснии и Герцеговине (Uherek 2011), П. Кокаисла о чешском меньшинстве в странах Центральной Европы (Kokaisl 2009) и в Хорватии (Kokaisl 2012), Й. Матушека о хорватских чехах (Matušek 1994), М. Якоубека об уже не существующей чешской общине в селе Войводово в Болгарии (Jakoubek 2013), М. Павласека о чешской кальвинистской общине в селе Велико-Средиште в сербском Банате (Pavlásek 2020). Контактными явлениями в языке чешского меньшинства в Хорватии долгое время занималась М. Согрова (Sohrová 2014). В настоящее время данную проблематику продолжает разрабатывать Г. Страник (Straničková 2014), применявшая в последние годы методику языковых биографий. Результаты почти двенадцатилетнего исследования

⁵² О метаязыковом комментировании в речи современных представителей меньшинств, включая чехов, в Боснии и Герцеговине см. (Борисов, Пилипенко 2020).

были опубликованы в ее книге о языковых биографиях трех семей хорватских чехов (Stranjić 2022).

Материалом для настоящего исследования послужили аудиозаписи интервью с чехами в Сербии (записи 2013 и 2015 гг. сделаны сотрудниками некоммерческой организации «Школа Плюс» (г. Бела-Црква)⁵³, записи 2019 и 2022 гг. сделаны автором во время экспедиций в сербский Банат) и Хорватии (записи 2019 и 2022 гг. сделаны автором во время экспедиций в Восточную Хорватию). Общая длительность интервью, записанных в Сербии, составляет 53 часа, интервью из Хорватии — 51 час. Для настоящей главы были выбраны примеры, наиболее ярко иллюстрирующие рассматриваемые в ней явления.

II. Большинство исследователей, занимавшихся анализом языка чешских меньшинств в Сербии и Хорватии, приходили к заключению и продолжают констатировать до сегодняшнего дня, что морфология, синтаксис и даже фонетика данных идиомов мало подвержены трансформациям, вызванным контактами (на сегодняшний день уже достаточно продолжительными) с языками сербско-хорватского континуума. Наибольшее влияние сербского и хорватского языков чешские идиомы испытывают в области лексики. Среди таких трансформаций не только адаптированные и неадаптированные заимствования из сербского и хорватского языков, но и различные виды калькирования, случаи расширения значения единиц чешского языка на основе схожести с единицами сербского/хорватского и др. (см. напр. Mirković 1968: 267–309). Что касается синтаксиса, то до сих пор нельзя выделить ни одного контактного явления, которое бы полностью вытеснило ту или иную чешскую конструкцию. Некоторые явления, судя по всему, в последнее время интенсифицируются. Такой вывод может быть сделан после изучения работ исследователей XX в., где некоторые замеченные нами особенности упоминаются вскользь или не упоминаются совсем. Анализ большей части синтаксических явлений в настоящей работе сопровождается

⁵³ Автор выражает благодарность д-ру Биляне Сикимич (Институт Балканистики САНИ, Белград), Антуну и Лилиане Стехлик (Национальный совет чешского национального меньшинства, «Школа Плюс», Бела-Црква) за предоставленные материалы.

иллюстрирующими их примерами, а также контрпримерами, которые показывают, что даже в идиолекте одного и того же информанта в схожих позициях могут актуализироваться разные конструкции.

Порядок слов в чешском, сербском и хорватском языках, как и в других славянских языках, часто характеризуют как относительно свободный или «гибкий». Речь идет о базовом порядке слов в предложении: субъекта (S), объекта (O) и предиката (V), которые в славянских языках, на первый взгляд, могут следовать в любом порядке, и при перемене их мест внутри одного и того же предложения общий смысл высказывания останется прежним (Kosta, Schürcks 2009: 655–656; Frleta 2018: 11–12). Однако, как отмечает Т. Фрлета, «для языка, имеющего “свободный” порядок слов, в хорватском удивительно много правил, которые эту свободу ограничивают» (Frleta 2018: 11), что справедливо не только для хорватского, но и для других славянских языков. Основным порядком слов в них является S–V–O, так как тема (чаще всего выраженная подлежащим) в славянских языках предшествует реме. Другой порядок слов с грамматической точки зрения возможен, однако является прагматически маркированным (Ibid.).

Помимо актуального членения предложения, принципы которого в общем совпадают в чешском и языках сербско-хорватского языкового континуума, важную роль в «ограничении свободы» порядка слов в этих языках играют правила взаимного расположения клитик второй, или ваккернагелевской, позиции. Их место в предложении и структура различаются в чешском и языках сербско-хорватского континуума. В чешском языке данный кластер располагается после «начальной группы», которая может состоять из одного или нескольких ударных слов (целой синтагмы), в языках же сербско-хорватского континуума цепочка клитик может находиться как после полной начальной группы, так и после первого ударного слова (разрывая при этом синтагму) (Циммерлинг 2012: 16–17). Кроме того, в чешском и сербском/хорватском языках существуют различия в порядке следования клитик внутри цепочки, в связи с чем употребляется термин «правило рангов» (Циммерлинг 2012: 19). В чешском языке сразу после первой ударной группы употребляется связка (AUX) — формы 1–2 л. глагола *být* в перфектной конструкции (*jsem, jsi, ...*),

либо кондициональные формы 1–3 л. (*bych, bys, ...*); далее следует возвратная частица *se* или *si* (REFL); далее — блок местоименных клитик: энклитические формы местоимений в дат. (DAT), затем в вин. или, редко, род. падеже (ACC/GEN). Справа от ACC/GEN в чешской цепочке энклитик также может находиться местоимение *to* (*Změnilo mi ho to velice*. ‘Это его (мне)⁵⁴ очень изменило’)⁵⁵. В сербском/хорватском языке, в отличие от чешского, в качестве связки выступают также безударные формы 1–3 л. глагола *hteti/htjeti* (*ću, ćeš, ...*), использующиеся при выражении значения будущего времени, а в перфекте употребляются формы не только 1–2 л., но и 3 л. глагола *biti* (*je, su*). При этом формы 1–2 л. ед. и мн. ч., а также 3 л. мн. ч. занимают позицию в начале цепочки клитик (AUX1), а форма 3 л. ед. ч. *je* располагается в самом конце цепочки (AUX2). Местоимение *to* в функции подлежащего с анафорической семантикой в сербском/хорватском не является клитикой. Сопоставим для наглядности две описанные схемы (Таб. 1)⁵⁶.

чеш.	AUX	REFL	DAT — ACC/GEN	<i>to</i>	
серб./хорв.	AUX1		DAT — ACC/GEN	REFL	AUX2

Таб. 1. Порядок следования клитик в чешском и языках сербско-хорватского языкового континуума

Как видно, блоки местоименных клитик имеют одинаковую структуру: формы DAT стоят левее форм ACC/GEN. Основные отличия касаются а) положения возвратного элемента (REFL): слева (в чеш.) или справа (в серб./хорв.)⁵⁷ от местоименного блока; б) на-

⁵⁴ Форма *mi* здесь употреблена в функции *dativus ethicus*.

⁵⁵ Пример эсксерпирован из Национального корпуса чешского языка (SYN v12).

⁵⁶ В таблице приведены не все виды кластеризуемых клитик в чешском и сербском/хорватском языках. Так, например, в начале цепочки в чешском предложении может располагаться связанный с глаголом союз *-li* (орфографически присоединяющийся к нему дефисом), а в сербском/хорватском — вопросительная частица *li*, употребляющаяся при общих вопросах. Однако анализ различного функционирования данных единиц в идиоме балканских чехов выходит за рамки обсуждаемых в данной главе вопросов.

⁵⁷ Аналогичное расположение **se* — после энклитических форм личных местоимений — наблюдается, напр., в центрально-закарпатских, отчасти в гуцульских и ужанских карпатоукраинских говорах (Толстая 2012: 209).

личия позиции для местоимения *to* в функции подлежащего справа от местоименного блока в чеш.; в) наличия дополнительной позиции у связки (AUX2) в перфекте 3 л. ед. ч. в серб./хорв.; г) инвентаря форм, выступающих в функции связки: прежде всего, наличия в серб./хорв. связки 3 л. ед. (*je*) и мн. ч. (*su*) в перфектных конструкциях.

1. Различия в позиции возвратного элемента *se* в чешском и сербском/хорватском при том, что в этих языках он произносится одинаково и имеет схожее функционирование, приводят к тому, что в рассматриваемых чешских идиомах он может располагаться справа от местоименного блока. Рассмотрим некоторые примеры из нашего корпуса.

1.1	A fšude xod'ej d'elat taj, to vite, mladi, baš im se nelibi dobitek ⁵⁸ .	И они ходят работать в разные места, знаете, молодые, им не очень-то нравится [заниматься] скотом (БХ).
1.2	Tu bila tuta škola, jak ti pojdam ta, i hospoda, i za fšexno, co koristili, ten ji se zboural.	Здесь была та школа, о которой я тебе говорю, и пивная, и [помещение] для всего, что использовали, его [дом] снесли (РБ).
1.3	I deda mu se menuval Venca, deda pšišel ze Zlatic do staveni k baba Kače.	И его деда звали Венца, дед пришел из Златицы в дом к бабе Каче (МС).
1.4	Ja vam se tam an'i nevid'ela s ti klupi.	Меня даже не было видно из-за парты (БХ).

В примерах 1.1–1.4 *se* располагается справа от форм местоимений в дат. п. Эти примеры представляют собой случаи беспредлож-

⁵⁸ Примеры из интервью на чешском языке приведены в упрощенной транскрипции на основе стандартной орфографии чешского языка. При этом используется фонетический принцип: мягкость *n'*, *t'*, *d'* выражена эксплицитно апострофом; графема *ě* не используется; графема *u* не используется; глухой заднеязычный *ch* обозначается графемой *x*. Для чешских идиомов Сербии и Хорватии характерно сокращение долгих гласных и удлинение кратких гласных в том числе в позициях, не характерных для чешских диалектов. Кроме того, позиции сокращения и удлинения гласных могут различаться у разных информантов, проживающих в одном населенном пункте, и даже у одного и того же информанта в соседних высказываниях. В рамках настоящей работы не ставилась цель подробного изучения особенностей вокализма, поэтому долгота гласных обозначается только там, где она слышна особенно четко.

ных конструкций с дательным посессивным⁵⁹. Примечательно, что *se* в нашем корпусе оказывается после местоимений только в дат. п. В случае с энклитическими формами вин. п. и род. п. такого не происходит:

1.5	Ja vim, co se mn'e von ptá, a ja mu to neumim.	Я знаю, что он у меня спрашивает, а я ему не умею [ответить] (ЖХ).
1.6	Nenosim húl, neš košt'e vometeni, takže boji se mn'e , a diš pšide unuk ze Zagrebu on se ho boji. Tak je velikej, silnej, a boji se ho .	Я хожу не с палочкой, а с метлой, так что он [петух] меня боится, а когда приезжает ввук из Загреба, он его [петуха] боится. Такой большой, сильный, а его боится (БХ).

При этом в нашем корпусе присутствуют и контрпримеры, где *se* располагается слева от местоимений в дательном падеже:

1.7	A von, e-e, čudil se, jak se mu to šlo.	А он удивлялся, как у него это получалось (МС).
1.8	Jak se menoval ten, Karel, co se t'i libil?	Как назвался тот [операционная система «Linux»], Карл, который тебе нравился? (ЗВ).
1.9	Misim, že asi dva mjesece cestovali, se mn'e zdá.	Думаю, что они два месяца путешествовали, мне кажется (ЗВ).
1.10	N'ak se mn'e vismejval, ja neim, jak co jak.	Он как-то надо мной смеялся, я не знаю, что да как (ЗВ).

Примеры 1.3 и 1.7 показывают, что в одном и том же идиолекте рассматриваемая контактная особенность может проявляться непоследовательно. Стоит, однако, отметить, что возвратный компонент в 1.7 употреблен ошибочно (ср. *jak mu to šlo* ‘как у него это получалось’). Примеры 1.8–1.12 взяты из интервью с другим информан-

⁵⁹ Вокруг семантики падежей как в чешской, так и в сербской и хорватской лингвистике ведется обширная дискуссия. В данной главе под «посессивной» семантикой дательного падежа понимается в том числе относительность, бенефактивность, притяжательность, эмфатичность и другие значения, которые выделяя (Trávníček 1951: 1216–1223; Křivan 2007: 9–26; Silić, Pranjkić 2005: 219–220).

том. В 1.8 *se* располагается слева от энклитической формы дат. п. *t'i*, однако в 1.9–1.10 после *se* употреблена форма дат. п. *mn'e*, которая в стандартном чешском языке является ударной (ср. энкл. *mi*) и употребляется только после предлогов или в случае логического ударения.

1.11	Mi se linuxs libi vic, protože netšeba n'ejakix zvlaš[tn'ix], on ma šexno ve sobje.	Мне «Linux» нравится больше, потому что он не требует никаких особенных [драйверов], он всё имеет в себе (ЗВ).
1.12	Mn'e se zdalo, že to je dost jednoduchí.	Мне казалось, что это достаточно просто (ЗВ).

В примере 1.11 сочетание *mi se* занимает нехарактерную для энклитик первую позицию в предложении, хотя в 1.12 в этой же позиции информант употребляет сочетание *mn'e se*. Широкое варьирование словоформ и синтаксических структур в аналогичных позициях в одном идиолекте подтверждает актуальность исследования языковых биографий и особенностей идиолектов конкретных информантов. Перспективным представляется количественное исследование в этом направлении.

2. Следующая обнаруженная особенность порядка слов касается перфектных конструкций. В чешском языке и языках сербско-хорватского континуума они имеют похожую структуру: *l*-причастие смыслового глагола + энклитическая личная форма связки ‘быть’ (чеш. *četi(a) jsem/jsi/...*⁶⁰; серб./хорв. *čitao(la) sam/si/...*). В чешском языке в 3 л. ед. и мн. ч. связка отсутствует (*Mirek četl knihu* ‘Мирек читал книгу’; *Děti hrály fotbal* ‘Дети играли в футбол’), а в сербском и хорватском присутствует. В сербском и хорватском языках связка 3 л. мн. ч. *su* занимает позицию ближе к началу цепочки клитик, а связка 3 л. ед. ч. *je*, наоборот, располагается в самом конце кластера (см. Таб. 1). Под влиянием языка окружения в чешских идиомах в Сербии и Хорватии также встречаются случаи употребления связки 3 л. в перфекте. Рассмотрим примеры:

⁶⁰ Здесь и далее, если приводимые примеры не взяты из полевых записей, используется стандартная орфография.

2.1	Baba ho hledala i přeš červenej kšíš i co je bilo .	Баба искала его и через Красный крест, и что еще было (МС).
2.2	To je bil tadi jeden soused, von bil ten kolaš jako, mistr za dževjeni vjeci.	Здесь вот был один сосед, он был как колесник, мастер по вещам из дерева (ЗВ).
2.3	Jedin'e taj každej dva tši dni po dvoře je bilo bláto i sn'ix.	Только здесь каждые два-три дня во дворе была грязь и снег (БХ).

В примерах 2.1–2.3 связка *je* присутствует при смысловом глаголе *bil, bilo*. В 2.1 она отсутствует при глаголе *hledala*, а в 2.2 употребляется с *bil* только один раз.

2.4	A bili su i česki, česki písnički.	А были и чешские, чешские песни (АС).
2.5	Pa knedliki se zelim su u nas važili , i to bili ti specificki jídla.	Ну, кнедлики с капустой у нас готовили, и это были такие специфические блюда (ЗВ).
2.6	Pujda, že češi bili šikovn'i místši a šetšili, a srbovi fšixn'i co, kupovali od n'ix to, co sou oni udž'elali , mn'eli radi vod čexu koupit.	Говорят, что чехи были умелые мастера и экономии, а все сербы покупали у них то, что они сделали, они любили у чехов покупать (АС).
2.7	I ti lid'i xorvat'i, keru sou bili mezi nami, rozumn'eli sou . Ne baš šexno, ali rozumn'eli sou dost, tagže nebil to n'ejaki problem. Ne jenom xorvat'i, srbi, ma šexni, bilo taj i mad'ažu, šeho taj, ma šexn'i sou se rozumn'eli .	И те люди, хорваты, которые были среди нас, понимали. Не абсолютно всё, но понимали достаточно, так что это не было какой-то проблемой. Не только хорваты, сербы, да все, здесь были и венгры, все здесь, все понимали друг друга (ВП).

В примерах 2.4, 2.5 употреблена неадаптированная форма связки 3 л. мн. ч. *su*, а в 2.6, 2.7 — чешский вариант личной формы *sou*. В 2.7, в отличие от предыдущих примеров, связка употребляется несколько раз подряд, с глаголами *bili* и *rozumn'eli*. При этом она отсутствует при формах *nebil* (о контактных трансформациях форм перфекта с отрицанием см. в п. 3) и *bilo*.

3. Структурные различия в образовании форм перфекта с отрицанием в чешском и языках сербско-хорватского континуума

также приводят к контактным трансформациям. В чешском языке отрицательная частица *ne* присоединяется к *l*-причастию смыслового глагола (становясь, по сути, его префиксом), связка 1–2 л. ед. и мн. ч. остается без изменений: *nebyl jsem* ‘я не был’, а связка 3 л. ед. и мн. ч. не употребляется, тогда как в сербском и хорватском для выражения отрицания в перфекте именно связка употребляется в отрицательной форме (включая 3 л.), а *l*-причастие не изменяется: *nisam bio*. Примеры 3.1 и 3.2 иллюстрируют случаи построения отрицательного перфекта по модели сербского и хорватского языков.

3.1	Nisu s cihlama d’elali ti studn’i, fšexno e to s kamenu.	Они не из кирпичей делали эти колодцы, всё из камня (РБ).
3.2	Ja diš sam pšišla sem, nevid’ela, jak se to, viš, se zabije, jak se to dela n’aki, nije ni slepice nisam vid’ela , viš.	Я когда пришла сюда, не видела, как это, знаешь, забивают [свинью], как это делается, я даже кур не видела, знаешь (ВВ).

Стоит отметить, что в 3.1 и 3.2 формы *nisu* и *nisam* заимствуются в неадаптированном виде (ср. чеш. личные формы глагола *být*: *nejsou*, *nejsem*). Пример 3.2 был записан от информантки в Хорватии, чья языковая биография вызывает особый интерес. Она родилась в смешанной хорватско-итальянской семье в Боливии. Родным языком для нее является испанский, до переезда в Хорватию она почти не говорила по-хорватски и совсем не говорила по-чешски. Ее муж (ЗВ) является уроженцем села Р. в общине Грубишно-Поле и происходит из чешской семьи. ВВ использует хорватский язык при общении с соседями и с детьми, а чешский — в основном при общении с мужем. Часть интервью была записана с ней на чешском (подробнее о полилингвизме в семье В. см. Пилипенко, Борисов 2024). В приведенном отрывке она использует отрицательную форму перфекта *nisam vid’ela*. Компонент *nisam* употреблен в неадаптированной форме, стоит также отметить употребление в начале предложения неадаптированной формы *sam* (*diš sam pšišla sem*). Анализ речи ВВ показал: ее компетенция в хорватском языке выше, чем в чешском; это подтверждается следующим фактом — в высказываниях на испанском языке у нее преимущественно возникали

заимствования из хорватского, а не из чешского. Таким образом, употребление ВВ неадаптированного заимствования в данной позиции тем более ожидаемо.

3.1. Аналогично ситуации с перфектом, в чешском и языках сербско-хорватского континуума различается структура отрицательных форм условных (кондициональных) конструкций. В чешском языке отрицание выражается смысловым глаголом: *nemohl bych* ‘я бы не мог’, а в сербском и хорватском носителем отрицания является связка с отрицательной частицей *ne*: *ne bih mogao*. Как видно, при этом между *ne* и смысловым глаголом располагается ваккернагелевская позиция, которую и занимает связка.

3.1.1	Jo ma to dost, ja ne bi moh ono ja, možna starši kerí.	Да, их [прозвищ в селе] много, я не мог бы [перечислить], может, кто из старших (ВВе).
-------	---	--

Пример 3.1.1 иллюстрирует возможность контактных трансформаций в этой позиции в чешских переселенческих идиомах (ср. чеш. *nemohl bych*)⁶¹. Обращает на себя внимание форма связки *bi*, а не ожидаемая совпадающая в чешском, сербском и хорватском форма 1 л. ед. ч. *bix*. Подробнее такие случаи унификации связки до *bi* (но без отрицания) будут проанализированы далее (п. 4).

4. Кондициональная связка является спрягаемой как в чешском, так и в сербском и хорватском языках, при этом в чешском языке омонимичными являются формы 3 л. ед. и мн. ч. (*bi*), тогда как в сербском и хорватском — три формы: 2 л. ед. ч., 3 л. ед. ч., 3 л. мн. ч. (также *bi*). Кроме того, хорватские грамматики отмечают экспансию формы *bi* в устной разговорной речи, где во всех лицах и числах используется *bi*, напр. *Kad *bi vi bili tiši, ja *bi mogla na miru učiti* вместо *Kad biste bili tiši, ja bih mogla na miru učiti* (Нам 2012: 90–91). Примеры из нашего корпуса позволяют предположить, что экспансия данной формы распространяется и на чешские идиомы Сербии и Хорватии. В Чешском лингвистическом атласе фиксируются формы *já by* (1 л. ед. ч.) — встречается в зап. и южн. подгруппах силезской

⁶¹ Контактные явления такого типа фиксировались Д. Мирковичем (Mirković 1968: 324).

группы говоров (СЈА 4: 596, 599) и *my by* (1 л. мн. ч.) — в переходных чешско-польских говорах (Ibid.: 598, 601). Составители атласа подчеркивают, что речь идет именно о тех случаях, когда лицо выражено личным местоимением, а кондициональное значение выражается сочетанием этого местоимения с морфом *by* (Ibid.: 596, 598). В атласе также рассматриваются формы связки 2 л. ед. ч., однако форма **ty by* составителями зафиксирована не была (Ibid.: 596, 599). Рассмотрим примеры из нашего корпуса.

4.1	Ti co bili ovaj jak bi řekla, žemesiln'ici.	Эти, которые были, как бы я сказала, ремесленники (РБ).
4.2	To je samovazačka, to už je, e jag bi řekla.	Это сноповязалка, это уже, как бы я сказала... (ФС).
4.3	Jako mladež co, co bi ti řekla, jako mladi.	Как молодежь [обычно себя ведет], как бы я тебе сказала, как молодые (МК).
4.4	No nevim, jag bi to vam vobjasn'ila.	Ну, не знаю, как бы я вам это объяснила (БХ).

В примерах 4.1–4.4 лицо говорящего эксплицитно не выражено. Мы видим дискурсивы, которые строятся по модели: вопросительное местоимение + глагол говорения *řekla* ‘сказала’, *vobjasn'ila* (серб./хорв. *objasnila* ‘объяснила’ с протетическим *v-*, характерным для собственно-чешских диалектов). Можно предположить, что в ситуации контакта могло произойти калькирование распространенных сербских/хорватских дискурсивов с дословным заимствованием связки. В пользу такого предположения говорит пример 4.4, где форма глагола *objasnila* заимствуется с незначительной адаптацией в виде протетического *v-*. В корпусе устной речи ORAL2013 Национального корпуса чешского языка дискурсив типа *jak bych [vám] to řekl(a)* фиксируется не часто (найдено 17 примеров, данная фраза встречается 5 раз на 1 млн. позиций), аналогичную фразу с глаголом *vysvětlit* ‘объяснить’ найти не удалось⁶².

⁶² В корпусе SYN2020 было найдено 4 примера со словами *jak bych [...] vysvětlil*, из которых лишь 1 типологически похож на примеры, рассматриваемые в данной главе. Учитывая объем корпуса SYN2020, равный 100 млн. токенов без учета знаков препинания, данным результатом можно пренебречь.

Рассмотрим несколько контрпримеров, где форма связки соответствует лицу и числу субъекта говорения.

4.5	Bilo tam fšelicos, i stšizn'i žboži jag bix žekla, i sul misim, i prehrambeno fšexno tam bilo, f tom kramu.	Там было всё, и метражные товары, как бы я сказала, и соль, думаю, и продуктивное всё там было, в этой лавке (РБ).
4.6	Tet' ja nevim, jag bix to visvjetlila.	Сейчас не знаю, как бы я вам это объяснила (ФС).
4.7	Smuč ⁶³ , e, jak bis ti řek smuč?	Судак, э, как бы ты сказал «судак»? (БК)

В примере 4.5, который аналогичен случаям 4.1–4.3 употреблена соответствующая грамматическому контексту форма связки *bix*. Дискурсив в примере 4.6 аналогичен фразе из 4.4, однако в 4.6 употреблен чешский глагол *visvjetlila* и соответствующая контексту форма *bix*. В 4.7 употреблена соответствующая контексту форма 2 л. ед. ч. *bis*.

4.8	Musel bi barem dva roki pracovat n'egde jako kuxař, abi mn'e potom vzali n'ekam jinam.	Я должен был бы хотя бы два года работать где-то поваром, чтобы меня потом взяли куда-то в другое место (БК).
4.9	Tšebal bi si to ja n'aki den vipsat n'eco, pa abisem čitao ja.	Мне следовало бы в какой-то день записать что-то, чтобы я читал (ВВе).

В примерах 4.8 и 4.9 формы *bi* (на месте *bix*) употребляются вне дискурсивов. В 4.9 субъект выражен личным местоимением, однако в силу единичности такого примера сделать вывод о связи формы *bi + ja* с диалектами чешского языка в этом случае нельзя.

5. В сербском и хорватском языках значения 'существовать', 'иметь место' в настоящем времени могут выражаться при помощи форм 3 л. ед. ч. глагола 'иметь' (*ima/nema*) с дополнением в родительном падеже (экзистенциальная конструкция): *U tome mjestu još ima dobrih ljudi* 'В этом городе есть ещё хорошие люди'. Конструкции с *ima/nema* также могут иметь дополнение в именительном падеже.

⁶³ Ср. хорв. *smuč* 'судак'.

В таком случае речь идет скорее о локативной конструкции, указывающей на местоположение объекта, хотя ее семантика может трактоваться и как экзистенциальная: *U tome mjestu ima dobra škola* ‘В этом городе есть хорошая школа’ (Zovko Dinković 2011: 284–286). В чешских говорах такие конструкции отсутствуют, однако нам встретились случаи их заимствования в переселенческих идиомах. Рассмотрим примеры из нашего корпуса:

5.1	АС. Ti špicnamen ma plno vi Krušici? BBe. Jooo.. Hodn’ e ih ma .	– Этих прозвищ много в Крушчице? (АС). – Да. Много их (BBe).
5.2	Tagže ma u nas dost žeči , co ja vim, keri sou, nevim, n’emeckeho porekla, maďarskeho.	Так что, у нас достаточно слов, не знаю, которые, не знаю, немецкого происхож- дения, венгерского (ВП).
5.3	ВП. Diš ma sn’ehu, ma tam... ВХ. Taj je i planinarskej ten dom. ВП. A ma tam iii... КК. Ima i vučnica . ВХ. Ima i vučnica . ВП. Ima, ima .	– Когда есть снег, есть там... (ВП). – Здесь есть и горнолыжная база (ВХ). – А есть там и... (ВП). – Есть и подъемник (КК). – Есть и подъемник (ВХ). – Есть, есть (ВП).

Примеры 5.1–5.3 показывают, что глагольный элемент в заимствованной конструкции часто адаптируется, а именно используется форма *ma*, соответствующая чешской форме 3 л. ед. ч. Контексты рассматриваемой конструкции в 5.1 и 5.2 — экзистенциальные, речь идет именно о наличии прозвищ в конкретном сельском сообществе и определенных слов в конкретном идиоме. В 5.1 информант испытывает трудности с согласованием местоимений со словом *špicnamen*⁶⁴ (это заметно по другим отрывкам из интервью с его участием), поэтому сложно определить однозначно, форма какого падежа в словосочетании *ti špicnamen* подразумевается, однако его собеседник отвечает, используя родительный падеж: *hodn’e ih ma*. Отметим, что употребленное АС наречие *plno*, вероятно, является

⁶⁴ В Воеводине так называют прозвища, которые могут распространяться как на одного человека, так и на целую семью, заменяя в обиходе, соответственно, имя или фамилию (от форм косвенных падежей нем. *Spitzname*: серб. воеводин. *шпицнаме, шпицнамет, шпицнамен*) (РСГВ 4: 489).

калькой сербского *ripi*, подходящим функционально-стилистическим аналогом которого являются чеш. *hodně, mnoho*. В 5.2 родительный падеж существительного *žeči* (чеш. *řeč* — ‘речь’, ‘язык’, здесь в значении ‘слово’, является калькой серб. *reč*) обусловлен сочетаемостью с наречием *dost*, поэтому определить, какой падеж имеет объект экзистенциальной конструкции, в данном случае затруднительно. В начале примера 5.3 мы видим экзистенциальный контекст наличия/отсутствия: *diš ma sn'ehu*, в котором объект выражен существительным в родительном падеже *sn'ehu*, однако реализовать следующую свою речевую интенцию (*ma tam...*) ВП не смог, т. к. его перебили другие участники беседы. Одна из них сообщила, что на холме, о котором говорил ВП, имеется подъемник: *ima i vičnica* — локативная конструкция с объектом в именительном падеже. С ней согласился другой собеседник и сам ВП: *ima, ima*. Однако фраза *ima i vičnica* была произнесена собеседницей, которая слабо владеет чешским языком, и говорила во время интервью в основном на хорватском, поэтому на основе этого примера мы не можем сделать вывод о функционировании конструкции с *ima* и объектом в именительном падеже в чешском идиоме.

Примеры 5.4–5.6 демонстрируют употребление отрицательной формы *nema* в аналогичных конструкциях.

5.4	Bux otec, i sin, i dux svati. Amen nema , naposletku je amen.	Бог отец, и сын, и дух святой. «Аминь» нет, в конце «Аминь» (БХ).
5.5	Tam hledaji xorvacki, nemá vic česki .	Там нужен хорватский, чешского там уже нет (ЖХ).
5.6	Od Istri, Dubrownik, nahoře, to nemužeš rozumn'et. Nema kn'íževnej , šeno je mixani.	От Истрии, Дубровник, на севере, это ты не можешь понимать. Нет литературного [языка], всё смешанное (ВХ).

Все три контекста имеют локативную семантику. В примере 5.4 условно (*amen* является несклоняемым), а в примерах 5.5, 5.6 фактически, слово, обозначающее объект, имеет форму именительного падежа.

6. В чешских идиомах Сербии и Хорватии также обращают на себя внимание заимствования с элементом *da*. Речь идет о нескольких типах заимствований, в которых конструкции с *da* замещают собой те или иные конструкции чешского языка.

6.1 Конструкции с союзом *da* могут выступать в придаточных цели (примеры 6.1.1, 6.1.3–6.1.5) и условия (примеры 6.1.6–6.1.8).

6.1.1	I tak se davali prkna ze stranu, i pletli se n'ejaki proutki dovnitř da drži tu zem.	И так ставили доски по сторонам и плели какие-то прутики внутрь, чтобы они держали землю (ИХ).
6.1.2	A dobře, to mušelo se davat vodi, abi se mohla dobře nabit . I troxu prout'í se davalo mezi, abi to drželo jedno z druhim .	А, хорошо, нужно было добавлять воду, чтобы она [земля] могла хорошо увеличиться в объеме. И немного прутиков клали между ними, чтобы одно за другое держалось (ИХ).
6.1.3	Deda bil ve zatvoru, že bršil troxu ječmenu da ma dat co svin'am.	Дедушка был в тюрьме за то, что обмолотил немного ячменя, чтобы у него было, что дать свиньям (МС).
6.1.4	Tak t'eško, vite, jako ja tej da tej mluvim pravje česki, musela bih mislet na to, jak se to ma, kerej žic, kera řeča.	Так тяжело, знаете, я, чтобы сейчас говорить на правильном чешском, мне придется думать о том, как нужно, что сказать, какое слово (БХ).
6.1.5	To d'elame do dřívi da hoží potom i zase korist'í, ne.	Из этого мы делаем дрова, чтобы потом горело и снова использовалось (ВМ).

В чешском языке случаям такого использования союза *da* с личной формой глагола, как правило, соответствуют конструкции *aby* + *l*-причастие. Вариативность выражения данного значения в пределах одного идиолекта показывают примеры 6.1.1 и 6.1.2.

6.1.6	I tuten čas brzdn'í ten, nemužeš, i da xceš nemužeš kažou ned'eli vodejít do kostela.	В это время быстрое ты не можешь, даже если бы захотел, не можешь каждое воскресенье ходить в костел (ИТ).
6.1.7	A mohli zadarmo naučit, ne. Nekoštuje n'ic e da rodiče naučili . I bilo bi im dobře.	А могли бесплатно выучить [чешский]. Ничего не стоит, если бы родители научили. И им бы было хорошо (ЗВ).

6.1.8	Da bila lepší trošku ta bina, tag bi to bilo mnohem lepší.	Если бы была немного лучше сцена, то было бы гораздо лучше (БК).
-------	---	--

Похожие примеры с придаточными условными описывал Д. Миркович. Он отмечал, что из-за известной схожести конструкций не всегда стоит говорить именно о замене целой конструкции. Он выделяет два типа случаев. 1) Замена только союза: *da* на месте *kdyby* — без изменения формы глагола. Это формально возможно, если конструкцией с *da* выражается значение прошедшего ирреального времени, при котором смысловой глагол в придаточном предложении стоит в форме *l*-причастия (примеры 6.1.7, 6.1.8). 2) Замена конструкции, при которой происходит в том числе изменение глагольной формы: на месте конструкции *kdyby* + *l*-причастие оказывается *da* + личная форма глагола (см. пример 6.1.6) (Mirković 1968: 313–314). Придаточные цели с *da* на месте *aby* Мирковичем не рассматривались, а Утешены упоминает оба случая вскользь (Utěšený 1970: 143). С. Попович рассматривает случаи с *da* при придаточных условных вместе с контекстами, которые будут далее охарактеризованы как оптативные *da*-конструкции (у Попович — дезидеративные). В целом Попович констатирует практически полное вытеснение чешских конструкций сербскими в дезидеративных и кондициональных контекстах (Popović 1968: 74–75).

6.2. Союз *da* также может присоединять придаточные изъяснительные, то есть употребляться на месте чешского союза *že*. В этом случае никаких грамматических трансформаций не происходит (6.2.1–6.2.2).

6.2.1	Jak to vihliželo, ti jako dž'ič'e da se hraješ se pčelame? Ne da se hraješ , nego da pracuješ .	Как это выглядело, что ты, ребенок, играешь с пчелами? То есть, что не играешь, а работаешь (АС).
6.2.2	Jak to se stalo, baž do Krušici da pšišli ?	Как это случилось, что они именно в Крушцицу пришли (АС)?

6.3. В идиомах сербско-хорватского континуума *da* может входить в состав элемента *da li*, вводящего косвенный вопрос, кото-

рый в устной речи сокращается до формы *dal*. В чешском языке ему соответствуют союзы *zda, zdali, jestli*.

6.3.1	A gdo bil Joškovo tata, dal to pama-tuješ?	А кем был папа Йожи, ты помнишь? (АС)
6.3.2	Hombaž dal bil tata? Žekl bih, že jo.	Был ли папа охотником? Я бы сказал, что да (ИХ).
6.3.3	Uš sem to zapomn'ela, dal desetkrat nebo kolikrat, a pak dou a t'e vdavaj nebo t'e žen'ej.	[Об игре в колечко] Я уже это забыла, десять или сколько раз, а потом они идут и выдают тебя замуж или женят тебя (МК).

Использование сочетания *da li (dali, dal)* в косвенных вопросах отмечал С. Утешены (Utěšený 1970: 143).

6.4. Особый интерес представляет использование в чешских переселенческих идиомах конструкций *da* + презенс смыслового глагола в составе модальных предикатов на месте чешского инфинитива. Конструкции *da* + презенс более характерны для восточных штокавских говоров. В западных штокавских говорах в этой позиции скорее будет употреблен инфинитив (Kravar 1953: 47). Таким образом, неудивительно, что случаи *da* + презенс смыслового глагола в модальных предикатах были нами обнаружены именно в чешских идиомах Сербии.

6.4.1	Von'i ten čas mn'eli kram. To nemox každi da ma .	У них в то время была лавка. Не мог каждый иметь лавку (АС).
6.4.2	A já slišel, že mladi nesmn'eli da dou sami na ti tanci, mušel i jít n'egdo starši da de s nima.	А я слышал, что молодые не могли одни пойти на танцы, должен был пойти кто-нибудь из старших, пойти с ними (АС).
6.4.3	Pa džif se smn'elo da se de u lof jít .	Но раньше можно было пойти на охоту (АС).

Конструкции *da* + презенс *ma*, употребленной в 6.4.1, в чешском языке соответствует инфинитив смыслового глагола (*mít*). При этом в 6.4.2, 6.4.3 в речи того же информанта наблюдаются колебания по-

сле модальных глаголов *smn'et* ‘сметь’, ‘быть дозволенным’ и *mušet* ‘быть должным’ (ср. чеш. станд. *muset*). Так в 6.4.2 после *nesmn'eli* АС употребляет заимствованную конструкцию *da dou* (хотя форма 3 л. мн. ч. смыслового глагола ‘идти’ ближе чешской: *(j)dou*), однако далее в том же примере после *mušel* используется как инфинитив *jít*, так и форма *da de*. Отрывок после модального глагола *mušel* можно интерпретировать как автокоррекцию (возможно, гиперкоррекцию, так как происходит замена на заимствованную форму), либо рассматривать его как два предложения, где *da de s nima* — придаточное цели (‘должен пойти кто-то старший, чтобы пойти с ними (чтобы проследить за ними)’) — тогда конструкцию с *da* мы интерпретируем аналогично случаям из 6.1. В 6.4.3 автокоррекция происходит в направлении от заимствования к чешскому варианту (*[se smn'elo] da se de* → *jít*).

6.4.4	Nemam ešt'e jedni brejle, sem mn'ela, neim gde je mám. Třeba mi da vid'im, da si vemu druhi.	У меня нет еще одних очков, у меня были, не знаю, где они у меня. Мне нужно видеть, взять другие (МС).
6.4.5	Drží tři dn'i na ti sou hloupji (dn'e, na ti žádní nic ned'ela ne. Nen'i to dobri da d'ela .	Выдерживают три дня, это глупые дни, во время них никто ничего не делает, нет. Не хорошо делать (работать) (МС).
6.4.6	F sobotu bila sxúze za to, kam se pude, gdo pude, jag bude, gdi, f kolig hodž'in, gde da se seberu i tak.	В субботу была встреча по этому поводу, куда пойдут, кто пойдет, как будет, когда, во сколько, где им собраться и т. д. (ИХ).

В примере 6.4.4 модальность выражает контаминированная конструкция *třeba mi da* (ср. чеш. *je třeba* + инфинитив и серб./хорв. *treba da* + презенс). В 6.4.5 модальное значение выражается через оценку информантом ситуации, где в чешском языке на месте *nen'i to dobri da d'ela* можно ожидать инфинитив *nen'i to dobri d'elat*. В 6.4.6 контекст *gde da se seberu* ‘где им (стоит/нужно) собраться’ можно охарактеризовать как модальный, хотя эксплицитно модальность никак не выражена, кроме, собственно, употребления *da*. Элемент *da* можно опустить, в результате чего смысл предложения фактически не пострадает, пропадет лишь модальность: *gde se seberu* ‘где они

соберутся', и фраза будет соответствовать чешскому узусу. Другая возможность для чешского узуса — эксплицитное выражение модальности, напр. *gde se museji/maji sebrat* (в этом случае с модальным глаголом был бы употреблен инфинитив смыслового глагола).

Также в нашем корпусе есть пример использования конструкции *da* + презенс в оптативном значении (6.4.7).

6.4.7	Tej da vid'im tadi, gde sou češi.	Сейчас посмотрю здесь, где есть чехи (ЙМ).
-------	--	--

В чешском языке в подобном контексте может употребляться форма повелительного наклонения 1 л. мн. ч. (*pod'ivejme se tadi, gde sou češi*), либо кондициональная конструкция с *aby* (*abix vid'el tadi, gde sou češi*).

III. Выявленные особенности синтаксиса свидетельствуют об интенсивности языковых контактов между чешскими переселенческими идиомами и языками мажоритарных этносов. Изменение порядка клитик, появление связки 3 л. глагола 'быть', унификация кондициональных форм *bi* возможны в силу формального, а часто и функционального сходства лексических единиц, входящих в состав данных конструкций. Наблюдаемая ситуация с *da*, особенно проникновение *da*-конструкции на место инфинитива в чешских идиомах Сербии, является примером заимствования не просто конструкции из близкородственного языка, но синтаксической особенности, которую обычно относят к отличительным признакам балканского языкового союза. Попадание в наше поле зрения контактных особенностей синтаксиса, не фиксировавшихся в предыдущих фундаментальных работах, свидетельствует о живом процессе языкового сдвига в рассматриваемых чешских переселенческих говорах.

Список информантов:

- АС — муж., 57, Бела-Црква, Сербия.
 БК — муж., 29, Кончаница, Хорватия.
 БХ — жен., 80–85, Иваново-Село, Хорватия.
 БХа — жен., 71, Крушчица, Сербия.

- ВВ — жен., 45–55, Раствовац, Хорватия.
ВВе — муж., 61, Крушчица, Сербия.
ВМ — муж., 46, Шибовац, Хорватия.
ВП — муж., 64, Дарувар, Хорватия.
ВХ — муж., 63, Рашеница, Хорватия.
ЖХ — муж., 55, Кончаница, Хорватия.
ЗВ — муж., 55, Раствовац, Хорватия.
ЙМ — муж., 70–75, Крушчица, Сербия.
ЙТ — муж., 58, Гай, Сербия.
ЙХ — муж., 73, Крушчица, Сербия.
КК — жен., 60–65, Рашеница, Хорватия.
МК — жен., 74, Крушчица, Сербия.
МС — жен., 82, Вршац, Сербия.
РБ — жен., 77, Вршац, Сербия.
ФС — жен., 61, Дарувар, Хорватия.

Терминологическая лексика традиционной культуры у словенцев в Италии (Надижская и Терская долины)

Полевые исследования на итальяно-словенском пограничье (см: Baudouin de Courtenay 1988; Ivančič Kutin 2018; Ježovnik 2020; Ježovnik 2022; Zuljan Kumar 2022a; Пилипенко, Ясинская 2018; Пилипенко, Ясинская 2023 и др.), а также имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники (словари и атласы⁶⁵; публикации фольклорно-этнографических материалов в сборниках⁶⁶, периодических изданиях⁶⁷ и на страницах социальных сетей сообществ словенцев в Италии) явно демонстрируют, насколько словенские диалекты пограничья подвержены влиянию соседних романских языков — итальянского и фриульского, что отражается в наличии заимствований на различных языковых уровнях (начиная с фонетики и заканчивая лексикой и синтаксисом). На всем протяжении границы со Словенией словенские диалекты неоднородны: на севере в Канальской долине это зильский диалект каринтийской группы, затем это приморские говоры: резьянский, надижский, терский и др. говоры Венецианской Словении, к югу — крашский, нотраньский и истрийский диалекты. Носители местных диалектов владеют не только своим идиомом, но и итальянским (часто в его региональных вариантах); в зонах интенсивных контактов с фриулами большинство словенцев владеет еще и фриульским языком⁶⁸. Помимо романских языков, влияние на язык словенцев оказал также немецкий язык: до распада Австро-Венгрии языком администрации был немецкий, поэтому многие

⁶⁵ Spohonja 2010; Общеславянский лингвистический атлас (OLA), Slovenski lingvistični atlas (SLA).

⁶⁶ Balloch 2018; Tomasetig 2010.

⁶⁷ Газеты, издаваемые словенским этническим меньшинством в провинциях Горичия и Удине: «Dom», «Novi Matajur», «Novi Glas».

⁶⁸ См. главу I «Переключение кода в речи носителей надижского и терского диалектов словенского языка на территории Италии» в настоящей монографии.

лексемы были заимствованы из этого языка, а в Канальской долине до сих пор проживает значительное немецкоязычное меньшинство. Речь всех информантов в той или иной степени подвержена влиянию государственного итальянского языка: начиная от адаптированных, прижившихся заимствований, до ситуативных переключений кода при затруднении в подборе слова на родном диалекте. Факт наличия заимствований осознается самими носителями диалектов: так, наши информанты утверждали, что, многие слова вошли в их язык именно из фриульского (что не всегда соответствует действительности), в качестве примеров приводились лексемы: *tavajúç* ‘покрывало, полотенце’ (из фриул. *tavaiuç* ‘салфетка, скатерка’ (Erat 2008, V, 122)), *likof* ‘окончание работ, например, по строительству дома’⁶⁹. Заимствования в диалектах словенского этнического меньшинства в Италии, а также в диалектах сопредельных приграничных районов Словении, в частности, в Истрии, проникают в различные сферы лексики, в том числе в зону терминов родства, растительную терминологию (наименования овощей и фруктов) и др. (Cossutta 1996; Cossutta 1997; Пилипенко 2016).

В настоящей главе речь пойдет о том, как функционирует на итальяно-словенском пограничье в словенских говорах Надижской и Терской долин (где в основном проходили полевые исследования в рамках проекта)⁷⁰ терминология традиционной народной культуры, насколько данная сфера языка подвержена конвергентным явлениям. При этом целью настоящего раздела не является ареальный анализ распространения тех или иных наименований, хотя они могут различаться в надижском и терском диалектах, а также в пределах каждого диалекта в различных населенных пунктах, что для нас в данном случае не важно, так как мы рассматриваем корпус терминологии духовной культуры целиком. По определению С. М. Толстой, терминологическая лексика традиционной культуры — «это специаль-

⁶⁹ На самом деле, согласно М. Сноу, лексема *likof* происходит из ср.-в.-нем. *lītkouf* ‘угощение алкоголем по случаю заключенной сделки’, из чего развилось современное нем. *Leikauf* в том же значении. Это слово является составным из ср.-в.-нем. *līt* ‘водка’ и производного от глагола др.-в.-нем. *koufen*, нем. *kaufen* ‘покупать’. То есть первичное значение — ‘алкоголь при сделке’ (Snoj 2003: 375).

⁷⁰ Данные других регионов (например, окрестностей Триеста) привлекаются изредка в качестве параллелей и дополнений.

ная терминология обрядов и верований, называющая семиотически (культурно) значимые реалии — ритуальные предметы, действующих лиц, действия, свойства, функции, отношения и т. п., обозначающая сами обряды или их части» (Толстая 2013: 166–167). «Состав обрядовой терминологии достаточно устойчив и включает в себя следующие группы терминов: 1) названия обрядов, их комплексов, их составных частей, хронимы (народный календарь), 2) названия ритуальных предметов, 3) названия лиц — исполнителей, или, реже, адресатов, или объектов ритуальных действий, 4) названия ритуальных действий, 5) метаязык фольклора (названия песенных циклов, вербальных формул, танцев, игр и т. п.). Метаязык верований очертить значительно труднее, ибо он практически совпадает с языком вообще, с общеупотребительной лексикой. Специфической для него является лишь мифологическая терминология (названия и имена мифологических персонажей, близкие к ним обозначения субъектов, объектов и действий колдовства, магии, названия болезней и т. п.), а также лексика, имеющая отчетливую “культурную” мотивировку внутренней формы» (Там же: 168).

Исследователю терминологии традиционной культуры словенского этнического меньшинства в регионе Фриули-Венеция-Джулия приходится сталкиваться с тем, что эта лексика специально не собиралась учеными, а если и попадала в их поле зрения, то случайно. Например, в анкетах «Общеславянского лингвистического атласа» (ОЛА) и «Словенского лингвистического атласа» (SLA) сведения, посвященные традиционной культуре, единичны и случайны⁷¹, особенно это касается вопросов, относящихся к духовной культуре, — демонологии, обрядовой пищи, ритуальных действий и предметов и т. п., а те данные, которые имеются в словарях, представляют

⁷¹ Например, в 10 томе *Общеславянского лингвистического атласа* (Народные обычаи) представлены карты, посвященные некоторым терминам свадебного и похоронного обрядов (*жених, невеста, молодой, молодая, жениться, выходить замуж, приданое, гроб, могила, кладбище, хоронить*), мифологическому термину *ведьма* ('женщина, которая занимается колдовством', а также названиям двух христианских праздников — Пасхи и Рождества и самому термину *праздник*. Остальные карты тома имеют весьма опосредованное отношение к народным обычаям (*мяч, катиться, круглый, прощаться, целовать* и т. п.). Отчасти это обусловлено временем, когда создавался вопросник ОЛА, — серединой 1960-х гг., когда суеверия были под запретом.

разрозненные свидетельства, не дающие всеобъемлющей картины, поэтому систематическое изучение лексики традиционной культуры еще только предстоит. В настоящей главе были использованы собственные полевые записи, сделанные в 2017–2022 гг., материалы из картотеки Словенского лингвистического атласа, данные из опубликованных источников — сборников, включающих рассказы различных жанров (былички, легенды, рассказы о праздниках и обычаях), собранных в различные годы в исследуемом регионе (Tomasetig 2010; Balloch 2018; Merku 2004; Stanonik, Potočnik 2020).

Казалось бы, терминологическая лексика традиционной культуры уже по своему определению «традиционная», она должна быть более устойчивой по отношению к внешним влияниям и сопротивляться проникновению заимствований. Однако, обратившись к терминологии традиционной культуры словенцев в Италии, можно увидеть, что и в эту область проникают заимствования, которые функционируют наряду с исконно славянской лексикой. При этом термины могут различаться в зависимости от региона, даже в одном населенном пункте могут существовать параллельно словенское и заимствованное наименование, причем как адаптированное, так и неадаптированное: в ходе интервью информант может переключаться со словенского на итальянский, если не может вспомнить словенское наименование той или иной реалии. Далее мы рассмотрим ряд лексико-семантических групп, связанных с терминологией духовной культуры, с точки зрения наличия в них исконной и заимствованной лексики в словенских говорах долин рек Натизоне и Торре (надижский и терский диалекты).

1. Хрононимы и названия календарных обрядов. Здесь мы в основном встречаем исконную славянскую лексику, но имеются и заимствования. К исконным относятся наименования: *buožič*⁷², *božič* ‘Рождество’, *novo leto* ‘Новый год’, *tri kralje / trije kralji* ‘Три

⁷² Лексика, анализируемая в главе, дается в том виде, в каком она записана в источнике: например, данные словарей приводятся не в фонетической транскрипции, материалы из полевых данных представлены в упрощенной транскрипции, отражающей лишь основные фонетические явления — дифтонги, фрикативное *y* и пр. Если в слове не проставлено ударение, это означает, что его не было в источнике (например, если оно взято из сборников диалектных текстов, таких как: Tomasetig 2010, Balloch 2018).

Короля’ — в отличие от итальянских названий этого праздника *L’Epifania*, *Befana*, которые словенцы не воспринимают как свои; *sviečēnca* ‘Сретенье’, *pust* ‘карнавал’, *pepelnica* ‘первый день Великого поста’, *oljčnica* (*ojčinca*), *oljčna nedelja*, *lifavica* (от *lif* — *olja* ‘олива’ — Бардо) ‘Вербное воскресенье’, *velika nuoč*, *pasha* (Бардо) ‘Пасха’, *svetorešnje telo*, *telovo*, *svet teles* ‘Божье Тело’, *unebohod* ‘Вознесение’, триест. *tepēžica* ‘День невинно убиенных Иродом младенцев’ из слн. *tepsti* ‘бить’. Хрононимы, связанные с именами святых, чья память совершается в данный день, могут оформляться различными способами: как словосочетанием имени и атрибута *svet(i)* ‘святой’ — *sveti Ivan*, *svet Martin*, *svet Miklavž* ‘день св. Николая’; так и слитными наименованиями — *svetantuón* ‘день св. Антония’, *ivanje* ‘день св. Ивана’, *martinovo* ‘день св. Мартина’. В двух последних примерах хрононим в процессе оформления меняет род с мужского на средний, обособляясь от имени святого — покровителя дня и переходя уже, собственно, в разряд хрононимов (см. Толстая 2005: 381–382). К исконной славянской лексике относится также наименование календарного обряда *devetica* ‘обход домов со статуей (образом) Девы Марии в течение 9 дней до Рождества’⁷³, по-видимому, оно представляет собой кальку с итальянского *novena di Natale*, в речи информантов нам встретился даже комбинированный итальянско-словенский вариант *novena od božiča: kar smo nosil Marijo, ke je bla novena od e, božicja, la novena di Natale ke je bla* ‘мы носили Марию, когда была Новена (Деветица) рождественская, которая была’ (Мерсино).

Некоторые **заимствования** могут использоваться в качестве дублетных наименований к исконным славянским: например, *nadal* (из фриул. ‘Рождество’), функционирующее наряду со славянским наименованием *božic* (в терском диалекте для обозначения Рождества встречается заимствование из немецкого *vienachte* (Spinozzi Monai 2009: 619) — из ср.-в.-нем. *wīnachten*). И. А. Бодуэн де Куртенэ записал в терском диалекте обозначение праздника Божьего Тела как *korpo di bijo* (от фриул. *corpo di bio*; ср. ит. *corpo di dio*) (Spinozzi Monai 2009: 544). Также сохраняется ряд старых немецких заимствований, таких как тер. *piərnahti* из нем. *Berchennacht* букв. ‘Ночь Берты’ («Три

⁷³ Подробнее об обычае Деветица см.: Ясинская 2022.

Короля»); триест. *binkošti* (заимств. из др.-в.-нем. *fimfchusti* ‘Троица’, что по народно-этимологическому сближению с др.-в.-нем. *Fimf* ‘пять’ (вероятно, через гот. *raíntekusten* ‘Троица’) заимствовано из греч. Πεντηκοστή ‘Троица’, первично ‘пятидесятый (день по Пасхе)’ (Snoj 2003: 42). К немецким заимствованиям относится и хрононим *vaht*, *vahti* ‘день Всех святых и Праздник Мертвых’, а также производное *vahtič* ‘обрядовый хлебец, который раздается в этот день; также участник обходов, раздающий эти хлебцы’ — заимствовано из ср.-в.-нем. *wahte*, *waht* ‘стража’, из чего развилось современное нем. *Wacht* в том же значении. Немецкое слово родственно нем. *Wache* ‘стража’, *wachen* ‘бодрствовать, бдеть’ (Snoj, s. v. *vahti*⁷⁴). Также заимствованными являются общие названия для праздников — *fešta* ‘праздник’ (из ит. *festa*), *šegra* в значении ‘приходской праздник, торжество в церкви’ (из лат. *sacrus* ‘святой’), *žegàn* из др.-в.-нем. *sëgan* или ср.-в.-нем. *sëgen* ‘благословение, крестное знамение’ от др.-в.-нем. *seganōn* ‘осенить крестным знамением’, что происходит из лат. *sīgnāre* ‘обозначить, сделать знак, поставить печать’ от лат. *sīgnum* ‘знак’ (Snoj 2003: 865). Также из немецкого заимствовано *ánd't* (*ánduht*) ‘обряд, праздник, собрание’ (из ср.-в.-нем. *an(e)daht*) — в диалекте Ауризины (слн. Набрежина) (Godnič 2006: 350).

2. Наименования предметов и реалий, связанных с календарными обрядами. Ряд наименований обрядовых предметов встретился нам только в виде заимствований из романских языков, например: *albero di Natale* ‘Рождественское дерево, елка’: *smo nardil albero di Natale, an ta smo diel γor oriehe, liešinke, mandarine, karamele* ‘мы поставили рождественское дерево, и повесили на него орехи, лесные орехи, мандарины, конфеты’ (Вернасцо). Некоторые фигурируют в виде дублетов, например: *presempio* (‘рождественские ясли, вертеп’ из ит. *presepio*) и славянский аналог *jaslice* (*se j' nareduw, peresempio, an albero di Natale* ‘делался вертеп, рождественское деревце’). Также, в Терской долине нам удалось записать еще одно славянское наименование рождественского вертепа — *γrobič*

⁷⁴ В случаях, когда ссылка дается не на печатное издание словаря М. Сноя, а на электронную версию, расположенную на портале Fran, указания на год и страницы не приводятся: <https://fran.si/#>

(Тамора) (очевидно, родственное праслав. *grobъ). Итальянское наименование используется и для обозначения фигурки младенца Христа в вертепе — *Gesù Bambino*. Среди наименований обрядовых предметов встречаются и немецкие заимствования: *kráncelj* ‘венок’ (из ср.-в.-нем. kranzlīn, kránzlīn, бав. нем. Kránzlein) в Канальской долине, *púšljec* (из бав. нем. Puschel < ср.-в.-нем. buschel, büchel) ‘букет’, а также исконно-славянская лексика, например, *pirhi* ‘пасхальные яйца’ — по М. Сною, от праслав. *purgĕti ‘гореть, тлеть, рдеть’ (Snoj 2003: 516).

Особо стоит сказать о названиях обрядовых костров. В традиционной культуре фриулов и итальянцев северо-востока страны распространен обычай зажигать костры два раза в год: в ночь на св. Ивана, а также в ночь на 6 января (Красновская 1973: 29). Эпифанийский (богоявленский — на 6.01) костер носит названия *panevin*, *pignarùl* (Пилипенко, Ясинская 2018а: 55). У словенцев в Терской долине было отмечено два наименования — *kries* и *polovin*. По мнению наших информантов, слово *polovin* появилось в терском диалекте под влиянием романских языков, прежде всего фриульского: когда-то крестьяне, собираясь вокруг костра, ходили вокруг него и говорили “*Pan e vin*” (‘хлеб и вино’, ср. ит. pane e vino), данное действие носило продуцирующий характер — должны были умножиться хлеб и вино. Впоследствии это сочетание слов превратилось в *polovin* и закрепилось в местном словенском диалекте. Однако даже в Терской долине не везде используется этот термин: *polovin* распространен в Бардо, тогда как в Подбардо говорят *kries* (по-видимому, данная лексема имеет славянское происхождение — из праслав. *kresāti (Snoj 2003: 322)).

3. Семейные обряды, их участники, объекты и реалии. В сфере лексики семейных обрядов мы тоже сталкиваемся с рядом заимствований, как старых немецких, так и романских: например, тер. *ojcit* ‘свадьба’ (Spinozzi Monai 2009: 566) — из нем. Hochzeit в том же значении, которое развилось из ср.-в.-нем. hōch(ge)zīt ‘большой праздник’. Параллельно употребляются и словенские наименования: надиж. *porōka* (Špehonja 2010: 184), глагол *poročīt* (Ibid.); *žembá* (Ibid.: 319). Также заимствования встречаются в наименованиях приданого: *bala* — из ит. balla ‘связка, связанный тюк’, *dota* — из ит. dote ‘приданое’ (ОЛА 2015: 88–92): *an tiedan pried so pejál proč*

balo ‘за неделю до этого вывозили приданое’ (Трибиль-ди-Сопра); из фриульского заимствовано наименование надиж. *purtòn* (украшенная цветами арка, преграждающая путь молодым) — ср. фриул. *puarton* ‘ворота’, ‘дверь’ (Erat 2008, III, 87): *tist dan pried so nareddli tel portòn* ‘И в этот день накануне делали этот «портон» (арку)’ (Трибиль-ди-Сопра). По-видимому, к исконной лексике относятся надиж. *štivànka* (*štvànka*) ‘выкуп за невесту спиртным’ (от *sveti Ivan* > *Štivan* — Špehonja 2010: 255; см. также: Dreške ojceta 2021).

Заемствования встречаются и в наименованиях участников свадебного обряда: *fant* ‘жених, мужчина, имеющий невесту, будущий муж’ из ит. *fante* ‘слуга, мальчик в услужении’ (Bezljaj 2005, I: 127; ОЛА 2015: 54), *špožo* от ит. венец. *sposo* ‘муж’ (ОЛА 2015: 54), в значении ‘мужчина в день свадьбы’ (там же), *novič*, *noviča* (там же), *novice* ‘невеста’ из ит. диал. *novize* ‘новобрачная’ (ОЛА 2015: 66), *punca* ‘невеста, женщина, имеющая жениха, будущая жена’ (ОЛА 2015: 61) из ит. *pulcella* ‘девушка, девочка’ (Bezljaj 2005, III, 136), *morozza* из ит. диал. *morose* ‘невеста’ (ОЛА 2015: 61): *če je bil kajšen mlad de je šuv yledat kajšnu murózu* ‘если был какой-то молодой человек и он шел искать какую-нибудь невесту’ (Пульфери). В словаре И. А. Бодуэна де Куртенэ данные лексемы отмечены со значением ‘любимый (ая)’, а также представлен глагол *morozati* ‘состоять в любовных отношениях’ (Spinozzi Monai 2009: 558).

В лексике родильной обрядности были отмечены в том числе заимствования из фриульского языка: *litvána* (Špehonja 2010: 95) ‘роженица’, *komár* (Ibid.: 82) ‘повитуха’ (Сорценто, Клодич), *baštard* ‘внебрачный ребенок’ (Проссеникко). Исконная лексика присутствует, например, в наименованиях беременной женщины: *široka*, *nosná*, *čáka* (дословно — ‘ждет’) (Сорценто). В словаре И. А. Бодуэна де Куртенэ отмечены наименования для крестника и крестницы *fijoč* (m), *fijoča* (f), являющиеся заимствованием из фриул. *fiòc*, *fiòce* с тем же значением (Spinozzi Monai 2009: 528; Erat 2008, III: 206).

В похоронно-поминальной лексике тоже встречаются заимствования: к ним относится как сам термин *funeral* ‘похороны’ (из ит. *funeral*), так и другая лексика, связанная с погребением: например, по данным ОЛА это — ‘гроб’ *bank* (из фриул. *banc*), *banka* (из ит. диал. *banca*), ‘кладбище’ *sætmitjerə*, *satmičerə* (ср. фриул. *cimitieri*), ‘могила’ *grot*

(от фриул. *grote* ‘грот, пещера’, ит. *grotte* ‘то же’) (ОЛА 2015: 190). В Надижской долине для ‘гроба’ также используется лексема *kasèla* (Špehonja 2010: 77), происходящая от ит. диал. *casela* ‘ящик’ (ОЛА 2015: 191). Другое название кладбища, тоже заимствованное — *britof* из ср.-в.-нем. *vīthof* с первичным значением ‘ухоженная огороженная территория (при церкви)’, составная лексема из др.-в.-нем. *Frīten* ‘устанавливать, благоустанавливать’ и *hof* ‘открытое пространство, двор’ (Snoj 2003: 59). Также используется заимствованное из романских языков наименование свечи, в том числе зажигаемой при покойном — *čandela* (Spinozzi Monai 2009: 651).

4. Мифологическая лексика (наименования мифологических персонажей). Самой сложной для исследования является сфера мифологической лексики: у демононимов часто темная внутренняя форма и трудно реконструируемая этимология. Словенское этническое меньшинство для наименования демонов использует как исконные славянские наименования с прозрачной внутренней формой — *krivopete* ‘женские мифологические существа с обернутыми задом наперед ступнями’, *saravajedike* ‘женские мифологические существа, пожирающие сырое мясо, в том числе человека’, *te dušice* ‘души покойников’, *častitjove žene* (другое наименование кривопет, возможно, включающее эвфемистическое «задабривание» демона, связанное с табуированием его имени — Ivančič Kutin 2018a: 73), *vedomec* (или *medovec* — с метатезой) ‘двоедушник, душа которого во время сна выходит из тела и бродит, или душа умершего до крещения младенца’ (Snoj 2003: 810), *mora* ‘демоническое существо, являющееся ночью и душасщее человека во сне, пьющее кровь младенцев в колыбели’ (Snoj 2003: 414).

Имеются также и заимствования, причем как из романских языков, так и из немецкого: например, *štrija* (из фриул. *strie* ‘ведьма, колдунья’), *štriya* ‘ведьма, колдунья’⁷⁵, *štrijon* (Spinozzi Monai 2009: 599) — ср. ит. *strega* ‘ведьма, колдунья’ (Bezljaj 2005, IV: 120); *škrat* (из др.-в.-нем. *scrato* ‘лесной демон’) (Snoj 2003: 729); *lintv’r* ‘змея, чудовище’ из ср.-в.-нем. *lintwurm* (Godnič 2006: 351); *tanta* ‘женский

⁷⁵ Данное заимствование также встречается в хорватских и сербских диалектах, а также в диалектах словацкого и польского языков, куда оно пришло из румынского: *strigă* ‘ведьма, колдунья’ (Machek 1968: 582).

мифологический персонаж, который заводит человека, заставляя его блуждать' из фриул. *Tanta, Tantasmota* (Nicoloso Ciceri 1992: 443); *benadanti, balavantari* 'души умерших, показывающиеся в виде блуждающих огоньков' (Kropej 2008: 332): *Bolovántari so bli judjé duji, ki so kládle vse naróbe, an k' so ustrášli, so podérjal* 'Боловантари были дикие люди, которые ставили все неправильно, и когда они пугали, они разрушали' (Терчимонте).

В материалах И. А. Бодуэна де Куртенэ было записано тер. *štrolik* 'гадатель, предсказатель' (Spinozzi Monai 2009: 654), которому соответствует надиж. *stròlih, štròlih* с тем же значением (Špehonja 2010: 245). Данные формы являются заимствованиями из фриул. *strolíc* 'астролог, маг' (GDBIF). Встретилось также заимствование из немецкого языка — надиж. *štràfanje* 'проклятие', а также глагол *štràfat* 'проклинать' (Špehonja 2010: 255): *ya j štrafala... je bla na štrafija* 'его прокляла, она была ведьма' (Кростý).

Для обозначения сглаза наши информанты наряду с исконным славянским *garde oči* (букв. 'плохие глаза') пользовались итальянским заимствованием *malocchio* (букв. 'плохой глаз'). Также, видимо, словенцам в Италии было известно и наименование с корнем *rek-*, следы которого сохранились в выражении *ne bodrečen* (= *ne bodi urečen*), которое, по свидетельству наших информантов, произносилось при упоминании младенца, причем смысл этой формулы был неясен самим носителям.

Таким образом, в ситуации пограничья лексика традиционной культуры так же, как и лексика других сфер, оказывается подвержена заимствованиям. Встречаются как старые заимствования из немецкого языка (*britof, žegàn, vaht, kráncelj, škrat* и др.), так и более многочисленные заимствования из романских языков (*štrija, štriga, tanta, purton* и др.), для исследуемой территории это фриульский язык и различные венецианские диалекты итальянского⁷⁶. Термины

⁷⁶ Немецких терминов значительно меньше, чем итальянских, вероятно, они были заимствованы еще во времена Австро-Венгерской империи и в настоящее время данный список не пополняется, информанты в большинстве не владеют немецким языком (за исключением населения Канальской долины), и даже некоторые немецкие термины в настоящее время самими носителями диалекта могут восприниматься как фриульские (см. описанный выше случай с лексемой *líkof*).

из итальянского языка в ряде случаев функционируют параллельно со словенскими терминами или вместо них, чаще всего в речи информантов, которые плохо владеют словенским языком (ср. *talocchio* ‘сглаз’). Временами бывает трудно сказать однозначно, имеем ли мы дело с заимствованным термином, укоренившимся в языке, или же с переключением кода, когда информанту трудно подобрать слово из родного языка и он обращается к итальянскому аналогу, который у него на слуху. Порой эти заимствования связаны с христианской сферой (*Gesù bambino* ‘младенец Христос’, *presepio* ‘вертеп’), возможно, одним из объяснений этого является то, что во многих регионах отсутствует богослужение на словенском языке и словенцы посещают мессу на итальянском. Разумеется, в настоящей главе дается далеко не полный список заимствованных лексем в области терминологии традиционной духовной культуры, к тому же, по-видимому, данный список является открытым и может пополняться новыми заимствованиями, сначала возникающими в речи окказионально, а затем все более и более укореняющимися по мере забвения исконно славянских терминов. В заключение представим небольшую таблицу заимствованных терминов из сферы традиционной народной культуры, рассмотренных в главе, а также таблицу исконно славянских наименований (Таб. 1; Таб. 2).

Займствования из романских языков	Займствования из германских языков
Календарная терминология	
<i>fešta</i> ‘праздник’	<i>ánd'ì</i> ‘обряд, праздник, собрание’
<i>Nadal</i> ‘Рождество’	<i>binkošti</i> ‘Троица’
<i>šegra</i> ‘приходской праздник’	<i>pièrnahti</i> ‘Три Короля’
	<i>vahti, vahtič</i> ‘День мертвых’
	<i>vienahte</i> ‘Рождество’
	<i>žegàn</i> ‘праздник’

Наименования обрядовых предметов и реалий	
<i>albero di Natale</i> ‘рождественское деревце’	<i>kráncelj</i> ‘веноч’
<i>ćandela</i> ‘свеча’	<i>púšljec</i> ‘букет’
<i>Gesù bambino</i> ‘младенец Христос (фигурка в яслях)’	<i>likof</i> ‘праздник по случаю окончания работы’
<i>presepio</i> ‘вертеп’	
<i>tavajúć</i> ‘полотенце’	
<i>polovin</i> ‘обрядовый костер’	
Лексика семейной обрядности	
<i>dota</i> ‘приданое’	<i>ojcit</i> ‘свадьба’
<i>fant</i> ‘жених’	<i>britof</i> ‘кладбище’
<i>novič, noviča, novice</i> ‘жених’, ‘невеста’	
<i>punca</i> ‘невеста’	
<i>špožo</i> ‘жених’	
<i>moroza</i> ‘невеста’, <i>morozati</i> ‘состоять в любовных отношениях’	
<i>bala</i> ‘приданое’	
<i>pirtòn</i> ‘свадебная арка’	
<i>bank, banka</i> ‘гроб’	
<i>funeral</i> ‘похороны’	
<i>sətmitjērə, satmićērə</i> ‘кладбище’	
<i>grot</i> ‘могила’	

<i>kasèla</i> ‘гроб’	
<i>komár</i> ‘повитуха’	
<i>litvána</i> ‘роженица’	
<i>baštard</i> ‘незаконнорожденный ребенок’	
Мифологическая лексика	
<i>malocchio</i> ‘сглаз’	<i>lintv'r</i> ‘мифологический персонаж, змей, чудовище’
<i>benadanti, beledanti, balavantari</i> ‘мифологические персонажи, блуждающие огни’	<i>škrat</i> ‘мифологический персонаж, гном’
<i>štrija</i> ‘ведьма, колдунья’	<i>štràfat</i> ‘проклинать’
<i>štrolík</i> ‘гадатель, предсказатель’	
<i>tanta</i> ‘женский мифологический персонаж’	

Таб. 1.

Словенские наименования, рассмотренные в настоящей главе
Календарная терминология
<i>buožič, božič</i> ‘Рождество’
<i>novo leto</i> ‘Новый год’
<i>tri kralje / trije kralji</i> ‘Три короля’
<i>sviečēnca</i> ‘Сретенье’
<i>pust</i> ‘Карнавал’

<i>pepelnica</i> ‘первый день Великого поста’
<i>oljčnica (ojčınca), oljčna nedelja</i> ‘Вербное воскресенье’
<i>lifavica</i> (от <i>lif</i> — <i>olja</i> ‘олива’) ‘Вербное воскресенье’
<i>velika nuoč</i> ‘Пасха’
<i>svetorešnje telo, telovo, svet teles</i> ‘Божье Тело’
<i>čnebohod</i> ‘Вознесение’
<i>tepêžica</i> ‘День невинно убиенных младенцев’
Наименования обрядовых предметов и реалий
<i>devetica</i> ‘обычай девять дней перед Рождеством носить образ Божьей Матери от дома к дому’
<i>jaslice</i> ‘Рождественский вертеп (ясли)’
<i>grobic</i> ‘Рождественский вертеп (ясли)’
<i>pirhi</i> ‘пасхальные яйца’
<i>kries</i> ‘ритуальный костер’
Лексика семейной обрядности
<i>poròka</i> ‘свадьба’, <i>poročìt</i> ‘жениться, выйти замуж’
<i>žembá</i> ‘свадьба’
<i>štivàнка (štvànka)</i> ‘обычай выкупа невесты’
<i>širóka</i> ‘беременная’
<i>nosná</i> ‘беременная’
<i>čáka</i> ‘беременная’ (дословно — ‘ждет’)

Мифологическая лексика

krivopete ‘женские мифологические существа с обернутыми задом наперед ступнями’

saravajedike ‘женские мифологические существа, пожирающие сырое мясо, в том числе человека’

te dušice ‘души покойников’

častijove žene ‘женские мифологические персонажи, дикие жены’

vedomec ‘душа двоедушника, покидающая тело во время сна’,
‘душа умершего до рождения младенца’

mora ‘мифологическое существо, душачее человека во сне и пьющее его кровь’

garde oči ‘сглаз’ (букв. ‘дурные глаза’)

ne bodrečen (= *ne bodi urečen*) ‘чтоб тебя не сглазили (не изурочили)’

Таб. 2.

Деятельность организации «Итальянский союз» в Хорватии и Словении. Историческая и структурно-географическая характеристика

1. Исторический контекст итальянского вопроса

Актуальность вопроса определяется событиями XX в., происходившими в этом регионе. Распад Австро-Венгрии, случившийся не в последнюю очередь под влиянием процессов национального возрождения южнославянских народов, поставил на повестку дня вопрос территориального разграничения между «государствами-наследниками» австро-венгерского территориального пространства — Югославией, Австрией и Италией, который определял характер межгосударственных отношений в первой половине XX в. Крайне примечательно появление в данном списке Италии, государства, которое сразу после своего образования в 1861–1870 гг. проявило интерес к территориальным пределам Восточной Адриатики (Искендеров 2014: 161–181) и претендовало на них вплоть до краха режима Б. Муссолини. Крупнейшим территориальным приобретением Рима стали полуостров Истрия и г. Риека, отошедшие к Италии по итогам Первой мировой войны и серии напряженностей, возникших с Королевством сербов, хорватов и словенцев в начале 1920-х гг.

Победа титовской Югославии во Второй мировой войне означала не только полное освобождение территории бывшей королевской Югославии, но и вхождение в ее состав спорных прибрежных территорий на побережье Далмации, в частности г. Риека и полуострова Истрия, которые были освобождены в 1943–1944 гг. События сопровождалась определенными репрессиями в отношении итальянского населения, фигурирующими в местном итальянском дискурсе под понятиями «Великий исход» (Il Grande Esodo) и «Убийства в карстовых воронках/пещерах» (Massacri delle Foibe), в результате которых,

по расходящимся данным, территорию Истрии и Далмации покинуло от 200 до 350 тыс. человек (Dukovski 2001: 662–664). Различие в методиках подсчета обусловлено неточностью архивных данных, различным географическим и хронологическим охватом, политическими установками на завышение или занижение числа жертв (Пивоваренко 2022).

Как справедливо отмечает словенский исследователь Борут Клабьян (Klabjan 2019: 3–5), на протяжении XX в. Северная Адриатика и Центральная Европа переживали «регулярное перечерчивание государственных границ». При этом проблема пограничья интересовала исследователей в меньшей степени, а основные предметы научного интереса были связаны с аспектами исторической памяти, примирения и нормативных аспектов защиты прав национальных меньшинств. Кроме того, в национальных историографиях сохраняются сюжеты дискриминации собственного населения, связанные с конкретным историческим периодом: хорватская и словенская историография в данном контексте уделяют внимание межвоенному периоду 1920–1930-х гг., итальянская историография концентрирует внимание на периоде титовской Югославии (Thomassen 2006). Вопрос о численности населения, затронутого государственными ассимиляционно-репрессивными мероприятиями различных политических режимов, еще не утратил полностью своей актуальности.

Хельсинские соглашения 1975 г. утвердили приоритетность принципа нерушимости государственных границ при урегулировании этнополитических конфликтов, который с серьезнейшими оговорками (в случае распада Югославии и СССР государственными стали внутренние республиканские границы и границы автономий (Марусин 2014: 109–119)) преобладал до середины 2010-х гг. в международной конфликтологической проблематике. В региональном, восточно-адриатическом преломлении, продолжением общей международно-правовой тенденции стало Осимское соглашение от 10 ноября 1975 г., снявшее приграничные споры между Италией и Югославией и гарантировавшее широкую степень защиты культурных и этнических прав итальянского меньшинства в Югославии и югославского (прежде всего словенского и хорватского) в Италии. Международно-правовые документы, заключавшиеся в начале 1990-х гг.

между Италией и постъюгославскими государствами, Словенией и Хорватией, формировались в духе принципов Осимских соглашений, которые стали основополагающим документом и в контексте европейской интеграционной парадигмы.

Таким образом, хотя противоречие между принципом нерушимости границ и правом на национальное самоопределение решается в пользу принципа нерушимости границ, двухсторонние и трехсторонние международные соглашения предоставляют значительные возможности для реализации и второго основополагающего принципа Генеральной ассамблеи ООН⁷⁷.

2. Возникновение «Итальянского союза» в политическом и правовом контексте

Статья 4 Осимского соглашения вводит понятие «итальянских гражданских и юридических лиц» (Italian natural and juridical persons), находящихся на территории, отошедшей к Югославии по итогам Парижского мирного соглашения 10 февраля 1947 г., которое зафиксировало установление мира между членами антигитлеровской коалиции и государствами-сателлитами гитлеровской Германии⁷⁸. В случае Италии одним из центральных понятий стала так называемая оккупационная «Зона Б». Речь идет о территории южнее Триеста, занятой югославскими вооруженными силами, оказавшимися на линии разграничения с силами западных союзников, занявших г. Триест и северные окраины (так называемая «Зона А»). В дальнейшем «Зона Б» вошла в состав Словении и Хорватии, «Зона А» стала частью Италии.

Следует отметить, что в межвоенный период такие районы, как полуостров Истрия, город Риека и острова Далмации (Црес, Ластово и др.) находились в составе Италии. В связи с этим с трудом подда-

⁷⁷ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (24.10.1970). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 01.04.2023).

⁷⁸ См.: Осимские соглашения. С. 74. URL: <https://www.unimc.it/maremap/it/data-jus/files-accordi-bilaterali-conclusi-da-italia/accordi-con-la-rsfy-stati-successori-slovenia-croazia-rfy-montenegro/1975OsimoTreaty.pdf> (дата обращения: 30.03.2023).

ется оценке общее число итальянцев, проживавших на территории, оказавшейся по итогам Второй мировой войны в составе Словении и Хорватии. Еще одной причиной затруднений является противоречивость данных переписи населения государства сербов, хорватов и словенцев 1921 г., где по критерию родного языка было найдено 12,5 тыс. итальянцев⁷⁹. Можно констатировать, что в период с 1910 по 1948 г., по данным австрийских и итальянских переписей, итальянское население Истрии сократилось с 98,5 тыс. человек (37,2%) до 42,7 тыс. человек (20,7%) (Stjepanović 2015: 160–161; Klemenčič 1993: 623–627). По другим подсчетам, сокращение населения находится в диапазоне 147 тыс. (39,7%) в 1921 г. — 91,3 тыс. (27,5%) в октябре 1945 г. (Dukovski 2001: 635–636).

Данные Итальянской энциклопедии (Treccani) и Союза беженцев в Италии (Associazione degli esuli) определяют совокупное число итальянских беженцев из Истрии и Далмации в 300–350 тыс. человек. Югославские данные конца 1980-х гг. (Центр исторических исследований г. Ровинь) говорят о 201 440 изгнанников. В дальнейшем обе цифры претерпели коррекцию, и теперь хорватская и итальянская историография фиксируют цифру в 200–225 тыс. беженцев из района Истрии и Риеки в 1945–1971 гг. (Dukovski 2001: 662–664).

Юридическим лицом, взявшим на себя функцию защиты оставшегося итальянского населения на территории югославской Истрии и Далмации, стал «Итальянский союз» (ит. Unione Italiana, также известен под названиями «Национальное сообщество итальянцев», ит. Comunità Nazionale Italiana — CNI, «Союз итальянцев Истрии и Фиуме», ит. Unione degli Italiani dell'Istria e di Fiume, UIIF). Первая итальянская общественная организация, ставшая прародителем «Итальянского союза», возникла 11 июля 1944 г. в районе г. Лабин (восточная часть Истрийской жупании современной Хорватии) и была основана итальянскими членами югославского антифашистского сопротивления, членами Коммунистической партии Италии (ит. CPI) и Хорватии (хорв. KPH) Д. Фарагона (Dino Faragona), Д. Сегалла (Domenico Segalla), Э. Секуи (Eros Sequi) и др.

⁷⁹ Дефинитивни резултати пописа становништва из 31. јануара 1921. године. Републички завод за статистику Србије. URL: <https://pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/G1921/Pdf/G19214001.pdf> (дата обращения: 30.03.2023).

В процессе становления «Итальянского союза» в бывшей Югославии можно выделить три этапа.

На **первом этапе** (1946–1952 гг.) возникло 16 основных филиалов «Итальянского союза» (филиалов «первого поколения»), расположенных в приграничных и прибрежных районах Истрии, а также в крупных городах: Пула, Пореч, Риека, Опатия. У истоков объединения стояли представители итальянской интеллигенции, не эмигрировавшие из Югославии в ходе событий так называемого «Великого исхода». Определенной политической индульгенцией стали левые политические взгляды и отсутствие связей с итальянским фашистским режимом, что позволило им в титовской Югославии достаточно свободно вести общественную и просветительскую деятельность, имевшую международный характер. При этом в канонической итальянской версии тех событий утверждается, что филиалы в Истрии были основаны «в очень трудный и деликатный исторический период, характеризовавшийся оставлением Родины большей частью представителей итальянского национального корпуса по причине национальной нетерпимости, возникшей по итогам Второй мировой войны»⁸⁰. Таким образом, негативная оценка событиям семидесятилетней давности дана в итальянском смысловом пространстве весьма четко. Затормозившими процесс создания итальянских сообществ событиями называются резолюция Коминформбюро 29 июня 1948 г.⁸¹ и советско-югославский конфликт. Прямые последствия этих явлений для итальянских организаций заключались в закрытии школ в населенных пунктах Истрии и Кварнера (Лабин, Фажана, Пазин, о. Мали Лошинь), что особо подчеркивается в рассмотренных нами материалах «Итальянского союза».

Уже на первом этапе итальянские общества приобрели трансграничный и зонтичный характер. В качестве примера можно привести общество г. Буйе (хорватская Истрия), которое с 1947 по 1951 г. имело название «Кружок народной итальянской культуры» (ит. *Circolo di*

⁸⁰ Филиал Галижана/Gallesano. URL: <https://www.unione-italiana.hr/index.php/it/le-comunita-degli-italiani-2/item/274-gallesano-armando-capolicchio> (дата обращения: 05.04.2023).

⁸¹ Филиал Изола/Isola “Pasquale Besenghi degli Ughi”. URL: <https://www.unione-italiana.hr/index.php/it/le-comunita-degli-italiani-2/item/277-isola-pasquale-besenghi-degli-ughi> (дата обращения: 05.04.2023).

Cultura Popolare Italiana, ССРІ) и ориентировалось на штаб-квартиру, находившуюся сначала в г. Триест, а затем в г. Копер. В 1955 г. оно стало частью «Союза итальянцев Истрии и Фиуме» и стало ориентироваться на штаб-квартиру в г. Риека (Фиуме), а в 1973 г. снова изменило организационный статус⁸². По профилю деятельности филиалы «первого поколения» определяли себя как кружки итальянской культуры (Circoli Italiani di Cultura, CIC), занимавшиеся сохранением прежде всего народных традиций, однако по мере возникновения новых сообществ менялся и спектр их активности.

Второй этап (1968–1972 гг.) связан с крупными внутри-югославскими общественными процессами, такими как «массовое движение» (хорв. *masovni pokret*, *maspok*, или «хорватская весна», политическое движение, возникшее в Хорватии в начале 1970-х годов и ставившее своей целью расширение прав хорватов в федерации СФРЮ), сопровождавшимся ростом республиканского национализма, либерализма и автономизма. Выступления интеллигенции в Загребе, Белграде и Сараеве затронули и Истрию, где были сформулированы требования реабилитации итальянской культуры, права на поддержание связей с соответствующими организациями Италии, свободы книгопечатания и издательской деятельности, сохранение итальянских названий популярных отелей и туристических достопримечательностей (Giuricin 2009: 659–660).

Как отмечает Деян Йович, Осимское соглашение 1975 г. значительно улучшило положение итальянского сообщества в Истрии, что внесло вклад в улучшение дипломатических отношений Италии и Югославии, сохранявших напряженность с 1918 г. В результате, отмечает Йович, Истрия, традиционно являвшаяся «регионом усиленного влияния национализма и этнических проектов, развивавшихся обеими сторонами», превратилась в «пример толерантности и экономического процветания, особенно в сравнении с другими регионами Югославии» (Jović 2022: 195). Вполне вероятно, что появление нескольких филиалов в приморской Истрии и в континентальной Хорватии в этот период стало выражением дипломатических уступок или «жестов доброй воли» с целью нормализации югославско-итальянских отношений.

⁸² <https://www.unione-italiana.hr/index.php/it/le-comunita-degli-italiani-2/item/263-buie>.

Хотя филиалы «второго поколения» возникали не так активно, в этот период в Югославии утвердилась практика создания двуязычных СМИ, редакции на итальянском языке появились в городах Копер, Риека и Пула. Продолжались процессы национального самоопределения. В частности, в середине 1980-х гг. усилиями итальянского активиста Антонио Борме (в 1952–1974 гг. председатель UIFF, в 1961–1982 гг. преподаватель кафедры итальянской литературы педагогического факультета Университета г. Пула) развивалась концепция «расширенной двуязычности», предусматривавшая установку дорожных знаков и городских указателей на двух языках во всех районах Истрии, где присутствует итальянское население даже в минимальном количестве (Giuricin 2009: 662). Так, после возвращения к активной общественной деятельности во второй половине 1980-х гг., А. Борми считается одним из основателей «Итальянского союза» в его современном облике.

	«Первое поколение» (1946–1952)	«Второе поколение» (1968–1982)	«Третье поколение» (1991–н. в.)
Всего	16	5	30
Словения (Словенская Истрия)	1	—	6
Приморская Хорватия (Кварнер)	3	—	4
Приморская Хорватия (Истрия)	12	4	15
Приморская Хорватия (Далмация)	—	—	2
Континентальная Хорватия (Центр. Хорватия, Славония)	—	1	3

Таб. 1. Классификация филиалов «Итальянского союза» в Хорватии и Словении по региональной принадлежности и периоду появления

Примечание. Классификация определяется по дате фактического возникновения филиала, при ее отсутствии — по дате фиксации в юридических реестрах Хорватии (www.poslovna.hr).

Серьезнейший толчок к развитию сети филиалов дали события начала 1990-х гг., связанные с распадом Югославии. Появление на карте новых республик — Словении и Хорватии — поставило на повестку вопрос об их международном признании и нормализации отношений с соседями. Первым документом на этапе признания стал трехсторонний (Италия, Словения, Хорватия) Меморандум о защите итальянского меньшинства в Истрии, Риеке и Далмации. Несмотря на то, что документ подтверждал положения, заложенные Осимскими соглашениями, соблюдение принципов не было полным: Словения данный документ не подписала (Giuricin 2009: 667). В Хорватии осуществлялось определенное давление на партии регионалистской политической ориентации — «Истрийский демократический Сабор» (хорв. IDS) и «Далматинскую акцию» (хорв. DA). Возникшая в связи с этим ситуация недопонимания была урегулирована национальными и международными актами 1994–1997 гг.

С 1990-х гг. правовые основы для возникновения и деятельности итальянских сообществ подкрепляются соответствующими конституционными и законодательными положениями. Статья 11 конституции Словении определяет итальянский и венгерский языки основными языками двух признанных национальных меньшинств, Статья 64 предоставляет национальным сообществам право на осуществление культурной и хозяйственной деятельности⁸³. Другими документами словенского правового поля, определяющими статус этнических меньшинств, являются Закон о национальных автономиях (1994 г.) и Закон об итальянском и венгерском национальных сообществах (1996 г.). Примечательно, что в исторических источниках правовое обоснование особого статуса итальянского меньшинства, как правило, воспроизводится в текстах итальянской стороны⁸⁴, апеллирующей к национальному и международному праву — отсылка к нормативным и конституционным документам является типичным атрибутом справочных разделов итальянских общественных организаций и СМИ⁸⁵.

⁸³ См.: Конституция Словении. URL: <http://pisrs.si/Pis.web/pregledPredpisa?id=USTA1> (дата обращения: 30.03.2023).

⁸⁴ Филиал Умар/Umago. URL: <https://www.unione-italiana.hr/index.php/it/le-comunita-degli-italiani-2/item/304-ci-umago> (дата обращения: 05.04.2023).

⁸⁵ CAN Capodistria. URL: <https://cancapodistria.org/cose-la-can/> (дата обращения: 05.04.2023).

Права национальных меньшинств в Хорватии регламентируются статьями 4 и 43 конституции (в редакции 1997 г.)⁸⁶, утверждающими право на культурную автономию и свободное объединение для защиты социальных, национальных, культурных и других прав. Другими основополагающими документами являются: Закон об общественных организациях, предоставляющий (в редакции 1997 г.) право создавать на территории Хорватии общественные организации иностранного происхождения (ст. 9), иметь юридическое лицо (ст. 37) и владеть имуществом (ст. 38)⁸⁷. Также отметим Конституционный закон о правах человека и свободах и Закон о правах нацменьшинств и национальных сообществ в Хорватии⁸⁸.

Кроме того, нужно выделить двустороннее соглашение о защите прав нацменьшинств, подписанное между Хорватией и Италией 5 ноября 1996 г. (29 сентября 1997 г.) в Загребе. Согласно тексту документа, Хорватия признает «коренной характер» итальянского нацменьшинства на своей территории (ст. 2), право на свободу перемещений в Хорватии представителей итальянского сообщества, являющихся гражданами Словении (sic!) (ст. 5); право на трудоустройство и защиту от трудовой дискриминации, в том числе для представителей итальянского сообщества, являющихся гражданами Словении (ст. 6–7). В статье 4 документа «Итальянский союз» определяется как «юридическое лицо и организация, представляющая интересы итальянского меньшинства»⁸⁹, что придает ему особый статус.

⁸⁶ Zakon o udrugama Republike Hrvatske (26.07.1997). URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1997_07_70_1209.html (дата обращения: 05.04.2023).

⁸⁷ Ustavni zakon o izmjenama i dopunama Ustava Republike Hrvatske (12.12.1997). URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1997_12_135_1944.html (дата обращения: 05.04.2023).

⁸⁸ Ustavni zakon o ljudskim pravima i slobodama i o pravima etničkih i nacionalnih zajednica ili manjina u Republici Hrvatskoj (04.12.1991). URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1991_12_65_1664.html (дата обращения: 05.04.2023). Ustavni zakon o izmjenama i dopunama Ustavnog zakona o ljudskim pravima i slobodama i o pravima etničkih i nacionalnih zajednica ili manjina u Republici Hrvatskoj. URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1992_05_27_646.html (дата обращения: 05.04.2023).

⁸⁹ Legge di ratifica del Trattato tra la Repubblica di Croazia e la Repubblica Italiana sui diritti delle minoranze (29.12.1997). URL: https://www.istra-istria.hr/fileadmin/dokumenti/upravna_tijela/UO_za_tal_nac_zaj/Instrumenti_zastite_ljudskih_dokumenta/II.Medunarodni_ugovori_i_bilateralni_sporazumi/2.Bilateralni_ugovori_i_sporazumi/Tal/II-2.1.Trattato%20tra%20la%20Repubblica%20di%20Croazia%20e%20la%20Repubblica%20italiana%20sui%20diritti%20delle%20minoranze.pdf (дата обращения: 05.04.2023).

Рассмотрим статью 3 соглашения 1997 г., где зафиксированы обязательства Хорватии по расширению прав итальянского меньшинства в так называемой «бывшей зоне Б». Любопытно, что данный историко-географический термин, являющийся рудиментом Холодной войны и периода СФРЮ, был возрожден в международно-политических реалиях второй половины 1990-х гг. и сохранил юридическое значение. Также нужно отметить, что понятие «зона Б» охватывает территории как Словении, так и Хорватии, разделенные сегодня государственной границей, начинающейся в районе Пиранского залива, проходящей по реке Драгонья и включающие крупные населенные пункты как Словении (Копер, Изола, Пиран, Поторож), так и Хорватии (Умаг, Буйе, Грижнян, Новиград, Бртонигла). Таким образом, понятие «зона Б», зафиксированное в двусторонних межгосударственных соглашениях, имеет, по сути, трансграничный характер, а отсылка к обстоятельствам приграничного взаимодействия периода Холодной войны в конфликтных реалиях распада Югославии формировала определенные предпосылки для прецедента усиления итальянской автономии.

Фактически же международно-правовые реалии 1990-х гг. благоприятствовали возникновению новых филиалов «Итальянского союза», появившихся на территории двух государств. Как мы увидим далее, понятие «Зона Б» в некоторой степени облегчило условия для деятельности филиалов, находящихся в приграничных районах хорватской Истрии, в то время как филиалы в других регионах (например, в г. Сплит) сталкивались с определенными ограничениями своей деятельности. При этом можно предполагать, что степень «свободы» в деятельности истрийских филиалов «Итальянского союза» выходит за пределы «зоны Б» в той или иной степени.

Контекстуализируя данный процесс, подчеркнем, что расширение итальянской автономии происходило одновременно с прямо противоположным процессом максимального сужения сербской национальной автономии в хорватской Далмации (г. Книн) и Славонии, что стало последствием войны 1991–1995 гг. Определенно, различие в подходах к вопросу нацменьшинств определялось практическими обстоятельствами «реальной политики», такими как заинтересованность Хорватии в международном признании, международный

статус государства, военно-политическая ситуация и пр. Очевидно, что Италия обладала несомненно большим дипломатическим потенциалом для защиты прав своего национального сообщества, чем восточные соседи Хорватии. Также необходимо указать на положения статьи 43 Конституции Хорватии, где подчеркивается, что полными правами на развитие национальной самобытности обладают только те сообщества, деятельность которых не приводит к «насильственным угрозам демократическому правовому порядку, независимости, единству и территориальной целостности Республики Хорватия»⁹⁰. Понятно, именно здесь пролегает граница между политической оценкой итальянских и сербских прав на культурную автономию, в логике которой итальянский фактор не был расценен как враждебный.

При этом с начала 1990-х гг. в хорватском государственном аппарате и национальной интеллигенции существовали определенные подозрения в отношении так называемого «истрийского регионализма», связанного с итальянским вопросом. По мнению профессора истории Н. Шетича, деятельность регионалистской партии «Истрийский демократический сабор» (ИДС) отвечала интересам «итальянской и сербо-югославской политики». Источником проблемы «истрийского регионализма» президент Хорватии Ф. Туджман считал период «итальянской оккупации 1918–1943 гг.» (Пивоваренко 2018: 193–194). Таким образом, предоставление широких прав «Итальянскому союзу» было во многом вынужденной мерой, основанной на представлении о том, что культурные и административные уступки должны были предотвратить возникновение более серьезных политических требований, связанных с предоставлением полуострову Истрия политической автономии.

Обратим внимание на различия в хронологии возникновения филиалов «Итальянского союза» в Хорватии, наблюдаемые в различных источниках: на официальном сайте «Итальянского союза» и в хорватских реестрах правовой информации (например, www.poslovna.hr). В итальянских источниках даты возникновения филиалов приводятся крайне неупорядоченно, нижней датой может

⁹⁰ Ustav Republike Hrvatske. URL: <https://www.zakon.hr/z/94/Ustav-Republike-Hrvatske> (дата обращения: 05.04.2023).

считаться как год фактического появления общества, так и год его официальной регистрации. В хорватских документах (см. Таблица 4, курсив) нижней датой полагается дата регистрации в качестве юридического лица в соответствующих реестрах. Сравнение источников позволило не только заполнить недостающую информацию, но и выявить расхождения в понимании процесса институционализации «Итальянского союза» в Хорватии. Также видно, что некоторые сообщества, возникшие во второй половине 1940-х гг., в 1990-е гг. или ранее проходили процесс перерегистрации, что, вероятно, укрепило их правовой статус.

Подводя итог данному разделу, отметим, что несмотря на понижение международного статуса Италии по итогам Второй мировой войны, структуры «Итальянского союза» в Югославии не были упразднены и, напротив, сохранили возможности для развития благодаря поддержке со стороны итальянского государства, оказанной в середине 1970-х и в 1990-е годы. Распад СФРЮ и появление новых государств создали достаточно благоприятные условия для развития институционализованного итальянского представительства и его продвижения от адриатического побережья вглубь континента. В то время как сербское присутствие в Хорватии в 1990-е гг. неукоснительно снижалось на фоне лозунгов создания хорватского национального государства, итальянское присутствие скорее утверждалось.

В 2000-е гг. укрепление итальянского присутствия осуществляется посредством участия в грантовых программах ЕС по линии программ Phare и Interreg, затрагивающих культурно-гуманитарные вопросы, археологические и реставрационно-мемориальные аспекты. В политическом отношении отметим определенные возможности влияния итальянского национального меньшинства в хорватской Истрии. Примером здесь может являться фигура Джессики Аквавиты (Jessica Acquavita), уроженки г. Буйе (Истрия), выпускницы философского факультета Университета г. Триест (Италия) и докторантки университета Фоскари (Венеция), в 2021 г. ставшей заместителем руководителя Истрийской жупании Хорватии. До прихода на новую должность Дж. Аквавита являлась заместителем руководителя общины г. Буйе, занимающей достаточно важное место в системе приграничных филиалов «Итальянского союза». Одной из недавних инициа-

тив Дж. Аквавиты стало Письмо-намерение о защите истровенецианского диалекта (ит. *istroveneto*). Данный документ, подписанный 27 марта 2022 г., интерпретируется истрийскими источниками как «формализация факта многолетнего сотрудничества Итальянского сообщества Истрии и Истрийской жупании» и шаг в сторону защиты региональной самобытности⁹¹.

3. Этимология, топонимика, административно-географические сюжеты

В ежегодном выступлении в День национальной памяти 10 февраля 2010 г. президент Италии Д. Наполитано подчеркнул роль итальянских научно-исследовательских институтов и отдельных фигур в сохранении итальянской топонимики Истрии, Фиуме (хорв. Риека) и Далмации⁹².

В этом отношении примечателен подход к классификации филиалов «Итальянского союза» в Словении и Хорватии, перечисленных на официальном сайте организации. Географические названия приводятся на итальянском языке, в алфавитной очередности. Перечисление идет в сплошном порядке, без разделения по принципу государственных границ: таким образом, словенские населенные пункты в данном перечислении-соседствуют с населенными пунктами Хорватии, филиалы в прибрежной части Балканского полуострова соседствуют с филиалами континентальной части. Не существует разделения между итальянскими филиалами в Истрии по принципу «словенская часть Истрии — хорватская часть Истрии». Можно заключить, что лингвистический и географический принципы в данном случае преобладают над принципами государственной принадлежности, что представляется важным с точки зрения восприятия географического пространства активистами «Итальянского союза». При этом данная классификация снимает достаточно неудобный во-

⁹¹ JESSICA ACQUAVITA — ISTROVENETO je materinji jezik 90% pripadnika talijanske zajednice u Istri. Istraln. 27.03.2022. URL: <https://istrain.hr/index.php/istrain-arhiva/31587-jessica-acquavita-istoveneto-je-materinji-jezik-90-pripadnika-talijanske-zajednice-u-istri> (дата обращения: 05.04.2023).

⁹² Saluto del Presidente Napolitano in occasione della cerimonia per il Giorno del Ricordo. 10.02.2010. URL: <https://presidenti.quirinale.it/elementi/54637> (дата обращения: 05.04.2023).

прос об административных и государственных границах Словении и Хорватии, не являющийся актуальным для Рима.

Сохранение итальянской идентичности затрагивает и другие характерные моменты. Названия городов и малых населенных пунктов даются в итальянском варианте, что расходится с международными стандартами, используемыми, например, в сервисах онлайн-карт, в основе которых находится славянское наименование населенных пунктов (примеры: хорв. Zadar — ит. Zara; Rijeka — Fiume; Kvarner — Liburnia). Адреса расположения офисов «Итальянского союза» в населенных пунктах также приводятся на итальянском, а не хорватском языке (пример: адрес филиала «Итальянского союза» в г. Бртонигла обозначен как Villanova 4a в итальянской версии, при этом в более применимой для онлайн-карт хорватской версии он выглядит как Nova ulica 4a).

Данный подход распространяется и на информационное пространство. Сайт «Итальянского союза», находящийся в хорватской доменной зоне (.hr), имеет основную версию на итальянском языке. В реестрах хорватских юридических лиц (например www.poslovna.hr) название итальянских сообществ приводится в версии как на хорватском, так и на итальянском языке (например: ZT-OPATIJA, CI-ABBAZIA).

Что же нам дает сочетание «государственного» и «трансграничного» подходов? Нанесение местоположения филиалов на политическую карту показывает, что 7 из 51 рассмотренных филиалов находятся на территории Словении, а 44 из 51 — на территории Хорватии. Однако если мы возьмем полуостров Истрия как географическую категорию, то получим совершенно иные результаты. Географически к полуострову Истрия (как словенской, так и хорватской) можно отнести уже 38 филиалов из 51 (31 в Хорватии и 7 в Словении). Отметим, что в данном случае мы исключаем из полученного результата филиалы, существующие в крупных городах Опатия и Риека, которые географически могут быть также включены в полуостров Истрия, однако традиционно относятся к иной историко-географической области Кварнер.

Продолжая эксперименты с районированием Истрии, поставим еще один вопрос: насколько сильна привязанность обозначенных

38 филиалов к морскому побережью — существуют ли представительства в континентальной части полуострова и каково общее соотношение? Мы видим, что в случае Словении все 7 филиалов расположены на прибрежной территории Истрии. В хорватской же Истрии ситуация выглядит иным образом: 19 из 31 хорватских филиалов расположены на удалении от прибрежной зоны или даже в глубине полуострова. Не менее любопытен и хронологический контекст: по меньшей мере 10 из 19 филиалов в «континентальной» части Истрии появились начиная с 1991 г., то есть уже в независимой Хорватии, что указывает на определенный вектор в логике расширения «Итальянского союза».

4. Филиалы «Итальянского союза» в Словении

На территории Республики Словения насчитывается 7 филиалов «Итальянского союза», членами которых являются 3 254 участника совершеннолетнего возраста (ит. *I soci effettivi maggiorenni*)⁹³. Все филиалы находятся на полуострове Истрия. В 2 представительствах из 7 их руководители имеют очевидное итальянское происхождение (Изола и Копер-Бертонки).

Лишь около 5% территории полуострова Истрия принадлежит Словении, основные города — Анкаран, Копер, Изола, Пиран и Порторож — относятся к Обално-Крашкой административной области. Несмотря на очевидную узость данной полосы, здесь расположено 7 из 51 рассмотренных филиалов «Итальянского союза», из которых 6 филиалов появилось после 1991 г. Лишь один филиал, в г. Изола, возник в 1946 г., то есть является филиалом «первого поколения», возникшим в самый сложный (согласно итальянскому нарративу) период для итальянского нацменьшинства в Югославии.

Итальянское присутствие в Словении поддерживается образовательными институтами. По данным на 2019/2020 учебный год 1295 детей обучалось в 9 учебных заведениях, входящих в реестр «Итальянского сообщества». К ним относятся 3 детских сада (522 ребенка), 3 начальные школы (619 детей) и 3 средние школы (154 ребенка).

⁹³ Сайт «Итальянского союза». Раздел «О нас». Рубрика «Презентации». URL: <https://www.unione-italiana.hr/index.php/it/chi-siamo> (дата обращения: 05.04.2023).

Таким образом, обеспеченность учебными заведениями итальянского профиля в Словении является более высокой, чем в Хорватии, (см. раздел 5). Кроме того, полностью осуществлен цикл «детский сад — начальная школа — средняя школа», что облегчает задачу сохранения итальянской культурной самобытности.

Институционализированным является информационное вещание на итальянском языке. Структурным подразделением Гостелерадио Словении является «Радио Каподистрия» (ит. Radio Capodistria), являющееся, по утверждению администрации, первым СМИ-билингвом, появившимся в Европе⁹⁴. Историческим прародителем «Радио Каподистрия» является Радио Триеста (Radio Trieste Zona Jugoslava), созданное 25 марта 1949 г. для вещания в «Зоне Б», находившейся под югославским контролем. Возникновение отдельной радиостанции произошло в 1979 г. после разделения радиочастот. Кроме того, в 1971 г. возникло отдельное телевещание (TV Capodistria), также входящее в систему Гостелерадио Словении. Наконец, в г. Копер существует «Адриатическое информационное агентство» (слов. Jadranska Informativna Agencija; ит. Agenzia informativa Adriatica), важной функцией которого является распространение в Словении газеты на итальянском языке La Voce del Popolo, которая издается в Хорватии (г. Риека).

В системе высшего образования и академических исследований важным подразделением является департамент итальянского языка гуманитарного факультета Приморского университета г. Копер (слов. Univerza na Primorskem; ит. Università del Litorale)⁹⁵, а также Общество исторических и географических исследований г. Пиран (ит. Società di Studi Storici e Geografici di Pirano), основанное в 2004 г. и имеющее связи с итальянскими гуманитарными организациями, в частности с Национальной ассоциацией Венеции, Джулии и Далмации (ит. Associazione Nazionale Venezia, Giulia e Dalmazia), созданной в 1947 г. для популяризации знаний о репрессиях в отношении итальянского населения и документации преступлений, совершен-

⁹⁴ Radio Capodistria. URL: <https://www.rtvsl.si/radio-capodistria/chi-siamo/542080> (дата обращения: 05.04.2023).

⁹⁵ Univerza na Primorskem | Fakulteta za humanistične študije. URL: <https://www.fhs.upr.si/sl/> (дата обращения: 05.04.2023).

ных в Восточной Адриатике в 1940-е годы. Главным печатным изданием Общества в г. Пиран является академический журнал *Acta Historica Adriatica*.

На уровне общественных организаций следует отметить Центр продвижения итальянской культуры «Карло Комби», расположенный в г. Копер (ит. *Centro Italiano di Promozione, Cultura, Formazione e Sviluppo “Carlo Combi”*), основанный в 2005 г. и финансируемый по линии Министерства культуры Словении⁹⁶. Координирующую функцию для итальянских организаций в Копере выполняет Самоуправляемое национальное итальянское сообщество (СНИС, ит. *Comunità Autogestita della Nazionalità Italiana*)⁹⁷, деятельность которого, как отмечается в профиле организации, основывается на статьях 11 и 64 конституции Республики Словения. Помимо Копера, другое крупное представительство СНИС расположено в близлежащем г. Изола, при этом несмотря на географическую близость, общество в г. Изола, судя по формальным признакам (наличие собственного интернет-сайта, находящегося в словенской доменной зоне), имеет определенную степень автономии⁹⁸. Наконец, в населенном пункте Споднье (предместье г. Копер) и в г. Гориция действуют филиалы гуманитарной организации «Данте Алигьери», являющейся аналогом Института Гете или Французского института.

Таким образом, центральным с точки зрения итальянского присутствия является район Копер-Изола. С югославских времен (и ранее) сохраняются интенсивные связи с итальянскими обществами хорватского города Риека, который является центром распространения итальянской печатной продукции. Возможность такого рода трансграничных связей обеспечивается положениями международных соглашений 1996 и 1997 гг., о которых было сказано в разделе 3 данной главы. Завершая характеристику ситуации в Копере, необходимо отметить факт повышения престижа детского образования

⁹⁶ Centro Italiano “Carlo Combi”. URL: <http://unione-italiana.eu/index.php/hr/le-istituzioni-della-cni-4/item/212-centro-culturale-italiano-carlo-combi> (дата обращения: 05.04.2023).

⁹⁷ CAN Capodistria. URL: <https://cancapodistria.org/cose-la-can/> (дата обращения: 05.04.2023).

⁹⁸ Comunità Autogestita della Nazionalità Italiana di Isola. URL: www.comunitaitaliana.si (дата обращения: 05.04.2023).

на итальянском языке, ввиду наличия достаточно разветвленной системы заведений дошкольного и школьного образования и возможностей продолжить образование в итальянских университетах⁹⁹. С другой стороны, известно о снижении качества преподавания итальянского языка как иностранного в словенских школах по причине невысокого запроса на итальянский по сравнению с немецким и другими международными языками. Таким образом, можно предположить, что сформировавшаяся в югославский период тенденция на ассимиляцию италоговорящего населения (прежде всего старшего поколения) будет преодолена, и новое поколение будет иметь возможность для более четкой ориентации на итальянскую культурную парадигму. При этом существует проблема сокращения носителей итальянского языка по причине оттока населения (Пивоваренко, Пилипенко 2022: 108, 113–114).

Хотя итальянское присутствие в данном районе представляется достаточно монолитным, оно подвержено внутренним разногласиям. Здесь следует обратить внимание на наличие в г. Изола сразу двух филиалов «Итальянского союза», один из которых был основан в 1946 г., а второй в 1997 г. Как следует из материалов источников, с 1955 до середины 1990-х общество было единым и носило имя «Джордано Бруно». Однако в 1997 г. случился раскол, причины которого, согласно тексту источника, заключались в решении предыдущего руководства о придании всем членам сообщества «равного статуса» вне зависимости от национально-культурной и языковой принадлежности, что являлось «расхождением с фундаментальными принципами» деятельности «Итальянского союза». Национально-этнический мотив может являться лишь декларативным предлогом, не выражающим всей сути разногласий, однако его выдвигание на передний план характерно и отражает наличие различных идеологических и концептуальных взглядов по линии «национализм-мультикультурализм». Следует добавить, что возникший в 1997 г. филиал утверждает ценности прежде всего истровенецианской (истровенет-

⁹⁹ В Копере, Изоле, Пиране, Бертоки, Хрватини, Семеделле, Луцие, Сечовле, Струняне работают детские сады с итальянским языком. В этих же населенных пунктах функционируют основные школы с итальянским языком обучения (1–8 классы), средние школы расположены только в центрах общин (Копер, Изола, Пиран).

ской) версии итальянской культуры и местного диалекта (ит. *parlata veneta*), что может являться принципиальным вопросом для данной ветви «Итальянского союза»¹⁰⁰.

Завершая разговор о трансграничных связях, отметим филиалы «Итальянского союза» к северу от Копера, прежде всего филиал в г. Анкаран, выделившийся в 2011 г. из филиала г. Копер и являющийся хронологически самым молодым филиалом организации. В интернет-описании г. Анкаран характеризуется как «первый двуязычный регион Словении». В данном контексте утверждается, что Анкаран всегда был регионом, где преобладали смешанные браки, из чего следует, что жители данной территории «даже не имея итальянского гражданства, владеют нашим (итальянским) языком и разделяют нашу культуру»¹⁰¹. Данная установка также присутствует в отношении района Бертоки (слов. *Bertoki*, ит. *Bertocchi*)¹⁰², расположенного между г. Копер и г. Анкаран. В целом применение мультикультурной идеологии дает возможности для продвижения итальянской культуры и идентичности среди людей со смешанными корнями. В перспективе же можно предполагать распространение концепции «двуязычного региона» по направлению с севера на юг, то есть от г. Анкаран в сторону г. Копер, включение которого в парадигму двуязычности стало бы крупным достижением «Итальянского союза».

5. Гуманитарная деятельность «Итальянского союза» в Хорватии

Под патронажем «Итальянского союза» находится 11 общественных организаций, возникших после 1945 г. Среди научных организаций Истрийской жупании выделим Центр исторических исследований в г. Ровинь¹⁰³. Основанный в 1968 г., данный центр

¹⁰⁰ Изола «Данте Алигьери» / Isola "Dante Alighieri". URL: <https://www.unione-italiana.hr/index.php/it/le-comunita-degli-italiani-2/item/278-ci-isola-dante> (дата обращения: 05.04.2023).

¹⁰¹ Анкаран / Ancarano. URL: <https://www.unione-italiana.hr/index.php/it/le-comunita-degli-italiani-2/item/749-ancarano> (дата обращения: 05.04.2023).

¹⁰² <https://www.unione-italiana.hr/index.php/it/le-comunita-degli-italiani-2/item/262-ci-bertocch>

¹⁰³ Centro di ricerche storiche Rovigno. URL: <https://crsv.org/> (дата обращения: 05.04.2023).

обрел международное значение в 1995 г., получив статус Библиотеки Совета Европы. Ядром центра является архив и библиотека, насчитывающая более 50 тыс. единиц литературы, 1750 периодических изданий и 750 газет. Академические и общественные связи центра охватывают университет Триеста и другие университеты Италии, 850 исследователей и 700 студентов из Хорватии, Словении, Италии и других стран. Среди примечательных фактов отметим деятельность первого руководителя центра Джованни Радоцци (Giovanni Radozzi), уроженца г. Ровинь (род. в 1936 г.), получившего в 2018 г. орден «За заслуги перед итальянской республикой».

В хорватском приморье ключевыми центрами распространения итальянского гуманитарного влияния являются города Пула и Риека, причем географически Риека лишь частично относится к полуострову Истрия, административно являясь центром Приморско-Горанской жупании Хорватии, однако исторически и функционально расположенные здесь институты охватывают своей деятельностью как хорватскую, так и словенскую Истрию.

В городе Пула, крупнейшем населенном пункте Истрийской жупании (57,4 тыс. чел., из них 1,6 тыс. или 4,43% итальянского населения по данным переписи 2011 г.¹⁰⁴), имеются все три звена детского образования, обширная библиотека итальянской литературы (более 5000 ед.) и крупное помещение, отданное под нужды организации (1500 м²). Существуют связи с местным университетом «Юрай Добрила» (Sveučilište Jurja Dobrila u Puli, основан в 2006 г.), действует итальянская кафедра педагогического факультета¹⁰⁵ и кафедра итальянских исследований факультета междисциплинарных исследований¹⁰⁶. Среди культурных организаций выделим Центр изучения

¹⁰⁴ Popis stanovništva, kućanstava i stanova 2011. Stanovništvo prema državljanstvu, narodnosti, vjери i materinskom jeziku // Državni zavod za statistiku Republike Hrvatske, URL: https://www.dzs.hr/Hrv_Eng/publication/2012/SI-1469.pdf (дата обращения: 08.01.2021).

¹⁰⁵ Facoltà di Scienza della Formazione, Sezione italiana per gli studi magistrali e gli studi prescolari dell'Università "Juraj Dobrila" di Pola. URL: https://fooz.unipu.hr/fooz/it/facolta/sezioni/studi_magistrali_in_lingua_italiana (дата обращения: 05.04.2023).

¹⁰⁶ Facoltà di Studi Interdisciplinari, Italiani e Culturali, Dipartimento di Studi Italiani dell'Università "Juraj Dobrila" di Pola. URL: <https://www.unione-italiana.eu/index.php/it/le-istituzioni-della-cni-4/item/217-universita-juraj-dobrila-pola-dip-lingua-italiana> (дата обращения: 05.04.2023).

классической музыки Luigi Dallapiccola. Также в г. Пула действует этнофольклорное общество Pietas Iulia, занимающееся публикацией научных работ по региональной истории и утверждающее значимость истровенецианского языка и культуры. С 1 июля 1968 г. в Пуле существует новостное вещание на итальянском языке. В настоящее время итальянская редакция входит в систему государственного «Хорватского радиотелевидения» (хорв. HRT), на частоте которого выходит три новостных выпуска (11.00–11.05, 14.00–14.05, 16.30–17.00).

Отметим, что в г. Пула расположен старейший филиал «Итальянского союза» во всей Хорватии. Он был образован 9 сентября 1946 г. Составными его частями стали итальянский кружок «Антонио Грамши», книжный магазин «Смарелия» и итальянское сообщество г. Пула, сохранившееся, несмотря на события «Великого исхода».

Первым президентом общества стал Джулио Смарелия (Giulio Smareglia). Установлению биографии общественного деятеля мешает его полное тезоименитство с более именитым уроженцем г. Пула, композитором Дж. Смарелия (1866–1935), автором оперетты «Жемчужина Адриатики» (*La Perla dell'Adriatico*) и других классических произведений. Не исключено, что речь идет о сыне композитора, или же о псевдониме. Во всяком случае обращение к краевым источникам энциклопедических данных (<https://ie.lzmk.hr>; www.istrapedia.hr) показало, что ссылки в материалах, указывающих на деятельность Смарелия-младшего, ведут к материалам, посвященным биографии его предшественника, скончавшегося до начала Второй мировой войны.

Можно с уверенностью утверждать, что в 1946–1947 гг. Смарелия-младший основал книжный магазин «Смарелия»¹⁰⁷, который в 1952 г. был переименован в компанию Istarske knjižare d.o.o., осуществляющую деятельность и сегодня и являющуюся узнаваемой торговой маркой в Истрийской жупании. В дальнейшем фирма «Смарелия» расширилась, в результате чего сеть книжных магазинов стала охватывать ключевые населенные пункты Истрии: Воднян, Фажане, Ровинь, Буйе, Бузет, Лабин. Нынешний юридический статус (Общество с ограниченной ответственностью) компания получила в 1993 г. в рамках перехода к капиталистической экономике. В насто-

¹⁰⁷ Istarske knjižare d.o.o. Istrapedia. URL: <https://www.istrapedia.hr/en/natuknice/3429/istarske-knjižare-d-o-o> (дата обращения: 05.04.2023).

ящее время книжный дом имеет 4 торговые точки (Ровинь, Лабин, Пореч и Пула), главная из которых находится в Пуле рядом со зданием Истрийского национального театра. При этом фамилии владельцев и управляющих и логотип компании (контуры хорватского герба, шаховницы) говорят о том, что компания, по всей видимости, утратила итальянскую идентичность. Однако Istarske knjižare d.o.o. сохраняют важную социальную функцию, обеспечивая учебниками 34 начальные школы Истрийской жупании¹⁰⁸.

Хотя жизнеописание Смарелия-младшего, безусловно, не является полным, некоторые его элементы дают представление о развитии филиалов «Итальянского союза» в прибрежной Хорватии. Как отмечает «Истрийская энциклопедия», Смарелия-младший являлся членом редакции издания Scuola Nova («Новая школа»), специализированного ежемесячного педагогического журнала «Итальянского союза», начавшего выходить в марте 1947 г. в г. Риека. На страницах Scuola Nova публиковались материалы югославских и западных публицистов, однако большую часть содержания составляли материалы авторов итальянского сообщества Истрии¹⁰⁹.

Из данного описания мы видим, что уже в первые годы возникло достаточно тесное взаимодействие между итальянскими ячейками Пулы и Риеки, находящимися друг от друга на достаточно значительном (98 км) удалении. Дальнейшие особенности этого взаимодействия могут быть охарактеризованы через жизнеописания других членов редколлегии Scuola Nova (Доменико Чернекка / Domenico Cernecca; Петро Маррас / Pietro Marras; Арминио Скакерл / Arminio Schacherl; Антонио Борме / Antonio Borme; Эрос Секуи / Eros Sequi), в основном являвшихся уроженцами Истрии и итальянскими коммунистами, членами партизанского движения Тито в годы Второй мировой войны. Вероятно, именно это обстоятельство позволило вышеперечисленным деятелям избежать гонений после окончания Второй мировой войны, остаться в родных краях, продолжить заниматься академической и просветительской деятельностью и даже сохранить

¹⁰⁸ Istarske knjižare. URL: <http://istarske-knjizare.hr/o-nama/> (дата обращения: 05.04.2023).

¹⁰⁹ Scuola Nuova. Istrapedia. URL: <https://www.istrapedia.hr/en/natuknice/3680/scuola-nuova> (дата обращения: 05.04.2023).

профессиональные связи с Италией. Однако нужно напомнить, что в современном официальном итальянском дискурсе, посвященном событиям «Великого исхода», режим Йосипа Броз Тито подвергается серьезной критике, так что в представлениях, формирующихся современностью, в биографиях этих и других общественных деятелей более важной чертой становится их национальная идентичность и место рождения, а идейно-политическая ориентация рассматривается как второстепенное обстоятельство.

Хотя наибольшая концентрация филиалов «Итальянского союза» наблюдается на полуострове Истрия, ключевой гуманитарный и образовательный центр расположен за его пределами — в городе Риека.

Особое положение Риеки обусловлено историческими и демографическими причинами, а также транзитным значением этого портового города. В первой половине XX в. население города характеризовалось высокой долей (от 50% до 36%) населения итальянского происхождения. Хотя во второй половине XX в. доля итальянского населения значительно сократилась и сегодня составляет лишь 1,9% от общего населения города (2,4 тыс. чел.) по данным переписи населения 2011 г.)¹¹⁰, сохранению элементов итальянской идентичности Риеки способствует наличие 11 учебных заведений с итальянским профилем (6 детских садов, 4 начальные школы и средняя школа), университетских и издательских организаций, а также значительная материальная база, которой обладает местный филиал «Итальянского союза» (см. Таблица 4).

Год	Общее население (чел.)	Население итальянского происхождения (чел.)
1910	49 806	24 212
1925	45 857	32 415

¹¹⁰ Popis stanovništva, kućanstava i stanova 2011. Stanovništvo prema državljanstvu, narodnosti, vjeri i materinskom jeziku // Državni zavod za statistiku Republike Hrvatske. URL: https://www.dzs.hr/Hrv_Eng/publication/2012/SI-1469.pdf (дата обращения: 08.01.2021).

1940	60 892	41 414
1948	68 352	25 319

Таб. 2. Население г. Риека по данным «Итальянского сообщества»¹¹¹

С 2011 г. при университете г. Риека образовательную деятельность осуществляет центр итальянистики на факультете философии и филологии, предоставляющий возможности обучения на языковых курсах¹¹².

В культурной сфере отметим связи между «Итальянским союзом» и Драматическим театром г. Риека, а также — Обществом изучения классической музыки Luigi Dall'arpiccola, второй филиал которого расположен в г. Пула.

Информационное присутствие осуществляется через итальянскую редакцию городского «Радио Риека». В редакции, возникшей в начале 1960-х гг., к настоящему времени ежедневно выходят три выпуска новостей (10, 12 и 14 часов) и одна итоговая передача (16 часов)¹¹³. Центром распространения печатных СМИ является издательский дом EDIT¹¹⁴, основанный в 1889 г. сторонниками итальянского автономизма в Австро-Венгрии. Титульным изданием является газета La Voce Del Popolo (основана в 1944 г.), распространяемая в Хорватии и Словении. Другие издания — журнал Rapogama (1952 г.), детский журнал Arcobaleno (1948), литературный журнал La Battana (1964).

В ряду итальянских общественных деятелей г. Риека обратим внимание на Эроса Секуи (Eros Sequi, 1912–1995 г.)¹¹⁵, не являющегося

¹¹¹ Сайт «Итальянского союза». Раздел «О нас». Рубрика «Презентации». URL: <https://www.unione-italiana.hr/index.php/it/chi-siamo> (дата обращения: 05.04.2023).

¹¹² Dipartimento di italianistica della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università degli Studi di Fiume. URL http://talijanistika.ffri.hr/?page_id=75 (дата обращения: 05.04.2023).

¹¹³ Radio Fiume. URL: <https://www.unione-italiana.eu/index.php/it/le-istituzioni-della-cni-4/item/214-radio-fiume> (дата обращения: 05.04.2023).

¹¹⁴ Edit. URL: <https://edit.hr/> (дата обращения: 05.04.2023).

¹¹⁵ Sequi, Eros. Istarska Enciklopedija. URL: <https://ie.lzmk.hr/Clanak/2473> (дата обращения: 05.04.2023).

уроженцем Истрии, но ставшего основателем Итальянского общества Истрии и Риеки и до 1952 г. исполнявшего функции председателя общества.

Как следует из биографического описания, Э. Секуи родился 5 ноября 1912 г. в местечке Поссаньо (Possagno) в районе г. Тревизо, Италия, в 1934 г. окончил обучение в средней школе в г. Пиза, после чего работал в министерстве образования фашистской Италии и по этой линии был направлен в Грецию в качестве профессора итальянского языка. В дальнейшем Э. Секуи переселился в Загреб, где стал директором Итальянского института культуры, также преподавал на философском факультете Загребского университета на кафедре итальянского языка и литературы. Хотя даты этого биографического этапа неизвестны, с определенной вероятностью можно утверждать, что данный период жизни Э. Секуи проходил в контексте событий начального этапа Второй мировой войны и возникновения на политической карте «Независимого государства Хорватия», являвшегося в том числе итальянским протекторатом. При этом в биографических данных отмечается, что в 1944 г. Э. Секуи вошел в югославское движение сопротивления и в его рядах занимался издательско-пропагандистской работой. В частности, Э. Секуи занимался изданием информационного листка *Libertà* (Свобода), название которого позже закрепилось в лексиконе «Итальянского союза» в Хорватии; оно фигурирует, в частности, в середине 1970-х гг. в одном из филиалов континентальной Хорватии (см. ниже).

После второй мировой войны Э. Секуи стал главным редактором *La voce del popolo*, крупнейшего итальянского печатного СМИ на побережье Восточной Адриатики, а также оказался председателем местного итальянского общества. Значительные изменения в жизни Э. Секуи произошли в 1952 г., когда, покинув оба поста, он переселился из Риеки в Загреб, а затем в г. Белград, где вплоть до самой смерти являлся профессором кафедры итальянистики философского факультета Белградского университета. В качестве причины, приведшей к этому шагу, энциклопедическими источниками называются национальные взгляды Э. Секуи, выступившего за усиление итальянской автономии. Несмотря на переселение, с 1964 по 1988 г. Э. Секуи исполнял функции главного редактора итальянского куль-

турно-литературного журнала *La Battana* и сохранил профессиональные связи с итальянскими организациями Истрии и Кварнера.

Хотя жизнеописание Э. Секуи, безусловно, не является полным, оно интересно тем, что связано с обстоятельствами возникновения и существования целого ряда заметных государственных образований XX века: фашистской Италии, «Независимого государства Хорватия», социалистической Югославии, социалистической Республики Хорватия и Союзной Республики Югославия (Сербия). Ответ на вопрос о политическом содержании обстоятельств переселений Э. Секуи — из Загреба в Истрию, из Истрии в Загреб, из Загреба в Белград — безусловно, не является окончательным — данный сюжет все еще ждет своего исследователя.

6. Проблематика итальянского присутствия в Хорватии

На территории Республики Хорватия насчитывается 44 филиала «Итальянского союза», членами которых являются 28 668 участников совершеннолетнего возраста. Филиалы представлены в 7 административных единицах (жупаниях) Хорватии, из которых 4 (Приморско-горанская, Истрийская, Задарская, Сплитско-Далматинская) являются прибрежными, а 3 (г. Загреб, Пожегско-Славонская и Сисачко-Мославинская) континентальными. Наибольший охват наблюдается в приграничных со Словенией филиалах в районе городов Умаг — Буйе, где численность итальянских сообществ является максимальной и находится в диапазоне от 200 до 700 человек (филиал Умаг—Сан-Лоренцо—Бабичи: 500 членов свободно владеют итальянским языком).

Из 44 филиалов 15 являются филиалами «первого поколения», т. е. возникшими в период с 1946 по 1952 г. Еще 5 филиалов «второго поколения» возникли с 1968 по 1982 г. Наконец, 29 филиалов являются филиалами «третьего поколения», возникшими после 1991 г., что подтверждает вывод о том, что политико-правовые условия независимой Хорватии благоприятствовали активизации итальянской гуманитарной политики.

В этой связи нужно затронуть вопрос об «итальянской идентичности» филиалов «Итальянского союза», который представляется важным ввиду определенной диспропорции между количеством

филиалов в Хорватии (44) и небольшой численностью собственно итальянского населения: согласно переписи 2011 г., общее число итальянцев в Хорватии по критерию «национальность (хорв. *narodnost*)» составляло 17,8 тыс. человек (0,42% от общего населения), а по критерию «родного языка» 18,5 тыс. человек (0,43%).

По критерию «национальность»				
1971	1981	1991	2001	2011
17 433 (0,39%)	11 661 (0,25%)	21 303 (0,45%)	19 636 (0,44%)	17 807 (0,42%)
По критерию «родной язык»				
—	—	1991	2001	2011
—	—	26 580 (0,56%)	20 521 (0,46%)	18 573 (0,43%)

Таб. 3. Доля итальянского населения в Хорватии с 1971 по 2011 г.

Лишь в 14 филиалах из 44 руководящие должности занимают лица с очевидным итальянским происхождением (11 в Истрийской жупании, 2 в Пожегско-Славонской и 1 в Сисачко-Мославинской жупании). Недостаток итальянской идентичности компенсируется мультикультурными и трансграничными риторическими установками, вполне совпадающими с внешнеполитическими установками Италии, заключающимися в развитии трансграничных режимов сотрудничества. Как подчеркивается в описании филиала Буйе-Каштел (г. Буйе, приграничные районы Истрии), членами итальянского сообщества могут стать и хорваты, питающие симпатии к итальянской культуре¹¹⁶. Филиал, охватывающий с. Ливаде и Градинье (Истрийская жупания), декларирует принципы «автономности, беспартийности, демократичности и плюрализма», но при этом ставит задачу «сохранения, поощрения и развития национальной идентичности»¹¹⁷.

¹¹⁶ Буйе-Каштел/Castelvenere. URL: <https://www.unione-italiana.hr/index.php/it/le-comunita-degli-italiani-2/item/265-castelvenere> (дата обращения: 05.04.2023).

¹¹⁷ Ливаде-Градинье/Levade-Gradigne. URL: <https://www.unione-italiana.hr/index.php/it/le-comunita-degli-italiani-2/item/275-ci-gradigne> (дата обращения: 05.04.2023).

В описании филиала в г. Пореч присутствуют понятия «терпимость», «полилингвизм» и «мультикультурализм» в контексте повышения статуса истровенецианской культуры и традиций¹¹⁸.

Самопрезентации некоторых филиалов присущи ярко выраженные конфронтационные установки. Вот что мы видим в описании филиала в с. Бале (Истрийская жупания): «После 1945 года Бале оказался в новом мире: мире, который смотрел с равнодушием и презрением на наш образ жизни и который хотел заменить нашу тысячелетнюю культуру новым языком и культурой, которые исторически не принадлежали нам»¹¹⁹. В описании филиала в г. Грожнян четко обозначается задача «объединения сообщества людей, разделяющих и защищающих концепцию *итальянской национальности*» (...di riunire una comunità di persone che condivide e difende il concetto di *nazionalità italiana*)¹²⁰. Отметим также, что в сферу охвата филиала Грожнян входит деревня Завршье (население 59 чел.), имеющая в итальянской традиции многозначительное название «Пьемонт Истрии».

Конфронтационный настрой данных описаний содержит в себе как мотивы неприятия чужеродной (хорватской) культуры, так и мотивы антикоммунизма, что прослеживается в речах президентов Италии и деятельности итальянских гуманитарных организаций, поддерживающих «историческую память» о событиях «Великого исхода» (например, организации «Национальная лига», ит. Lega Nazionale, расположенной в г. Триест).

Центральное место во всех отношениях занимает Истрийская жупания, где представлен 31 филиал «Итальянского союза». К Истрийской жупании Хорватии относится более 95% территории полуострова Истрия. Территориальное межевание было сформировано административным делением Социалистической Федеративной Республики Югославия, проходившим в 1943–1945 гг., то есть параллельно с институционализацией «Итальянского союза». Хотя подход «Итальянского союза» к выстраиванию регионального представи-

¹¹⁸ Пореч/Parenzo. URL: <https://www.unione-italiana.hr/index.php/it/le-comunita-degli-italiani-2/item/289-parenzo> (дата обращения: 05.04.2023).

¹¹⁹ Бале/Valle. URL: <https://www.unione-italiana.hr/index.php/it/le-comunita-degli-italiani-2/item/305-ci-valle> (дата обращения: 05.04.2023).

¹²⁰ Грожнян/Grisignana. URL: <https://www.unione-italiana.hr/index.php/it/le-comunita-degli-italiani-2/item/276-grisignana> (дата обращения: 05.04.2023).

тельства не уделяет большого внимания фактору государственных границ, проблемы, заложенные этой приграничной конфигурацией (в частности, проблема выхода к открытому морю Словении в районе Пиранского залива), несомненно могут оказывать влияние на логику функционирования «Итальянского союза» и совершенно точно отражаются в международных документах, как было отмечено в соответствующем разделе работы.

С точки зрения школьного образования итальянское присутствие в Хорватии осуществляется слабее, чем в Словении. По данным на 2019–2020 учебный год 3 388 школьников записаны в учебные заведения, входящие в реестр «Итальянского сообщества». Существует 14 детских садов (1 180 детей), 11 начальных школ (1 675 детей) и 4 средние школы (533 ребенка) в городах Буйе, Риека, Пула, Ровинь. Очевидно, что образовательный цикл «детский сад — начальная школа — средняя школа» осуществляется ограниченно и в полном виде присутствует только в крупных городах Риека, Пула и Ровинь. Еще в 4 населенных пунктах (Пореч, Воднян, Новиград, Умаг) представлены детские сады и начальные школы.

Недостаток образовательных учреждений активно подчеркивается в описаниях филиалов «Итальянского союза» в Хорватии (острова Мали-Лошинь и Врсар, населенные пункты Пазин, Лабин, Тар, Фажана, Бадерна). Негативно в этом отношении говорится о периоде 1951–1953 гг., когда были закрыты 4 итальянские школы в Истрии (Пазин, Лабин, Тар, Фажана). Имеются устремления к открытию новых школ (в частности, на о. Врсар), однако единственный зафиксированный случай открытия итальянской школы относится к 1967 г., когда была открыта начальная школа в истрийском селе Лижнян. Отсутствие образовательных институтов частично компенсируется другими видами социальной активности (музыкальные кружки, языковые курсы), в том числе весьма выдающимися (конная школа в г. Порече). Важной формой социализации остается библиотека, так, в городах Пула, Пореч, Фажана и Риека по-прежнему действуют итальянские библиотеки с численностью фондов более 1000 книг в каждом. Дополнительные возможности погружения в языковую и культурную среду дает присутствие гуманитарной организации «Данте Алигьери», представительства которой существуют в Пуле, Риеке, Задаре и Сплите.

Обратим внимание на характер правовых норм, существующих на национальном и местном уровне. Деятельность филиалов «Итальянского союза» регламентируется внутренними уставами, Законом об ассоциациях (ит. *Legge sulle associazioni*) Республики Италия и Законом об обществах (хорв. *Zakon o udrugama*) Республики Хорватия. По всей видимости, решения о разрешении деятельности тех или иных филиалов принимаются на уровне административных единиц Республики Хорватия, жупаний, что весьма примечательно ввиду унитарного характера хорватского государства. Во всяком случае, как следует из разрешительных документов филиала «Итальянского союза» в г. Опатия, решение принималось на местном уровне (филиал Министерства юстиции Республики Хорватия в Приморско-Горанской жупании), а текст внутреннего устава «Итальянского союза» в Опатии (принят в 2015 г.) был выполнен на итальянском, а не на хорватском языке¹²¹. Данные правовые и юридические аспекты свидетельствуют о некоторых признаках автономности, расходящихся с практикой унитаризации, характерной для национального централизованного государства. Можно предположить, что каждое из 44 представительств «Итальянского союза» в Хорватии имеет собственный устав, что создает значительные возможности для внесения индивидуальных расширительных поправок. Например, статья 55 устава филиала в г. Ловран в Приморско-Горанской жупании (принят в 1998 г., написан на хорватском языке) утверждает право на ведение экономической деятельности при поддержке «Итальянского союза» или его филиалов. Экономическая деятельность подразумевает предпринимательство, право на сбор средств, владение капиталами и получение дохода¹²².

Данный аспект указывает на важность новых экономических и правовых реалий, возникших в начале 1990-х гг. после выхода Хорватии из Югославии. Новая дипломатическая и экономическая ситуация позволила изменить статус филиалов «Итальянского союза», которые вместо культурных обществ стали общинами, то есть

¹²¹ Опатия/Abbazia. URL: <https://www.unione-italiana.hr/index.php/it/le-comunita-degli-italiani-2/item/260-abbazia> (дата обращения: 05.04.2023).

¹²² Ловран/Laurana. URL: <https://www.unione-italiana.hr/index.php/it/le-comunita-degli-italiani-2/item/279-laurana> (дата обращения: 05.04.2023).

сообществами этнических меньшинств, признаваемыми центральным правительством. Возникшие в этот период филиалы «третьего поколения» стали также юридическими лицами с правом ведения коммерческой деятельности, что особо подчеркивается некоторыми общинами. В частности, в описании приграничной общины Пореч-Каштелир (ит. Santa Domenica-Castelir) среди перспективных целей обозначаются развитие собственной турфирмы «Артемида», покупка отеля с бассейном и строительство жилья для молодых итальянцев, не желающих уезжать из этого района¹²³. Наиболее распространенные виды коммерческой деятельности включают в себя спортивные секции, курсы итальянского языка и информатики. Менее типичная деятельность связана с виноделием (Бртонигла-Вилланова) и выведением охотничьих собак (Пореч-Каштелир).

Следует обратить внимание на поддержку, оказываемую правительством Италии в вопросе реставрации исторических зданий и покупки недвижимости. Факт такой поддержки отражен в описаниях 7 филиалов Приморско-Горанской (о. Мали Лошинь), Истрийской (Буйе, Буйе-Момьян, Шишан-Лижнян, Новиград, Вижинада) и Сплитско-Далматинской (Сплит) жупаний. Связи с университетом г. Триест, специализирующимся на итальянских сюжетах Восточной Адриатики, упоминаются в описаниях трех сообществ (Шишан-Лижнян, Буйе-Момьян, Сплит). Важным элементом данной поддержки является внимание к крупным географическим объектам, не зависящее от размера итальянской колонии. Примером здесь может быть филиал на острове Мали-Лошинь (Приморско-Горанская жупания), особняк которого был приобретен и реконструирован на средства МИД Италии в 2011 г. Несмотря на маленькую численность общины (11 человек), филиал имеет достаточно широкий спектр социальных активностей, включающих библиотеку, языковые курсы, спортивные секции, возможности экскурсионных поездок в Италию и пр. Выделяемые ресурсы позволяют арендовать крупные здания в небольших населенных пунктах: в населенном пункте Фажана (население ок. 3,5 тыс. чел.) Истрийской жупании «Итальянскому

¹²³ Пореч-Каштелир/Santa Domenica-Kastelir. URL: <https://www.unione-italiana.hr/index.php/it/le-comunita-degli-italiani-2/item/298-ci-santa-domenica> (дата обращения: 05.04.2023).

союзу» принадлежит помещение площадью 400 м². На о. Црес помещение «Итальянского союза» находится в представительном здании Социалистического союза трудового народа Югославии, главной профсоюзной организации СФРЮ.

Наконец, политическая поддержка осуществляется на церемониальном уровне. Открытие отреставрированного (на средства правительства Италии) особняка «Итальянского союза» в селе Вижинада Истрийской жупании (ок. 1 158 чел.) 5 декабря 2014 г. удостоили своим вниманием посол Италии в Хорватии Эммануэла Д'Алессандро, генеральный консул Италии в г. Риека Рентто Цианфарани, представители правительства Италии, провинции Фриулия-Венеция-Джулия, Народного университета г. Триеста. Приветственное слово направила министр здравоохранения Италии Беатриче Лоренцин (Beatrice Lorenzin), семья которой, согласно официальным биографическим данным, покинула Истрию в ходе событий «Великого исхода». С хорватской стороны присутствовал президент республики Иво Йосипович¹²⁴. Любопытно сопоставить факт данной церемонии с отношением официального Рима к политическим процессам в Хорватии, которое обнаруживается в таком источнике, как ежегодная речь президента Италии, произносимая в День национальной памяти 10 февраля и посвященная жертвам «итальянского исхода» из Истрии и Далмации. В частности, избрание И. Йосиповича президентом Хорватии и первый год его деятельности на этом посту было тепло отмечено в речи президента Италии Дж. Наполитано 10 февраля 2011 г., в которой президент Хорватии назван «политиком нового поколения, не заставшим фашизм, национализм и десятилетия разрушительных войн»¹²⁵. Не исключено, что дальнейшее изучение деятельности «Итальянского союза» позволит обнаружить значительные успехи в деле утверждения собственных позиций в первой половине 2010-х гг., поскольку президентский период И. Йосиповича характеризовался существенными внешнеполитическими уступками (в частности, предоставленными Словении по вопросу Пиран-

¹²⁴ Вижинада/Visinada. URL: <https://www.unione-italiana.hr/index.php/it/le-comunita-degli-italiani-2/item/357-ci-visinada> (дата обращения: 05.04.2023).

¹²⁵ Saluto del Presidente Napolitano in occasione della cerimonia del Giorno del Ricordo. 10.02.2011. URL: <https://presidenti.quirinale.it/elementi/54772> (дата обращения: 29.03.2022).

ского залива), обусловленными необходимостью решения ключевой внешнеполитической задачи, связанной со вступлением в Европейский союз. Вполне возможно, что определенные уступки делались и по вопросу положения итальянского меньшинства в Хорватии.

Значительная степень итальянской поддержки наблюдается в районе Умаг — Буйе-Грожнян — Завршье, находящемся в непосредственной близости от границы со Словенией и в 40 километрах от итальянского города Триест, являющегося образовательным и экономическим центром этой части региона. Именно эти районы входят в понятие «Зона Б», сохранившееся в международных соглашениях Хорватии и Италии 1990-х гг. В итоге каждый из 10 филиалов, существующих в этой части Хорватии (3 в районе г. Умаг, 4 в районе г. Буйе, 1 филиал в с. Савудрия и 2 в районе Грожнян — Завшье), получил ту или иную форму поддержки со стороны итальянских государственных организаций и университетов. Неудивительно, что в этом районе в наименьшей степени проявляются проблемы детского образования: действуют 4 детских сада, 2 начальные и 1 средняя школа. Важно подчеркнуть, что 6 из 8 обозначенных филиалов появились после 1991 г., то есть уже в независимой Хорватии.

Хотя условия существования «Итальянского союза» в Хорватии вполне можно назвать благоприятными, присутствуют и определенные проблемы, существование которых особенно подчеркивается в текстовых материалах.

Обратим внимание на проблемы филиала в г. Пазин. История данного населенного пункта, расположенного в центре полуострова Истрия, имеет значительную политическую составляющую. В частности, именно сюда в 1992 гг. был перенесен административный центр Истрийской жупании Хорватии (ранее в этой роли выступал г. Пула). Перемещение административного центра из крупного прибрежного города в небольшой (население ок. 5 тыс. человек) населенный пункт было раскритиковано политической оппозицией Хорватии, в том числе регионалистской партией «Истрийский демократический сабор», основные представительства которой располагались в прибрежных районах полуострова.

Описание представительства в г. Пазин, филиала «первого поколения» (возник в 1947 г.), свидетельствует о наличии бытовых

проблем, а именно о крайне небольшом (50 м²) офисном помещении с ограниченным техническим оснащением. При всем внимании, уделяемом итальянскими госструктурами к небольшим приграничным населенным пунктам, сегодня их поддержка по странным причинам обходит г. Пазин, являющийся центром хорватского централистского представительства¹²⁶. В результате деятельность филиала в Пазине является крайне скромной — отсутствуют музыкальный кружок и хор, являющиеся «стандартным» атрибутом других филиалов. Добавим, что наличие проблем в г. Пазин не скрывается, а, напротив, подчеркивается представителями филиала, откровенно обвиняющими «Итальянский союз» в неспособности содействовать решению жилищных трудностей¹²⁷.

Другие типичные трудности иллюстрируются на примере представительства в г. Сплит, являющегося наиболее удаленным офисом в Далмации. Основанный в 1994 г., он принадлежит к «третьему поколению» филиалов, то есть появившемуся уже в независимой Хорватии. Политические обстоятельства возникновения филиала также не являлись безоблачными: в первой половине 1990-х гг. в Сплите активным образом действовала регионалистская партия «Далматинская акция», активная деятельность которой была подавлена к концу 1993 г.

О сложностях, связанных с функционированием филиала, можно судить по эмоциональной окраске крайне скупого (5 строчек текста) справочного описания, где утверждается, что деятельность ограничивается «из-за нехватки средств и страха». Также отмечается, что, в отличие от других филиалов, в г. Сплит отсутствует прямая связь с гуманитарной организацией «Данте Алигьери», обычная для других филиалов. Наконец, деятельность филиала в Сплите (население 178 тыс. человек) распространяется на достаточно крупный город Шибеник (37 тыс. человек), расположенный в 64 км от Сплита. Очевидно, что Сплитско-Далматинская жупания «охвачена» итальян-

¹²⁶ Отметим, что именно в г. Пазин хорватская централистская партия ХДС получила достаточно высокий процент голосов относительно регионалистской ИДС по итогам последних местных выборов, состоявшихся в 2021 г.

¹²⁷ Пазин/Pisino. URL: <http://www.unione-italiana.eu/index.php/it/le-comunita-degli-italiani-2/item/292-pisino> (дата обращения: 05.04.2023).

ским гуманитарным влиянием в значительно меньшей степени, чем Истрия или район г. Риека, однако возникновение новых филиалов в данной части Хорватии осуществляется крайне медленно.

Не менее драматичным является описание ситуации с филиалом в г. Задар. Отправной точкой в этом вопросе является 1953 г., когда в Задаре, согласно источнику, были закрыты все итальянские школы и общественные организации. «Некоторые итальянские жители Задара неоднократно предпринимали попытки создать в Задаре кружок итальянской культуры, однако против инициативы выступили местные власти, не давшие разрешения на создание филиала, несмотря на личное вмешательство президента Итальянской Республики Пертини», — говорится в текстовом описании¹²⁸. Регистрация филиала в г. Задар стала возможной в 1991 г., а в 1997 г. филиал получил собственное помещение, приобретенное на средства МИД Италии, филиала «Итальянского союза» в г. Риека и Народного университета г. Триест. Образовательные возможности филиала в Задаре заключаются в наличии библиотеки и детского сада, а также собственных языковых курсов¹²⁹.

Более значительным на фоне Средней и Южной Далмации выглядит присутствие в континентальных районах Хорватии (Центральная Хорватия, Загреб, Славония). Хотя с точки зрения демографических закономерностей итальянское присутствие в удаленных от побережья районах представляется крайне нетипичным, оно обусловлено исторически. Сохранение итальянской идентичности сообществ континентальной Хорватии иллюстрируется тем фактом, что их лидерами и по сей день являются люди с очевидным итальянским происхождением (с. Плоштине, г. Липик, р-н Мославина — Кутина), в то время как в прибрежной Хорватии аналогичные функции исполняют лица смешанного или скорее хорватского происхождения.

Первые итальянские поселения в континентальной Хорватии (г. Пакрац, с. Плоштине) возникли еще в конце XIX в. и представляли собой поселения каменщиков — выходцев из северной Италии (р-н Трентино — Белуно), переселившихся в империю Габсбургов по экономическим причинам.

¹²⁸ Алессандро Пертини — президент Италии с 1978 по 1985 г.

¹²⁹ Задар/Zara. URL: <https://www.unione-italiana.hr/index.php/it/le-comunita-degli-italiani-2/item/311-ci-zara> (дата обращения: 05.04.2023).

Первые шаги в сторону институционализации были сделаны 16 апреля 1974 г., когда в районе Плоштине возникло «Молодежное спортивное общество Свобода» (ит. Società giovanile sportiva Libertà). Образование общества произошло в канун подписания Осимского соглашения, и его появление можно интерпретировать как жест вежливости или благожелательный сигнал со стороны югославского правительства, выражающий готовность к нормализации двусторонних отношений с Италией. К 1984 г. общество «Либерта» расширило масштабы своей деятельности и стало охватывать итальянские коммуны в Загребе, Пакраце, Цигленице, Липике и Осиеке.

Другое сообщество с богатой историей расположено в районе Мославина — Кутина (63 км к востоку от Плоштине, зарегистрировано в 1996/1997 гг.) и состоит также из потомков выходцев из районов Трентино — Беллуно. Наконец сообщество г. Липик (Западная Славония, район г. Пакрац, 15 км южнее от Плоштине), зарегистрированное в 1999 г., состоит из потомков выходцев из района Беллуно — Удине.

Изучение текстовых материалов обнаруживает любопытные детали: «Открытие новых сообществ в Славонии, не оправданных присутствием итальянцев, создало напряженную ситуацию, влияющую на развитие сообщества г. Плоштине, которое всегда подчеркивало свою исконную итальянскую идентичность», — говорится в описании филиала Плоштине¹³⁰. Описание филиалов в г. Липик и Мославина-Кутина является более оптимистичным и сосредоточено на перечислении социальных активностей.

Характеризуя филиал в столице Хорватии, можно отметить, что, возникнув в 2007 г., он стал одним из самых молодых в Хорватии и Словении (наряду с филиалом в словенском г. Копер, 2011 г. и на о. Црес, перерегистрированным в 2019 г.). За достаточно короткие сроки численность итальянского сообщества в Загребе выросла с 75 до 350 человек (из них 145 полных и 205 ассоциированных членов), значительная часть которых является выходцами из Славонии и приморских областей, переехавшими в Хорватию, вероятнее всего, по экономическим причинам.

¹³⁰ Плоштине «Либерта» / Ploštine “Liberta”. URL: <https://www.unione-italiana.hr/index.php/it/le-comunita-degli-italiani-2/item/293-plostine-liberta> (дата обращения: 05.04.2023).

Очевидно, что в 1990-е и 2000-е гг. филиал в Плоштине утратил координирующую функцию, которая была ему присуща в 1974–1984 гг. и функции ключевого филиала континентальной Хорватии переместились в Загреб. Снижение значимости филиала в Плоштине подчеркивается его скромными бытовыми условиями (площадь офисного здания составляет всего 28 м²). Обращение к мотиву итальянской идентичности является средством подчеркнуть значимость филиала в Плоштине — единственного в континентальной Хорватии, образовавшегося до 1991 г.

Завершая данный раздел, выделим некоторые закономерности в деятельности филиалов «Итальянского союза», которые определяются как материально-бытовыми условиями (наличие просторных помещений и технической оснащенности), так и временем появления филиала. Можно обнаружить, что для филиалов «первого» и «второго» поколения в большей степени присущ художественный и социальный профиль (см. Таблица 4), наиболее типичной формой деятельности является кружок живописи, академической музыки или хор. Наиболее распространенная форма социальной активности — организация библиотеки и проведение мероприятий (выставки детского рисунка, кулинарный фестиваль и пр.). Более сложной формой деятельности являются языковые курсы. Филиалы же «третьего поколения» более тяготеют в развитым формам социальной и деловой активности, включающей спортивные секции (футбол, бокс, волейбол, теннис), фотокружки, туристические услуги и предпринимательство. Приметой современного периода является проведение экологических мероприятий.

Любопытнейшей формой самоорганизации является спортивная игра бочче (ит. *bosse* — итальянская разновидность петанка), получающая распространение прежде всего в прибрежных районах Хорватии и на островах, а также в районах континентальной Хорватии с итальянским представительством — в частности, в г. Липик, где в 2022 г. при содействии «Итальянского союза» появился специальный центр для игры в бочче. Открытие клуба 29 мая 2022 г. происходило в присутствии представителей 16 филиалов «Итальянского союза» и сопровождалось выставкой тематической литературы¹³¹.

¹³¹ <https://www.compas.com.hr/clanak/1/10742/svecano-otvoren-bocarski-kompleks-zajednice-talijana-lipika.html>

Спортивные формы социальной самоорганизации могут стать предметом дальнейших исследований с целью изучения передового опыта продвижения итальянской и средиземноморской гуманитарной парадигмы.

7. Заключение

«Итальянский союз» в Словении и Хорватии можно охарактеризовать как организацию с высоким уровнем собственной идентичности и автономности и разнообразным характером деятельности. Возникнув в социалистической Югославии на основе итальянских организаций заключительного периода Второй мировой войны, «Итальянский союз» сумел сохранить организационную структуру в социалистической Югославии, а после ее распада воспользоваться режимом благоприятствования, возникшим в 1990-е гг. Важную роль в этом отношении имеет поддержка, оказываемая со стороны государственных и гуманитарных организаций Италии.

Появление новых региональных представительств, наблюдавшееся в 1990-е гг. (и продолжающееся в 2000-е гг., хотя и замедлившееся), не сочетается с негативными демографическими тенденциями, охватывающими, в частности, итальянское сообщество Хорватии, которое является крайне малочисленным. Очевидно, что деятельность сообществ не приводит к увеличению итальянского этнического компонента, но их деятельность не сводится исключительно к этой задаче. Изучение материалов источников указывает на наличие дискуссии по линии «национализм-мультикультурализм», отражающей противоречие между сохранением итальянской идентичности и вовлечением в итальянскую и средиземноморскую парадигму славянского населения. Данная дискуссия присутствует как в Словении (район г. Изола), так и в Хорватии (приграничные районы хорватской Истрии).

Особенности деятельности филиалов связаны с их географическим расположением и периодом возникновения: филиалы «третьего поколения», расположенные в приграничной зоне (связанной с понятием «Зона Б»), более четко артикулируют задачи своей работы и более склонны к ведению экономической деятельности. Филиалы «первого» и «второго» поколения, как правило, ограничиваются

традиционными культурно-социальными формами гуманитарной активности. С географической точки зрения наименее охваченным деятельностью «Итальянского союза» регионом является средняя и южная Далмация. Определенные бытовые и материальные проблемы существуют в центральной Хорватии и в г. Пазин, административном центре Истрийской жупании. Отметим развитие гуманитарных связей, сочетающее как традиционные аспекты (развитие библиотек итальянской литературы, связи с академическими центрами), так и стремление уловить новые тенденции академической и общественной жизни. Трансграничный характер деятельности «Итальянского союза» заключается в особом статусе г. Риека, который еще в первой половине XX в. стал центром распространения итальянской информационной продукции в Истрии и Далмации.

Во многих аспектах итальянское сообщество в Хорватии сталкивается с ограничениями, которые существуют в отношении других нацменьшинств, в частности сербского нацменьшинства. Прежде всего это касается школьного образования, ограниченные возможности получения которого являются фактором поощрения оттока итальянской молодежи из Хорватии. Однако в средней исторической динамике итальянское присутствие в Хорватии в некоторых аспектах значительно укрепилось, присутствие же других нехорватских сообществ сократилось. В целом трансграничные прецеденты, заложенные в международных соглашениях 1990-х гг., сохраняют актуальность и в современных реалиях и могут быть использованы для дальнейшего укрепления положения итальянского национального меньшинства в восточно-адриатической части балканского региона.

СЛОВЕНИЯ					
Нас. пункт, (население)	Геогр. регион	Адм. единица (область)	Год осно- вания	Про- филь	Другие особенности
Изола/Isola “Pasquale Besenghi degli Ughi”	Истрия (прибр.)	Обално- Крашка	1946	Соц., Культ.	С 1995 до середины 1990-х гг. известно как общество «Джордано Бруно». Детский сад. Начальная школа. Средняя школа. Оф. сайт: http://www.comunitaitaliana.si/
Копер- Хрватини/ Crevatini	Истрия (прибр.)	Обално- Крашка	1991	Соц.	Детский сад. Средняя школа. Библиотека; численность фонда 800 ед.
Копер/ Sapodistria «Санторио Санторио»	Истрия (прибр.)	Обално- Крашка	1995	Культ., Соц.	Детский сад. Начальная школа.
Изола «Данте Али- гьери»/ Isola “Dante Alighieri”	Истрия (прибр.)	Обално- Крашка	1997	Соц., Культ.	Выделилось из филиала «Изола», основанного в 1946 г. Председатель итальян- ского происхождения (Fiorenzo Dassena). Связи с обществом «Данте Алигьери». Оф. сайт: http://www.danteisola.org
Пиран «Джузеппе Тартини»/ “Pirano Giuseppe Tartini”	Истрия (прибр.)	Обално- Крашка	1997	Соц.	3 детских сада. Начальная школа. Средняя школа.

Копер-Берточки/ Vertocchi	Истрия (прибр.)	Обално-Крашка	1999	Соц., Худ., Культ.	Детский сад. Председатель итальянского происхождения (Roberta Vincoletto). Связи с Университетом Триеста, грантовая поддержка правительства Италии.
Копер-Анкаран/ Ancarano	Истрия (прибр.)	Обално-Крашка	2011	Соц.	Собственный веб-сайт: https://can-ancarano.si/ Страница в Facebook ¹³² : https://web.facebook.com/Comunita-degli-Italiani-di-Ancarano-1533875716879584/
ХОРВАТИЯ					
Нас. пункт (население)	Геогр. регион	Адм. единица (жупания)	Год основания	Про- филь	Другие особенности
Риска/Fiume	Кварнер (прибр.)	Приморско-Горанская	1946 <i>1980</i>	Соц., Худ., Культ.	6 детских садов. 4 начальные школы. Средняя школа. Площадь помещений более 1000 м ² , 18 комнат. 2 библиотеки (5122 ед. и 2650 ед.). Председатель итальянского происхождения (Melita Sciucca).
Опатия/ Abbazia	Кварнер (прибр.)	Приморско-Горанская	1946 <i>1994</i>	Худ., Культ.	

¹³² С 21 марта 2022 г. социальные сети Facebook и Instagram признаны экстремистскими и запрещены на территории Российской Федерации.

о. Мали Лошинь/ Lussin piccolo	Кварнер (прибр.)	Примор- ско-Горан- ская	1948 1990	Ин- форм., Худ., Культ., Соц.	11 чел. Сотрудничество с радиостанцией. Библиотека, языковые курсы. Профиль в Facebook: https://m.facebook.com/ groups/143161012392846/ Здание общества куплено на средства МИД Италии (2011 г.).
Мосленичка- Драга/ Draga di Moschiena	Кварнер (прибр.)	Примор- ско-Горан- ская	1993 1996	Худ., Культ.	Численность общества 60 чел.
о. Прес/ Cherso	Кварнер (прибр.)	Примор- ско-Горан- ская	1996 2019	Соц.	До 1982 г. филиал Итальянского общества г. Риека. Расположен в здании Социалистического союза трудового народа Югославии. В 2019 г. перерегистрирован, адрес регистрации — г. Загреб.
Ловран/ Laurana	Кварнер (прибр.)	Примор- ско-Горан- ская	1997 1993		
о. Крк-Велья/ Veglia	Кварнер (прибр.)	Примор- ско-Горан- ская	2001 2002		

Пула/Pola	Истрия (прибр.)	Истрий- ская	1946 1946	Соц., Худ.	Детский сад. Начальная школа. Средняя школа. Старейшее отделение Итальянского общества. Среди основателей Площадь помещения 1500 м ² . Обширная библиотека (5000 ед.). Обширная издательская и социальная деятельность.
Бале/Valle	Истрия (прибр.)	Истрий- ская	1947 1966	Соц., Культ., Худ.	Детский сад. Профиль в Facebook: https://web.facebook.com/comunitadegliitaliani.valle?_rdc=1&_rdr Численность сообщества ок. 420 чел.
Пазин/Pisino	Истрия (конт.)	Истрий- ская	1947 1992	Соц.	Образовано как общество культуры «Антонио Грамши». В 1953 г. закрыта школа. В 1992 г. получило статус сообщества (comunità). Объединяет жителей районов Veram/Verme; Pícan/Pedena; Lupoglav/Lupogliano и др. Небольшое (50 м ²) помещение.
Лабин/Albona	Истрия (конт.)	Истрий- ская	1947 1986	Худ., Культ.	Детский сад (19 детей). Отсутствие школы (закрыта в 1953 г.). Центр общества «Данте Алигьери».

Буйе/Buie	Истрия (конт.)	Истрий- ская	1947 1947	Соц., Худ., Культ.	Детский сад. Начальная школа. Средняя школа. Прямая поддержка правительства Италии; штаб-квартира консульства Италии.
Галиджана/ Gallesano	Истрия (конт.)	Истрий- ская	1947 1947	Худ., Культ.	Детский сад. Председатель итальян- ского происхождения (Pietro Demori/ Debora Moscarda). Профиль в Facebook: https://web.facebook.com/Comunita-degli-Italiani-Gallesano-182735111745273/?_rdc=1&_rd
Шисан- Лижнян/ Sissano- Lisignano	Истрия (конт.)	Истрий- ская	1947	Соц., Худ., Культ.	Председатель итальян- ского происхождения (Paolo Demarin). Охватывает 1400 жителей итальян- ского происхождения. Ок. 458 активных членов общества. В 1967 г. открыта начальная школа. Связи с Народным университетом Триеста. Реставрация 1997 г. проведена при под- держке Министерства иностранных дел Италии.
Тар «Джованни Пальма»/ Torre “Giovanni Palma”	Истрия (прибр.)	Истрий- ская	1947	Соц.	Детский сад. Закрыта школа. Часть «Итальянского сообщества» с 1972 г.

Пореч/ Parenzo	Истрия (прибр.)	Истрий- ская	1948	Соц., Худ., Культ.	Детский сад. Начальная школа. Библиотека (3000 ед.) и спутниковая станция. Председатель итальян- ского происхождения (Ugo Musizza). Активное сотрудниче- ство с итальянскими сообществами 6 местных районов, а также Истрии, Квар- нера и Далмации. Связь с обществом «Данте Алигьери».
Воднян/ Dignano	Истрия (конт.)	Истрий- ская	1948 <i>1948</i>	Худ., Культ.	Детский сад. Начальная школа. Председатель итальян- ского происхождения (Maurizio Piccinelli). Сайт: www.ci-dignano.com Библиотечный фонд 200 ед.
Фажана/ Fasana	Истрия (прибр.)	Истрий- ская	1948 <i>1992</i>	Худ., Культ.	Детский сад. Школа закрыта в 1951 г. Здание площадью 400 м ² Библиотека (1000 ед. фонда).
Новиград/ Cittanova	Истрия (прибр.)	Истрий- ская	1948– 1952	Соц., Культ.	Детский сад. Начальная школа. Поддержка итальянского правительства.
Ровинь «Пино Будичин»/ Rovigno “Pino Budicin”	Истрия (прибр.)	Истрий- ская	неизв. <i>1967</i>	неизв.	Детский сад. Начальная школа. Средняя школа. Председатель итальян- ского происхождения (Roberta Ugrin/ Viviana Benussi).

Бртонигла/ Verteneglio	Истрия (конт.)	Истрий- ская	1968 <i>1968</i>	Соц., Худ., Культ.	<p>Детский сад. Основано преподава- телями итальянской школы. Председатель итальян- ского происхождения (Keti Vicintin / Eric Persel). Предметом гордости является местный хор и оркестр классической музыки. Численность сообще- ства ок. 700 чел. Профиль в Facebook: http://www.facebook.com/cverteneglio</p>
Бртонигла- Вилланова/ Brtonigla- Villanova	Истрия (конт.)	Истрий- ская	1974	Соц., Худ.	Библиотека (300 ед.), винодельня.
Савудрия/ Salvore	Истрия (прибр.)	Истрий- ская	неизв. <i>1980</i>	неизв.	<p>Детский сад (г. Башания). Председатель итальян- ского происхождения (Silvano Pelizzon). Численность общества ок. 620 чел.</p>
Мотовун/ Montona	Истрия (конт.)	Истрий- ская	неизв. <i>1991</i>	неизв.	Председатель итальян- ского происхождения (Enrico Pissach).
Буйе-Момьян/ Buie-Momiano	Истрия (конт.)	Истрий- ская	1991 <i>1991</i>	Соц., Худ.	<p>Детский сад. 400 членов. Существует с 1980-х гг. Реставрация здания осуществляется на средства Правитель- ства и МИД Италии. Сотрудничество с Университетом г. Риека и Народным университетом Триеста.</p>

о. Врсар/ Orsera	Истрия (прибр.)	Истрий- ская	1991	Соц.	Детский сад. Председатель итальян- ского происхождения (Mario Gasparini). Ответвление от итальянского сообщества г. Пореч. Цель — открытие школы.
Грожнян- Штерна/ Sterna- Grisignana	Истрия (конт.)	Истрий- ская	1991 1992	Соц., Культ.	Помещение площадью 110 м ² .
Вишнян «Дотт С. Фор- туна»/ Visignano „Dott. S. For- tuna“	Истрия (конт.)	Истрий- ская	1992	Соц., Культ.	Профиль в Facebook: https://www.facebook.com/comunitavisignano/ Ок. 240 членов сообщества.
Вижинада/ Visinada	Истрия (конт.)	Истрий- ская	1992 1992	Соц., Культ., Худ.	Профиль в Facebook: https://web.facebook.com/comunitadegliitaliani.visinada Здание находится в собственности «Итальянского союза». Отремонтировано на средства Правитель- ства Италии. На открытии нового здания центра (5 дек. 2014 г.) присутствовали президент Хорватии И. Йосипович, посол Италии в Хорватии, представители прави- тельства Италии, провинции Фриулия- Венеция-Джулия, университета Триеста.

Грожнян/ Grisignana	Истрия (конт.)	Истрий- ская	1992 1992	Соц., Культ.	Веб-сайт: www.uici-grisignana.hr Секции футбола, бокса, волейбола, тенниса.
Ливаде- Градинье/ Levade- Gradigne	Истрия (конт.)	Истрий- ская	1992 1999	Соц., Культ., Худ.	210 членов сообщества.
Пореч- Каштелир/ Santa Domenica- Kastelir	Истрия (конт.)	Истрий- ская	1992	Соц.	Двухэтажное здание площадью 516 м ² . Курсы итальянского, английского и немецкого языков. Конная школа, секция бокса и информатики. Питомник для выведе- ния охотничьих собак.
Умаг- Сан Лоренцо- Бабичи/ Umago San Lorenzo- Babici	Истрия (прибр.)	Истрий- ская	1993 1993	Соц., Худ., Культ.	Детский сад. Начальная школа. Председатель итальян- ского происхождения (Roberta Grassi Bartolić). Ориентировочная чис- ленность сообщества 700 чел., из них 500 владеют итальянским (данные на 1993 г.).
Бадерна- Момпадерно	Истрия (прибр.)	Истрий- ская	1993 1993	Соц.	Филиал общества в г. Пореч. Отсутствие школ и языковых курсов.
Буйе-Крассица/ Crassiza	Истрия (конт.)	Истрий- ская	1995 1995	Соц., Худ., Культ.	Численность сообщества 228 чел. Профиль в Facebook: https://www.facebook.com/ci.crassiza44c/

Буйе-Каштел/ Castelvenere	Истрия (конт.)	Истрий- ская	1998 <i>1998</i>	Соц., Культ.	Веб-сайт: www.cicastelvenere.com
Умаг- Виа Броло/ Umago- Via Brolo	Истрия (прибр.)	Истрий- ская	1998	неизв.	Детский сад (Petrovia). Председатель итальян- ского происхождения (Floriana Bassaneze- Radin).
Умаг- Маттерада/ Matterada	Истрия (конт.)	Истрий- ская	2000 <i>2000</i>	Худ., Культ., Соц.	
Задар/Zara	Далмация	Задарская	1991	Соц.	Детский сад Профиль в Facebook: https://web.facebook.com/ItaliaZara?_rdc=1&_rdr С 2005 г. действуют курсы итальянского языка.
Сплит/ Spalato	Далмация	Сплитско- Далматин- ская	1994	Соц.	Связи с жителями итальян- ского происхождения г. Шибеник и далматин- ских островов. Нынешнее помещение приобретено в 1997 г. при поддержке МИД Италии, Итальянского сообщества г. Риека и Народного универси- тета Триеста. Действует независимо от общества «Данте Алигьери».

Плоштине «Либерта»/ Ploštine “Liberta”	Западная Славония	Пожегско- Славон- ская	1974 1984	Соц.	Возникло на основе Молодежного спортивного общества «Либерта», активный состав — 45 чел. Связи с Загребом, Осиеком, Цигленицей, Пакрацем, Липиком. Небольшая площадь помещения (28 м ²). Председатель общества итальянского происхож- дения (Anton Bruneta/ Olivera Bina).
Липик/Lipik	Западная Славония	Пожег- ско-Сла- вонская	1999 1999	Худ., Культ.	Более 300 чел. Председатель итальян- ского происхождения (Lionella Bisinello). Центр для игры в бочке. Профиль в Facebook: https://www.facebook.com/profile.php?id=100064535116650
Мославина- Кутина/ Moslavina	Цент- ральная Хорватия	Сисачко- Мославин- ская	1996 1997	Соц., Культ.	Председатель итальянского происхож- дения (Marieta di Gallo). Образовано потомками итальянцев — выходцев из района Трентино, переселившихся в Хорватию ок. 100 лет назад.

Загреб	Центральная Хорватия	г. Загреб	2007	Соц., Культ.	Профиль в Facebook: https://web.facebook.com/talijaniuzagrebu/?_rdc=1&_rdr Численность сообщества выросла с 75 до 350 чел. (145 полных членов и 205 ассоциированных членов). Включает выходцев из приморских областей, переселившихся в Загреб.
--------	----------------------	-----------	------	-----------------	--

Таб. 4. Характеристика филиалов «Итальянского союза» в Словении и Хорватии

Примечание 1. Год основания филиала дан прямым шрифтом (источник www.unione-italiana.hr). Курсивом выделен год регистрации юридического лица (источник www.poslovna.hr).

Примечание 2. Расшифровка указателей в таблице:

Социальный (Соц.) — газета, радио, детский сад, библиотека, мультимедиа-центр, конференц-зал, ресторан, бар, коворкинг, ярмарки, экологические мероприятия.

Художественный (Худ.) — хор, кружок живописи, музыкальная студия.

Культурный (Культ.) — курсы итальянского языка, кулинарные курсы, фестивали.

Информ. — газета, радио.

Прибр. — прибрежная часть географического района.

Конт. — континентальная часть географического района.

Список литературы

- Бодуэн де Куртенэ 1895 — *Бодуэнь-де-Куртенэ И. А.* Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. I. Резьянские тексты собраны в 1872, 1873 и 1877 гг., упорядочил и перевел И. А. Бодуэнь-де-Куртенэ. Съ приложеніями Элли фонъ Шульць-Адаевской. Санктпетербургъ, 1895.
- Бодуэн-де-Куртенэ 1904 — *Бодуэнь-де-Куртенэ И. А.* Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. II. Образцы языка на говорах Терских славян в сѣверовосточной Италіи собрал и издал И. А. Бодуэнь-де-Куртенэ. С.-Петербург, 1904.
- Борисов 2021 — *Борисов С. А.* Чешский язык в полиэтничном окружении (обзор полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. № 1–2. 2021. С. 310–328.
- Борисов 2022 — *Борисов С. А.* Идентификация и самоидентификация через этнонимы в чешских миноритарных сообществах на Балканах // Славянский мир: общность и многообразие: тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. М.: Институт славяноведения РАН, 2022. С. 91–96.
- Борисов 2023 — *Борисов С. А.* Чехи среди сербов и хорватов: обзор социолингвистической экспедиции 2022 года // Славянский альманах. № 1–2. 2023. С. 231–248.
- Борисов, Пилипенко 2019 — *Борисов С. А., Пилипенко Г. П.* Полевое исследование среди венгров и чехов в центральной Хорватии // Zbornik Janković. № 4. 2019. S. 593–604.
- Борисов, Пилипенко 2020 — *Борисов С. А., Пилипенко Г. П.* Дискурсивные практики и метаязыковое комментирование в речи представителей национальных меньшинств Боснии и Герцеговины (на примере славянских сообществ Республики Сербской) // Јужнословенски филолог. Књ. LXXVI, № 2. 2020. С. 127–156.
- Борисов, Пилипенко 2021 — *Борисов С. А., Пилипенко Г. П.* Репи/Ремси в румынско-сербском окружении: село Златица в Банате // Стратегии межбалканской коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание. Балканские чтения 16. / отв. ред. И. А. Седакова. М.: Институт славяноведения РАН; Индрик, 2021. С. 49–53.
- Гаврилова 2012 — *Гаврилова В. Г.* Дублирование как одно из проявлений переключения // Финно-угорский мир. № 3–4. 2012. С. 56–59.

-
- Гаврилова 2013 — *Гаврилова В. Г.* Марийско-русское переключение и смешение кодов // Вестник Удмуртского университета. № 2. 2013. 16–22.
- Гаврилова 2014 — *Гаврилова В. Г.* Иноязычные вкрапления в устных высказываниях на марийском языке. Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. № 5. 2014. С. 178–181.
- Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997.
- Дуличенко 1981 — *Дуличенко А. Д.* Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. Таллин: Валгус, 1981.
- Искендеров 2014 — *Искендеров П. А.* От Призренской лиги — к независимости Албании (1881–1912 гг.). Независимость Албании в общепалканском контексте: к 100-летию образования албанского государства. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 161–181.
- Картотека SLA — *Slovenski lingvistični atlas*. Картотека.
- Красновская 1973 — *Красновская Н. А.* Итальянцы // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX — начало XX в. Зимние праздники / под ред. С. А. Токарева. М.: Наука, 1973. С. 18–32.
- Майтинская 1993 — *Майтинская К. Е.* Венгерский язык // Языки мира. Уральские языки. М.: Наука, 1993. 256–279.
- Марусин 2014 — *Марусин И. С.* О соотношении принципа нерушимости границ и права народов на самоопределение // Правоведение. № 1 (312). 2014. С. 109–119.
- Морозова 2021 — *Морозова М. С.* В поисках ограничений на переключение кодов: из наблюдений над речью албанско-славянских билингвов // Стратегии межпалканской коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание. Балканские чтения. 16 / отв. ред. И. А. Седакова. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 62–67.
- Морозова, Русаков 2021 — *Морозова М. С., Русаков А. Ю.* Албанские глаголы в славянской речи: между переключением кодов и адаптацией заимствований // Вестник Томского государственного университета. Филология. Вып. 74. 2021. С. 113–129.
- Нарумов 2001 — *Нарумов Б. П.* Истрорумынский язык/диалект // Языки мира: Романские языки / И. И. Чельшева, Б. П. Нарумов, О. И. Романова (ред.). М.: Academia, 2001. С. 656–671.
- Нарумов, Сухачев 2001 — *Нарумов Б. П., Сухачев Н. Л.* Фриульский язык // Языки мира: Романские языки / И. И. Чельшева, Б. П. Нарумов, О. И. Романова (ред.). М.: Academia, 2001. С. 365–391.
- ОЛА 2015 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 10. Народные обычаи. М.; СПб.: Нестор-История, 2015.

- Пивоваренко 2018 — *Пивоваренко А. А.* Хорватия: история, политика, идеология. Конец XX — начало XXI века. М.; СПб.: Нестор-История, 2018.
- Пивоваренко 2022 — *Пивоваренко А. А.* Политизация исторической памяти Италии по вопросу Истрии (внешнеполитический дискурс) // Славяноведение. № 5. 2022. С. 88–102.
- Пивоваренко, Пилипенко 2022 — *Пивоваренко А. А., Пилипенко Г. П.* Языковая ситуация в итальянской общине города Копер (Словения): данные полевого исследования // Славянский мир в третьем тысячелетии. Т. 17 № 1–2. 2022. С. 94–119.
- Пилипенко 2016 — *Пилипенко Г. П.* Итальянские заимствования в речи словенцев (провинция Триест) // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте: к 60-летию Константина Владимировича Никифорова. М., 2016. С. 593–607.
- Пилипенко 2017 — *Пилипенко Г. П.* Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских венгров: Взгляд «изнутри» и «извне». М.; СПб.: Нестор-История, 2017.
- Пилипенко 2018 — *Пилипенко Г. П.* Маркирование интерференционных явлений в славянской речи Южной Америки // Славяноведение. № 3. 2018. С. 64–80.
- Пилипенко 2021 — *Пилипенко Г. П.* Некоторые контактнообусловленные явления в словенском диалекте долины Натизоне // *Slavia Meridionalis*. № 21. 2021. Article 2388.
- Пилипенко 2022 — *Пилипенко Г. П.* Восприятие Триеста в нарративах словенцев Италии // Вестник славянских культур. Т. 63. 2022. С. 247–267.
- Пилипенко 2022a — *Пилипенко Г. П.* Адаптация сербских и словенских заимствований в речи воеводинских и прекмурских венгров // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 16. № 3. 2022. 416–429.
- Пилипенко 2022b — *Пилипенко Г. П.* Употребление топонимов в спонтанной речи венгров Воеводины и Прекмурья // Вопросы ономастики. Т. 19. № 1. 2022. 139–159.
- Пилипенко, Борисов 2024 — *Пилипенко Г. П., Борисов С. А.* Семейный полилингвизм в миноритарном сообществе Хорватии (на примере многоязычной семьи из западной Славонии) // Славяноведение. № 1 2024. С. 95–114.
- Пилипенко, Ясинская 2018 — *Пилипенко Г. П., Ясинская М. В.* Экспедиция к словенцам в Италии // Славяноведение. № 1. 2018. С. 106–111.
- Пилипенко, Ясинская 2018a — *Пилипенко Г. П., Ясинская М. В.* Из календарной обрядности словенцев в Италии // Живая старина. № 2. 2018. С. 55–58.

- Пилипенко, Ясинская 2023 — *Пилипенко Г. П., Ясинская М. В.* Контактные явления в сфере языка и традиционной культуры у словенцев долины Натизоне и Тера (по данным экспедиции 2022 года) // *Славяноведение*. № 3. 2023. С. 81–94.
- Плотникова 1990 — *Плотникова О. С.* Словенский язык. М: МГУ, 1990.
- Пипер 2009 — *Пипер П.* Српски језик // *Јужнословенски језици: граматичке структуре и функције*. Београд: Београдска књига, 2009.
- ПМА — полевые материалы Г. П. Пилипенко из Аргентины, Парагвая, Чили, Уругвая 2015–2019 гг.
- Попис 2011 — *Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији. Етноконфесионални и језички мозаик Србије*. Београд: Републички завод за статистику, 2014.
- Прадкова 2022 — *Прадкова П.* Избранные результаты деятельности чешских диалектологов // *Славянский альманах*. № 1–2. 2022. С. 420–433.
- РСГВ 1–4 — *Речник српских говора Војводине*. Књ. 1–4. Нови Сад: Матица Српска, 2019.
- Русаков 2004 — *Русаков А. Ю.* Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе). Дисс... д.филол.н. СПб., 2004.
- Сидоркевич 2014 — *Сидоркевич Д. В.* Язык ингерманландских переселенцев в Сибири (структура, диалектные особенности, контактные явления). Дисс... канд. филол. наук. СПб., 2014.
- Толстая 2012 — *Толстая М. Н.* Карпатоукраинские энклитики в южнославянской перспективе // *Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура 2009–2011*. Вып. 2. М., 2012. С. 191–210.
- Толстая 2005 — *Толстая С. М.* Антропонимы в календарной терминологии // *С. М. Толстая. Полесский народный календарь*. М.: Индрик, 2005. С. 377–384.
- Толстая 2013 — *Толстая С. М.* Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // *Н. И. и С. М. Толстые. Славянская этнолингвистика. Вопросы теории*. М., 2013. С. 166–181.
- Циммерлинг 2012 — *Циммерлинг А. В.* Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте // *Вопросы языкознания*. № 4. 2012. С. 3–38.
- Шаланки, Кондратьева 2019 — *Шаланки Ж., Кондратьева Н. В.* // *Морфосинтаксическая интерференция в условиях удмуртско-русского билингвизма. Ежегодник финно-угорских исследований*. Т. 13. № 3. 2019. С. 380–389.
- Ясинская 2021 — *Ясинская М. В.* Мифологический персонаж (з)мора/мара в традиции Южного Подлясья в польской и общеславянской перспективе // *Studia mythologica slavica*. 2021. С. 79–99.

- Ясинская 2022 — *Ясинская М. В.* Обычай *Vožična Devetica* (Novena di Natale) на итальянско-словенском пограничье: традиция и современность // *Живая старина*. № 4. 2022. С. 2–6.
- Andrić 2018 — *Andrić E.* Alaki tükrözés az újvidéki magyar nyelvhasználatban. GlobeEdit, 2018.
- Andrić 2019 — *Andrić E.* Lexikai interferenciajelenségek a vajdasági magyar nyelvben // *Hungarológiai Közlemények*. 3. 2019. 106–122 o. <https://doi.org/10.19090/hk.2019.3.106-122>
- Balloch 2018 — *Balloch B.* Lučice na oknah: naš sviet pouan naposebnosti = il nostro mondo pieno di meraviglia / Ur. Dapit R., Trusgnach L., Zuljan Kumar D. Čedad: Kulturno društvo Ivan Trinko = Cividale del Friuli: Circolo culturale [Ivan Trinko], 2018.
- Baudouin de Courtenay 1988 — *Baudouin de Courtenay J.* Materiali za južno-slovansko dialektologijo in etnografijo. IV. Ljudska besedila v prozi in verzih zbrana v Nadiških dolinah leta 1873 / Pripravila za prvo objavo L. Spinozzi Monai, folklorni komentar prispeval M. Matičetov. Trst: Založništvo tržaškega tiska in študijski center «Nediža», 1988.
- Bělič 1959 — *Bělič J.* Poznámky o češtině na Daruvarsku v Jugoslávii // *Slavica Pragensia*. I.1959. S. 59–75.
- Bernjak 2004 — *Bernjak E.* Slovenščina in madžarščina v stiku. Sociolingvistične in kontrastivne študije. Maribor: Univerza v Mariboru, 2004.
- Bezljaj 2005 — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Četrta knjiga Š–Ž. Avtorji gesel F. Bezljaj, M. Snoj, M. Furlan / uredila M. Snoj, M. Furlan. Ljubljana: Založba ZRC, 2005.
- Bokor 2001 — *Bokor J.* A magyar nyelv és használat a szlovéniai Muravidéken az ezerforduló küszöbén // *Magyar nyelv*. 1. 2001. 34–52 o.
- Bodó 2005 — *Bodó Cs.* Hungarian in Austria // *Hungarian Language Contact outside Hungary*. Amsterdam, Philadelphia, 2005. P. 241–263.
- Burian 1929 — *Burian F.* Česká řeč na Daruvársku (SHS) // *Naše zahraničí*. IX (4). 1929. S. 138–150.
- Ciplea 1963 — *Ciplea G.* Cantitatea vocalică în graiurile cehe din Banat // *Romanoslavica VII*. București, 1963. P. 211–218.
- Ciplea 1967 — *Ciplea G.* Unele caracteristici ale graiului moravo-slovac din Clopidia (Banat) // *Romanoslavica XIV*. București, 1967. P. 283–292.
- Cossutta 1996 — *Cossutta R.* Romanizmi na področju oljarstva v govorih Slovenske Istre // *Jezik in slovstvo*. 4. 1996. S. 221–227.
- Cossutta 1997 — *Cossutta R.* Romanske izposojenke v poljedelski terminologiji Slovenske Iste // *Slovenski Jezik*. 1. 1997. S. 41–55.

- Csernicsekó 2005 — *Csernicsekó I. Hungarian in Ukraine // Hungarian Language Contact outside Hungary*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2005. P. 89–131.
- Čeština na Volyni 2020 — *Čeština na Volyni / A. Arkhanhelska, O. Blaha, U. Cholodová (red.)*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, Filozofická fakulta, 2020.
- ČJA 4 — *Český jazykový atlas 4*. Praha: Academia, 2002.
- De Cia 2013 — *De Cia S. The Vitality of Friulian in the Province of Udine: a Sociolinguistic Study*. The University of Manchester, 2013.
- Dreške ojčeta / Nozze a Drenchia. Društvo Kobilja Glava. Čedad / Cividale del Friuli: Most, 2021.
- Dukovski 2001 — *Dukovski D. Egzodus talijanskog stanovništva iz Istre 1945–1956 // Časopis za suvremenu povijest. Hrvatski institut za povijest. 3. 2001. S. 633–667*.
- Erat 2008 — *Erat J. Furlansko-Slovenski slovar. Il dizionari Furlan-Sloven. 2008*. <https://www2.ung.si/~jezik/furlanscina/>
- Fancsaly et al. 2016 — *Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnár Ljubić M., Oszkó B., Siklósi B., Žagar Szentesi O. A magyar nyelv Horvátországban / Szerk. M. Kontra*. Budapest; Eszék: Gondolat Kiadó, Media Hungarica Művelődési és Tájékoztatási Intézet, 2016.
- Fenyvesi 2005 — *Fenyvesi A. Hungarian in the United States // Hungarian Language Contact outside Hungary*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2005. P. 265–318.
- FGT 2022 — *Folklorno gradivo iz Tera — 1940: terenski zapisi Milka Matičetovega*. Ur. B. Ivančič Kutin, R. Mrvič, M. Kropej Telban. Ljubljana: ZRC SAZU, 2022.
- Frleta 2018 — *Frleta T. Pravilo „drugog mjesta“ u hrvatskom jeziku ili o polu(ne)slobodnom redu riječi // Jezik: časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika. 65 (1). 2018. S. 11–23*.
- Gecse 2013 — *Gecse D. Historie českých komunit v Rumunsku / překl. J. Šabat*. Praha: Herrmann & synové, 2013.
- Giuricin 2009 — *Giuricin E. Talijanska nacionalna zajednica (1945–2003) // Istra kroz vrijeme. Pregled povijesti Istre sa osvrtom na grad Rijeku*. Rovinj: Unione Italiana — Fiume. 2009. S. 651–668.
- Godnič 2006 — *Godnič N. O nabrežinskem narečju // Nabrežina skozi stoletja. Nabrežina: Slovensko kulturno društvo Igo Gruden, 2006. S. 349–363*.
- Göncz 1999 — *Göncz L. A magyar nyelv Jugoszláviában (Vajdaságban)*. Budapest; Újvidék: MTA Kisebbségkutató Műhely; Forum Könyvkiadó; Osiris Kiadó, 1999.

- Ham 2012 — *Ham S.* Školska gramatika hrvatskoga jezika. 4. izdanje. Zagreb: Školska knjiga, 2012.
- Ivančič Kutin 2018 — *Ivančič Kutin B.* Zagovori v terenskih zapisih iz Benečije // Žele A., Šekli M. Slovenistika in slavistika v zamejstvu. Videm; Ljubljana: Zveza društev Slavistično društvo Slovenije, 2018. S. 207–220.
- Ivančič Kutin 2018a — *Ivančič Kutin B.* Krivopete: divje žene z nazaj zasukanimi stopali v slovenski folklori. Ljubljana: Založba ZRC SAZU, 2018.
- Izjava 2020 — *Ahačič K., Škofic J., Gliha Komac N., Gostenčnik J., Ježovnik J., Kenda-Jež K., Šekli M., Zuljan Kumar D.* Zakaj je nadiško narečje v Italiji slovensko narečje // Jezikoslovni zapiski. 26 (1). 2020. S. 219–223.
- Jakoubek 2013 — *Jakoubek M.* Vojvodovo: identity, tradice a výzkum. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2013.
- Jančak 1971 — *Jančak P.* Čeština v Ivanově Sele v Jugoslávii // Slovo a Slovesnost. 1971. 32 (3). S. 241–257.
- Jančak 1973 — *Jančak P.* Hodnocení vlivu příbuzného jazyka na slovní zásobu českého nářečí (Na materiále českých nářečí na Duruvarsku v Jugoslávii) // Slovo a Slovesnost. 34 (4). 1973. S. 302–319.
- Ježovnik 2020 — *Ježovnik J.* Slovenski jezik v Videmski pokrajini // Vartac, moja vas. Slovenska narečna besedila in risbe otrok iz Benečije, Režije in Kanalske doline. Glasovi, 55. Knjiga / Ur. Stanonik M., Potočnik I. Špeter: Študijski center Nediža; Ljubljana: Založba ZRC, 2020. S. 73–87.
- Ježovnik 2022 — *Ježovnik J.* Glasovne in naglasne značilnosti Terskega narečja. Ljubljana: Založba ZRC, 2022.
- Jović 2022 — *Jović D.* Post-Yugoslav States Thirty Years after 1991: Unfinished Businesses of a Fivefold Transition // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 24. (2). 2022. P. 193–222.
- Kalc 1997 — *Kalc A.* Selitvena gibanja ob zahodnih mejah slovenskega etničnega prostora: teme in probleme // Annales. 7. 1997. S. 193–214.
- Klabjan 2019 — *Klabjan B.* Bordering and Memorializing the Northern Adriatic and Central Europe: Introductory Notes on Borderlands of Memory // Borderlands of Memory: Adriatic and Central European Perspectives / ed. B. Klabjan. Oxford: Peter Lang, 2019. P. 1–12.
- Klemenčič 1993 — *Klemenčič M., Kušar V., Richter Ž.* Promjene Narodnosnog sastava Istre. Prostorna analiza popisnih podataka 1880–1991 // Društvena istraživanja: časopis za opća društvena pitanja. № 4–5 (6–7). 1993. S. 607–629.
- Kokaisl 2009 — *Kokaisl P.* a kol. Krajané: Po stopách Čechů ve východní Evropě. Praha: Za hranice — Společnost pro rozvojovou spolupráci při Provozně ekonomické fakultě ČZU v Praze, 2009.

- Kokaisl 2012 — *Kokaisl P.* Češi v Chorvatsku. Praha: Nostalgie, 2012.
- Kolláth 2005 — *Kolláth A.* Magyarul a Muravidéken. Maribor: Slavitično društvo, 2005.
- Kosta, Schürcks 2009 — *Kosta P., Schürcks L.* Word order in Slavic // *The Slavic languages / S. Kempgen, P. Kosta, T. Berger, K. Gutschmidt (eds.).* Berlin: De Gruyter, 2009. P. 654–684.
- Kravar 1953 — *Kravar M.* O „razlici“ između infinitiva i veze da + prezent // *Jezik: časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika.* 2 (2). 1953. S. 43–47.
- Kresić Vukosav, Šimčić 2021 — *Kresić Vukosav M., Šimčić L.* Some aspects of language contact among Croatian-speakers in Lower Saxony, Germany // *Diaspora Language Contact. The Speech of Croatian Speakers Abroad / Hlavac J., Stolac D. (eds.).* Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021. P. 217–248.
- Kropej 2008 — *Kropej M.* Od ajda do zlatoroga. Slovenska bajeslovna bitja. Celovec; Ljubljana; Dunaj: Mohorjeva založba, 2008.
- Křivan 2007 — *Křivan J.* Externí posesivita v češtině: v typologické a areální perspektivě. Nepublikovaná diplomová práce. Praha: Univerzita Karlova v Praze, 2007.
- Laihonen 2008 — *Laihonen P.* Language ideologies in interviews: A conversation analysis approach // *Journal of Sociolinguistics.* 12 (5). 2008. P. 668–693. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9841.2008.00387.x>
- Lanstyák, Szabó Mihály 2005 — *Lanstyák I., Szabó Mihály G.* Hungarian in Slovakia // *Hungarian Language Contact outside Hungary.* Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2005. P. 47–88.
- Logar 1983 — *Logar T.* Slovenska narečja. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1983.
- Machek 1968 — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha: NLN, 1968.
- Márku 2008 — *Márku A.* Érvényes történetek. Nyelvválasztási és kódváltási kommunikációs stratégiák a kárpátaljai magyarfiatalok körében. Ungvár; Beregszász: Poliprint, 2008.
- Markoja 2014 — *Markoja D.* Jezikovna situacija v Prekmurju v obdobju od reformacije do začetka 20. stoletja // *Stati inu obstati. Revija za vprašanja protestantizma.* 10 (19–20). 2014. S. 79–99.
- Matušek 1994 — *Matušek J.* Češi v Chorvatsku. Daruvar: Jednota, 1994.
- Merkù 1980 — *Merkù P.* O slovenskem terskem narečju. Slavistična revija. 28 (2). 1980. S. 167–178.
- Merkù 2004 — *Merkù P.* Ljudsko izročilo Slovencev v Italiji. Zbrano v letih 1965–1974 / *Le tradizioni popolari degli Sloveni in Italia. Raccolte negli anni 1965–1974.* Udine: Pizzicato Edizioni Musicale, 2004.

- Mezgec 2017 — *Mezgec M.* Slovenščina v beneški Sloveniji in vloga dvojezične šole v Špetru pri medgeneracijskem prenosu jezika: stališča staršev. *Slovenščina 2.0.* 5(1). 2017. S. 1–32.
- Mirković 1968 — *Mirković D.* Govori Čeha u Slavoniji (Daruvar i okolina). Beograd: Filološki fakultet Beogradskog univerziteta, 1968.
- Muysken 2000 — *Muysken P.* Bilingual Speech. A Typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Myers-Scotton 1993 — *Myers-Scotton C.* Duelling languages: Grammatical structure in Code-switching. Oxford: Clarendon Press, 1993.
- Nicoloso Ciceri 1992 — *Nicoloso Ciceri A.* Tradizioni popolari in Friuli. Vol. 2. Udine: Chiandetti Editore, 1992.
- Novak 1996 — *Novak F.* Slovar beltinskega prekmurskega govora. Murska Sobota: Pomurska založba, 1996.
- Pavlásek 2015 — *Pavlásek M.* Konec velkých vyprávění v nedohlednu: (meta) narativ migrace z Moravy do dnešního Srbska // *Krajané: hledání nových perspektiv* / M. Jakoubek, L. Jirka, N. Králová, M. Pavlásek, J. Tůma. Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2015. S. 49–75.
- Pavlásek 2020 — *Pavlásek M.* Z Moravy až do Velikého Srediště : etnografické podobenství o zapomenuté náboženské komunitě. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury; Praha: Etnologický ústav AV ČR, 2020.
- Petrović 2009 — *Petrović T.* Jezička ideologija u procesu zamene jezika. Beograd: SANU Balkanološki institut, 2009.
- Piasevoli 2021 — *Piasevoli V.* The Croatian speech of first- and second-generation Croats in Trieste // *Diaspora Language Contact. The Speech of Croatian Speakers Abroad* / Hlavac J., Stolac D. (eds.). Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021. P. 361–399.
- Pilipenko 2014 — *Pilipenko G.* Dvojezičnost v Prekmurju // *Prekmurje — podoba panonske pokrajine.* Ljubljana; Petanjci, 2014. S. 185–196.
- Pilipenko 2016 — *Pilipenko G.* Hungarian-Slavic Bilingualism in Transcarpathia, Vojvodina and Prekmurje // *Yearbook of Finno-Ugric Studies.* 10 (4). 2016. P. 20–30.
- Pisk 2020 — *Pisk M.* Language Switching in (Folk) Songs along the Slovenian-Italian Border // *Tautosakos darbai.* 60. 2020. P. 79–93.
- Popović 1968 — *Popović S.* Govor dvaju čeških naselja u Bosni (Nova Ves i Mačino Brdo). Beograd: Filološki fakultet Beogradskog univerziteta, 1968.
- Rabec 2012 — *Rabec I.* A nyelvleépülés vizsgálata szlovákiai fiatalok körében. Doktori disszertáció. Budapest, 2012.
- Rajslí 2011 — *Rajslí I.* Kódváltás a vajdasági magyarok nyelvhasználatában // *Hungarológiai Közlemények.* 4. 2011. 108–120 o.

- Rajslji 2015 — *Rajslji I.* A kódváltás lexikai-szemantikai aspektusai a vajdasági magyar nyelvben // *Hungarológiai Közlemények.* 2. 2015. 90–104 o.
- Sikimić (ur.) 2005 — *Sikimić B.* (ur.). Banjaši na Balkanu: identitet etničke zajednice. Beograd: SANU Balkanonoški institut, 2005.
- Silić, Pranjković 2005 — *Silić J., Pranjković I.* Gramatika hrvatskoga jezika za gimnazije i visoka učilišta. Zagreb: Školska knjiga, 2005.
- Skubic 1986 — *Skubic M.* Interferenze linguistiche slavo-romanze: La lingua di Novi Matajur // *Linguistica.* 26 (1). 1986. P. 59–68. <https://doi.org/10.4312/linguistica.26.1.59-68>
- Skubic 1991 — *Skubic M.* Interferenze sintattiche di origine romanza nelle parlate slovene occidentali: la strutturazione del sintagma aggettivale, della frase, del periodo // *Linguistica.* 31 (1). 1991. P. 361–365. <https://doi.org/10.4312/linguistica.31.1.361-365>
- Skubic 1997 — *Skubic M.* Romanske jezikovne prvine na zahodi slovenski jezikovni meji. Ljubljana: Znanstveni inštitut filozofske fakultete, 1997.
- Skubic 2007 — *Skubic M.* Jezika v stiku: slovenščina in furlanščina. Prevzete besede in kalki // *Slavistična revija.* 55 (1–2). 2007. S. 19–29.
- Smole 2001 — *Smole V.* Zahodna slovenska narečja // *Enciklopedija Slovenije.* Vol. 15. / red. M. Javornik. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2001. S. 35–38.
- Snoj — *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. Tretja izdaja. Spletna izdaja na www.fran.si Zbirka Fran. Ljubljana, 2015. <https://fran.si/193/marko-snoj-slovenski-etimoloski-slovar>
- Snoj 2003 — *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar (2-e izd.). Ljubljana: Založba Modrijan, 2003.
- Sohrová 2014 — *Sohrová M.* O vlivu jazyka prostředí na mluvu menšiny // *Přehled kulturních a historických, literárních a školských otázek.* 32. 2014. S. 73–81.
- Spinozzi Monai 2009 — Il glossario del dialetto del Torre di Jan Baudouin de Courtenay / Liliana Spinozzi Monai; [revisione linguistica dei testi sloveni Peter Weiss e Karmen Kenda-Jež; traduzione dal polacco di Andrzej Litwornia]. Udine: Consorzio Universitario del Friuli; San Pietroburgo: St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences; Lubiana: Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti — Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, 2009.
- Stanonik, Potočnik 2020 — *Stanonik M., Potočnik I.* (Ur.) Vrtac — moja vas. Slovenska narečna besedila in risbe otrok iz Benečije, Rezije in Kanalske doline. Glasovi knj. 55. Ljubljana, 2020.
- Steenwijk 1992 — *Steenwijk H.* The Slovene dialect of Resia. San Giorgio. Amsterdam: Brill, 1992.

- Stjepanović 2015 — *Stjepanović D.* Samoodređenje i multietnički regionalizmi na post-jugoslavenskom prostoru. *Politička misao: časopis za politologiju. Fakultet političkih znanosti.* 1. 2015. S. 141–163.
- Straničková 2014 — *Straničková H.* Změny slovesných prefixů v důsledku jazykového kontaktu mezi češtinou a chorvatštinou v češtině Čechů v Chorvatsku // *Přehled kulturních a historických, literárních a školských otázek.* 32. 2014. S. 93–106.
- Stranjik 2022 — *Stranjik H.* Krajané v Chorvatsku a jejich jazykové biografie. Praha: Univerzita Karlova. Nakladatelství Karolinum, 2022.
- Škiljan 2016 — *Škiljan F.* Identitet pripadnika češke nacionalne manjine na području Grubišnog Polja // *Radovi Zavoda za znanstvenoistraživački i umjetnički rad u Bjelovaru.* Sv. 10. Bjelovar, 2016. S. 265–293.
- Ščukanec 2021 — *Ščukanec A.* Post-WWII Croatian migrants in Austria and Croatian-German language contacts // *Diaspora Language Contact. The Speech of Croatian Speakers Abroad / Hlavac J., Stolac D. (eds.).* Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021. P. 251–281.
- Ščukanec, Breu, Vuk 2021 — *Ščukanec A., Breu W., Vuk D.* Diachronic perspectives on change in spoken Croatian amongst Croatian indigenous minorities in Austria, Italy and Hungary // *Diaspora Language Contact. The Speech of Croatian Speakers Abroad / Hlavac J., Stolac D. (eds.).* Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021. P. 101–186.
- Šekli 2013 — *Šekli M.* Metodologija določanja plasti mlajših romanizmov v slovenščini // *Jezikoslovni zapiski.* 19 (2). 2013. S. 291–315.
- Špehonja 2010 — *Špehonja N.* Vocabolario nediško-italiano. 2010. http://bos.zrc-sazu.si/c/Dial/Nadisko_narecje/Spehonja_2010_vocabolario_nedisiko_italiano.pdf
- Špehonja 2012 — *Špehonja N.* Nediška gramatika. Grammatica del nediško. *Comunità Montana del Torre, Natisone e Collio; Fondazione CRUP.* 2012. <http://bos.zrc-sazu.si/c/Dial/Spehonja/Spehonja%202012%20--%20Nediska%20gramatika.pdf>
- Thomassen 2006 — *Thomassen B.* Italy From Below and From the Outside-IN: An Istrian Life Story Across the Italian Border // *Acta Histriae.* 14. 2006. P. 155–178.
- Tomasetig 2010 — *Tomasetig A.* Od Idrije do Nediže = Dal Judrio al Natisone. Benečija = Slavia Friulana. Udine: Istituto di Ricerca Achille Tellini, 2010.
- Trávníček 1951 — *Trávníček F.* Mluvnice spisovné češtiny. Část II. Skladba. 3. vydání. Praha: Slovanské nakladatelství, 1951.
- Uherek 2011 — *Uherek Z.* Češi v Bosně a Hercegovině. Praha: Etnologický ústav AV ČR, 2011.

- Utěšený 1962 — *Utěšený S.* O jazyce českých osad na jihu rumunského Banátu // Český lid. Praha. 49 (5). 1962. S. 201–209.
- Utěšený 1964 — *Utěšený S.* Z druhé výpravy za češtinou v rumunském Banátě // Český lid. 51 (1). 1964. S. 27–32.
- Utěšený 1970 — *Utěšený S.* O posrbš'ování kruščické češtiny v jugoslávském Banátě // Naše řeč. 53 (3). 1970. S. 138–145.
- Wasserscheidt 2015 — *Wasserscheidt Ph.* Bilinguales Sprechen. Ein konstruktionsgrammatischer Ansatz. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie. Berlin, 2015.
- Wilhelm 2017 — *Wilhelm Cs.-A.* Between Simplification and Complexification. German, Hungarian, Romanian Noun and Adjective Morphologies in Contact // Journal of Language Contact. 10. 2017. S. 56–75.
- Zovko Dinković 2011 — *Zovko Dinković I.* Egzistencijalni glagoli u hrvatskome // Suvremena lingvistika. 72. 2011. S. 279–294.
- Zuljan Kumar 2016 — *Zuljan Kumar D.* Narodna identiteta pri Beneških Slovencih in Furlanih danes // Jezik in slovstvo. 61 (2). 2016. S. 7–18.
- Zuljan Kumar 2022 — *Zuljan Kumar D.* Skladnja nadiškega in briškega narečja. Ljubljana: ZRC, 2022.
- Zuljan Kumar 2022a — *Zuljan Kumar D.* Pripovedi o hudiču in štrijah v terskem narečju = Racconti del diavolo e delle streghe nel dialetto sloveno delle Valli del Torre // Annales: anali za istrske in mediteranske študije. Series historia et sociologia. 1. 2022. S. 75–88.
- Zvekić-Dušanović 2019 — *Zvekić-Dušanović D.* Magyar-szerb nyelvi interferencia az esethasználásban // Hungarológiai Közlemények. 3. 2019. 123–140 o. <https://doi.org/10.19090/hk.2019.3.123-140>
- Županović Filipin, Hlavac, Piasevoli 2021 — *Županović Filipin N., Hlavac J., Piasevoli V.* Features of the speech of Croatian-speakers in Italy // Diaspora Language Contact. The Speech of Croatian Speakers Abroad / Hlavac J., Stolac D. (eds.). Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021. S. 319–359.

Корпусные источники:

- ORAL2013 — *Benešová L., Křen M., Waclawičová M.* ORAL2013: reprezentativní korpus neformální mluvené češtiny. Praha: Ústav Českého národního korpusu FF UK, 2013. URL: <http://www.korpus.cz> (дата обращения: 22.04.2023).
- SYN v12 — *Křen M., Cvrček V., Čapka T. a kol.* Korpus SYN, verze 12 ze 29. 12. 2023. Ústav Českého národního korpusu FF UK, 2023. URL: <https://www.korpus.cz> (дата обращения: 10.06.2024).

SYN2020 — *Křen M., Cvrček V., Henyš J.* a kol. SYN2020: reprezentativní korpus psané češtiny. Praha: Ústav Českého národního korpusu FF UK, 2020. URL: <http://www.korpus.cz> (дата обращения: 22.04.2023).

Интернет-источники:

GDBIF — Grande dizionario bilingue Italiano-Friulano. <https://arlef.it/it/grande-dizionario-bilingue-italiano-friulano/#>

Kontakty | Velvyslanectví České republiky v Bělehradě. URL: <https://www.mzv.cz/belgrade/cz/informace/krajane/kontakty/index.html> (дата обращения: 22.04.2023)

Krajanské spolky. URL: <https://www.savez-ceha-rh.hr/index.php/cz/krajanske-spolky> (дата обращения: 22.04.2023).

O nama — Nacionalni savet češke nacionalne manjine. URL: <https://www.savetceha.rs/o-nama/> (дата обращения: 22.04.2023)

Pokloni za đake koji pohađaju češki jezik sa elementima nacionalne kulture. Vojvodina uživo. 2022, 02. septembra. URL: <https://vojvodinauzivo.rs/pokloni-za-dake-koji-pohadaju-ceski-jezik-sa-elementima-nacionalne-kulture/> (дата обращения: 22.04.2023).

Termini — *Termini*. Magyar nyelvi kutatóhálózat. URL: <http://termini.nytud.hu> (дата обращения: 01.02.2023).

Závěrečná zpráva o působení učitele u krajanů. Školní rok: 2020/2021. Srbsko. Stanislav Havel. URL: https://www.dzs.cz/sites/default/files/2021-09/Bela%20Crkva%20Srbsko_2021.pdf (дата обращения: 22.04.2023).

Часть
ВТОРАЯ

Тексты из обследованных населенных пунктов альпийско-паннонского региона

Указывается название населенного пункта; при его первом упоминании в скобках приводится оригинальное написание. Указаны инициалы информанта, его возраст и пол.

В шифре текста латиницей обозначены страны и регионы, где записан текст. Кириллицей обозначены языки и диалекты. Арабскими цифрами — порядковый номер текста в книге.

SPrim — Словенское Приморье

SPrek — Словенское Прекмурье

FVG — Фриули-Венеция-Джулия

V. — Воеводина

SL. — Славония

RO. — Румыния

Ит. — итальянский язык

Сл(н). — словенский язык (диалект Натизоне)

Сл(т). — словенский язык (диалект Торре)

Сл(пр). — словенский язык (диалект Прекмурья)

Сл/В. — словенский/венгерский язык (в тексте имеется значительная часть высказываний на обоих языках, когда невозможно дать ему только одно обозначение)

Укр. — украинский язык

В. — венгерский язык

Ср. — сербский язык

Рум. — румынский язык

Ч. — чешский язык

Тексты из Истрии (Словения)

Итальянский язык¹³³

Копер (Koper)

А.В., жен., 67.

SPrim.Ит.1.

Allora, l'Avvento comincia novembre dicembre, per l'Avvento si fa solo, si va a messa, si fa una preparazione più spirituale. Poi i bambini hanno cioccolato con le finestre, si apre e bisogna fare quello che scrive, no. Andare a dormir presto, non guardare la televisione. Prima dell'Avvento, almeno un giorno prima si fanno le coroncine dell'Avvento. Di solito si prendono cipresso, pino, si fanno anche in casa, qualcuno compra in bottega e buona notte. E quattro candele! Si mette, perchè sono quattro domeniche di Avvento.

Итак, адвент начинается в ноябре-декабре, на адвент делают только, идут на мессу, готовятся больше духовно. Затем у детей есть шоколадки с окнами, они открывают и должны сделать то, что там написано. Идти спать быстро, не смотреть телевизор. Перед адвентом, за день до него делают венки. Обычно берут кипарис, сосну, их делают также дома, кто-то покупает в магазине и спокойной ночи! И четыре свечи! Их ставят, потому что четыре воскресенья в период адвента.

SPrim.Ит.2.

Poi una grande festa per noi è San Nicolò, sei dicembre. Il cinque si va a dormire, i bambini vanno a dormire, e si mette un piatto, almeno a casa nostra, un piatto sulla finestra. Ma mettiamo sul tavolo, no. E si lascia qualcosa per Babbo Natale, *Djeda Mraz*, sì, tipo *Djeda Mraz*, ma non è *Djeda Mraz*. Questo era proprio vescovo di Bari, aveva la mitra, è vestito in rosso. E poi si racconta una storia che lui era molto buono,

¹³³ За помощь и консультации при расшифровке итальянских материалов и переводе их на русский язык Г. П. Пилипенко выражает благодарность м.н.с. Института славяноведения РАН А. В. Усачёвой.

che ha aiutato dei bambini, ha dato delle mele, e porta dolci, non porta giocattoli. Porta fichi secchi, arachide, cioccolato, ma non giocattoli. Ai bravi, per i cattivi la bacchetta, *šiba, šiba*. Qua da noi non fanno, però a Lubiana fanno San Nicolò con gli angeli e dietro il diavolo, che fanno paura. Qua da noi in chiesa fanno, ma non per la città. E anche abbiamo le canzoni: “San Nicolò di Bari, la festa dei scolari!” Perché una volta non si andava a scuola.

Затем большой праздник для нас — Святой Николай. Шестое декабря. Пятого идут спать, дети идут спать. И ставят блюдо, по крайней мере в нашем доме, блюдо на окно. Но мы ставим на стол. И оставляют что-то для *Баббо Натале*, Дед Мороз, как Дед Мороз, но это не Дед Мороз. Это был епископ из города Бари, у него была митра, он одет в красное. И затем рассказывают историю, что он был очень хороший, что он помогал детям, давал яблоки, приносит конфеты, он не приносит игрушки. Он приносит инжир, арахис, шоколад, но не игрушки. Хорошим детям, для плохих у него розга. Здесь у нас не делают, но в Любляне Святой Николай ходит с ангелами и за ним идет дьявол, который пугает. Здесь у нас делают в церкви, но не в городе. И также у нас есть песни: «Святой Николай из Бари, праздник учащихся!» Потому что когда-то в этот день не ходили в школу.

SPrim. Ит. 3.

Dopo grande festa, l'otto dicembre, l'Immacolata. Era la messa, obbligatorio. Questo è rimasto, però per chi crede. Non è festa nazionale. E la Croazia ha le feste religiose, perché è cattolico il paese, ufficialmente. Da noi stato e chiesa sono separati, e la Slovenia ha fatto metà, Natale è festa e ventisei non è Santo Stefano, è festa dello stato.

Затем большой праздник восьмого сентября, Непорочное зачатие Девы Марии. Была месса обязательно. Но это осталось для тех, кто верит. Это не национальный праздник. А в Хорватии есть религиозные праздники, потому что страна католическая, официально. У нас государство и церковь разделены, и в Словении наполовину, Рождество — это праздник, а двадцать шестое отмечается не день святого Стефана: это государственный праздник [День независимости и единства].

SPrim.Ит.4.

Tredici dicembre, Santa Lucia, la chiesa di San Basso, però dentro c'è la statua di Santa Lucia con gli occhi in mano. Protegge gli occhi, si va a messa alla giù, di solito chi ha problemi con gli occhi.

Тринадцатого декабря Святая Луция, церковь Сан-Бассо, но внутри есть статуя Святой Луции с глазами в руке. Она защищает глаза, идут на мессу в церковь внизу, обычно у кого проблемы с глазами.

SPrim.Ит.5.

Poi abbiamo Natale. Per la vigilia, il ventiquattro, questo è un abitudine non di chiesa, ma qua locale. Si mangia pesce, differente, e verze, con la polenta. Però noi diciamo verze vedove, niente *klobasa*, niente salsiccia, non deve essere carne. Questo è nostro abitudine, perchè dopo per Natale si mangia carne. Questo si fa di sera, si aspetta, si finisce l'albero, e si mette Gesù dentro, e a messa a mezzanotte. Così si sta in famiglia per la cena e anche per il pranzo dopo. Facciamo di solito dei dolci, *frittuli* diciamo, in sloveno è *miške*, *miške*, forse anche in russo, ecco, *frittuli*. Perchè per Natale si mangia molto più grasso, perchè era freddo. Una volta si ammazzava il maiale per Natale. Da noi la carne non si mette a fumo, solo con il vento, con la bora. Perchè faceva molto vento una volta, invece in l'Istria, più dentro, lì non c'è bora, allora fanno col fumo. Anche quando si pulisce il maiale, da noi mettono nell'aqua calda, invece lì bruciano! È un'altra abitudine. Noi avevamo *štruccolo*, questo è pasta lievitata, con lievito, solo zucchero, burro, uova, qualcuno mette uvetta, questo è nostro istriano, invece gli sloveni fanno *potica*. *Potica* tutto l'anno. Ogni festa deve essere *potica*.

Затем Рождество. На сочельник, двадцать четвертого, это не церковный обычай, а местный. Едят рыбу, разную. И савойскую капусту с полентой. Но мы говорим «*капуста-вдова*», потому что никакой колбасы, не должно быть мяса. Это наш обычай, потому что потом — на Рождество — едят мясо. Это делают вечером, ждут, заканчивают украшать рождественское дерево, кладут Иисуса внутрь [яслей], и месса в полночь. И так с семьей ужинают и потом также обедают. Обычно мы готовим сладости, мы говорим *frittuli*, по-словенски *miške*, может быть тоже по-русски так, *frittuli*. Потому что на Рождество едят более жирную пищу, потому что холодно. Раньше ре-

зали поросенка на Рождество. У нас мясо не коптят, только держат на ветру, на боре [сильный холодный ветер]. Потому что раньше были сильные ветра, а в Истрии, больше в центральной части, там не дует бора, там коптят. И когда очищают поросенка, у нас кладут в горячую воду, а там поджигают. Это другой обычай. У нас были *štruccolo*, это дрожжевое тесто, с дрожжами, только сахар, масло, яйца, кто-то кладет изюм, это наше истрийское. А словенцы делают *potiцу*. *Potiцу* круглый год. На каждом празднике должна быть *potiца*.

SPrim.Ит.6.

Anno nuovo si stava in casa, non era festa grande. Uomo fortuna, donna sfortuna! Di solito che venga un uomo. Adesso si mettono i regali sotto l'albero. Noi avevamo l'albero, allora in Jugoslavia non si trovava roba di Natale, doveva aspettare, che venga dopo Natale, quando era *dedek mraz*. Allora si mettevano biscotti duri col buco, poi l'albero aveva le candeline, mettevano i bonboni di zucchero, mandarini, e dopo quando veniva il sei gennaio, i Re Magi. E dopo quando si poteva andare a Trieste, compravamo figure di cioccolato.

Новый год проводили дома, это не был большой праздник. [И кто приходил первым, говорили] мужчина приносит счастье, женщина — несчастье. Обычно хотели, чтобы пришел мужчина. Сейчас кладут подарки под дерево. У нас было дерево, в Югославии нельзя было найти рождественские товары, ты должен был ждать, чтобы пришел период после Рождества, когда был Дед Мороз. И вешали твердые печенья с дыркой, на дереве были свечи. Вешали конфеты из сахара, мандарины, и потом, когда наступало шестое января, три волхва [Богоявление]. И потом, когда могли ездить в Триест, мы покупали шоколадные фигурки.

SPrim.Ит.7.

Ecco la Befana a casa mia mai! Neanche Babbo Natale, questo era americano, noi abbiamo San Nicolò. La Befana, il mio papà non voleva, diceva che era una festa fascista, perchè in Italia sotto il fascismo la Befana portava pacchi per le famiglie poveri. Noi facevamo i Re Magi. Si vestono da Re Magi, e anche andavano per le case, i bambini, che davano qualche soldino, dolci. E cantavano: “Noi siamo i tre re, venuti

dell'Oriente, per adorar Gesù! Gesù bambin che nasce in tanta povertà". E dopo chiedevi, e poi c'è la messa. Adesso non sai, quanti soldi devi dare, per la volta bastava poco!

Бефана в моем доме — никогда! И *Баббо Намале*, он был американский. У нас был Святой Николай. Бефану мой папа не хотел, он говорил, что это фашистский праздник, потому что в Италии при фашизме Бефана приносила свертки с подарками для бедных семей. Мы отмечали трех волхвов. Одевались как три волхва, и ходили также по домам, дети — давали деньги, сладости. И пели: «Мы три волхва, пришли с востока, чтобы поклониться Иисусу. Младенцу Иисусу, который родился в такой бедности». И потом ты просил [деньги, сладости], и потом — месса. Сейчас ты не знаешь, сколько денег дать, но раньше хватало дать немного.

SPrim.Ит.8.

In gennaio c'è Sant'Antonio Abate, quello è Sant'Antonio del porco. Perché si ammazzava il porco.

В январе — Святой Антоний Великий [17.01/30.01], Святой Антоний свиной, потому что в этот день резали свиней.

SPrim.Ит.9.

In febbraio c'è il due, la candelora, questo si va a messa, si comprano le candele, si regala alla chiesa e una si porta a casa. Questo è quando Gesù è stato presentato in tempio. Si accendano a casa, così. Sono benedette.

В феврале — второе число. Сретение, идут на мессу, покупают свечи, дарят церкви и одну уносят домой. Это когда Иисус был представлен в храме. Свечи зажигают дома, так. Они освященные.

SPrim.Ит.10.

Il tre è San Biagio, lui protegge la gola, si va a la messa, si fanno così con le candele qua e dicono: "In nome di San Biagio, che tutte le malattie vadano via dalla gola". E questo vanno tutti. C'è proprio una preghiera, io, in italiano, ma anche in sloveno. Una volta era in latino.

Третьего числа — Святой Власий. Он защищает горло. Идут в церковь, делают так свечами [священники их скрещивают и подносят

к горлу] и говорят: «Во имя Святого Власия, чтобы все болезни ушли из горла». И идут все [на мессу]. Есть молитва, я [молюсь] по-итальянски, но есть также по-словенски. Раньше было на латинском.

SPrim.Ит.11.

Carnevale, Capodistria aveva un grande carnevale, mussulmani (sic!) non hanno, serbi non hanno, adesso siccome ci sono nuove generazioni, bambini, si vestono, anche comprano. Qua non c'è una maschera tipica. In Slovenia sono brutte, sono quelli che scacciano l'inverno, *kurenti*, Ptuj. Oppure sono *laufari*, ma fanno tanto rumore! Ma non sono belli, fanno paura, ma quello è per mandare via l'inverno. Una volta c'erano balli dappertutto, adesso si fa il sabato, domenica e martedì, è l'ultimo. E dopo si fa Mercoledì delle Ceneri, si fa il funerale. Fanno un pupazzo, buttano nel mare e accendono. Dopo si va a messa e si mangia un poco, il carne no. Ecco. Carnevale vuol dire levare la carne, dopo comincia la Quaresima. Quaranta giorni fino a Pasqua devi stare più bravo. Da noi almeno venerdì non mangiamo mai carne, né carne, né salumi. Anche di abitudine, oppure fai minestre senza carne, più leggero.

Карнавал, в Копере был большой карнавал. У мусульман нет, у сербов нет. Сейчас, так как новые поколения, дети, все наряжаются и покупают [маски]. Здесь нет типичной маски. В Словении маски некрасивые, это те, которые прогоняют зиму, *kurenti*, [в городе] Птуй. Или это *laufari*, но они так шумят! Они некрасивые, пугают, но это, чтобы прогнать зиму. Раньше были везде танцы, сейчас устраивают в субботу, воскресенье и вторник — последний. И потом — пепельная среда, хоронят. Делают куклу, бросают в море и зажигают. Затем идут на мессу, едят, немного, мясо — нет. Вот. Карнавал означает — исключить мясо. Затем начинается Великий пост. Сорок дней до Пасхи ты должен хорошо себя вести. У нас по крайней мере в пятницу мы не едим мяса, ни мяса, ни колбасы. Также по привычке, или делают супы без мяса, более легкие.

SPrim.Ит.12.

Dopo quando è Pasqua, allora, Pasqua lì è tutta la settimana, intanto bisognava pulire tutta la casa, perchè più o meno viene primavera. Anche due settimane prima, i vetri, le tende, lavori più pesanti. E dopo si prepara

rano le pinze, pane dolce. Alla croce, così si taglia, è come pane, solo si mettono più uova e burro. Una volta si faceva a casa, però si portava al forno, c'era un grande *pek*, si dava e ti diceva: “Vieni fra un'ora” e andavi a ritirare. Allora, giovedì santo si andava a messa per, come si chiama *krizmena maša*? Questo era di mattina, però noi avevamo scuola, andava mia mamma. Invece di sera andavamo per la lavanda dei piedi, per l'ultima cena. Dopo venerdì alle tre si va a messa per Via Crucis. E la chiesa in Capodistria che ha le colonne, una volta avevano i paramenti, rosso per le feste, verde per ogni giorno, viola per il periodo di Quaresima. Adesso non mettono più. Che era troppo lavoro, però si coprivano anche gli altari. Adesso solo tolgono fiori e tovaglie, proprio niente deve essere. Venerdì dopo la sera fanno la tomba di Gesù, su un altare, e portano dall'altra parte, dove dovrebbe risorgere, dove c'è la croce. Fanno la messa più silenziosa. Questo era l'altare delle ventiquattro ore. Sabato suonava la risurrezione, tutti benedevano gli occhi. Sabato si porta a benedire i cibi, italiani hanno un'abitudine, sloveni altro. Noi portiamo solo così piccolo pezzo di pinza, o una pinza, però si portava poco. Prima di andare a messa, potevi mangiare poco, perchè una volta non dovevi mangiare, prima di comunione. Invece gli sloveni vanno con questo grande, tutto, quello che mangiano domenica di Pasqua. Noi facciamo il pranzo di Pasqua, cuciniamo. Invece loro mangiano freddo, e portano vino, *šunka*, col pane, e *hren*, e poi uova, e aspetta. Perchè sono tutti i simboli, no, cosa ancora, aspetta, *hren*, allora, questi sono i chiodi di Gesù, cosa portano? *Šunka* è corpo, le uova è la rinascita, ma ancora qualche cosa? Ah! Poi c'è, ma chiamano, *nadev, nadev*, questo vanno anche misti, ripien, si va col pane. Però loro mangiano questo tutto freddo a pranzo. Si porta sabato e si mangia domenica. Sabato c'è la messa grande. Il prete benedice il pomeriggio, anche due volte. Domenica invece c'è messa grande, col vescovo. E così è messa in italiano. Poi lunedì di Pasqua che Pasquetta, si pranza e dopo si va a passeggio. Non mangiamo fuori. È festa anche in Slovenia dopo l'indipendenza, in Jugoslavia non aveva. Noi andavamo a messa anche sotto Tito, anche a mezzanotte, e la maestra, solo si vedeva, chi non dormiva. Ma nelle scuole italiane non era tanto criticato. In scuole slovene sì. Per le uova, ma facevamo non colore vero, ma quello cipolle, si mette nell'aqua. Adesso comprano di cioccolato.

И затем, когда Пасха. Пасха здесь целую неделю. В это время нужно было убрать весь дом, потому что более-менее уже приходит весна. За две недели до Пасхи [вымыть] стекла, [постирать] шторы, выполняли работы более тяжелые. И потом готовят *пинцу*, это сладкая выпечка. Режут на крест, это хлеб, только кладут яйца и масло. Раньше делали дома, но носили в пекарню, был *pek* [пекарь], ты отдавал, и он тебе говорил: «Приходи через час». И ты приходил забрать. В Великий четверг шли на мессу, как называют *krizmena maša* [месса освящения еляя]? Она была утром, но у нас были занятия в школе, шла моя мама. А вечером мы шли на омовение ног, на тайную вечерю. Затем в пятницу в три часа шли на мессу на Крестный путь. В Копере есть церковь с колоннами. Раньше были облачения [ризы]: красный — на праздник, зеленый — на каждый день, фиолетовый — на период Великого Поста. Сейчас не украшают больше. Было много работы с этим, но укрывали также алтари. Сейчас только снимают цветы и скатерти, ничего не должно быть. В пятницу вечером делают гроб Христа в алтаре, и приносят [Святые Дары] с другой стороны, где он должен воскреснуть, где крест. Мессу служат тише. Это был алтарь, где поклонялись двадцать четыре часа. В субботу звонили к воскресению, все [досл.] благословляли глаза. В субботу носили освящать еду. У итальянцев один обычай, у словенцев — другой. Мы относили только небольшой кусок *пинцы*, или одну *пинцу*, но относили немного. Прежде чем идти на службу, ты мог съесть немного, раньше ты не должен был есть перед причастием. Словенцы идут с большой корзиной, там все, что они едят в пасхальное воскресенье. Мы [итальянцы] устраиваем пасхальный обед, готовим. А они [словенцы] едят холодные блюда. И несут вино, *šunka* [ветчину], с хлебом, *hren* [хрен], затем яйца, подожди. Потому что это все символы, что еще? Подожди, *hren* [хрен], это гвозди Иисуса, что несут? *Šunka* [ветчина] — это тело, яйца — возрождение, но еще что-то? А! называют *nadev* [начинка], это смешанное, идет с хлебом, но они едят все холодным на обед. Относят в субботу и едят в воскресенье. В субботу большая служба. Священник благословляет во второй половине дня, даже два раза. В воскресенье тоже большая месса, с епископом. И месса на итальянском. Затем в пасхальный понедельник обедают и потом идут на прогулку. Мы не едим не дома.

После получения независимости это праздник также в Словении, в Югославии не был праздник. Мы ходили на мессу также при Тито, даже в полночь, и учительница была, было видно, кто не спал. Но в итальянских школах не критиковали особо. В словенских школах — да. Для яиц, мы не красили по-настоящему, а только луком, клали в воду. Сейчас покупают яйца из шоколада.

SPrim.Ит.13.

San Giuseppe diciannove marzo, questo è la festa dei papà. Si aveva l'abitudine di mettere le calze corte, vestito nuovo, per San Giuseppe. Come primavera.

Святой Иосиф, девятнадцатого марта, это праздник отцов. Был обычай надевать короткие носки, новую одежду, на Святого Иосифа. Так как весна.

SPrim.Ит.14.

Due settimane dopo Pasqua, dipende quando cade Pasqua, si va a Semedella, quella piccola chiesetta, perchè nei seicento c'era una peste qua, e son morti quasi tutti. Allora quelli che sono rimasti hanno fatto un voto, hanno costruito, e lì sono sepolti persone. Hanno costruito questa chiesa per Maria. Due settimane dopo Pasqua si va a pregare per la salute. È per tutti, però facciamo noi. Sai, cos'è la sagra? Ognuno va, dove è nato. Qua in Capodistria in città vivono persone che non sono nate qua e non hanno queste abitudine. La maggioranza venivano da Trieste, quelli che sono andati via. La messa è solo in italiano. Però viene un prete da Trieste... Quando ero piccola, lì c'era un grande prato, e c'era la fiera anche. Si portava da casa una pinza di Pasqua e si mangiava là. Perchè era legato alla Pasqua. Si pregava per la salute. Anche oggi si portano i fiori, si mette il nastro di Capodistria, giallo e azzurro. C'era anche la processione dei bambini dal Duomo fino a Semedella a piedi.

Две недели после Пасхи, зависит от того, когда приходится Пасха, идут в Семеделлу, эта маленькая церковь, потому что в XVII веке здесь была чума и умерли почти все. Те, кто остался, по обету построили церковь, и там похоронены люди. Построили эту церковь в честь Марии. Две недели после Пасхи идут молиться о здоровье. Это для всех, но делаем только мы. Знаешь, что такое *sagra* [фе-

стиваль]? Идет каждый туда, где родился. Здесь в Копере в городе живут люди, которые не родились здесь и у них нет этого обычая. Большинство [бывших горожан Копера] приезжали из Триеста, те, кто выехал [после Второй мировой войны]. Месса проходит только по-итальянски. Но приезжает священник из Триеста... Когда я была маленькой, там был большой луг, и была также ярмарка. Из дома носили пасхальную *пинцу* и там ее ели. Потому что это было связано с Пасхой. Молились о здоровье. И сегодня несут цветы, кладут ленты в цветах Копера, желтую и голубую. Была также процессия детей от собора до Семеделлы пешком.

SPrim.Ит.15.

Quaranta giorni dopo c'è l'Ascensione, una volta si faceva la prima comunione. Anche si benediva la terra.

Сорок дней после Пасхи — Вознесение, раньше было первое причастие. Также благословляли землю.

SPrim.Ит.16.

Quando mangi un uovo vero, quando togli la buccia, non butti via, perchè è benedetto, si metteva in carta, o nelle piante, o in orto. Perchè è benedetto, non devi buttare via. E anche questa girlandina, che benedici, porti in cimitero dopo.

Когда ешь правильное яйцо, когда убираешь скорлупу, ты не выбрасываешь, потому что она освященная. Клади в бумагу или [несли] к растениям, или в огород, или в поля. Потому что освященное нельзя выкидывать. И эта girlyнда, которую освящаешь, относишь на кладбище потом.

SPrim.Ит.17.

Nel paese mettono anche l'albero, *prvomajsko*, no *mlaj*, *mlaj*, ecco, adesso mi è venuto! Qua da noi, no. Sai, cosa fanno, il *kres*! Fanno qua. Noi no, fa Capodistria. Però vanno da Capodistria con le fiaccole, vanno sul monte qua, San Marco. Tutte le feste sono legate a mangiare, bere, e anche per ballare.

В [словенской] деревне ставят также дерево, *prvomajsko* [первомайское], *mlaj*, вот, сейчас я вспомнила! Здесь у нас нет. Знаешь, что

делают! *Kres!* Делают здесь. Мы нет, делает Копер. Из Копера идут с факелами, идут на гору здесь, Сан-Марко. Все праздники связаны с тем, чтобы есть, пить, а также танцевать.

SPrim.Ит.18.

Pentecoste, una volta si faceva la Cresima. E veniva più o meno fine maggio — giugno. E dopo c'è Sant'Antonio da Padova, e qua si andava in quella chiesa giù di Sant'Anna, dove ci sono i frati. Perché era francescano e c'è la statua sua, e noi andavamo vestiti col vestito della comunione, in bianco. E anche Corpus Domini, questo era con le candele, si faceva la processione, dopo c'è il diciannove, San Nazzario. Questo facevano fiera, portavano i dolci così, come pane dolce col buco, li chiamano *bussolai*. In tutta l'Istria. Adesso non sapevano più fare, adesso li fanno per San Nazzario, e poi si da a ognuno con il fiocco azzurro e giallo, sono i colori di Capodistria, il mare, e grano, e sole anche. C'era una volta la processione. Ogni rione aveva le sue confraterniche, e aveva questi vestiti, quelli della croce, vestiti come i frati, nero, rosso, e portavano questi lampioni. Le lampare. Pesa molto, avevano qua una cintura di cuoio, tutto uomini. Dopo dietro andavano i bambini, qual c'era la statua di San Nazzario che portavano, le donne sempre dietro. I fiori di San Nazzario è la lavanda e si portano in tutte le case, per le tarme, che mangiano la lana. Ha un buon profumo. Metti in un sacchetto tra la biancheria. Resta anche dieci anni. Anche in chiesa c'è l'odore forte di lavanda. Anche i gigli. Che era santo. Questo si portava con baldacchino in giro, in mano. Ma pesa! In Istria trovi tante persone che si chiamavano Nazzario, però dopo tagliavano, erano Iaio. Così è rimasto, adesso suona troppo vecchio.

Троица, раньше [в церкви в этот день] была конфирмация. [Этот праздник] приходился примерно на конец мая — июнь. И затем был Святой Антоний Падуанский. И здесь шли в ту церковь внизу, церковь Святой Анны, где монахи. Потому что он был францисканец и там находится его статуя. И мы шли одетые в белое для причастия. И затем Праздник Тела и Крови Христовой. Это было со свечами, проводили процессию. Затем девятнадцатого июня Святой Назарий, устраивали ярмарку, приносили сладости, сладкий хлеб с дыркой посередине, здесь его называем *bussolai*. Во всей Истрии. Сейчас не умеют его делать, сейчас там делают на Святого Назария и его

раздают всем с голубой и желтой лентами, это цвета города Копера. Они символизируют море, пшеницу и также солнце. Раньше [в этот день] была процессия. В каждом квартале были братства, и была такая одежда, с крестом, [все шли] одетые как монахи, черный, красный [цвета одежды], и несли фонари. Они много весят; и у них был кожаный пояс, все мужчины. Затем за ними шли дети, была статуя Святого Назария, которую несли. Женщины шли всегда сзади. Цветок Святого Назария — лаванда, ее несли во все дома, от моли, которая ест шерсть. У нее хороший запах. Кладешь ее в пакетик в белье. Она сохраняется даже десять лет. Даже в церкви сильный запах лаванды. И лилий. Потому что это святой запах. Это выносили с балдахинном для процессии на руках. Но это весит много! В Истрии можно найти столько людей, которых звали Назарий, но затем [имя] обрезали и получалось Яйо. И так осталось, сейчас это звучит очень по-старинному.

SPrim.Ит.19.

Si andava a Strugnano, tra Isola e Pirano, lì c'è Maria della Visione, e dopo c'è Monte Santo, vicino a Gorizia. Là si andava. Adesso è della parte slovena. Lì ci sono i frati.

Шли в Струнян, между Изолой и Пираном. Там находится церковь Мария-делла-Визионе. Затем есть священная гора рядом с Горицией. Туда ходили [для паломничества]. Сейчас она со словенской стороны границы. Там монахи.

SPrim.Ит.20.

Poi abbiamo il ventisei di luglio, e Sant'Anna e San Gioacchino. È la festa dei nonni, perchè erano i genitori di Maria. Quel giorno andiamo da nonni, per ringrazie. E si va a la messa. Si cantano le canzoni per Sant'Anna. Quando è venuto Tito, hanno buttato il convento, hanno fatto prigione, è rimasto solo un frate, è sepolto dentro.

Затем у нас двадцать шестого июля Святые Анна и Иоаким. Это праздник бабушек и дедушек, потому что они были родителями Марии. В этот день мы шли к бабушкам и дедушкам, чтобы поблагодарить их. И люди шли на мессу. Поют песни Святой Анне. Когда пришел Тито, оттуда выгнали монастырь, сделали тюрьму, остался только один монах, он похоронен внутри.

SPrim.Ит.21.

Per le vendemmie una volta si faceva fino settembre — ottobre, si raccoglieva prima il bianco e dopo il nero. Capodistria aveva tutte le cantine, fino agli anni sessanta, potevi avere gli animali, tutti avevano l'asino, cavalli pocchi. Una signora vicina a noi aveva il maiale. Qualcuno aveva galline, tacchini, sul campanile vedi ogni quarta casa ha un orto. Verdura, radicchio, oppure la salatina piccola, poi carote, prezzemolo, melanzane, zucchini, pomodoro, anche patate, cipolle. Anche i pozzi con l'aqua. D'estate avevi mele, mele di San Giovanni, uva, anguria, meloni erano anche qui. Nespole, quello, come si chiama, *ribez*! Fragole. In Strugnano anche fragole. Perchè valle. Fine maggio.

Праздник сбора винограда устраивали раньше в конце сентября — октябре. Собирали сначала белые сорта, затем красные. В Копере есть погреб, до шестидесятых годов ты мог держать животных [в городе], у всех были ослы, лошади были у немногих. У одной женщины, нашей соседки, был поросенок. У кого-то были куры, индюки, с колокольни можешь увидеть, что в каждом четвертом доме есть огород. Выращивали овощи, радикьо [разновидность салата], салат, затем морковь, петрушку, баклажаны, кабачки, помидоры, также картошку, лук. Были также колодцы с водой. Летом были яблоки, яблоки Святого Ивана, виноград, арбузы, дыни также были здесь. Мушмула, и то, что называется *ribez* [смородина]. Клубника. В Струняне также клубника, потому что долина. Конец мая.

SPrim.Ит.22.

Settembre, aparte l'otto settembre, poi c'era la Madonna Grande e la Madonna Picia, questa è più piccola, non so, come dite voi, *Mala Gospa*, *Velika Gospa*, in Croazia dicono *Mala Gospa*, *Velika Gospa*, qua in Slovenia dicono *mali šmar 'n*, *veliki šmar 'n*, invece noi abbiamo Madonna Picia, Madonna Grande, c'è anche una canzone: “Immacolata, siamo peccatori, ma figli tuoi”... Anche nel funerale cantano questo molto spesso, chi ha funerale in italiano.

В сентябре — восьмое сентября. Затем было Вознесение Марии и Рождество Марии, я не знаю, как вы говорите, *Mala Gospa*, *Velika Gospa* говорят в Хорватии, здесь в Словении говорят *mali šmaren*, *veliki šmaren*. А у нас говорят *Madonna piccia*, *Madonna grande*. Есть

также песня: «Непорочная Дева Мария, мы грешники, но мы твои дети»... Ее поют также очень часто на похоронах, тот, у кого похороны проводятся на итальянском языке.

SPrim.Ит.23.

Allora, in Slovenia anche sotto la Jugoslavia ha tenuto il primo. E anche introdotto il trent'uno ottobre, la giornata della riforma protestante, *Trubarjev dan*, no, così che hanno due giorni assieme. Allora, di solito il primo si va a messa sempre. Noi portavamo i lumini solo il primo, cioè, primo e due, mai durante l'anno. Questo è venuto dagli sloveni, portano sempre. Noi portavamo sempre fiori, invece candele una volta all'anno, e basta. Qua in Istria dopo il funerale si va a mangiare e bere, mia mamma non è di qua, mia mamma è venuta da Treviso. E lei ha visto la prima volta che si va a mangiare dopo il funerale. Mamma mia! Si qualcuno beve troppo, comincia a cantare. E mia mamma era scioccata. E anche da mangiare, i capucci, *zelje*, e, là da mia mamma non si mangiava, no, solo verze. E mia mamma ha detto, schifezze! Anche *palačinke*, mia mamma, mai viste! Questo vuol dire, per carnevale facciamo i *crostoli*, e-e, *svaljno*! *Svaljki*, come gli chiamamo? *Kroštole*, in italiano è *crostoli*, una pasta tiri, poi dolce, e dopo metti nell'olio caldo, giri, e servi... Anche si chiamano *chiacchere*, ma in Italia anche questo. Farina, zucchero, uova, un po' di burro, limone, vaniglia, metti un po' di grappa, mescoli, dopo devi lasciare che riposi, e dopo tiri col matterello e tagli così rettangoli, con un buco in mezzo, e poi anche girare come un fiocco. Chiamamo questo anche *focchi*. Noi diciamo *crostoli*, perchè è crostante. Questo si fa per Carnevale.

В Словении даже при Югославии отмечали первое [ноября]. И ввели также тридцать первое октября, день протестантской реформации, *Trubarjev dan* [День Приможа Трубара], так что у них два дня вместе. Обычно первого ноября идут на мессу. Мы несли свечи только первого, никогда в течение года. Это пришло от словенцев, они несут всегда. Мы несли всегда цветы, а свечи только раз в год, и хватит. Здесь в Истрии после похорон идут есть и пить. Моя мама, которая не отсюда, моя мама приехала из Тревизо. И она увидела первый раз, что идут есть после похорон. Боже мой! Если кто-то выпьет слишком, начинает петь. Моя мама была шокирована. И еда,

капуста, *zelje*, там у моей мамы это не ели, только савойская капуста, и моя мама говорила — гадость! Также *palačinke* [блины], моя мама никогда не видела! Это значит, на карнавал мы делали *crostoli*, *svajki*, как мы их называем? *Kroštole* [по-словенски], по-итальянски *crostoli*, раскатываешь тесто, затем сладкое, затем кладешь в горячее масло, сворачиваешь, и подаешь. Также они называются *chiacchere*, но и в Италии также это так. Мука, сахар, яйцо, немного масла, лимон, ваниль, добавляешь немного граппы, смешиваешь, потом ты должен оставить, чтобы отдыhalo. И затем раскатываешь скалкой и режешь так на прямоугольники, с дыркой посередине, и затем сворачиваешь как бант. Мы называем их также банты [ленты], мы говорим *crostoli*, потому что они твердые. Это делаем во время карнавала.

SPrim.Ит.24.

Così facevano con melocotogno, sì, *kutina*, così, qualcuno mette anche per l'odore. Noi facevamo *kompot*. Per esempio da noi d'inverno noi facevamo sempre frutta cotta, per il caldo, gli sloveni tè, *čaj*, e per me *čaj* è solo quando sei malato.

Так делали с айвой, да, *kutina*, кто-то кладет также для запаха. Мы делали *kompot* [компот]. Например, у нас зимой мы делали всегда компот, горячий, словенцы — *čaj* [чай], а для меня чай — только когда ты болен.

SPrim.Ит.25.

Diciamo che la cucina istriana ha molto con l'Italia, se vai all'interno, è un po' più di slavo. Ma noi mangiamo carne, il primo è brodo, poi mangi carne o pesce con verdura. Una volta si mangiava quasi sempre ogni giorno minestra, però diversa, paste, fagioli, *jota*, minestra di verdura, domenica era pranzo di lusso. O gnocchi, gallina rosta, brodo. Sai, cosa facevamo? Col *griez*, *griz*, con latte, col zucchero per i bambini.

Скажем, что истрийская кухня имеет много общего с Италией. Если ты поедешь в глубину полуострова, она более славянская. Мы едим мясо, первое блюдо — суп, затем ты ешь мясо или рыбу с овощами. Раньше почти каждый день ели минестру, но разную: пасту, фасоль, *йоту* [блюдо в приморской части из кислой капусты, фасоли, картофеля], минестру из овощей, в воскресенье был роскошный

обед. Ньюкки, жареная курица, суп. Знаешь, что мы делали? С *griez*, *griz* [с манной крупой], с сахаром для детей.

SPrim.Ит.26.

Ricotta è *puina*, la *puina* potevi fare, quando latte andava accido, la facevi bollire con un po' di limone, dopo colavi e quello che rimane, che è tenero, quello è *puina*. Invece la ricotta è più dura, no. Ricotta, la mangiavi o col zucchero, per i bambini. Il mio papà metteva sale e pepe, tipo formaggio. Yogurt è venuto dopo, non era nostra, questo è venuto con gli slavi, anche quella *kisla smetana*, mai! Chi aveva casa, anche latte di capra. Invece qua, in città fino alle anni sessantadue, poi hanno vietato. Venivano le *mlek'rice*, col asino, da fuori, dieci chilometri, quindici, portavano latte in vaso e avevano i clienti. Dopo hanno vietato per motivi igienici, ma quello era latte latte! Che era grasso, così di panna. Potevi anche spalmare, se volevi. I pescatori vendevano pesce, vendevano verdura, patatine, radicchio.

Творог это *puina*, мы могли его делать, когда молоко становилось кислым, ты его кипятил, добавив немного лимона, затем процеживал, и то, что оставалось, что нежное, это *puina*. А творог — более твердый. Творог ты ел или с сахаром, это для детей. Мой папа клал соль и черный перец, типа сыра. Йогурт пришел позже, это не наш [обычай], это пришло со славянами, и также *kisla smetana* [сметана], никогда! У кого был дом, [делали] также козье молоко. А здесь в городе до шестьдесят второго года [держали животных], затем запретили. Приходили *mlek'rice* [молочницы] с осликом из деревень, [они шли] десять-пятнадцать километров и приносили молоко в горшке, у них были клиенты. Затем [это] запретили из-за гигиены, но это было настоящее молоко! Оно было жирное, со сливками. Ты мог его даже намазать, если хотел. Рыбаки продавали рыбу, [другие] продавали овощи, картофельные чипсы, радиккьо [разновидность салата].

SPrim.Ит.27.

Mai parlato in lingua a casa. In strada con gli amici e dopo a scuola, perchè vicino a me, sono venuti dopo, sono sloveni, veramante c'erano un serbo, croati, però parlavamo sloveno. Già in prima avevi tre ore d'italiano, tre ore di sloveno, nelle nostre scuole, scuole slovene no. Più

ore di sloveno, meno d'italiano, noi avevamo sempre uguale. Dopo io ho studiato a Lubiana.

Мы никогда не говорили на [словенском] языке дома. На словенском [мы говорили] на улице с друзьями и потом в школе, потому что рядом со мной, они приехали позже, [жили] словенцы, был один серб, хорваты, но мы говорили по-словенски. И уже в первом классе у нас было три часа итальянского и три часа словенского, в наших школах, словенские школы — нет. [Там] больше часов словенского, меньше итальянского. У нас всегда было равное количество. Потом я училась в Любляне.

SPrim.Ит.28.

Mia mamma non ha mai imparato! Mai, perchè non lavorava, era a casa, però tutti quelli che venivano, mia mamma insegnava l'italiano. Ha detto: “Se vuole parlare con me, che impari l'italiano!” E hanno imparato, però poco. Il mio papà non parlava bene, però capiva e anche si arrangiava, invece noi abbiamo imparato tutto a scuola, sì, non era problema.

Моя мама никогда не выучила словенский. Никогда, потому что она не работала, она была дома, но всех тех, кто приходил, моя мама обучала итальянскому. Она говорила: «Если он хочет говорить со мной, пусть учит итальянский!» И они учили, но немного. Мой папа не говорил хорошо, но понимал и он обходился [этим знанием]. А мы выучили всё в школе, это не было проблемой.

SPrim.Ит.29.

Quello che proprio mi ricordo, allora, io sono da cinquantadue, nel cinquantotto noi siamo andati a Treviso da mia nonna. Quella volta potevi andare quattro volte al mese, avevo un documento speciale, si chiamava lasciapassare, *propusnica*, ti mettevano i timbri in entrata e in uscita. Quando venivi a confine, mia mamma ha detto: “State zitti, quando arriviamo al confine”. Questi i doganieri erano quasi tutti serbi, perchè la dogana dipendeva da Belgrado. Dovevi scendere del autobus, fare a piedi. Mi mamma diceva: “*Druzi! Druže Tito*”, compagni. Loro parlavano serbocroato, non capivamo niente. E andavamo a Trieste, quella volta Trieste aveva tante cose che qua non vedevi. Espece giocattoli.

Noi siamo andati nel sessantaquattro la prima volta in gita a Lubiana. Noi pensavamo, è capitale, chissà cosa vedremo! Sai che miseria c'era Lubiana! Tutti andavano in bicicletta. Erano vestiti, se uno vieni da un villaggio lontano, adesso non vedi più, una volta si vedeva. Vestiti male, negozzi brutti. Andiamo meglio a Trieste! Tutto un'altro mondo. Adesso Lubiana è meglio di Roma. Lubiana è molto bella adesso.

То, что я помню, я родилась в пятьдесят втором году, в пятьдесят восьмом мы поехали в Тревизо к моей бабушке. Тогда ты мог ехать [в Италию] четыре раза в месяц, у меня был специальный документ, назывался лессе-пассе, *propusnica* [пропуск], тебе ставили печати при въезде и при выезде. Когда приезжаешь на границу, моя мама сказала: «Молчите, когда мы прибудем на границу». Таможенники были почти все сербы, потому что таможня зависела от Белграда. Ты должен был выйти из автобуса, пешком пройти. Моя мама говорила: «*Druzi!* [искаж. от серб.-хорв. суц. м. р. зв. п. *družе*], *Družе Tito* [товарищ Тито]», товарищи. Они говорили по-сербохорватски, мы не понимали ничего. И мы ездили в Триест, тогда в Триесте было столько вещей, которые ты здесь не видел. Особенно игрушки. Мы поехали в шестьдесят четвертом первый раз на экскурсию в Любляну. Мы думали, это столица, кто знает, что мы увидим! Знаешь, какая нищета была в Любляне! Все ездили на велосипедах. Были одеты, как если бы кто приехал из далекой деревни, сейчас ты не увидишь больше, а раньше видел. Одеты плохо, плохие магазины. Поехали лучше в Триест! Совсем другой мир! Сейчас Любляна лучше, чем Рим. Любляна очень красивая сегодня.

SPrim.Ир.30.

Anche gli sloveni dicono *ciao* adesso, prima non dicevano mai, dicevano *živjo*. Diciamo neanche, quando ero piccola. Alla scuola bisognava dire in sloveno: “*Dober dan, tovarišica!*” *Tovarišica* era compagna maestra. Anche certi giochi mai. Sai che devi correre e dici: “*Ljubljana, Zagreb, Beograd*”. Erano tre città, correvi e dopo dovevi stare fermo, e uno si girava. E se ti me vedi, dovrebbe andare. Noi in italiano non abbiamo mai giocato questo.

Также словенцы говорят *čao* [привет, пока] сейчас, раньше не говорили так, говорили *živjo* [привет]. Мы тоже это не говорили, когда

я была маленькой. В школе нужно было говорить на словенском: «*Dober dan, tovarišica!*» [добрый день, товарищ учительница]. *Tovarišica* это товарищ учительница. И мы даже не играли в некоторые игры. Знаешь, ты должен бежать и говоришь: «*Любляна, Загреб, Белград*». Это были три города, ты бежал и потом должен был остановиться и один оборачивался. И если ты меня видишь, должен был идти. Мы по-итальянски никогда не играли в это.

SPrim.Ит.31.

Ci sono dialetti, hanno fatto sotto il fascismo scuole italiane, ma a casa hanno sempre parlato sloveno. Non sanno né lo sloveno corretto, né l'italiano. Allora dicono: “*Hoji v farmačo kupit medižino*”, sarebbe, vai a farmacia a prendere la medicina, e non è né italiano, né sloveno, e se tu non sai le due lingue, non capisci cosa dicono. Così era un po' Lubiana, conosceva il tedesco l'élite, allora loro, quando parlano, usano molte parole tedesche, qualcuno neanche non sa. Per esempio, questo lampadario se dice *luster*, è tedesco, però in sloveno si dice *lesteneč*, nessuno dice *lesteneč*! O *šraufencinger*, si dice *izvijač* in sloveno, però qua sentirà il *šraufencinger*.

Есть диалекты [словенского языка], при фашизме сделали итальянские школы, но дома они всегда говорили по-словенски, и не знают ни правильного словенского, ни итальянского. И они говорят: «*Hoji v farmačo kupit medižino*», это было бы: «Иди в аптеку купить лекарство». Это ни итальянский, ни словенский, и если ты не знаешь оба языка, ты не поймешь, что говорят. Такой была Любляна, немецкий язык знала элита, когда они говорят, используют много немецких слов, кто-то даже не замечает. Например, это люстра, говорят *luster*, немецкое слово, но по-словенски скажешь *lesteneč*, никто не говорит *lesteneč*. Или *šraufencinger* [отвертка, ср. нем. Schraubenzieher], говорят *izvijač* по-словенски, но здесь услышишь *šraufencinger*.

SPrim.Ит.32.

Mia mamma sapeva dire *mazlo, moka, secier* che era croato, perchè è *sladkor* sloveno, però scriveva sui pacchi *šečer*. Mia mamma, è *secier*! Mamma, dico, non è sloveno! Bon, *kava*, bon, *dober dan*, e *hvala*! Anche qua è lingua ufficiale, puoi parlare dappertutto, non è vietato, sei tu che

dovresti sapere, e dopo sei quasi obbligato a parlare oppur ti dice: “*Kaj ne znate slovensko?*” Invece è lei che dovrebbe sapere tutte le due.

Моя мама могла сказать *mazlo* [искаж. словен. *maslo* «масло»], *moka* [мука], *secier* [искаж. серб.-хорв. *šećer* «сахар»], что было на хорватском, потому что *sladkor* — по-словенски. Но на упаковках писали *šećer*. Моя мама [говорила]: это *secier*. Мама, говорю, это не словенский! Хорошо [она знала такие слова], *kava* [кофе], *dober dan* [добрый день] и *hvala* [спасибо]. [Итальянский] здесь также официальный язык, ты можешь говорить везде, не запрещено. Это ты, кто должен был бы знать [итальянский], и потом ты почти обязан говорить [по-словенски], иначе тебе скажут: «*Kaj ne znate slovensko?*» [Разве вы не знаете словенского?]. А это он, кто должен знать оба языка.

SPrim.Ит.33.

Io ero una volta in tribunale, con mia mamma, sono andata con lei, perchè mia mamma non sapeva niente, aveva diritto di avere l'interprete, ma il tribunale mandava l'avviso sempre troppo tardi. Siamo andate tre volte per niente, era quarta volta. Signor giudice chiede a me, e dice: “*Gospa, a kaj znate slovensko?*” “*Seveda!*” Lui mi dice: “*Jaz pa ne!*” Ho detto: “*To je prav žalostno!*” Triste, perchè è lui chi copre il posto. Sulla carta veramente noi abbiamo tutti i diritti, sì, ma in pratica no, perchè tu devi trovare le persone giuste per quei posti di lavoro. Molto spesso basta che tu hai fatto un corso, che hai *papiro*, questo non vuol dire che sai parlare, questo vuol dire che hai *papiro*, tu dovrebbe essere quasi bilingue.

Однажды я была в суде со своей мамой, я пошла с ней, потому что моя мама не знала ничего, у нее было право иметь переводчика, но суд слишком поздно присылал оповещение. Мы ходили три раза напрасно, на четвертый раз судья спрашивает меня: «*Gospa, a kaj znate slovensko?*» [Госпожа, а вы знаете словенский?] — «*Seveda!*» [Конечно!]. Он мне говорит: «*Jaz pa ne!*» [А я нет!]. Я сказала: «*To je prav žalostno!*» [Это очень грустно!]. Грустно, потому что это он, кто занимает место. На бумаге у нас все права, да, но на практике нет, потому что ты должен найти подходящих людей на эти рабочие места. Очень часто достаточно, чтобы у тебя были курсы, что у тебя есть бумага, это не значит, что ты умеешь говорить, это означает, что у тебя есть бумага; ты должен был бы быть почти билингвом.

М.К., муж., 51.**SPrim.Ит.34.**

La costituzione slovena prevede che nei territori così detti nazionalmente misti, dove vivono gli italiani autoctoni accanti agli sloveni, quindi questo vuol dire Ancarano, Capodistria, Isola, Pirano, una stretta fascia costiera, se si sposta da qui all'interno tre-quattro chilometri già il bilinguismo non c'è più. In quest'area vige, dovrebbe vigere il bilinguismo perfetto. Così dice la carta costituzionale, così dicono le leggi, così non è. Il bilinguismo visivo è abbastanza presente, anche se ci sono qui molti errori. Il bilinguismo parlato nella città, nei negozi, negli uffici pubblici è scarso, non si parla molto l'italiano. Gli stessi italiani usano poco l'italiano, quando vanno a caffè, a prendersi un caffè, si tenda a privilegiare il codice linguistico sloveno. Ma questo è uno sbaglio nostro. Negli uffici pubblici i funzionari dovrebbero nell'area mistilingue, dovrebbero conoscere anche l'italiano, dovrebbero avere tutti formulari, tutta la documentazione bilingue, e dovrebbero poter essere in grado di comunicare correttamente in italiano. Così non è. Sanno parlare italiano quasi tutti, un italiano un po' così, approssimativo a volte. I formulari, la documentazione in gran parte sono in sloveno. Per avere in italiano devi chiedere in italiano, ma non c'è, non esposto, non c'è proprio in genere. Un po' meglio va sulla documentazione online.

Конституция Словении предусматривает, что на так называемых национально смешанных территориях, где живут автохтонные итальянцы вместе со словенцами, то есть [общины] Анкаран, Копер, Изола, Пиран, это узкая прибрежная полоса [где действует билингвизм], если отъехать отсюда вглубь материка три-четыре километра, билингвизма уже нет. В этом районе функционирует, должно было бы функционировать прекрасное двуязычие. Так говорит конституция, так говорят законы, но так не происходит. Визуально двуязычие присутствует в достаточной степени, даже если есть многочисленные ошибки. Билингвизм в устной речи в городе, в магазинах, в государственных учреждениях редко встретишь, не говорят много по-итальянски. Сами итальянцы используют мало итальянский язык, когда идут пить кофе, больше отдают предпочтение словенскому лингвистическому коду. Но это наша ошибка. В государственных

учреждениях чиновники должны были бы знать также итальянский в смешанной языковой среде. У них должны были бы быть все формуляры, вся документация на двух языках, и они должны были бы быть в состоянии общаться правильно по-итальянски, но так не происходит. По-итальянски умеют говорить почти все, итальянский немного такой, приблизительный часто. Формуляры, документация по большей части на словенском. Чтобы получить их на итальянском, нужно об этом попросить, но их нет, они не выставлены [на видное место], их нет в принципе. Немного лучше обстоят дела с документацией онлайн.

SPrim.Ит.35.

Nelle scuole slovene nel territorio qui, fino qualche anni fa si insegnava abbastanza bene l'italiano. Adesso questo livello di insegnamento è caduto molto, perchè si preferisce studiare un'altra lingua che non è l'italiano, e quindi anche il numero di ore nelle scuole slovene è diminuito. I giovani oggi parlano meno bene l'italiano di come lo parlavano una volta.

В словенских школах здесь несколько лет назад итальянский язык преподавался достаточно хорошо. Сейчас этот уровень преподавания очень упал, потому что предпочитают изучать другой иностранный язык, не итальянский, и количество часов в словенских школах уменьшилось. Молодежь сегодня говорит хуже по-итальянски, чем говорила когда-то.

SPrim.Ит.36.

Poi c'è altro problema, fino venti anni fa tutti guardavano le tivù italiane, che davano cartoni animati, e quindi i piccoli imparavano italiano guardando i cartoni animati della Rai o di Mediaset. Adesso c'è un casino di televisioni private in Slovenia, e quindi i bambini guardano questi programmi e non guardano più la Rai. E sono a pagamento. La colpa principale è slovena che a ridotto lo spazio di conoscenza della lingua italiana.

Затем есть другая проблема, еще двадцать лет назад все смотрели итальянское телевидение, по которому передавали мультфильмы, и дети выучивали итальянский, когда смотрели мультфильмы по Rai или Mediaset. Сейчас существует множество частных каналов в Сло-

вении, и дети смотрят эти программы и больше не смотрят Rai. И они часто платные. Главная вина — на словенской стороне, которая сузила пространство для изучения итальянского языка.

SPrim.Ит.37.

Finita la riunione, si passa al dialetto. I genitori di matrimoni misti tendono a parlare con i figli in italiano standard, non in dialetto. E quindi il dialetto in qualche modo, il dialetto si va un po' perdendo. È un problema che ha tutta Italia. Secondo me è un grande peccato.

Как только закончилось собрание, переходят на диалект. Родители из смешанных семей стремятся говорить с детьми на литературном итальянском языке, не на диалекте. И диалект, некоторым образом, постепенно утрачивается. Это проблема, которая наблюдается во всей Италии. По моему мнению, жаль, что так происходит.

SPrim.Ит.38.

Noi lo difiniamo como l'istoveneto, nella nostra comunicazione interna parliamo sempre l'istoveneto.

Мы его [наш диалект] определяем как истро-венетский, при нашем внутреннем общении мы говорим всегда на истро-венетском.

Тексты из провинции Фриули-Венеция-Джулия (Италия)

Итальянский язык

Сан-Пьетро-аль-Натизоне (San Pietro al Natisone)

Б.А., муж., 45.

FVG.Ит.1.

Il sei di gennaio, quello è l'Epifania, fanno la messa dello spadone a Cividale, il parroco mostra, questo qua è l'usanza religiosa, però è riferito al patriarcato di Aquileia. Allora come l'usanza il Carnevale, adesso c'è un ritorno, ogni paese ha la sua maschera. Come ad esempio per l'inverno c'è il *krampus*, ma quello è della zona di Tarvisio. C'è una somiglianza proprio nel quello di far scappare via l'inverno. Poi dopo ci sono le Ceneri, il Mercoledì delle Ceneri, finito Carnevale, ci sono le Ceneri. Benediscono (sic!) solo le focacce del pane per Pasqua, le uova anche dipinte, sì. In dialetto viene chiamato *veliki noč*, è la grande notte. E queste sono feste rispettate come ad esempio Pasquetta. Come era per il primo di maggio, sì, è la festa del lavoro, però ad esempio la parrocchia fa il pellegrinaggio a Castelmonte, e fa la camminata da qui e dopo a piedi fino a Castelmonte. Mentre San Leonardo, la chiesa di San Leonardo, lo fa la settimana dopo facendo il giro dal sentiero dall'altra parte. Il San Giovanni che è il ventitré di giugno, che fanno il *kries*, quindi fanno il falò. Lo fanno in due posti diversi qua, lo facciamo ancora uno a Cicigolis vicino a Pulfero, però lo fanno in montagna. E fanno il falò durante la notte, lì c'è l'equinozio d'estate. È una festa non religiosa. Molti paesi festeggiano il santo del paese. In agosto c'è la *rosinza*, il quindici di agosto fanno la *rosinza*, egli raccolgono i fiori e dopo li tengono e li lasciano seccare, li usano durante l'inverno, c'è l'usanza di raccogliere i fiori e tenerli vicino alla porta. Dopo di quello ci sono i morti, quello di primo di novembre. C'è Santa Lucia.

Шестого января — это Богоявление, служат мессу меча в Чивидале-деи-Фриули, священник показывает [меч], здесь это религиозный обычай, но он связан с Аквилейским патриархатом. Так же как

обычай устраивать карнавал, сейчас есть возврат интереса [к нему], у каждой деревни свои маски. Как, например, зимой есть *krampus*, но это больше из района Тарвизио. Есть сходство в том, чтобы прогнать зиму. Затем это пепельная среда, заканчивается карнавал — приходит пепельная среда. Освящают хлеб на Пасху, а также крашенные яйца. На [словенском] диалекте Пасху называют *veliki noč* [искаж. словен. *velika noč*], это [дословно] великая ночь. Это те праздники, которые отмечают, как, например, пасхальный понедельник. Как было на первое мая, да, это праздник труда, например, [местный] приход организует паломничество в Кастельмонте и организует поход отсюда [Сан-Пьетро-аль-Натизоне] и затем пешком до Кастельмонте. Тогда как Сан-Леонардо, церковь Сан-Леонардо, организует паломничество спустя неделю, они выходят в путь с другой стороны. Святой Иван — двадцать третьего июня, они устраивают *kries*, жгут костер. Это делают в двух разных местах здесь, мы делаем также один костер в деревне Чичиголис рядом с деревней Пульфери, но это делают на горе. Жгут костер в течение всей ночи, здесь это летнее равноденствие. Это нерелигиозный праздник. Во многих деревнях отмечают день святого покровителя деревни. В августе *rosinza* [искаж. словен. *rožinca*, Успение Богородицы], пятнадцатого августа празднуют *rosinza*, они собирают цветы и потом их сушат, их используют в течение зимы, есть обычай собирать цветы и хранить их рядом с дверью. После этого день умерших, первого ноября. Есть Святая Луция.

FVG.Ит.2.

Gli italiani festeggiano Natale, Capodanno, l'Epifania, poi dopo c'è San Valentino, Martedì Grasso, le Ceneri, Pasqua, Pasquetta, la festa della nazione è il due giugno, qua ad esempio ci sarebbe Pentecoste, l'Ascensione, Corpus Domini, uno attaccato all'altro, quindi c'è una distanza tipo di una settimana. C'è l'Immacolata, l'otto, questo viene festeggiato. Anche c'è San Nicolò, che anche lui portava i regali ai bambini. Quindi i bambini si ricordavano i vecchi tempi di proprio di San Nicolò. Il Venerdì santo si benediscono (sic!) gli olivi, la Domenica delle Palme. Prendevi l'olivo, lo facevi benedire e dopo la pendevi in casa e questo doveva proteggere la casa.

Итальянцы отмечают Рождество, Новый год, Богоявление, затем Святой Валентин, Толстый вторник [последний день карнавала], Пепельная среда, Пасха, Пасхальный понедельник, национальный праздник — второе июня [день провозглашения итальянской республики], затем здесь есть Пятидесятница, Вознесение, *Corpus Domini* [Праздник Тела и Крови Христовых], один следует за другим, между ними проходит примерно неделя. Восьмого числа — Непорочное зачатие Девы Марии, это отмечают. Также есть Святой Николай, он также приносил подарки детям, дети вспоминали старые времена, [говорили] именно о Святом Николае. В Великую пятницу освящают оливковые ветки, затем — в Пальмовое воскресенье. Ты берешь оливковую ветвь, ее несешь освятить и затем вешаешь дома и это должно было защищать дом.

FVG.Ит.3.

Le streghe, si, le *strie*, come ad esempio le *krivapete*. È la stessa cosa. Loro dicono che le *krivapete* vivono nelle gole profonde delle montagne, questa montagna qua che c'è una specie di canyon, una forra, il bivio della *krivapeta*. Un'altra *krivapeta* la trovi nella Barata di Savogna, Cepletischis, c'è il fiume, che va in questa forra, forra profonda, che si chiama *rieka*. E lì si trova anche la *stria* oppure la *krivapeta*. La Befana è l'unica strega che viene dominata, il giorno dell'Epifania porta i regali ai bambini, che gira con la scopa come le streghe. È una vecchia.

Ведьмы, *strie* [искаж. словен. *štija*, ведьма; ср. ит. *strega*], как например *krivapete* [женский мифологический персонаж — дикая женщина с вывернутыми задом наперед ногами]. Это одно и то же. Они говорят, что кривапеты живут в глубоких ущельях гор, эта гора здесь — своего рода каньон, ущелье, [место называется] развилка *кривапеты*. Другую кривапету ты найдешь в Барата-ди-Савонья, в деревне Чеплетискис есть река, которая идет в это ущелье, глубокое ущелье, называется [по-словенски] *rieka*. И здесь также находится ведьма или кривапета. Бефана — единственная ведьма [у итальянцев], которая распространена. Она приносит подарки детям на Богоявление. Она перемещается на метле, как все ведьмы. Это старуха.

М.М., жен., 79.**FVG.Ит.4.**

La *pinza* è Trieste, viene chiamata nella zona di Trieste, qua avrà un'altro nome. Qui per le feste io mi ricordo, quando ero ragazza, avevamo il forno, facevamo le focacce, pane dolce, le *gubane* ripiene. Adesso non sanno cucinare. Come ripieno vengono usate le noci frittate, la *gubana* viene fatta per lungo, dopo viene la *chiocciola*. Ho messo ripieno, rotolato e dopo fatto a *chiocciola* e butato nel forno. Solo che una volta facevano in casa, adesso compri nei negozi. Te le fanno piccoli così, però ti durano tanti mesi, perchè è dolce secco. Per tenerlo fresco, *slivoviz*.

Пинца — это Триест, так называется [эта выпечка] в районе Триеста, здесь должно быть другое название. Здесь на праздники, я помню, когда я была девочкой, у нас была печь, делали булочки, сладкую выпечку, губаны с начинкой. Сейчас не умеют готовить. В качестве начинки использовали жареные грецкие орехи. Губану делают длинной и затем заворачивают в форме улитки. Я клала начинку, скатывала и затем делала в форме улитки и ставила в печь. Только раньше делали дома, сейчас ты покупаешь в магазинах. Тебе их делают такие маленькие, но они хранятся несколько месяцев, потому что это сухие сладости. Чтобы хранить ее свежей, [используют] сливовицу.

Словенский язык. Долина Натизоне**Мерсино (Mersino)****М.К., жен., 92.****FVG.Сл(н).1.**

Alóra, kar smo nosíl Marijo, ke je bla *Novena* od božicja, la *Novena di Natale*, ke je bla. Antá smo nosíl Marijo, *ogni borgata*, wsáka *borgata* je miéla an kwuádar, *si*, uwtár, γor je biw litratán božíc, križ, Kříštuš, ki se je rodíw an takuó. *Alóra* smo tóle, antá kar smo šli, je bla tu devét hiš, je bla *Novena* devét dni. *Alóra* wsáko nuóic je šla tu drúyu híšu, su ju nésli. *Dunque*, nacój tle par mené, *alóra* jiz sad jo móren sparjét, sad van povén, kuo se spréjme an kuo se da. *Alóra*. Je bluo, te, ki jo nésuw cje w drúyu híšu, jo je nesuw antá ta na práze od híše je pokléknuw dol, an tist, ki je biw ta w hiš, ki ju je sparjéw, je pokléknuw dol. Antá je zmóluw ta

pred hišo, tist, ki jo je mew za dat an tist, ki potlé je zmóluw, pa tist, ki jo je sparjéw. *Alóra* sad pošlušájta me lepuó. *Dunque*, te, ki jo j' daw, je takole móluw: "O, mojá preljúba", san se wse san se zabíla, púno san se. "O, prijáteljca, spréjmeš máter Jéžušovo u njénin húdin trúdnin stánu. Ju je premadežnénin maternínstu. Le častí ju donás an jútře an prizadévaj se, de jo boš čaštíla prez nahát". Antá potlé je móluw tist, ki jo je sparjéw. "O, mojá prečista Marija Devíca, spréjmen te pod stréhu mojú, bódi mi zvésta pomočnica, var od smártni(h) ur dúšu mojú, amén". Antá se je néslo cje w hišu, tan w hiš su nardíl uwtár, antá se je ujélo nótar. Antá se je rožár molílo... antá smo zmolíł te rožár, anta potlé smo piel "Častíto". Potlé, kar je bluo, se je "*Šálve Regínu*", an "Češčená s' krajícu" zmolílo. Antá smo pa piel, anta smo uniéyal, potlé, kar je tóle finílo, antá je bla tal Marija, le kar san jála, "le častí ju", tist, ki da, "le častí ju donás an jútře, an prizadévaj se, de jo častíš prez nahát". Antá je bla tísti hiš tístu nuóic an druγ dan ciew dan, antá drúγu nuóic su ju neslí pa tu drúγu híšu, antá je šla precésija za njo, wsi judjé. Je bluo judí tístkrat, *eravamo trecentosetanta*, tle w Marsínu, te Gorénj Marsín. *Alóra* smo šli wsi, smo *akompanjál* tol Marijo, antá smo molíl za njo, antá smo piel litanije, *peró* smo ih piel po taljánsku. Antá smo ju parneslí tu drúγu híšu, antá je bluo le takuó devét dni. Antá kar smo ju nésli, donás bo tle par mené, donás bo tle par mené. Anta jaz mórien tole zmolíł, kar ju dan proč.

"O, mojá preljúba máti Marija, parblížuw se je prehítro čas ločítve. O, kakó mílo in brídko mi je tvóje poslavílu. Kakó slávo si bíla par mené poyostována, kakó slávo pošlúžena, kakuó parmanjkljivo počeščená. O, presrčena mat, odpustí me mojú nemárnost, odpustí me mojú parmanjkljivost v tvóju službi, da se bo tle antá v vénčnost ne maj ločiló od tébe. Sáda pa, o, preljúba mat, prósin te, požeyni an posvéti celó mojú híšu an wse mojé imétje. Še tóle te prósin, ne pozábi *maj* télya mojeγá spremenjevánja na tvójin nóvin prenočíšč. Spuómni se tékrat, kar bo nastópuw potovánje púno strahú, ker ne vien, kaj me tan čáka. Požeyni an posvéti wsu mojú híšu, glej, kakó hrepenéč tan čakajo an z otróško ljubéznijo te klíčeju, bódi stuo an stuókrat pozdrávjena an počeščená, Marija. Prídi le skor h nan. Še tóle te prósin, ne pozábi *maj* télya mójγa spremenjevánja, ténkrat, kar bo nastópuw potovánje púno strahú, zak na vien, kaj me tam čáka. Ténkrat pa, o, mojá preljúba gospá, sprejmí me ti pred prestúw mójeyá óstreyá sodníka, prósi γa zamé an preskarbí mi

vénčno stanoválišče w svétin ráju, ker mi se ne bo tréba vič bat, da bi se ločila od tebé an od tvojejá ljúbeyá sína Jéžuša Kristuša”.

Tóle je zmolúw yáspodár, antá smo ju wzél, ju j' wzéla yáspodinja, antá smo ju nésli pa cje drúyu híšu. Antá smo takolé smo *Novenu* runál.

Итак, мы носили Марию, когда была рождественская Новена [Деветица]. И тогда мы носили Марию по всем деревням. В каждом квартале был алтарь, да, алтарь. На нем был изображен Младенец, крест, Христос, который родился. И вот мы это, и мы шли, было девять домов, Новена длилась девять дней. И мы каждую ночь шли в другой дом, несли ее. Итак, сегодня здесь у меня, следовательно, я сейчас должна ее принять. Сейчас вам скажу, как ее принимают, как и что. Итак. Было так, что тот, кто ее нес в другой дом, приносил ее и на пороге дома становился на колени. А тот, кто был в доме, кто ее принимал, тоже становился на колени. Потом молился перед домом тот, кто ее должен был отдать, а потом молился тот, кто ее принял. А теперь внимательно меня послушайте. Итак, тот, кто ее дал, так молился: «О, моя возлюбленная...» Я всё... всё позабыла, много всего забыла... «О, подруга, прими Матерь Иисусову в ее тяжелом беременном положении, в ее пренепорочном материнстве. Почти ее сегодня и завтра и позаботься о том, чтобы почитать ее и не оставлять». И потом молился тот, кто ее принимал: «О, моя пречистая Дева Мария, принимаю тебя под кров мой, будь мне верной помощницей, береги от смертного часа мою душу. Аминь». Потом ее заносили в дом, там в доме сооружали алтарь, ставили на алтарь, читали розарий <...> Когда мы прочитали розарий, потом была молитва к Богородице, потом молились «*Salve Regina*» и «Прославлена будь Царица [Šeščena Krajica]». Потом мы пели, потом это самое... потом, когда это закончилось, потом была эта Мария, то, что я сказала... «Почти ее...» тот, кто дает, «Почти ее сегодня и завтра, и позаботься о том, чтобы почитать ее не оставлять». Потом она оставалась в этом доме на ночь и на следующий день на целый день. Потом на следующую ночь ее несли в другой дом, и за ней шла процессия, все люди. Людей тогда было... нас было триста шестьдесят здесь в Мерсино, в Верхнем Мерсино. Итак, мы шли, сопровождали Марию и молились ей, пели молитвы, но мы их пели по-итальянски. Потом мы ее переносили в другой дом, там было то же самое. И точно

так девять дней. И так мы ее носили: сегодня у меня, а сегодня тут у меня. И когда я ее отдаю, я должна была молиться так:

«О, моя возлюбленная Мать Мария! Быстро подошло время прощаться. О, как мило и горько мне твое прощание. Как недостойно ты была у меня принята, как плохо я тебе послужила, как мало почтила тебя. О, пресердечная Мать, прости мне мое невнимание, прости мне то, что я тебе плохо послужила, чтобы ни здесь, ни в вечности я не разлучалась с тобой. Сейчас, о возлюбленная Мать, прошу тебя: освяти и просвети весь мой дом и все мое имущество! И еще о том тебя прошу: не забудь никогда этого моего приема на месте своего нового ночлега. Вспомни тогда... когда я вступлю на путь, исполненный страха, потому что я не знаю, что меня там ждет. Освяти и просвети мой дом, посмотри, с каким нетерпением тебя там ждут, с детской любовью тебя призывают, будь сто и еще раз сто поприветствована и почтена, о Мария. Приди скорее к нам. Еще о том тебя прошу: не забудь никогда этого моего приема, тогда, когда я вступлю на путь, исполненный страха, ибо я не знаю, что меня там ждет. Тогда, о моя возлюбленная госпожа, прими меня перед престолом моего строгого Судьи, проси за меня и позаботься о моем вечном пристанище в святом раю, где мне не нужно будет больше бояться, что я разлучусь с тобой и с твоим любимым Сыном Иисусом Христом».

Так молился хозяин, потом мы ее брали, ее брала хозяйка и мы несли ее в другой дом. Так мы совершали Деветицу.

Клодич (Clodig)
М.П., жен., 80.

FVG.Сл(н).2.

Tle par nas líkof je dvákrat, líkof. Kar se j' nardílo kájšan, *beh*, ta párví líkof je biw, kar se je finílo siec travó, zak je bla velíka fadíja, a líkof ni móraw bit prez štrúkj uw kúhanih, kar je biw wsak líkof, so bli štrúkj kúhani. Potlé je biw líkof, kar so nardíl káko striého od híše. Dva tísti líkofi so bli importánt, yáspodár od híše lóziw striého, so diel na varh no vej, parpél yo na striého, kar je bluo, an potlé féšta, je biw líkof, yo na sliéme so diel. Smriéka al pa ne ven, lómber, al kar so ušáfal, so obiésli, dok je biló zéleno.

Здесь у нас ликоф был два раза, ликоф. Это делали, когда... первый ликоф был, когда закончили косить траву, потому что очень уставали [после этого], а ликоф не обходился без вареных штруклей. Когда был ликоф, были вареные штрукли. Потом был ликоф, когда возводили крышу. Два этих ликофа были важные. Хозяин дома возводил крышу, ставили наверх ветку, прикрепляли на крышу, что было, а потом праздник, был ликоф. На конёк прикрепляли. Ель или лавр, или что было вешали, пока было зеленое.

FVG.Сл(н).3.

Jaz san se rodíla štírdeseteya liéta, jaz san se rodíla pod krájen, potlé je biw fášjo, potlé je bla repúblika, se zmíslin téle trikolóre, kar je bluo za votát. Potlé sadalé je, kar je... Ma jaz san bla že májhana, san no málo znála, ma niésan znála liepuó. Ankrát je bla mója máma do špitále. Alóra, mórala bit, čakala otroká, ma tóle j' mórlo bit *del quarantacinque*, kar je táta paršew z vujské. Zak niésan poznála mójya tate. Antá me pénje múnja, antá mi káže Krištuša atú. Ma yuorí po taljánsko. San zastopíla, niésan znála yuorít, málo, samó “*si*”, “*no*”. “*Si*” an takuó, kar nekár san znála. Kar je páršla mója máma damú, san jála: “Máma, sadalé boš yuoríla z máno po taljánsko, jaz ne bom runála táke slábe fiyúre, kuo san nardíla do špitále, múnja me je pejála yliédat tísteya velíkeya Krištuša, niésan móyla narést néya *diskórsa*. Jaz ne éen téleya špóta imiét”. Alóra, máma me j' jála: “Ma ke porcé pa *nóno* an bárba?” *Nóno* je biw komerčánt, *nóno* zna po láško, po slovénsko, bárba zna po ingléško, zak je biw do Amériki tríkrat, zna po taljánsko. Furlánsko, jaz san imiéla tetó San Giorgio di Nogaro, tam so yuoríl buj furlánsko, ko midrúz tle, an pa san bla otrók, san sálido čúla, san se navadla sáma par sebé. An potlé sálido če príde Furlán, yuorím po furlánsko, če príde Talján, yuorím po taljánsko, če príde naš, če príde Slovénj, poviém po benéško, na po slovénsko, ma yuorím buj po nášin. Če príde Niémac, yuorím po niémško, kar znan, ker se niésan zabíla, zak púno liet, ke na yuorín. An francósko san znála, an zabíla san se.

Я родилась в сороковом году, я родилась при короле, потом был фашизм, потом была республика, я помню эти трехцветные флаги, когда нужно было голосовать. А сейчас есть что есть... Но я была маленькая, я немного знала, но я не знала хорошо [итальянский]. Однажды моя мама была в больнице, должно быть, она ждала ребенка,

но это должно было быть в сорок пятом году, когда мой папа пришел с войны. Потому что я не знала своего папы. И меня ведет монахиня, показать мне Христа (распятие?). Но она говорит по-итальянски. Я поняла, я не умела говорить, немного, только «*si*» [да], «*no*» [нет]. «*Si*» [да] и так, то, что я знала. Когда пришла моя мама домой, я сказала: «С этого момента говори со мной по-итальянски, чтобы я не попадала в такие ужасные ситуации, как было в больнице: монахиня меня повела смотреть на этого большого Христа, а я не могла сказать ни слова. Я не хочу больше, чтобы мне было стыдно». И мама мне сказала: «Что на это скажут дедушка и дядя?» Дедушка был торговец, дедушка знает фриульский, словенский, дядя знает английский, он был в Америке три раза, знает итальянский. Фриульский [язык], у меня была тетя в Сан-Джорджо-ди-Ногаро, там говорили больше по-фриульски, чем у нас. И ребенком я всегда слышала, я сама научилась. И потом всегда, если придет фриул, я говорю по-фриульски, если придет итальянец, я говорю по-итальянски, если придет наш, словенец, скажу по-бенечийски¹³⁴, не по-словенски [литературно], а больше по-нашему; если придет немец, я говорю по-немецки, что знаю, что я не забыла, так как я много лет уже не говорю, и французский я знала, но забыла.

Крас (Cras)
М.К., муж., 79.

FVG.Сл(н).4.

Včasih se je slišalo to. San pošlušuw néga duhównika iz móje vasí. On je rékew, de je biw cerkvénik, méžnar, in zjútra v našo ciérkuw je hóduw zvonít jútarince. Že ponóč prej ko je sónce wstálo. An dan, móre bit téle dni, je odpár ciérku, je šuw nótre an je víduw, de na oltárju je biw duhównik, ki je maševáw. Je šuw blízu, mu je odgovárjuw, zakár gre, an ob na kóncu máše je rékuw: “Jez že sadá že štirideset let wsáki dan hóden túkaj mášo darovát, ampák nihčé mi ne odgovárja, takó de se na móren rešít iz vic”. Tísto san šlíšaw iz mójih ušés, na moren príčet, a je ries al ne, takó san šlíšaw. *Éko*, tísto je.

¹³⁴ Имеется в виду — на местном диалекте (от словен. Benečija «Венецианская Словения» (ит. Slavia Friulana)).

Иногда такое было можно услышать. Я слышал от одного священника из моей деревни. Он сказал, что был один пономарь, церковный служка, и он ходил по утрам в нашу церковь звонить к утренней молитве. И еще ночью, до восхода солнца. И однажды, может быть, в эти дни [поминальные дни 1–2 ноября] он открыл церковь, зашел внутрь и увидел, что у алтаря был священник, который служил мессу. Он приблизился, ответил (на возглас, когда это требовалось). И в конце мессы тот священник сказал: «Я уже сорок лет как каждый день сюда прихожу служить мессу, совершать Евхаристию, но никто мне ни разу не отвечал, поэтому я не могу спастись из чистилища». Это я сам слышал собственными ушами, но не могу сказать, правда это или нет, но я так слышал. Вот так, есть такое.

Терчимонте (Tercimonte)

Р.Т., муж., 62.

FVG.Сл(н).5.

Za velíko nuóc je blo púno rečí, recímo. *Alóra*, na velík pétak, kar za nas otroké velík pétak, tist pétak pred velíko nocjó, ne. *Alóra*, tist ténčas ne zvoníjo, ja. Je blo vse povézano no málo z viéro, zak judjé so bli zariés, so viérval... Na velík pétak se níje smiélo zvonít, mi smo miél sablíuke, an klepetáwke, no. Klepetáwke so ble, pa je bla na daská, an je miéla no ročíco ta zdóla, γo na varh je blo no kládvo, an s tísten kládvan se je túklo. Tóle je blo na poséбно zvičér, kar je bla *Áve Maríja*.

На Пасху было много вещей, скажем, на Великую пятницу, для нас детей Великая пятница, эта пятница перед Великой субботой. Тогда постоянно звонили. Все было связано с церковью, обычаи все были связаны с этим. Потому что люди действительно верили... На Великую пятницу нельзя было звонить в колокола, у нас были колотушки. Колотушка — это была одна доска, ручка была внизу, а наверху был молоточек, и этим молоточком стучали. Это особенно было вечером, когда пели «Аве Мария».

FVG.Сл(н).6.

Potlé je bla naváda tud za kiétne wléc, no, γlih takó na velík pétak smo kiétne wlekl, kiétne, ma, veríge po slovénsko. Tíste ma kére kiétne?

Ankrát so ble oγníšča, an tu oγníšče je bla na kiétna, ki je miéla rínke buj debéle, an atú se je obiéslo lonác al pa rínkón smo práwli. An sevéda tale kiétna je bla wsa ukajená, no, an za očédiet jo je bla naváda parpét tóle kiétno cje za konác varcé al pa cje štrink smo γworíl mi, no, an wlačét. Ténkrat ni blo ciéste, ašfálta. So ble stazé s kokulát, so s kámanjan naréte. Antá po télin kukulát, de se jo očédla tale kiétna, an de se jo parnesló damú, da se je laščéla, no. Za velík pétak. Zak za velíko nuóc so očédli wso híšo, an tísto je móralo bit čédno. Però jaz, kar sam se rodíw jest, je blo málo oγníšč, so ble ostále samó dvie oγníšča. Pa γlih takuó, smo letál s télni kiétmi. Je bla táka naváda, de γlih takuó smo šli napriéj s télni kiétmi, smo wlačél otróci.

Потому был обычай волоочь цепи. И именно на Великую пятницу мы цепи, *veríge* по-словенски [волокли]. Какие цепи? Тогда были очаги, и в очаге была цепь, они были более толстые, и здесь вешали котел, мы говорили *rínkón*. И конечно, цепи были полностью закопчённые, и чтобы их очистить был обычай, привязать это, цепи за конец веревки, мы говорили *štrink*, и волочить. Тогда не было хо-рошей дороги, асфальта. Были дороги с щебнем, сделаны из камня. И по этой мостовой волочили. Чтобы очистились эти цепи. И принесли их домой, они все блестели. В Великую пятницу. Потому что на Пасху очищали весь дом, и все должно было быть чисто. Но когда я родился, было мало очагов, осталось только два очага, и мы бегали с этими цепями, был такой обычай, что мы шли с этими цепями, мы их волокли, дети.

FVG.Сл(н).7.

Na velíko sabótu, tu sabótu smo nešli žeynjávat, žéyanco smo γworíl, se je klícalo. Je blo wse, kar se je nesló požeynjávat. Ponavád je bluó ta obiéjen kruh, je biw sládki kruh, an γolobíce, so nardíl otrokán, an wse pečenó. Potlé salám se je diélo, no málo solí, an nič drúzγa se mi zdi.

В Великую субботу мы несли корзину с продуктами освящать. Мы говорили *žéyanco*. Было все, что несли освящать, белый хлеб, был сладкий хлеб, голубицы делали детям, все испеченное. Потом клали колбасу, немного соли, и ничего больше, мне кажется.

FVG.Сл(н).8.

Jájca so ble kúhane, s kájšnem lístjem o š čebúlo. An tíste smo potlé na veliko nuóc to nediéjo zjútra ta párva riéč se j' móralo pokúst tíste. *Peró* je kórlo počákat štíer úre, kórlo wstat priéd, zak je móralo bit štíer úre priéd ku obhajílo. Máša je bla ob desét, zak smo móral wstat ob šest za an kwart, zak od šest an napréj se ne smiélo nič táke miét.

Яйца были вареные, с листьями или с луком. И их потом на Пасху утром в воскресенье первым делом нужно было съесть. Но нужно было ждать четыре часа, нужно было встать заранее, потому что должно было быть четыре часа перед причастием. Месса была в десять, мы должны были встать без пятнадцати шесть, с шести и дальше нельзя было иметь ничего такого.

FVG.Сл(н).9.

Ójčınca právimo mi. Smo nosíl ójko požeynjávat, an potlé je bla cieló liéto dol domá súha, an potlé se je nije smielo *maj* vriéc, ma nímar zažýát, ne. Se je zažýálo tu šporýétu. An ténkrat je biw tu wsáki híši an križ, an cje za križ dvié perá od ójke zmiéran se j' diélo, ne. Sevéda so skúhal na veliko nuóc kiek bújšeya, nič posébneya... Za veliko nuóc je bla naváda za tóle, ta obiéjen kruh, ki je bil sládki kruh, pečen domá, téle yolobíce. *Peró* za veliko nuoc... ma ne yubánca, yubánco pa je blo za svet Iván, zak par nas na Tarčmúne je bil práznik, je biw yod. Zak svet Iván je sveceník od ciérkve tarčmúnske. Pa se je začélo že tist dan priéd je bil kries, no. Kriés Svéteya Ivána, na triandvájst júnja wsáke liéto se je nardílo kriés. Potlé za svet Iván pa je bla máša yor an so nosíl barílo. Baríla je bla an poséban sod an atú pod lípo so prodájal víno, ne, an koláče. Je hodíla edná žena, ki prodájala koláče, so bli néki, recímo, biškóti buj velíc, an so bli koláči, an otrokán so kúpil adán dva koláča, no. An ti staréjši so pa pil yo pod lípo tóle víno, no. An yo u túrme so pa tónkal, zvoní. Ma so začél za svet Iván zmiéran tíedan priéd al kájšankrat še desét dni, zak so hodíl od tih blížnjih vasí. Zak Tarčmún, Mašera so spádál pod tarčmúnsko fáro, antá od Jelíne so hodíl nímar tóle zvičér, kar so *finíl* diélat, kar so yénjal diélat, so paršlí tónkat. Gubánce so speklí. Več pa kriés so ya diélat otróc an ti mládi, ti stári ma niéso paršlí *maj*. Je bla naváda, néke róže so kládli, sadá se zmíslin, de so pošušíle. So stále dúyo cájta. Ja, yo na vráta so jih zvil.

Мы говорим *ojčinsa* [Вербное воскресенье]. Мы носили освящать букет, а затем он оставался в течение года дома сухой. И его нельзя было выкинуть, всегда только сжечь. Его сжигали в печи. И в каждом доме был крест, и за крест всегда помещали две веточки из того букета. Конечно, готовили на Пасху что-то получше, ничего особенного... На Пасху был обычай: обильно смазанный хлеб, это был сладкий хлеб, испеченный дома, эти голубицы. *Губанице*, да, но на Пасху... не *губаница*. *Губаница* была на Святого Ивана, потому что у нас в Терчимонте был праздник, храмовый праздник. Потому что Святой Иван покровитель церкви в Терчимонте. И начиналось уже накануне *креса* [костер]. *Крес* Святого Ивана, который двадцать третьего июня, каждый год устраивали *крес*. Потом на Святого Ивана была месса и несли бочку. Это была специальная бочка, и здесь под липой продавали вино, печенье. Ходила одна женщина, которая продавала пирожные, было печенье размером побольше, и были пирожные, детям купят одно-два, а взрослые пили под липой это вино. А на башне звонили. Подготовку к Святому Ивану начинали всегда за неделю до праздника или за десять дней, потому что сходились из ближайших деревень. Терчимонте, Массерис относились к приходу Терчимонте, и из Еллины ходили всегда вечером, когда закончили работу, приходили звонить. Пекли *губаницы*. *Крес* устраивали дети и молодежь, взрослые никогда не приходили. Был обычай, какие-то цветы клали, сейчас я вспоминаю, что они высушивались. Они сохранялись долгое время. Да, на дверь их прикрепляли.

FVG.Сл(н).10.

Jaz san rojén na Tarčmúnu, to je májhena vas pod Matajúrjen, pa živín že púno liét tle u Špiétre, od énaanosamdeséteya liéta živín tle u Špiétre. U móji rójstni vási san živél málo, ker san bil ósan liét proč, ker je blo težkó tle, recímo u šólo hodít. Smo živél yo u brézieh, mi právimo briéy, če smo živél po brézieh, je blo težkó ití v šólo, zak nije bluó... Jaz san se rodíl lieta šéstanpedeséteya, ne. Ma u móji vási ni blo še ciéste, je paršlá ciésta ósanapedeséteya liéta u vas. An potém nije blo *koriére*, autobúša, nije bluó za de je se bluó móylo, se je móylo le par nóyah ití do *koriére*, je blo težkó hodít. To se právi, de san živél no málo liét u Veróni éno miésto, velíko miésto u Véneto, Véneto.

Я родился в Терчимонте, это маленькая деревня под горой Монтемаджоре. Я живу уже много лет здесь в Сан-Пьетро-аль-Натизоне, с восьмьдесят первого года я живу тут в Сан-Пьетро-аль-Натизоне. В моей родной деревне я жил мало, так как я восемь лет жил не там, так как было тяжело там, скажем, ходить в школу. Мы жили в горах, мы говорим *briey*, если мы жили по горам, то было тяжело ходить в школу. Потому что не было... Я родился в пятьдесят шестом году, в моей родной деревне не было дороги, дорогу провели в деревню в пятьдесят восьмом году. И потом не было автобуса, нужно было пешком идти до автобуса, было тяжело ходить. Я жил несколько лет в Вероне, это один город, большой город в провинции Венето, Венето.

FVG.Сл(н).11.

Na pet dženárja za svéte tri kráje je biw tist dan pried ku svéti tri kráji, ne, smo hodíl siémat, siémat, *alóra*. Ti, ki prídejo siémat, smo šli cje po wseh njívah, an cje po wseh senožét... ne cje po wseh! Ma te buj blížnje, recímo, blizu vasí, an smo neslí žéynanu vodó, an smo požeynjával téle njíve an smo neslí an snop sláme, an tólo slámo smo paržáyal. An smo cje po senožét hodíl al pa cje po njiw hodíl. An tóle je biw sevéda éna rieč paýánska, ne, ke potlé ciérkuw je pustíla tu téle rečí paýánske, zak če ne judjé se niéso moyló otaryát od njih navád an od njih... *éko, alóra*, tóle smo jal.

Пятого января на три волхва, был день накануне трех волхвов, мы ходили сеять. Те, кто идут сеять, мы шли по всем полям, сенокосам.... Не по всем! По ближайшим, скажем, близко к деревне, и мы несли святую воду, и мы благословляли эти поля, и мы несли сноп соломы, и эту солому мы сжигали. И мы ходили по сенокосам, и по полям ходили, и это была, конечно, языческая вещь. Церковь оставила эти языческие вещи, потому что люди не могли отойти от своих обычаев, вот, мы так говорили.

FVG.Сл(н).12.

Pust, vesná, ne, par nas je bilá, so ya wsi čakal, otróc, ti stári, wsa mladotína je šla tu te blížnje vasí. Antá so bli navádno pustíje, so jih klícal, tísti, ki so bli obliéčeni, so miel obléke an velík klabúk, an zvoné kráwje okóli sebé, no. *Alóra*, téli so šli napriéj cje po híšah an tu téle so

jin dajál, kuo se díje? Liéšinke an oriéhe! Tóle so paršlí pa zad za ténmi, k' so bli, ti yárdi klícali, ti yárdi, so paršlí pa ti liépi, so bli lepó obliéčeni an so yódlí, an judjé so jin dajál saláme an jajca, *éko*. Tále je bla naváda, potlé tri štir dni wsáka vas je nardíla an velík yod, an velík práznik, antá smo jédli, kar smo pobrál, pa še kiek smo paršlí... So šli po vaséh, an od híše do híše, tu wsáki hiš. Če kájšen je umár tu tísti hiš, pa se je šlo brez zvónca, tísta je bla naváda, de se neje smiélo yódcá peját tu híšo, tu ko smo miéli tísto liéto al pa tu zádnye cájte, k' so miel éneya mártveya, *éko*, tále je bla.

Масленица [карнавал], весна, у нас была. Масленицу все ждали, дети, взрослые, вся молодежь шла в ближайшие деревни. И там были маски, их называли, те, кто одет, у них были костюмы и большая шляпа. И колокольчики для коров вешали на себя. Они шли вперед по домам и там им давали, что дают? Лесные орехи и грецкие орехи. И они пришли сразу за этими, которые были, *ti yárdi* [плохие, страшные] их называли, пришли *ti liépi* [хорошие, красивые]. Они были красиво одеты и играли на инструментах. И люди им давали колбасу и яйца. Такой был обычай. И затем три-четыре дня после в каждой деревне устраивали большой праздник, и тогда мы ели то, что мы собрали и что-то еще... Шли по деревням от дома до дома, в каждый дом. Если кто-то умер в этом доме, тогда шли без колокольчика, такой был обычай, что нельзя было музыканта вести в дом, где был в этом году или в последнее время, где был покойник, вот, так было.

FVG.Сл(н).13.

Za ití napréj je bla rózínca. *Éko*, rózínca je pétnajst vóšta, na rózínco smo šli pobíerat róže, od komaráča, táužint róže, an je blo néko bodíče, ki je miélo tud rózó, an vse tóle se je diélo kúpe, antá se je nesló požeynjávat. Potlé smo parneslí damú an smo obésli yo za an tram, od kájšne štále, od kájšnega *kazóna*, ma blízu dóma. Antá to se je móralo pošušít téle cvietje, téle róže. An potlé se ih je shranílo, kar so ble suhé, de kar je bla túča, no, je kórlo téle róže zažyát. An judjé so viérval tóle rieč, če kájšenkat je šla túča, an če je yénjala túča, sevéda wráža payánska, ma judjé so viérval, ta párva rieč, biež po róže! Al pa če níso miel tu špurýetu, zak je blo, poliéte níso miel oynjá, antá so hítro zakuríl, antá če túča je šla napriéj, zak nísмо miel oynjá, *éko*, težkó parjélo an takuó.

Если идти дальше, было Успение Девы Марии. Пятнадцатого августа. На Успение мы шли собирать цветы, тысячелистник, фенхель, и было какое-то с шипами с цветком, и все это мы собрали вместе и несли благословлять. Потом мы принесли домой и повесили там за балку где-то в хлеву, в сарае, но близко к дому. И должны были высушить эти цветы. И потом их хранили, так как были сухие. И когда был град, нужно было эти цветы сжечь. И люди верили в это. Если приходил град или если уходил град. Конечно, это языческие верования, но люди верили, первым делом — беги за цветами! Если не было в печи [огня], потому что летом не было огня, тогда быстро разожгли, и град уходил, так как у нас не было огня, вот, тяжело зажигали, так.

FVG.Сл(н).14.

Zvonilo, kar se je napravjalo za túčo, al pa an če je bil oγinj tu vas, al pa tuoni, so šli zvonit, ma druγáč, se je γuorilo: “Zvonjō za oγinj al pa zvonjō za túčo”. No, zak je bluo druγáč, kar je bluo za ití u k maš, al pa kar je bluo po martváške, no, je túklo ton-ton-ton, ne, z nin zvonon, al pa je túklo buj poriédko, ne tako poγósto, a ténčas je biluó pomién, de túča páde, de oγinj tu vas, zak kar je bil oγinj, so začél zvonit. Antá so paršlí an tísti od blížnih vaséh pomáyat, če je bluo tréba za umorit oγinj. Judjé so poznál, zak méžnar je znuw za wsáko rieč, je zvoníl, sadá zvoní to párvo, sadá zvoní druγo, trétjo, sadá po martváške. Judjé so védel. Jútarince je bluo z dvéma zvonmí, opudán je bluo samó s tin velícín, zvičér je biw te srédnji an te máli, no. An wsáko bot, ko se je zvonilo, se ni moyló, je bluo veliko poviedano z besiedo, judjé so védel, zak je zvonilo.

Звонили, когда собирался град. Или когда был пожар в деревне, или гремел гром, шли звонить. Но по-другому. Говорили: «Звонят о пожаре или звонят о граде». Было по-другому, чем когда звонят к мессе или когда звонят по покойнику. Били тон-тон-тон, в один колокол, или звонили реже, не так часто. И тогда означало, что будет град, что пожар в деревне, потому что, когда был пожар, начинали звонить и приходили из ближайших деревень помогать, если было нужно тушить пожар. Люди знали, так как священник знал, звонил по любому делу, сейчас звонит первое, второе, третье, сейчас по покойнику. Люди знали. Утренняя месса была с двумя колоколами,

во второй половине дня — только в большой колокол, вечером — средний колокол или маленький. И каждый раз, когда звонили, было много сказано словом [т. е. звон был словом], люди знали, почему звонили.

FVG.Сл(н).15.

Za vaht, *alóra*, otróc so šli hliébce brat, no. Wsak svoj žákec, cje po vse vas an potlé od vasí do vasí, no. Te bližnje vasí so jin dal kruh. Tel kruh so γuoríl, de je za te dušíce, za te mártve. An kar se je paršló tu no híšo, tu, ke je bla žláhta, tu, ke je biw, de se je miélo kájšno povézo, takuó. Pa so dal vic krúha, ma potlé télega krúha se je zbrálo te domá púno, ma níso nič dal žvin al pa. Tist kruh je móral bit vas sniéden, vas tel kruh so γa judje sniédlí, no. An če je miél deset dni al pa, γlih takuó so γa speklí no málo, però je móral bit vas sniéden, nije smiélo bit nič varženó al pa dáno žvin al pa. Se je móralo sniést do zádnje. Za vaht je bluó težkó, zak tri noci so bli tri rožari, wsáko vičér, no. Antá smo mórali molít. Je bla na riéc težká za otroké. An jest san zmiéran zaspál. Pa *nóna* je kládla, séno právimo mi, no, *kándlo* díjejo, sédlo al pa, *lumínje*, ke se je núcalo za muzt kráve, so múzli kráve. Anta kar san zaspál, mi je pádla du na tla an san se zbúdil. So právli te práfce, so nan γuoríl nimár: “Tih mártvih se na smiéta bat, bájta se tih živih”. Ja, so puščál vodó, mliéko an kruh.

День всех святых, дети шли собирать хлеб. У каждого был свой мешок, шли по всей деревне, и потом от деревни к деревне. Ближайшие деревни, им давали хлеб. Этот хлеб говорили для душ, для умерших. Когда приходили в дом, где были родственники, где имели какую-то связь [с недавно умершим], давали больше хлеба, и потом этого хлеба дома набиралось много. Но его не давали скотине. Этот хлеб должен был быть весь съеден, весь этот хлеб съели люди. Если он уже был десять дней, его поджарили немного, но он должен был быть весь съеден. Нельзя было его выкинуть или дать скоту. Нужно было съесть до последнего. На День всех святых было тяжело, так как три ночи читали молитвы каждый вечер. И мы должны были молиться. Это было тяжело для детей. И я всегда засыпал. И бабушка клала сено, свечи, седло, лампаду, которую использовали, чтобы доить коров, и когда я засыпал, у меня она падала на пол, и я просыпался. Рассказывали сказки, нам говорили: «Вы не должны бояться

мертвых, бойтесь живых». Да, оставляли [для душ] воду, молоко и хлеб [для душ, которые приходили ночью домой].

FVG.Сл(н).16.

Ténčas nismo miél *televižjóna*, no. Wsáko vičér ti stári so práfće právli, an potém so bli te práfće strašné, an od tih mártvih, ki ih je lovílo ponóc. An samé rečí otrokán. Mi smo se bal krivapét. Kar smo hodíl siéc travó, je bil an prestór, tu ke je bla jama od krivapét. Antá smo se nímar bal, zak dol so krivapéte. Na vién, če sta še čul, če póznate krivapéte? So ble žené te dúje, so γuoríl, an so miéle noyé obárnjene cje zad, ma so živéle cje po jámah, ta pod kájšnin čelán, an so živéle samé, *peró* so znále púno rečí, no. Judjé so se navádli od njih diélat te narbúj vážne, te narbúj importánt rečí so se navádli od krivapét. *Peró* krivapéte, smo se jih bal, ma zakáj so γuoríl, de so krivapéte. Zak kar smo hodíl travó siéc, otróc so hodíl cje na čeló, smo se bal, de smo warníl se od zad, antá od krivapét je bil an strah. An takuó se nísmo *maj* parblížal tu, ke je nebárno, ke je blo težkó, upast al ubít. Otróc kájšankrat so se γo par nas, je blo púno, so pádli, do pod čelón so se ubíl. Tále krivapéte so daržál otroké no málo deléč od tístih nebárnih prestórow.

Тогда у нас не было телевидения. Каждый вечер взрослые рассказывали сказки, и были страшные сказки, о мертвых, которые преследовали ночью. И такие вещи детям [рассказывали]. Мы боялись кривапет, когда мы ходили косить траву, было место, где была пещера кривапет. И мы всегда боялись, потому что внизу кривапеты. Я не знаю, вы слышали, знаете кривапет? Это были дикие женщины, говорили, и у них ноги были вывернуты назад, но они жили в пещерах, под какой-то скалой, и они жили одни, но они знали много вещей. Люди от них научились делать самые важные вещи, самые важные вещи, от кривапет. Но кривапеты, мы их боялись, но почему говорили, что кривапеты. Так как мы ходили косить траву, дети ходили на скалу, мы боялись, и мы возвращались назад, боялись кривапет. И никогда не приближались туда, где небезопасно, где можно было упасть или убиться. У нас было, что дети часто падали со скалы и умирали. Поэтому эти кривапеты держали детей далеко от этих небезопасных мест.

FVG.Сл(н).17.

Ja, brez gláve, antá na križiščih so čakal, bolovántarji so jih klícal, an so vídel te mártve. Moj *nóno* máterni je práviw, de so ga ustávil, kje je šuw s konján. Ma je viérvuw, je právwuw, an je šuw go h gaspódju, duhóvniku, mu je mášu plácjuw za téle, zak je víduw te dušíce, od tih ráncih. Je prow viérvuw go na tóle rieč! Je právwuw, ankrát par nas go Tarčmún nije bil fárar, ma je spádalo vse pod Špiétar, pod fáro Špiétra. Kar so uméral judjé, so ih morál nosít, go par Mašére je bilá na sóba, na štánca, an atú je éna velíka míza kámanova, tu so púščal te mártve, kar je biw snieh an ih niéso móyli nosít u Špiétar [см. иллюстрация 6]. *Quindi*, recímo, je bla tále naváda za te mártve, moj *non* je biw go u Čeplesiščah, an je bilá tále ciésta, ke je bla naréta u cájte te párve vujské, vojáki, *soldáti* nardíl. Moj *nóno* je miew konjé, je miew málin u Čeplesiščah, an je vozúw siérak gor, dol móko, darvá, an takuó. So prodájal an kupováł, an atú je blo no opočíválo, tuk so se odpočil, kar so néšli marlícja, kasélo, so se odpóčil, an atú je bla na vodá. So se ustávli, an so pil tóle vodó, ke so jo klícal martváška vodá. Se klíče šelé martváška vodá, do par martváški vodí právimó mi. An tel moj *non* je páršuw ponóc an atú je právwuw, de ga je ustávwuw dan an de je ta u vícah, an de na móre ití do nebés, an de mu móra placját nu mášo, takuó, jast san biw májhan. Wsáku *vóltu*, ke san ga šow gliédat cje u málin, cje u Čeplesiščah, on je mlew atú, an zmiéran mi j' právwuw tóle. Kar san biw no málo buj velík, san ga vprášaw: “Če bil popíw? Móra bit si biw popíw, nóno?” — “Ma ne, ne!” — “Al pa si piw tísto víno slábo?” — “Ne, je bluo vse ries! San biw plácjuw mášo, an potlé me je pústuw par miéru, zak san mu, san ga rešív ta s télega, ta z vic. An potlé me ni *maj* vic páršuw gliédat, me je pústuw par miéru”, *éko*.

Да, без головы, и на перекрестках ждали, боловантари их называли. И видели мертвых. Мой дедушка с маминой стороны рассказывал, что его остановил один, он шел с конем. Но он верил, он говорил, он шел к священнику, оплатил мессу за них, так как видел эти души, мертвых. Он верил в эти вещи. Он рассказывал, у нас в Терчимонте не было приходского священника, все относилось к Сан-Пьетро-аль-Натизоне, к приходу Сан-Пьетро-аль-Натизоне. Когда люди умирали, должны были нести туда, в Массерисе была одна комната, и там был большой каменный стол, там оставляли мертвых, когда был снег и их не могли нести в Сан-Пьетро-аль-На-

тизоне [см. иллюстрация 6]. Это был обычай с мертвыми, мой дедушка был в Чеплетискисе, и была эта дорога, которая была сделана во время этой Первой [мировой] войны. Ее сделали солдаты. У моего дедушки были кони, у него была мельница в Чеплетискисе, он возил туда кукурузу, а вниз — молоко, дрова и так далее. Он продавал и покупал, и здесь было место для отдыха, здесь отдыхали, когда несли покойника, гроб, отдыхали, и здесь была вода. Останавливались и пили эту воду, ее называли мертвая вода. И сегодня называется мертвая вода, «у мертвой воды» мы говорим. И мой дедушка пришел ночью, и здесь, он рассказывал, его остановил один и сказал, что он в чистилище, и что не может попасть в рай, и что он должен ему оплатить мессу. И я был маленький, каждый раз, когда я шел проведать его на мельницу, в Чеплетискис, он молол и всегда мне это рассказывал. Когда я уже повзрослел, я его спросил: «Может ты [тогда] выпил, дедушка?» — «Но нет!» — «Или ты пил плохое вино?» — «Нет, это было правда! Я оплатил мессу, и потом он меня оставил в покое, потому что я его спас из чистилища. И потом он ко мне больше никогда не приходил, оставил меня в покое», вот.

FVG.Сл(н).18.

Na pepelníco, tist dan potlé pust, se nije smiélo jest mesá. Pepelníca je bilá nímar tu sriédo.

На Пепельную среду, после этого дня масленица, нельзя было есть мясо. Пепельная среда всегда была в среду.

FVG.Сл(н).19.

Zak ta na križiščah so bli bolovántari, so ih čakal. An tud so ble téle dušice, ke so hodíle ih lovít, zak tu življénje je bluó kjek so bli nardíl, ke ni blo praw. Al pa te dušice, ke níso móyle ití v nebésa al pa nímar kjek tákeya. Bolovántari so bli judjé dují, ki so kládle vse naróbe, an k' so ustrašli, so podérjal. So nardíl vse slábo, ki so moylí.

Потому что на перекрестках их ждали *боловантари*. И также были души, которые ходили их преследовать, потому что в своей жизни они что-то совершили, что было неправильно. Или это были души, которые не могли идти в рай, всегда что-то подобное. *Боловантари* были люди дикие, которые клали все неправильно, и когда они пугали, они разрушали. Делали все плохо, что могли.

FVG.Сл(н).20.

Nekárščeni otróci níso bli podkópáni tu brítof, je blo ta pod brítofan, an ih je bluó púno nekárščenih, zak ankrát so umárli otróc. An do pod brítofan je biw an prestór, so bli podkópáni téli otróc, ki so γuoríl, de γredó cje u tamíca. Tu, k' so šli tísti, ki níso bli kárščeni, víca so bli γrešníci, u nebesa, γo u nebésih so bli ti svéti, an do u pákli ti fardámáni. Ko bi se réklo po italijánsko *neutro*, nek je bluó dóbreγa, nek je bluó slábeyá, atú so bli pakírani. Níso móyli *maj* ití v nebésa, tud u pakú, zak níso bli nardíl nič slábeyá, samó so bli krívi.

Некрещенные дети не были похоронены на кладбище, а было под кладбищем, было много некрещеных, так как тогда дети умирали. Под кладбищем было место, там были похоронены те дети. Говорили, что они идут в лимбо, туда, где были некрещенные, чистилище — там были грешники, в раю были святые, а в аду осужденные. По-итальянски можно сказать — *neutro* [нейтральный], что-то было хорошее, что-то было плохое, здесь они были. Они никогда не могли попасть в рай, и также в ад, так как не сделали ничего плохого, только что они были виноваты.

FVG.Сл(н).21.

Alóra, kájšenkrat so paršlí damú ta s rója: “Me γláva bolí. An te modrás osónuw!” Antá so mu dal pit žéγnano víno, ki je bluó. Žéγnano víno so popíl na kárjo. Al pa če so míel γo po nóγah kájšno zoro, šigúrno, de ti je króta oscála.

Иногда приходили домой с поля [и говорили]: «У меня болит голова. Тебя змея заколдовала!» Тогда ему дали освященного вина, какое было. Освященное вино он выпил каплю. Или если на ногах было какое-то воспаление — конечно, жаба помочилась.

FVG.Сл(н).22.

Al pa, so bilí kazowcí, ta pod kazowcán otróc néso smiél ití, zak γuoríl, de bójo stokál. San šuw ta pod kazowcán an tála žená je jála mójmu tat: “Stóri mu ití hítro odzád, bo stokál!”

Были *козолци* [навес для сушки сена], и под ними детям нельзя было ходить, так как говорили, что будут заикаться. Я прошел под *козолцем*, и та женщина сказала моему отцу: «Пусть он быстро идет назад, будет заикаться!».

FVG.Сл(н).23.

Jast tóle san víduw tle u Špiétre, san šuw po pumber, tiste, ki se kláde tu púško za strelját, tísti prah. An tála žená, antá mu je plúnjala, je metála cje na harbát tel oní pumber, plúnjala, štrodhála.

Я это видел в Сан-Пьетро-аль-Натизоне, я шел за порохом, то, что кладут в ружье, чтобы стрелять, эта пыль. И та женщина ему плевала, сыпала на спину этот порох, плевала, предсказывала.

FVG.Сл(н).24.

Ténčas je bila solidárnost, *solidarietà* tu vas velíka.

Тогда была солидарность, большая была солидарность в деревне.

FVG.Сл(н).25.

Go par nas so hodíl u Láhe, právjio. Kar je paršúw zádne dni otúberja, so šli u Láhe, so nabásal γo na burélo, k' so pejál, so nabásal jábuke an búrje an so šli do po Láškin. So šli zamenjávát búrje an jábuke za siérak. An so spal cje po hliévah, so paršlí do do mórja, do do Latizáne, an so spal cje po hliévah. An potlé so se varníl pried ko so ble vaht. Za vaht se je móralo bit wsi domá. An so parpejál njih siérak, ki so bli zameníl, γo par nas sírka se γa je pardiélalo zlo málo, je bluo málo njiw. Za sírka je bluo málo prestóra.

У нас ходили в Фриули [досл. к фриульцам]. Когда наступали последние дни октября, шли в Фриули, нагрузили на тележку, что везли, нагрузили яблоки и каштаны и шли в Фриули. Или шли менять каштаны и яблоки на кукурузу. И спали в хлевах, доходили до моря, до Латизаны и спали в хлевах. И потом возвращались назад перед Днем всех святых. В этот день все должны были быть дома. И привозили кукурузу, которую выменяли, у нас кукуруза возделывалась очень мало, было мало полей. Для кукурузы было мало места.

FVG.Сл(н).26.

Alóra, precésija Svéteγa Márka je bla, je šelé γo par nas, no. Atú se γre od vasí do vasí, se γre γo s tarčmúnске ciérkve, do γ Dúšu, ki je na májhana vaščina, ta od Mašere do u Gábrovcov, ta z Gábrovcov do u Čep-lešíšče, an potlé nazáj na Tarčmún. Tu wsáki vas napravíjo an májhan uwtár, γaspuód požéγne vodó, an po wsi pot judjé pijejé, an mólijo, píjejo

po latínsko “*Ad pesten ed bello*”, ud vujské an od bolézni. Ténčas péste je bla, kakó se réče tística? *Péste*, tística bolézen, ki je parjéla γo na kóžo. Je bla prošnjá, an potlé, de na bo tóče, de na bo šuš, de bo dobró liéto, an de na bo vujské. Tu wsáki vas judjé se ustávijo, an potlé cje po híšah ih sprémajó, dájo wsáke sort dobróte za jest za pit.

Процессия на день Святого Марка была, у нас она до сих пор. Шли от одной деревни до другой, идут от церкви в Терчимонте в Дус, это маленькая деревня, из Массериса в Габровицу, из Габровицы в Чеплетискис и потом назад в Терчимонте. В каждой деревне сооружали небольшой алтарь, священник освящал воду, по пути люди поют и молятся, поют по-латински «*Ad pesten ed bello*», от войны и от болезни. В то время была *peste* [чума], как сказать? Чума, та болезнь, которая поражала кожу. Была молитва и потом, чтобы не было града, чтобы не было засухи, чтобы был хороший год, и чтобы не было войны. В каждой деревне люди останавливаются и потом в домах их принимают, дают разные угощения, пить и есть.

FVG.Сл(н).27.

So ble tri svéte noci, tist dan pred božícjan, tist dan pred nóvin liétan, an tist dan pred svétimi tríji kráji, *éko*. Tíste tri dni se je zvonílo, so zvičér an ciew dan so zvoníl. Je bilá naváda γo par nas štrúkje kúhat.

Были три святые ночи, день перед Рождеством, день перед Новым годом, и день перед Богоявлением, вот. В эти три дня звонили в колокол, вечером и целый день звонили. У нас был обычай готовить штрукли.

FVG.Сл(н).28.

Mi smo miel *Befáno* na šest, naránče, kájšen mandúlat, jestvína, nič posébnega. Smo nardíl zmiéran štálco smo γuoríl, še liepó!... Terzo monte, tertium mont, tréci brieħ.

У нас была Бэфана шестого [января], апельсины, нуга, съестное, ничего особенного. Мы всегда сооружали, ясли мы говорили, красиво! Третья гора. Терчимонте [словен. Тарчмун].

Сан-Пьетро-аль-Натизоне (San Pietro al Natizone)

Н.Н. жен., 93.

FVG.Сл(н).29.

Su bli γu Normandíji na *džítu*, je biw profesór, ki je miel nímar očále čarné. Sen jála: “Puj, puj”, vzámen nuož. “Pújmo ču *bánjo*, te prežénjen”. Se j’ uštrášil. *Alóra*, kar tóle imajú, ti móraš narést takolé, lej. “Na petelín ičmén”, γu prímeš kukar γreš žet. Antá γa odréžeš an γa váržeš petelínu, tríkat. Ga vzámeš: “Na petelín ičmén!” An váržeš če zad, če záte, trikat. *Alóra*, an profesór, jaz san vídla, de je miel dva, dan tle, dan tle. San jála: “Jaz vzámen te velík nuož, na stuoj se uštrášit!” Ta w *kučine* san mu nardíla tríkat, tríkat tríkat! An je hóduw ču *špecjaríjo*, na vajá nič tíste. Samuó veš zakéj? Zak párví, ki se rodí od mátere, *plačénta*, tu ti ležíš not, imá muoč od zemjé, *natura*. An tíste te *šekóndi* na vajá vič. Zak téla je párvá! Imá not tístu muoč, ki ti da za pomát ta na télin sviétu... An na smieš prašát nič, samó “boy lóni”, ne *sówdow*, zak tóle je *roba di natura del primogenito*.

Они были в Нормандии на экскурсии. Был профессор, который всегда носил черные очки. Я сказала: «Иди сюда», взяла нож. «Пойдем в ванную, я уберу у тебя [ячмень]». Он испугался. Если здесь ячмень [на глазу], ты должен сделать так. Смотри. «На, петух, ячмень!» Его возьмешь, как будто ты жнешь [перед глазом]. И отрежешь, и бросишь петуху. Три раза. Его возьмешь: «На, петух, ячмень!» И бросишь назад, за себя, три раза. И профессор, я видела, что у него было два [ячменя]. Один здесь, один здесь. Я сказала: «Я беру большой нож, ты не бойся!» В кухне я ему сделали три раза, три раза по три раза. А он ходил к специалистам, это ничего не стоит. Только ты знаешь почему? Потому что у первого, кто родился у матери, плацента, там, где ты лежишь, есть эта сила земли, природа. А второй [ребенок] уже ничего не стоит. Потому что это первая! У него внутри эта сила, которая тебе позволяет помогать на этом свете... И ты не можешь просить ничего, только «Благослови Бог [спасибо]», не деньги, потому что это вещи от природы, от первенца.

Кросты (Crostù)

С.Б., жен., 75; Ж.Г., жен., 72 (реплики проводника).

FVG.Сл(н).30.

С.Б. Sadá se rúna adné rečí, buj za tradicjón! Teintéya je blo buj ku viera, an pred božicjen se j' začélo nosít Marijo po híšah, devetíca se j' klícala, ke ne, devetíca. An wsáko vičér tu drúyo híšo se j' nesló, an so znáne božične, e-e-e, *preghiere*, sadá me na príde.

Ж.Г. Molitve.

С.Б. Molítve! Molítve božične. Je pruw za tísto spomeníno naréto, *però*, kar mólim, mórem po slovénsko, “Óče nas”, “Svéto Marijo”, “Viéro”, vse tíste rečí, ki se molijo ponavád, ja. *Alóra* smo nosíl to no Marijo od híše do híše, se j' nardílo precésjo zvičér, se j' nesló *kandéle*, an je biw típo uwtár, *un'icona*, takuó. Antá se j' diélo, tu tísti híš se j' molúw rožár tísto vičér. An tísta vičér je ostála ta par tísti híš, e-e, *l'icona* ke ne, an paržáyal, paržýána luč. Drúyo vičér se j' nesló tu drúyo, an zádjno vičér γ u ciérkuw. Antá j' bla zvičér máša opuwnocí, velíka máša. Lepó naréta takuó, an wsi so šli h maš, wsi! Nije mánjkaw ubéden, zak je bla viéra velíka teinteyá, ja. An so zvoníl, so zvoníl od devéte úre zvičér do puwnocí, zvonuóve.

С.Б. Сейчас делают одни вещи больше ради традиции. Раньше было больше веры, и перед Рождеством девять дней, перед Рождеством начинали носить Марию по домам, Деветица называлась, каждый вечер [шли] в другой дом, носили, и известны рождественские, э... *preghiere*, сейчас я не вспомню.

Ж.Г. Молитвы.

С.Б. Молитвы! Рождественские молитвы, именно для этого события сделаны, но, когда я молюсь, я должна по-словенски, «Отче наш», «Аве Марию», «Верую», все эти молитвы, которые обычно читаются. Мы носили Марию от дома до дома, организовывали процессию вечером, несли свечи. И был как бы алтарь, икона, и в том доме молились по четкам в тот вечер. И в тот вечер Мария осталась в том доме, икона. И зажигали свет, в следующий вечер несли в другой дом и последний вечер — в церковь. И была вечером месса, в полночь, большая месса, хорошо организованная, и все шли к мес-

се, все. Никто не отсутствовал, так как была большая вера раньше, и звонили, звонили с девяти часов вечера до полночи, колокола.

FVG.Сл(н).31.

С.Б. *Za devíco Maríjo vóšta miésca, je devíca Maríja Róžinca, na vién, al máta vidrúz? Se klíče takuó, je na velíka velíka fešta, velíka-a-a, come credenti, come religione. An za tisto parlóžnost se wberé púno rož, so wsáke sort róže. Tóle so róže, tóle je pelín, an tóle je pelín, tóle je, finocchio kuó se díe finocchio?*

Ж.Г. Komaráč.

С.Б. Komaráč! Tóle so margeríte, tóle te drúye, *comunque*, kar je fréško, kar je fréža. *Alóra se nesé žeynjávat, an na róžinco požéynajo yu ciérkve, se parnesé damú. An če príde káka nasrécja, túča. Mója, šuočera, mója tášča! Tášča po slovénko! Tle yuórmo takuó! Je wzéla wóyje, zak smo miél nimar oýinj, ke ne, zak nije blo gasú. Antá je wzéla, te je díela no málo oynjá, ma ne pruw woyínj, so wóyje. Antá je díela no málo téleya yor, antá záčne kadít, antá je hodíla an molíla, an požeynjuvála. An ries je blo, de kájšekart je šlo napriéj, de pruw za de na príde túča! Tíste smo nímar ruwnál.*

С.Б. Для Девы Марии, в августе месяце, Успение, не знаю, есть ли у вас? Так называется, это большой праздник, большой, как верующие, как религия, и для этого случая собирают много цветов, разные цветы, здесь цветы, это полынь, и это полынь, а это *finocchio*, как сказать *finocchio*?

Ж.Г. Фенхель.

С.Б. Фенхель. Это ромашки, это другие, в любом случае, когда свежие, и несут их благословлять, на Успение благословлять в церковь. Приносят домой. И когда придет какое-то несчастье, град, моя *suocera*, свекровь, по-словенски, здесь мы говорим так. Брала угли, так как всегда у них был огонь, так как не было газа, брала и немного угля. И брала немного огня, но это не огонь, а угли. И клала его немного сверху. И начинала кадить [дымить], и ходила, читала молитвы. И благословляла. И правда, иногда проходило, и действительно, чтобы не приходил град. Это мы всегда делали!

FVG.Сл(н).32.

Za Svet Iván, ki bo préca, *invece*, smo šli nímar brat margeríte, téle tle. Ma so armené an biéle. Antá smo jih pobrál púno, antá smo wzel no nit, anta smo ih nastakníl adnó za drúyin. Antá smo nardíl an kráncelj, an se ya j' diélo γo na híšo, narétto ku *emme*, Marija. An tist smo diél *invece* takolé ku križ, an káko margeríto miés, biélo, antá se ya je diélo γo na wráta... Ja, tisto je blo pa zvičér, an liétos nardé. No málo cájta od teyá je rákala velíka fěšta, zak γredó z ramónikan, napravíjo za jest, an pléšejo, an pojejó. Ma ankrát so zbíral ciélo liéto ta na tístin prestóru, ki so bli vájeni ruwnát kriés, so diél wse tiste rečí, ki j' blo za zažyát, k' s' nije moyló zažyát ta na, tu šporýétu, al pa tu, ta na oyníšče teintéya so miél buj oyníšča ta po híšah, so kládlí, ja. Tu so kladli, tu se j' zbíralo, antá so nardíl kriés, an okóle téleya kresú so piél, an so se právli práfce! Ku midrúz sadá.

На Святого Ивана, который будет скоро, мы всегда шли собирать ромашки, здесь эти, но они желтые и белые. И мы их собрали много, и потом мы брали одну нить, и мы их нанизывали одну за другой. И мы делали венки и его вешали на дом в виде буквы «м», Мария. И потом мы делали как крест, и прикладывали тут еще ромашку белую, и его вешали на дверь... Да, это было вечером, в этом году делают [крес], еще недавно устраивали большой праздник, так как идут с гармонью, готовят есть, и танцуют, и поют. Раньше собирали весь год на том месте, где обычно устраивали крес, складывали все те вещи, которые нужно было сжечь, и которые нельзя было сжечь в плите или в очаге, раньше были очаги в домах. Складывали тут, здесь собирали и устраивали крес. И около этого креса пели, и рассказывали сказки, как мы сейчас.

FVG.Сл(н).33.

Alóra, na Svet Márko smo runál precésjo, so ble wse prošnjé za bojá, an za svéto trojíco, *diciamo così*, je buoy an svéta trojíca, de ohráne, e-e, perdiélo. Zak na svet Márko smo hodíl ciélo jútro po njívah, po senožétah. An je no známunje, an pred tístin známunjen se j' zmolílo, an je požéynuw γaspuód. Se j' molílo za de na príde túča, de na prídijo, od kake rečí ohráne, naj žvíno, naj pardiélo tu puj, naj hrúške, jábuke.

На Святого Марка мы устраивали процессию, были молитвы к Богу, Святой Троице, скажем так, есть Бог и Святая Троица, чтобы сберегли продукты. Так как на Святого Марка мы ходили целое утро по полям, по сенокосам. И есть один знак, и перед этим знаком молились, и священник благословлял. Молились, чтобы не пришел град, чтобы не пришли, чтобы сберег от всякой напасти, скот, продукты в поле, груши, яблоки.

FVG.Сл(н).34.

Ja-a-a! Ma tíste je riés! *Alóra*, jaz san bla májhena, san miéla bradovíce γο po rókah, kaj so bradovíce? *Eko!* An mója máma, ma, kuo je túle? Jaz na vién, ku je blo rávalo tíste. Stáre lúne, priéd ku sónce wstáne, tríkrat dno za dno móre, ke ne tíste dni, priéd Svétin Ivánan, ti γreš γο w travó an se ih móra roké takuó [показывает] onjéyat, prid damú prez ih obrisat. Te trecji dan san se zbudíla γυ pastíji, ih nije blo vic! Túle je méne rávalo, ma je resníca! Ih nísen miéla vic bradovíce! An *maj* vic potlé.

Да, но это правда. Итак. Я была маленькая, у меня были бородавки на руках, знаете, что такое бородавки? Вот! И моя мама, что это? Я не знаю, как это произошло. На старую луну, прежде чем взойдет солнце, три раза, друг за другом [подряд], эти дни перед Святым Иваном, ты идешь в траву, и должен руки вот так [показывает]: провести по траве, прийти домой и их не вытирать. И на третий день я проснулась в постели, их больше не было! Это со мной произошло! Но это правда! У меня не было больше бородавок.

FVG.Сл(н).35.

Právli so, de so ble ankrát štrije, de je hodíla morá peštát. *Alóra* je bluó, ma túle na vién, a j' riés a je práfca, ma je buj práfca, ku riés. Zak mója *nóna*, ki je bla, je miéla štierandevédeset liét, kar je umárla. Ma kar san bla jazt otrók, ki je bla stára, ku jizt še málo. An mi je právla, ku sadá právin van. *Alóra*, kar je óna čúla, jazt van povién. *Alóra* je bluó, so bli mladí judjé, so se miél radí an takuó, dva so miél radí no čičó, ke ne. An takuó, *alóra*, dan téγa drúzeyá: “De b' te morá sniéidla, de b' te morá popeštála”, ke ne, riés! No vičér adneyá télih dviéh, e-e, k' so miél tólo čičó radí, γa j' peštála tála morá. “*Ben*” — je jála mat njeγá — “Poklíč, kar te bo peštálo”. Riés je blo, de je no noc, ponóc se je laméntuw tel puób tu

pastiéj. Je šla tála mat, an za rjúho takolé ujéla, je ujéla no máčko! Ka nij je paržýala moštácje: “Bómo vídeli jutri, ki ráta”. Riés, te druy puób, ki je miéw le tisto čičo rad, je miéw moštácje ožýáne. Túle mi je právila mója *nóna*. Morá se j’ klícala, morá, ya j’ morá peštála. Túle si nímar zmíslin. *È uno spirito*, nije biw on, de ya je peštúw, *ma era come una maledizione, un e, si*, ko se porčé? Un, ya j’ štráfala, je bla na štrafiya, takuó.

Рассказывали, что раньше были ведьмы, что ходила мора, давить. Я не знаю, было это или это сказка, но это больше сказка, чем правда. Потому что моя бабушка, ей было девяносто четыре года, когда она умерла, когда я была ребенком, ей было столько же сколько мне сейчас. И она мне рассказывала, как я вам сейчас рассказываю. Итак, что она слышала, я вам расскажу. Были молодые люди, они любили друг друга. Двое любили одну девушку, и один другому [сказал]: «Чтобы тебя мора съела, чтобы тебя мора давила», правда! Однажды вечером одного из этих двух, которые любили эту девушку, на него давила эта мора. «Хорошо», сказала его мать, «позови меня, когда тебя будет давить». И действительно однажды ночью, он плакал, этот парень в постели. Мать шла и за простыню так взяла, и схватила кошку! И ей прижгла усы: «Увидим утром, что произойдет». Действительно, у того второго парня, который любил эту девушку, были обожженные усы [на другой день], это мне рассказывала моя бабушка. Звали ее мора, мора. Она его давила. Это дух, это не он его давил, но это было как проклятье, как сказать? Его прокляла, это было проклятье [наказание], вот так.

Сан-Пьетро-аль-Натизоне

Д.К., муж., 75.

FVG.Сл(н).36.

Alóra su γworíl, de tuk su opočivali, je biw nímar ta par nin kostánjen, zok je bíla sénca, ja! Je bluó lepuó narétu, je bluó fréško za se ustávit. *Alóra*, atú su jal, de krivapéte an škrát, de zvičér, kar ímaju, oní jedó, pijó, pléšeju an unjéyaju téle rečí. Zok su jal, de ankrát je biw skrit γu kostánje adán ka ne, je ustúw γor nótarca, se j’ baw ití damú an átu je čakaw. Ta su paršlé téle, uné krivapéte, ka ne, su se začéle plesát, wse skakát, an su parneslé nu uwcó. An tólu uwcó su ju unjéyale, su ju oskúbli, su ju

unjéyal, su ju lepó opékli téle rečí wse. An ýor nórtarka, na vién, ka se je odkásljuw, k' su ýa zaýlédal. “Puj, puj dol, ti, ka ne, ja, tle, pojéd!” Ja, je pársuw dol, mu su dal anjemú, mu su dal anjemú an kos, ka ne, de snejá. An tadá on je sniéduw wse, an oné su zbrále wse njih rečí wse kúpe an su šle proč, an za njin je šla uwcá, ki je čotála, zok je sniéduw an kóščič. Téle tle su nímar práfce.

Говорили, что здесь места отдыха, место было у одного каштана, так как была тень, да! Оно было хорошо сделано, было прохладно, чтобы остановиться. Говорили, что здесь кривапеты и гном, что вечером, когда у них [сборища], они едят, пьют, танцуют, и делают эти вещи. Говорили, что однажды спрятался в каштане один, он остался внутри, он боялся идти домой и здесь ждал. И пришли эти кривапеты, начали танцевать, прыгать, принесли одну овцу. И эту овцу они разделали, хорошо ее запекли, все сделали. И внутри, не знаю что, он кашлянул, они его увидели. «Иди, иди вниз, съешь!» Он спустился вниз, ему дали кусок, чтобы он съел. И он съел все. И они собрали все свои вещи и ушли, а за ним шла овца, которая хромала, так как он съел кусок. Здесь всегда такие сказки.

Сорценти (Sorzento)

А.Т., жен., 65.

FVG.Сл(н).37.

Te stári nan su právli od te dušíc, *alóra*, kájšnu *vóltu* su právli rečí an štrašne! Zok so jále, závoj se vráčajú, de uniéya... Te, k' je kráduw, družine su ble od kumétuw, an kar su ble dvie družine kumétuw, kájšna je ukrádlá an driew o je porábla kiek tému drúzemu. Míkane rečí, *peró* družina je bíla, jála... *Alóra* so ýaríl ténkrat, se vráčajú te dušice an prášaju: “Kan íman nésti téle darvá?” Tíste, ki je ukráduw: “Kan íman nest briéme od sená?” An ténkrat, če bit pomát to dušicu, an niésu ýaríl, de zakáj s' ukráduw, se na díela tístega. Nič kar tóle je paršló ýor, ki je on je prášuw, zok on je biw, su ýaríl, ténkrat je biw trúyan an vas potán, su bli wsi... su paršlí od drúzege svetá. Ánta su jal: “Nes tu, k' si ukráduw!” *Alóra* če ti si wzel tísti družín, ka ne, ti móraš nésti tísti, ne. Ánta nobéden nije víduw, de je zadéw, de je šuw, je šuw merán, se ýa j' pomálu. *Alóra* su jal, kar se je pomálu dušicu, de je wárnuw, drúye liétu nije vič paršlá, zok nije miéla potriébu, su ble drúye rečí. Se je rešila od ýriéha.

Старики нам рассказывали о душах [умерших], ну, каждый раз рассказывали страшные вещи! Говорили, почему они возвращаются, что это самое... Тот, кто украл, семьи были крестьянские, и вот были две семьи крестьян, и одна украла дрова или что-то сделала другой. Мелкие вещи, но семья была, говорила... И говорили тогда, что возвращаются эти души и спрашивают: «Куда я должен нести эти дрова?» Тот, кто украл: «Куда я должен нести охапку сена?» И тогда, чтобы помочь этой душе, ей не говорили, зачем ты это сделал, так не делают. Но если так случилось, что она [душа] спрашивает... а она была, говорили, в тот момент уставшая и вся в поту, все они были, потому что пришли с того света. И им говорили: «Неси туда, где ты взял!» Итак, если ты взял что-то у других, ты должен им отнести. И никто не видел, что он так сделал, что он пошел, он пошел с миром, что это помогло. Итак, говорили, что можно было помочь душе вернуть, и на следующий год она больше не приходила, потому что у нее не было потребности, были другие вещи. Она избавилась от греха.

FVG.Сл(н).38.

Ti mártvi su ostál tu družine, su bli nimár takuó. Tíste nočí, buj ko tu družih cájtah su se wrácale, takó ke j' jaw Džováni, su se wrácale tu vas an tu híšu, pruw tu híšu. An kájšni su yuoríl, de tístu nuoč od tih mártvih je bluo télih dušic tu ni híš, de níje smuw... Če če si ih biw vídew, ka ne, se níjes' biw ýanuw, zak ta ka ih bluo, de je wse wse je bluo púnu tu híš. Ánta u Mažaról mi je právla na žená... Na vien, če van je povédla tísto od nje *nóne*, k' in je právla, de su yuoríl, de se wrácaju téli mártvi, an de su váryli pepéw če po híš... An druy dan su vídli wse stopénje od télih mártvih, od dušic, an tist dan se níje smiélu, tóle mi je právla na žená ta z Rečánje, se níje smiélu pomiétat, zak če ne, de pomiétaš dúšice won s híše. *Alóra*, tíste dni od tih mártvih se níje pomiétalu tu híš, če si pomiéduw, si móruw pest an pust tu píču ta za wrátjo, to smetí, ne ih vreč proč, počákat, de pasá cajt an tadá potlé očédit. Zak téle dušice su ble če po híš.

Мертвые оставались с семьей, всегда были так. В ту ночь, чаще, чем в другое время, они возвращались, как уже сказал Джованни, они возвращались в деревню и в дом, прямо в дом. И некоторые го-

ворили, что в ту Ночь Мертвых было так много душ в каждом доме, что не смели... Если бы ты увидел, ты бы не пошевелился, так их было много, полным-полно в доме! В Мазаролисе мне рассказывала одна женщина... Не знаю, рассказала ли она вам, что говорила ее бабушка, говорили, что возвращаются мертвые, и рассыпали пепел по дому... И на следующий день видели следы этих мертвых, этих душ. И в тот день нельзя было, это мне рассказывала женщина из Речана, нельзя было подметать, чтобы не вымести души из дома. Ну и в эти дни, на День Мертвых, не мели, а если приходилось подметать, то нужно было оставить мусор в углу за дверь, не выкинуть, надо было подождать, пока пройдет это время и тогда уже очистить. Потому что в это время души были в доме.

Ан.Т., жен., 75.

FVG.Сл(н).39.

Su bli vájени, de se je móruw hodít, molít že o šesti zyuóda du na dan, na dva novémberja, ne párvу dan, zak párvу dan je wsi ti svéti, druy dan, kar su ti mártvi, se je hodílu že o šesti zyuóda. An se je móralu wsáku *vóltu* za tísteyа, ki se je molílu, “Óče nas”, “Svéту Maríju”, “Glórijа”... *Alóra*, wsáku *vóltu*, k’ se je móralu ití nótre tu ciérkuw, si móruw obhájat, spovedát, an wsáku *vóltu*, ke si šuw nótre an zadnjeяá od tih mártvih, de ya rešiš od vic. Potá si šiw če wun, antá woné od ciérkve si móruw nazáj prit takuó za drúzeyа. Antá s’ šuw nótre, antá wsi téli judjé su hodíl won an nótre ta na *pjacále*. Jaz san šla za nášu mámu do pred ciérkvjo du Špiétre. An za wsákeyа... *Quindi*, potadá máša je bíla za wse te mártve, *peró* če ti si tew od tvoјé družine kájšneyа rešít od vic, si móruw pa ánkрат nótre zarád njéяа, potá če won za te drúzяа, potá nótre. An kájšni su hodíl an dvie úre za wse tíste.

Было принято ходить молиться уже в шесть утра в тот день, 2 ноября, не в первый день, в первый день — Все святые, а на второй день, когда День Мертвых, ходили уже в шесть утра. И нужно было каждый раз каждому, кто молился, читать «Отче наш», «Аве Мария», «Глория»... Каждый раз нужно было входить внутрь, в церковь, причаститься, исповедаться, и каждый раз, когда ты входил внутрь, за одного из мертвых, ты его избавлял от мук чистилища.

Потом, когда ты вышел из церкви, нужно было снова войти за другого мертвого. И люди все ходили туда-сюда из церкви на улицу. Я так ходила за нашу маму перед церковью в Сан-Пьетро-аль-Натизоне. И за каждого... Итак, тогда была месса за умерших, но если ты хотел кого-то из твоей семьи избавить от чистилища, ты должен был за него еще раз войти в церковь, потом выйти и войти за другого. И некоторые ходили час или два туда-сюда за всех этих [мертвых].

А.Т., жен., 65., Д.К., муж., 75

FVG.Сл(н).40.

А.Т. *Invece ánu drúyu rieč su çuaríl, de te k', alóra, samó star, níje mew nič, je biw samó star, níje staw dobró an tadá je biw çu pastéji, an tadá çre ku in coma, ka ne, ke ormai je irreversibile. Alóra pasá an dan, dva, tri dni, umerúva. Moj očá su viedli, de umerúva, zok je mew bolézan. Alóra bolézan, príde cajt, komplí, però atú su čakal, su čakal tri štier pet dni, ka ne, tóle tle. Alóra su jal, de on kar je biw, je víduw bóžjo oblást, an te, k' víde bóžjo oblást, kar príde njéça cajt za umriét, ça móraju uniéyat, wzet, an ça móraju nest če won, de bo víduw nazáj nebuó. An takuó su narédli, su parneslí ço na oknó, ço na vrátaca, parneslí won, de on níje ne çuw, níje ne çuóruw, níje ne víduw ne nič. Su ça takolé parkazál antá su ça diel nazáj če nóterka. Antá tist dan je umárw. Jaz bi jaw, wséle umárw... Però, kar je šlo na dúze na rieč takuó, star je biw, níje de je mew bolézan al, éko.*

Д.К. Je víduw nebuó... je víduw tísta doživljénje.

А.Т. Je málo judí, ke vídeju tóle.

А.Т. Но еще одну вещь говорили, что, когда человек становился старым, у него не было ничего, просто старый, ему было плохо, он находился в постели, и уже впадал в кому необратимо. Проходил день, два, три, он умирает. Мой отец знал, что умирает, у него была болезнь. Ну, болезнь, придет время — и всё, но здесь ждали, ждали три, четыре, пять дней. И тогда сказали, что он видел [досл.] Божью власть. А кто видел [досл.] Божью власть, когда придет его время умирать, его нужно это самое, взять и вынести наружу, чтобы он снова увидел небо. И так сделали: его поднесли к окну, к дверям, вынесли, что он не слышал, не говорил, не видел ничего. Его вот

так показали и его унесли назад, в дом. И в тот день он умер. Я бы сказал, так и так бы умер... Но когда длилось долго и такие вещи, и был старый, не обязательно у него была болезнь или что-то такое.

Д.К. Увидел небо, пережил такой опыт.

А.Т. Мало людей, которые это видели.

А.Т., жен., 65.

FVG.Сл(н).41.

Kuo se je rodíla Saržénta? Dol pod Špiétru je bla ta míkana vas, je bilá wsa leséna, ni méla kórca γο s sláme an ta nu nuoč je páduw dol an snopíč. Su bli žleht, su se kréyal, nímar nísu bli prídni, su se kréyal. An ... an mož, γuspád je hóduw ponóč an je vídew, de snuop dol do na vas an snopíč γoréč, ki je γoréw, an je páduw du na vas an vas je začéla γorét. On se je várnuw hítru damú an jaw, sáda vas γorí. Je rivúw zbudít wse judí, an su rešíl wsu žvínu, k' su miel. Su ostál živí, *peró* vas je zγoréla. Antadá potlé su mórli narést, tadá tu príde nótre an víera nazáj, *cristianesimo, che sovrapone ai racconti, peró* víera. An atú, ka su nardíl, su viédli, de móraju narést vas nazáj, an ka su nardíl? Ténkrat potlé su rátale tri vasí, de su se med se kréyal. Óni su jal: “Se ne bómo kréyal”. *Peró* mož j' jaw: “Se prevéč kréyata, za tíste buoh vas je štráfuw, je pošiw dol tel oγínj”. Antá su nardíl tri vas, Vécjak je tan, Šaržénta, ke je tle, an Bjárč, ki je do pod vasjó. *Peró* su nardíl nu ciérku wsi kúpe, nása (sic!) ciérkuw je od Večák, od Šaržénte an od Bjárča. An ténkrat tist dan je bla vílja svéteya Vída, an od ténkrat su nardíl objúbu, de na dan svéteya Vída móraju ití wsi γο na varh, par nóyah u peš na nu mášu. An od ténkrat su hodíl nímar γο k svétemu duhú. Na svet Vid su hodil nimar γor. Su miel objubu za tole mašo. Potle su začel runat mašu tle, nimar za svéteya Vída, potlé se izγubílo an tiste... Svet Vid je bla tísta nuoč... San bla míkana, *invece* kar san rátala velíka, nan su jal, de se na sméje se kréyat, ka ne. Na žená tle z dol, ke nije bla tle s Šaržénte, oná je bla s Petjáya. Oná se je bla oženíla tle u vas, an tle oná je čúla tóle, ke su γuoríl, an oná mi je jála: “Se kréyaju, se kréyaju nímar, naj γlédaju, de na páde nazáj snopíč do na vas”. Mi je pruw jála, san bla velíka. San jála: “Vídíš, ma ne tuk tle nam su právli tol prafcu!” *Peró* je viédla, če se judjé kréyaju, de mora past kiek do na vas, de zγorí vas.

Как возникла деревня Сорценто. Недалеко от Сан-Пьетро-аль-На-тизоне была эта маленькая деревня, она была вся из дерева, не было черепицы, крыши были из соломы. И в ту ночь упал вниз один сноп. А были родственники и они ругались, никогда не были порядочными, ссорились. И ... один мужчина, он был священником, он шел ночью и увидел, что сноп падает на деревню, горящий сноп. Он горел и упал на деревню, и деревня начала гореть. Он быстро вернулся домой и сказал: «Сейчас деревня сгорит». Он разбудил всех людей и спас всю скотину, которая у них была. Все остались живы, но деревня сгорела. Тогда потом должны были сделать, тогда здесь проявляется вера — христианство, которое переработало эти истории, но это вера. И что сделали, знали, что нужно отстроить деревню и что сделали? После этого стало три деревни, и они между собой ругались. Они сказали: «Не будем ссориться». Но тот мужчина сказал: «Вы слишком много ругались и за это Бог вас наказал, послал вам этот огонь». И тогда сделали три деревни — Бечис там, Сорценто здесь и Бьярцо, который внизу, под деревней. Но все вместе построили одну церковь, нашу церковь для Бечиса, Сорценто и Бьярцо. А тогда, в тот день был канун святого Вида, и с тех пор дали обет, что в день святого Вида все должны идти наверх пешком на мессу. И с тех пор всегда ходили к Святому Духу. На святого Вида всегда ходили наверх. Был обет служить ту мессу. Потом, когда я была маленькой, мессу стали служить здесь, всегда на святого Вида, а потом перестали... Святого Вида была та ночь [когда упал сноп]... я была маленькой, но когда уже стала взрослой, нам говорили, чтобы мы не смели ругаться. Одна женщина снизу, она не была отсюда, из Сорценто, она была из Понтеакко, она сюда в деревню вышла замуж. И здесь она слышала это, как говорили, и она мне сказала: «Ссорятся, ссорятся всегда, пусть смотрят наверх, чтобы не упал снова сноп [горящий] на деревню». И она мне рассказывала, я уже была взрослая. Я сказала: «Видишь, не только нам здесь рассказывали эту историю!» Она знала, что если люди ссорятся, то может что-то упасть на деревню и она сгорит.

А.Т., жен., 65.**FVG.Сл(н).42.**

Na žená mi je povédla, de oná je méla néya otročiča, ki je umrúw. Je jokála, jokála, jokála, an nu nuoč je paršúw tel otročič an je jaw, de oná móra vič prestát, zak oná previč jóče. An je biw vas mókar od suzé, an je jaw, de oná na sme vič ɣa klícat, de móra živiét naprēj, an de na sme vič jokát, de móra živiét. Oná ɣa je mórala pustít ití za ɣa rešít, an takuó potlé oná níje vič jokála.

Одна женщина мне рассказала, что у нее был ребенок, и он умер. Она плакала, плакала, плакала, и однажды ночью он пришел, этот ребенок и сказал, что она должна перестать, потому что она слишком много плачет. И он был весь мокрый от слез. Он сказал, что она не должна его больше звать, что ей нужно жить дальше, она должна была его отпустить, чтобы спасти от этого. И потом она больше не плакала.

А.Т., жен., 65; Д.К., муж., 75.**FVG.Сл(н).43.**

A.T. Tle su ɣuoríl samó, nan su právli od, kar je biw kájšan, ki je mew vič ko stuo liet, su zwoníl na ɣod, ka ne, na martvášku su zwoníl, ku de je biw senján, ne žalostno, zvoníl vesélu. Če je mew vič ku stuo liet, zak je biw tak člówek, ki je biw rad, ití če po tej kraj, zak previč cájta je biw tle na télin ɣárdin svétu.

Д.К. Kar umrié ... an člówek, su zvoníl “Áve Maríju” s te málin zwuónen, an su dvákrat premukníl, sad zvonjó antá vas... Ténkrat su zvoníl, antá ustávijo, antá nazáj zvonjó, antá ustávijo, an nazáj zvonjó, tist dan ke umrié an tist dan ke ɣre na... Če umrié ɣaspuód, zvonjó “Áve Maríju” s tin velicin zwónen, an če umrié méžnar, ki on je biw nímar ta par ciérkvi, “Áve Mária” su ju zvoníl s te srédnjín. *Alóra*, te máli je biw za wse, te srédnji je bluo za téleɣa člóweka, ki je mew tu pest kjúčew od ciérkve, od tístih rečí, an te velíki je biw za ɣaspuóda.

А.Т. Здесь говорили, нам только говорили, что, если кто-то умер, кому было более ста лет, звонили праздничным звоном вместо звона по покойному, как если бы была ярмарка, не печально звонили,

а весело. Если человеку было более ста лет, то он уже был рад идти на тот свет, потому что слишком долго был на этом плохом свете.

Д.К. Когда умрет ... человек, звонили «Аве Мария» малым колоколом, дважды ударяли, сейчас звонят в деревне... Тогда звонили, потом останавливались, потом снова звонили, и останавливались на момент, потом опять звонили. В тот день, когда умирает и в тот день, когда [похороны]. Если умирает священник, звонят «Аве Мария» большим колоколом, и если умирает пономарь, который всегда был в церкви, звонили «Аве Мария» средним колоколом. Итак, малый был для всех, средний для человека, у которого была связка ключей от церкви, от таких вещей, и большой был для священника.

**Словенский язык. Долина Торре
Таморис (Tamoris)
Э.К., жен., 76.**

FVG.Сл(т).1.

Buoh, kar je naréduw sviét, e daw wsácemu njéya délo. An téli žené, je jaw: “Ti maš runát smrt”. “A ne-ne, — je jála, — jaz ne éen bit smrt, záki wsi me bójo klel, záki murjejó judjé”. “Se na boj, — je jaw, — ti na boš *maj káuža*, o bójo, wsak umrié za kéjšno rieč, o bo bolán, o páde”. “*Bon, bon*, dobró, — je jála, — dobró”. Je jála tóla žená. *Alóra*, e bla na žená, ke méla púno púno otruoók tóla žená, o májdan ji ni tiel bit bótra, in ni tiel krstít. Tóla smrt je zaviédela, príde, an ji dije: “Pošlušájte, me so jal, ke vi yliédate no bótro, o májdan wan ne ée krstít, še éeté, bom jaz waša bótra”. “Ma kadó ste vi?” — je jála. “Ez san smrt, — je jála, — san smrt! *Peró* se na bójte, wam nič naréden”. *Alóra*, je prašála, póviedite me, ke stojité. An jo j’ pejála tóla smrt. Jo j’ pejála tu no veliko <...> *alóra*, tóla smrt péje tólo ženó, jo krstíla čečico, jo dála botrinjo, de bo miéla za jest, je dála púno rečí. An zad je práša: “Kje stojité, vi bótra? Póviedite me!” Je jála: “Vam pokážen, kje stojín”. An jo péje tu no veliko *štánco*, vesté, kaj j’ *štánca*? Kuo se dije *štánca*? An je biló ée po tlieh wse púno *kandél*, wse *kandéle*, ke so yoriéle. “Lájte, — je jála, bótra je jála, — wsak, — je jála, — ma no *kandélo*, però viesté, tik ka wyásne *kandéla*, midrúz mámo umriét”. “*Alóra*, — je jála, — povíedite me, povíedite me, kéjšna je mója”. E bla na míčekana, ke se re kar miéla wyasnt. “Tóla tista

mícekana je váša, pred se máte umriét”, — je jála. “E ne, — je jála, — me mórate pomáti, jaz mam púno otruók, na móren umriét”. “E ne, — je jála, — ka príje váša úra, máte umriét, smrt je júšta”. E pridna smrt. Ka pride váša úra, mate ití. Se na móre kupít.

Бог, когда сотворил свет, дал каждому свое дело. И одной женщине он сказал: «Ты будешь отвечать за смерть». «О, нет, нет, — сказала она, — я не хочу быть смертью, из-за этого все будут меня проклинять, за то, что люди умирают». «Не бойся, — сказал Он, — ты не будешь виновата, или будут (умирать), каждый будет умирать по какой-то причине: по болезни или от падения». «Ну ладно, хорошо, — сказала она, — хорошо», — сказала та женщина. И вот была женщина, у которой было много-много детей, у той женщины. И никто не хотел идти в крестные, не хотели крестить. И смерть это узнала, пришла и говорит: «Послушайте, мне сказали, что вы ищите крестную, но никто не хочет крестить, если хотите, я буду вам крестная». «А кто вы?» — сказала. «Я смерть», — сказала та, — «Я смерть. Но вы не бойтесь, я вам ничего не сделаю [плохого]». Ну ладно, та спросила: «Скажите мне, а где вы живете?» И ее повела та смерть и привела ее в одну большую... Ну, эта смерть привела ту женщину, крестила ей девочку, дала ей угощение, чтобы ей было что есть, дала ей много всего. А та женщина спросила: «А где вы живете, крестная? Скажите мне». И та сказала: «Я вам покажу, где живу». И повела ее в большую комнату. Вы знаете, что такое *šťanca* [комната, ср. ит. *stanza*]? Как говорится *šťanca*? И на полу было полно свечей и все свечи горели. «Смотрите, — сказала, крестная сказала, — у каждого есть своя свеча, но знаете, как только погаснет свеча, мы должны умереть. «Ну, — сказала, — скажите мне, скажите мне, которая из них моя?» И была одна маленькая, которая как раз должна была погаснуть. «Вот эта маленькая — она ваша, вы скоро должны умереть», — сказала она. «О, нет, вы должны мне помочь! У меня много детей, я не могу умереть!» «Ну нет, — сказала, — когда придет ваш час, вы должны умереть. Смерть справедлива. Смерть честна. Когда придет ваш час, придется уйти, от этого невозможно откупиться.

FVG.Сл(т).2.

Vam povién še edno, kar pravíla mója *nóna*, zak jaz san pošlušála, me je *plazálo*, kakó γwaríjo. *Alóra*, e jála *nóna*, ke e biw puob an čečá, kuo se díe *due fidanzati*, *due?*... *Alóra*, se so tiel rad, an se so zapoviédal, de o žiwí, o mrtwi se nimájo *maj* pustít, májo bit nímra kúpe... *Alóra*, zapoviédat, kuo se díe? Zapoviédat, *giurare*, *promettere*, obécat!... Se so obécál, de se bójo tiéli (m)rad, de se na *maj maj* pustijó. An on téli puob je muw ití na vujskó. Je šuw na vujskó. *Peró maj* nije péršuw damú, *maj* nije písaw, oná γa je čakala, an no noć on je péršuw γo na te biélen kónju. E péršuw. An ji je jaw: “γrémo z máno, bómo nímar kúpe, γre z máno”. “Ja, ja, — oná je jála, — γrén s tábo”. An jo lóziw γo na kónju, obadwá, an so šli. On je biw mrtew, *peró* oná se ni dovezála, de je biw mrtew. On je γwaríw: “Lúna lepó séje, te mrtwi te živeγa na biélem kónju péje”. An jo péje tu brítof, oná mu je jála: “Ke me péješ, ke me péješ?”... “Ja ez, — te jal, — stójin tléka”. *Alóra*, oná, je pršló γor, de je, nije *júšto*, de móra bit mrtew. Fúrbasta, oná je bla fúrbasta. Je méla fiérteh, γrmáw, fiérteh díete, ne? *Alóra*, je bla odpírta jáma du brítofe an so méli ití not. “E ne, — je jála, — biež ti prvi, an zad príjen jezť”. *Alóra*, on je jaw: “E ne, zak me utečéš!” Oná mu je jála: “Na, te dan γrmáw, še me boš tíščaw, me powléčeš not”. Oná fúrbasta, jo zvezála, on je powlékuw not, se je zapřlo, an ji je jaw: “Míkano, prekléta, ke s’ narédila”. Na viem, táko. Tíste se zmíslin, ke *nóna* je právila nímar. Púno právic je právila *nóna*.

Вам расскажу еще одно, что рассказывала моя бабушка, ведь я слушала, мне нравилось, как говорили. Итак, бабушка говорила, что были парень и девушка, как говорят, *due fidanzati* [ит. двое помолвленных], *due*... Ну, обещали друг другу, что или живые, или мертвые, никогда не расстанутся, всегда будут вместе... И *zapoviedat* [словен. обещать], как говорится? *Zapoviedat*, *giurare*, *promettere* [словен. поклясться, ит. поклясться, ит. обещать], обещать!... Они друг другу обещали, что если даже умрут, то никогда-никогда не расстанутся. А тот парень должен был идти в армию. И он пошел в армию. Но не вернулся домой и не писал. Она его ждала, и однажды ночью он приехал на белом коне. Пришел и сказал ей: «Поедем со мной, будем всегда вместе, пойдя со мной». «Да-да, — сказала она, — я поеду с тобой». Он ее посадил на коня, и они оба поехали. Он был мертв, но она еще не поняла, что он мертв. Он го-

ворил: «Луна красиво светит, мертвый живую на белом коне везет». И привез ее на кладбище. Она ему сказала: «Куда ты меня везешь? Куда везешь?» «А я, — говорит, — здесь живу». И тут до нее дошло, что что-то не так, что он, должно быть, мертв. А она была хитрая, хитрая была. У нее был *fiérteh, γrmáw* [фартук]. *Fiérteh* [фартук] вы говорите? А была раскопана могила на кладбище, и они должны были спуститься туда. «О нет, — сказала она, — иди ты первый, а я следом за тобой». Тогда он ей сказал: «Ну нет, ты от меня убежишь». Она ему ответила: «Нет, я тебе дам фартук, ты за него потянешь и меня затащишь внутрь». А она была хитрая и она его отвязала. Тот потянул внутрь, но могила закрылась, и он сказал: «Проклятая, что ты наделала!» Что-то такое. Это я помню, как моя бабушка всегда рассказывала. Много сказок рассказывала бабушка.

FVG.Сл(т).3.

Je jála *nóna*, ke e bla dan dan na žená. Níso miel žvejarí na úre, an se je zbudíla ponóć, an je jála: “San zaspála, man ití u k maš”. An ka príde γo ciérkuw, wse še molijélo potího potího, an ka príde not, so bli so wse téle judjé prez (γ)láwe. Níso miel (γ)láwe. *Alóra*, e bla edná žená, ke bla nje bótra, je přšla blízu, je jála: “Biěžite, biěžite, *subito!*” Oná je jála: “Na bodíte tle! An če vam páde ke du na tla, na pobierite γor, ma ko biežite”. An tóla žená se j’ uštrášila, an je šla damú, je páduw facó ta na tlieh, an ne pobrála. Druγ dan, ka so šli γo brítof, wsi kríže so miel po dan koščík nje facóle utryán, an lóžen na to, so bli te dušice, záki níso tiéle bit *dišturbáne*, je bla njih úra za molít tista... *Nóno*, viesté, jo san miéla za norcá *nóno*. *Alóra*, “*Nóna*” — san jála: “Ne, vi ste jála nje bótra, ma kakó je poznála nje bótra, če ni miéla γláwe?” *Alóra*, *nóna* me jála: “Biež, ti na viéreš neč”. Smo bli buj fúrbaste, ko *nóna*, ne, te stáre se viérval tóle rečí.

Рассказывала бабушка, что когда-то была одна женщина. А тогда не было часов, она проснулась ночью и сказала себе: «Я проспала, а мне нужно идти к мессе». И когда она пришла в церковь, там молились тихо-тихо. Войдя внутрь, [она увидела], что все те люди были без голов. У них не было голов. И там была одна женщина, которая была ее крестная. Она подошла и сказала: «Бегите, бегите быстро! — она ей сказала, — Не будьте здесь! И если у вас что-то упадет, не поднимайте, но убегайте». И та женщина испугалась и

пошла домой. И у нее упал платок на землю, она не подняла. На следующий день, когда пошли на кладбище, увидели, что на всех крестах лежало по одному клочку ее платка разорванного. Это были души, они не хотели, чтобы их беспокоили, потому что это было их время молитвы... Бабушка, знаете, я над ней шутила, над бабушкой. Я говорила: «Вы сказали, что это была ее крестная, а как она узнала крестную, если она была без головы?» И бабушка мне говорила: «Ты ни во что не веришь!» Мы были более хитрые, чем бабушка, старые люди верили в такие вещи.

FVG.Сл(т).4.

An na žená je šla, je hodíla runát kwintrabánt, kuo se díe tíste, *contrabando come si dice*? E hodíla kontrabánd tóla žená. *Alóra*, e šla, de pújde zyóda. An je jála: “Se ustáven, čújen, ke molíjo, oní so bli te mrtvi, ke so šli u pracésijo to ciérkve go brítof. So wse tísto mrtvo, ke so bli, jaz se san ustávila, se san užrášila”. Zak tist na vien ali ries. Na vien... Jaz ne vérjen.

И одна женщина шла, она ходила занималась контрабандой, *contrabando come si dice* [ит. контрабанда, как сказать], контрабандой занималась та женщина. И вот она шла утром рано. И говорит: «Я остановилась, слышу, как молятся, это были мертвые, которые шли процессией из церкви на кладбище. Все они были мертвые, все, кто был. Я остановилась, я испугалась». И вот я не знаю, правда ли это. Не знаю... Я не верю.

Платискис (Platischis)

Л., жен., 70.

FVG.Сл(т).5.

Tolá je véro, tola je štorja. Práveca tále je riéšna, nije práveca! Ma máma an ji sestrá, ma máma je miéla trinást liét, an ji sestrá je miéla tri manj, ke desét. Niéso spále tu w náši hiši, zak je bla velíka družína, so hodíle spat tu no drúyo kámbriu bliz. Zjútra so wstále, an te ospodár, ke je biw zdol, jaw, Fráncka se je klícala ma máma: “Fráncka, príde yliédat u hliéve”. Oná je vídala, de je muw dwuá konjá, su bli dwuá kónje, ke su wuezíle owés an senúe, viéš, rečí, ke su prodájale. Ni blo ciéste. “Saj

viém, ku maš, maš dwuá konjá, — je jála, — momó ití damów”. — “Ma prídita, — jaw, — ke če ne, me ne bo májden viéruw”! So šle nóter, so bli dwuá kónje, dwuá kónja, an so miéle kríne! Viéš, ka so? So miel njuh kríne, wse kítece mále mále! Tih se ni moyló odplestí! Takó so ble nárete! Ma tóle je riéšno! Ma máma an nje sestrá se je ustrášila buj, ke je bla buj méjhana: “Técimo, técimo”! Ma máma je bla buj velíka, viéš, je šla buj bliz za vídate: “Lahkó se móra ití bliz, de me ne cábne oní konj”? — “Ja ja! — je jaw, — prid, potípi, potípi”! Je jala: “Joj, če kítece méjhane!” An so šle dow, ne, ustrášene. Ma kej je naréduw, káko so narédele te kítece? Antá je šla dow damów, je poviédala: “Máma, biéži γor γliédat, — je jála, — konjí majú oné kítece”. — “*Ma dai!* — je jála, — ne práve tu, ke ni je za právet!” — “Máma, biéži γliédat! Biéži γliédat, če ne, ne bo májden viéruw”, — j’ jála, an je bluó riéšno! Zad drúγe dan te konjé so miéle kítece odplétene, so miéle wse *a onde* viéš, *alóra* so šle γliédat. Konjé so prez kítec, *éko*, tuwá je riés! Ma máma mi je nímer právla, téta Maříja, ta, k’ je bla, je jála: “*Guarda, quešto è vero*”! Je jála: “*Non so, non so*”! Oní: “*Abbiamo visto io e tua mamma*”! Májden ne vérje. An drúγe dan so miéle wse odplétene, ciélu nuoč je diéluw. Tístkrat so γweríle škret, mi díjmo škret! Su γweríle, ke su méjhane, su bli obliéčene rdéjčo an de miéle *capuccio* tu zad, su miéle te *gnommi*!

Эта — правда, эта история. Сказка правдивая, не сказка! Моя мама и ее сестра, моей маме было тринадцать лет, а ее сестре было на три года меньше, десять. Они не спали в нашем доме, потому что была большая семья, они ходили спать в другую комнату, близко. Утром они встали и хозяин, который был внизу, Францка было имя моей матери, [сказал]: «Францка, иди посмотреть в хлев!» Она знала, что у него было два коня, были два коня, которые возили овес и сено, знаешь, вещи, которые продавали. Так как не было дороги. «Ведь я знаю, что у тебя есть, есть два коня, — сказала она, — мы должны идти домой». «Но пойдите, — сказал он, — иначе мне никто не поверит!» И они пошли внутрь, были два коня, у них была грива, и все косички, маленькие-маленькие! Их нельзя было расплести! Так они были сделаны. Но это правда! Сестра моей мамы испугалась, она была меньше: «Бежим, бежим!» Моя мама была старше, она подошла поближе, чтобы разглядеть: «Можно подойти ближе, чтобы меня не лягнул конь?» — «Да-да! Подойди, пощупай-пощупай!» —

«Ой, — сказала она, — какие маленькие косички!» И они спустились вниз испуганные. Но что он сделал? Откуда взялись эти косички? И она шла домой, сказала: «Мама, беги наверх посмотреть, — сказала она, — у коней косички!» — «Ты что, — сказала [мамина мама], — не говори то, что нельзя говорить!» — «Мама, беги смотреть! Беги смотреть, иначе никто не поверит», — сказала она, и это было правда! На следующий день у этих коней косички были расплетены, у них все было волнами, знаешь. Они пошли посмотреть, кони без косичек! Вот, это правда! Моя мама всегда рассказывала, тетя Мария, та, которая была, говорила: «Смотри, это правда!» Она говорила: «Не знаю, не знаю. Мы с твоей мамой видели!» Никто не верит, а на другой день у них у всех были косички расплетены. Целую ночь он работал. Тогда говорили — гном, мы говорим — гном. Говорили, что они маленькие, что они были одеты в красное, у них была шапка сзади у этих гномов.

Тексты из Воеводины (Сербия)

Украинский язык
Сремска-Митровица (Sremska Mitrovica)
Н.Б., жен., 65.

V.Укр.1.

Káva s'i pje baýáto w Sérb'iji. A jak xto pryjde, to s'i káva, n'ixtó ne pytáje, čy xóčeš kómpot čy šo, káva. Wse káva. To turécka, da, to znáčy *sámo* káva, vodá, a tavó wže to Nes, šo ja znáju, šo je, ws''il'ák'i, da, a najb'il'se tavó. Móžna z molokóm, s cúkrom, ja pju bes cúkru i bez moloká, a móže xtos' l'úbe s cúkrom, xtoz' z molokóm, jak xto l'úbe. A je i toj *ibrik* za kávu ísto. To tak'é sáme, *sámo* také maje *póklopac*, *žézva* ne máje, a *ibrik* máje. U nas káva, ta jak u vas čaj. Pa my tudý jak bulý w Júlyji, tak *sámo* pýly s''mo, kómpot buw, jak'is'' s''mo búly v Ukra-jín'i, tojvó, voná varý'la kómpot, *pa* i čaj i voná b'il'se varý'la, ménče my kávu, my kávu i ne pý'ly'e.

Кофе пьют много в Сербии. А когда кто придет, тогда кофе, никто не спрашивает, хочешь ли компот или что, кофе! Всегда кофе. Кофе по-турецки, да, это значит только кофе, вода, а есть уже и Нескафе, разные есть, а больше всего это. Можно с молоком, с сахаром, я пью без сахара и без молока, а может кто-то любит с сахаром, кто-то с молоком, как кто любит. А есть и ибрик [сосуд для приготовления кофе] для кофе также. Это также, только у него крышка, у джезвы нет, а у ибрика есть. У нас кофе, как у вас чай. И когда мы были у Юлии, мы также пили, компот был, когда мы были на Украине, она варила компот, и чай она больше делала, меньше мы кофе, мы кофе не пили.

V.Укр.2.

I tudý w zym'í najb'il'se, i d'ity jak pryxód'e i ws'o, tudý ja jim to varú, voný pjut, ta jak čaj, pjut kómpot w zy'm'í tudý, e! Bo ja máju sv'ij sat malén'k'uj, nevelý'k'yej, tudý šo jak pryxóde, ja to tak kladú, i tudý jak voný pryjduť, ws'oýo pom'íšéju w tu mé'sku, ré'nku, i tudý jim nal'éju. Voný tak tudý ly'skom, xtos' je i tak.

И тогда зимой больше, и дети, когда приходят, тогда я им варю, они пьют, как чай. Пьют компот зимой. Так как у меня свой маленький сад, небольшой. Тогда как они приходят, то я кладу, и как они придут, я всего намешаю в эту миску, и тогда им налью. Они так ложкой, кто-то и так.

V.Укр.3.

Varýlo s''i ws''o, i fasól'a i tojvó, *čórbice* máma varýla. Z *γoródu* ws'o. Mály svojí kúry, *γúsy*^e, ws''o tu búlo. Jájc''i, da. Voný *ódma* varút i kaldút toj, *síríšte*. Xtos' ne kladé to *síríšte*, v'in kladé vócet, i tudý i z vóctom róbl'at w nas w Sérb'iji. To sámó značy molokó, vóz'meš i postávyč *γo*, de vonó, ny varýš, n'ic, i tudý da. I tudý tak troxa zakolótyš, to dúže zdoróve i za *jétru* i za ws''o, znáješ, da. Tudý tu stojálo, značýt, u tyjvó, *γórščyky* z molokóm, s sérvatkom. Ónda máma robýla máslo, jákos' kolotýčla to, da, i to robýla, ws''o búlo domášne. Značýt, *γúsy*, kúry, to s''i r'ízalo za, e, *da* s''i jis''c''. Svý'n'i s''i trymály za zé'mu, i vóseny s''i svý'n'i r'ízaly, tudý s''i robýly tóti kobasý. Robýly s''i tóti *švárgli*, ja ne znáju jak s''i nazývajú *švárgle*, da. V'id mjása, da. E! To *krvávica*, tu s''i nazývájé *krvávice*. Pa i prýjduť sus''ídy, prýjde rodýna, to búlo bačáto l'udéj tudý, tak s''i zbyrály. Tepér u nas *bárem* táмка, najb'íl'se je *slúžba klán'a*. I tudý prýjduť po svyn'ú, v'idnésut, zrób'at, šo tréba, vérnut. Zaplátyš k'íl'ko tréba, wže wdóma s'i n'ic skóro ne róbl'e. Cybúl'u čý^esty^ely^e, čysnýk čý^esty^ely^e, varýly w xát'i, pekly wže tam pampušk'ý čy šo, vynosýly^e *rákiju*, vynó varýly, vynosýly, i tak. I tudý s''i *crévo* jak s''i nazývájé? K'išk'ý da, čéstylo s'i za kobasú, *za tu krvávicu*, to ž'ink'ý robýly^e, da.

Варили все, и фасоль, мама варила супы. Все с огорода. У нас были свои куры, гуси, все было. Яйца, да. Они сразу варят и кладут эту, закваску. Кто-то не кладет закваску, кладет уксус и тогда делают с уксусом у нас в Сербии. Это только значит молоко, возьмешь и поставишь его, не варишь, ничего. И тогда так немного его взбить, это очень полезно для здоровья и для печени, и для всего, знаешь. Тогда здесь стояли горшки с молоком, с сывороткой. Мама делала масло, как-то взбивала это, да, и делали. Все было домашнее. Гуси, куры, их резали чтобы есть. Свиной держали на зиму, а осенью свиной резали, тогда делали эти колбасы. Делали эти *švárgli*, я не знаю, как

называются *švargle* [зельц], да. Из мяса. И кровяная колбаса, тут называют *krvavice*. И придут соседи, придет семья, было много людей, так собирались. Сейчас у нас, по крайней мере там, больше всего используется служба для забоя скота. И тогда придут за свиньей, отнесут, сделают что нужно, вернут. Ты заплатишь сколько нужно, дома уже ничего почти не делают. Лук чистили, чеснок чистили, варили дома, пекли пампушки, выносили ракию, вино варили, выносили его. И тогда, *crevo* как называется? Кишки, да, чистили для колбасы, для этой кровяной колбасы, это женщины делали, да.

V.Укр.4.

Da, ja čúla, že kaldút w *témel'*, to bába Mar'ija, moja svekróxa γο-vorýla. *Pa óbično* γrōši káo klály, da, γrōši klály i tydý dál'e, ne znáju, čo to, móže aby xáta mála γrōši, ne znáju šo, ále to wže klály, da, ny rospov'idála čo. Sušýly na sónce sámó, bolóto.

Да, я слышала, что кладут в фундамент [монеты], это баба Мария, моя свекровь говорила. Обычно деньги клали, да, деньги клали и тогда дальше, не знаю, почему, может, чтобы в доме были деньги, не знаю, почему, но это клали, да, но она не рассказывала почему. И сушили на солнце только, грязь [для строительства].

V.Укр.5.

Ws''o, da, ws''o tak r'ixtújemo, tak sámó za... Voný kazály dva-nájc''ic'', strávy, i ws''o. Kóšyk za velýgden' s'i r'ixtúje tak sámó, nesé s'i do cérkvy, páska s'i pos''v'íčuje. U nas u Mítrovici, *za Úskrs, kóji je to? Velekódn'i, jel?* Tudý tojvó je slúžba boža, alé tudý w nas je *stražári*, to sámó u Mítrovici je, ja dúmaju. U *nóšn'i*, i tojvó, i p'il'nújut plašč''ewnýc'u, i *óvaj*. Bo znáju, že kazály, že káo sámó še u Mítrovici s''i to utrémuje.

Все, да, мы все так готовим, также для... Они говорили, двенадцать блюд [на Рождество]. Корзину на Пасху готовили также, ее несут в церковь, паску освящают. У нас в Сремска-Митровице на *Uskrs* [Пасха], какой это? Пасхальные [праздники], да? Служба в церкви, и у нас стражники, это только в Сремска-Митровице, я думаю. Они в одежде и охраняют плащаницу. Я знаю, что говорили, что вроде бы только в Сремска-Митровице еще сохранился [этот обычай].

V.Укр.6.

Je w Verbásu, je w Kúli, je w Nów'im Sád'i, u Ínž'iji je tak sámó baš ukrajínska cérkva, šo po ukrajínski, *ónða* de še je? U Šídu, tak sámó rusn'ak'ý, je dúže velýka cérkva, kolýs' to búlo tak, mála ta cérkva. To budý^čnok starýj, májut svojí, vyno^črát. To róbl'at i vynó, to ws'o pry cérkv'i, i dúže velýka je cérkva, ws'o^čyó májut. Da, i *óvaj*, jak kázan'a na slúžb'i tudý kolys' po ukrajínsky des' kolýs' po sérpски, záto šo bayáto je, jak to ka^čžut, čolov'ík ukrajíнец, ž'ínka ínše. U Srémски Mítrovici, da, je továrystvo, Koloméjka, tojvó, je, dósta *člán'iw*, tepér ne máju *baš* n'ic, aby-m pokazála šos' jix, nemá. Záto kážu, záto d'íty ne znájut *čovoryty*, tak jákos' nawčýly tak. Voný tepér w škól'i, voný w škól'i wčut móvu, tak že voný, troxa šoz' d'íty mal'í znájut.

В Врбасе есть, есть в Куле, есть в Нови-Саде, в Инджие также есть украинская [греко-католическая] церковь, которая по-украински [проводит службы], где еще есть? В Шиде, [там] также русины, там очень большая [греко-католическая] церковь, когда-то была маленькая церковь. Это старое здание, у них свои, виноград. Они делают вино, и все при церкви, и очень большая церковь, у них все есть. Да, и когда проповедь на службе, то когда-то по-украински, когда-то по-сербски, потому что многие, как говорится, муж — украинец, жена — другой [национальности]. В Сремска-Митровице есть [культурное] общество «Коломыйка», в нем достаточно участников. Сейчас у меня нет ничего, чтобы показать что-то их, нет. Поэтому я говорю, поэтому дети не умеют говорить [по-украински], так их как-то научили. Они сейчас в школе, они в школе учат язык, так что они, маленькие дети немного что-то знают.

V.Укр.7.

Bula solóma, jak máma i táto búly, voný wnosýly solómu. Tak, za s'v'atýj večir máma k'ydála to. D'iduxá vóz'memo tróxa, tojvó, pšenýc'u tak zjéžemo i tudý pokladémo na stil, to nam d'idúx, alé wže wdolý^čnu ne kladémo. U Mítrovici je, trymaje, alé wže nemá, bórše búlo še jak máma i táto búly žyv'í, tudý jšly b'íl'se, a tepér wže s'i to troxa zyubý^člo, nemá. Šty^črnájc'atoyo s'íčn'a, my jak búly d'íty, to s''mo jšly zas'iváty, da, pšenýc'u w torbýnu, i tudý po xatáx ukrajínskyx, wráno, wdósv'íta. "S'ij s'i rodý^č s'i, žý^čto pšenýc'a, ws'il'aka pašnýc'a, na ščas't'a, na zdorówl'a,

na toj samýj novýj r'ík, áby vam s'i l'ípše povódylo jak tor'ík, Xrystós s'i raždáje"! I tudý my to skážemo, i tak, k'ýdajemo tu pšenýc'u, i tujvó, i tudý nam dajét, čy cukérk'y, čy jápko, čy xto kotrýj *díнар*-два šo s'i káže, e tak! My jšly po ukrajínskyx xatáx, znály s'mo d'íty, de je, wráno wdós"v'íta. To voný nas puskály, i tak to, to búlo tudý, a tepér wže tojó nemá, nemá n'i w Lač'érku, n'i w Mítrovici. Sámo ne wnósymo b'íl'se solómu, to ne wnósymo.

Была солома, как были мама и папа, они вносили [в дом] солому. Да, в Сочельник мама бросала ее. Мы возьмем немного дидуха, пшеницу так свяжем и положим на стол, это у нас дидух, но уже вниз [на пол] не кладем. В Сремска-Митровице есть этот обычай, но уже нет, раньше было, как мама и папа были живы, тогда было больше, а сейчас немного исчезло, нет. Четырнадцатого января, когда мы были детьми, мы шли «засевать», да, пшеницу в сумки и — по украинским домам, рано, на рассвете. «Засевайся, рождайся, жито-пшеница, все злаки, на счастье, на здоровье, на тот самый Новый год, чтобы вам лучше везло, чем в прошлом году, Христос рождается!» И тогда мы так скажем, и так бросаем эту пшеницу, и тогда нам дают или конфеты, или яблоко, или кто динар-два, как говорится, так. Мы шли по украинским домам, мы дети знали, куда, рано, на рассвете. И нас пускали, и тогда было, а сейчас этого нет, нет ни в Лачараке, ни в Сремска-Митровице. Только мы больше не вносим солому, это не вносим.

V. Укр. 8.

Za Nykolája mama nam klála, p'it pódušku nam klála podarúnk'y. Tudý k'ýdála ģor'íx'y, cukérk'y, tudý lýšy na v'ikn'í. Káže: “A tudá perejšów S'v'atýj Nykoláj i poģubýw”. To j tak my jšly d'íty, šukály to j tak. I na p'idlóz'i, a bulý tak, *káo*, jak v'in jšow čerez dvér'i i zaģubýw, *káo* na v'ikn'í, tak des', de my zdýblemo. To buw tu S'v'atýj Nykoláj, tak my w xát'i, máma nam robýla šos', ne znáju, jak buló dal'í, a w nas tak.

На Николая мама нам клала, под подушку нам клала подарки. Она бросала орехи, конфеты, оставит их на окне. Говорит: «Там прошел Святой Николай и потерял [подарки]». И мы дети шли искать. И на полу, а было так, что он вроде бы шел через дверь и потерял, на окне, и так, где мы найдем. Это был Святой Николай, так мы дома, мама нам делала, не знаю, как было дальше, а у нас так.

V.Укр.9.

Za R'izdvó róbymo s'v'atýj večir, γotújut strávy kotr'í, tojvó, kotr'í s'i róbl'at na Ukrajín'i, na stil stáwl'at ws'o to j voný stoját. Tak mojj ródyči robýly, tak i ja róbl'u, d'íty mojj. Jak večérja, postáwjat ws'i ti strávy, i voný, ja jix ne rúxaju do rán'a s stóla. Značýt, kut'á jde pérša, pérša s'i beré, tudý wže s'i večér'aje. Kól'ady jdut, náv'it' tepér továrystvo i mólod' idé oryan'izóvano v'it xáty do xáty i kol'adújut. Ti γróši, šo d'istajút, to dajémo na cérkvu, značýt, v'it tóγo s'i kupújut s'v'ičk'y i šo ja znaju šo tréba.

На Рождество у нас Сочельник, готовят блюда, которые готовят на Украине, на стол ставят все это, и они стоят. Так мои родители делали, и я делаю, дети мои. Когда ужин, поставят все блюда, и они, я их не трогаю до утра. Кутью первой пробуют, первой берут, тогда уже ужинают. Колядники приходят, даже сейчас общество [культурное] и молодежь идет организовано, от дома к дому и колядуют. Те деньги, которые они получают, отдаем на церковь, из них покупают свечи, и что еще нужно.

V.Укр.10.

Na Jordán idé s'i po s'v'átu vódu, ráno. N'iják'yx zvyčájiw tepér, w cérkv'i tyl'ko blayoslovýt s'i s'v'atá voda i koždyj sub'í beré do dómu tu vódu i máje w xát'i. I kóždy xáta máje s'v'atú vódu wdóma, tak šo tojvó. A drúγγj zvyčáj i nýn'i, šo to idé s'i i na r'ičku, de je, alé w nas takóji r'ičky néma, a i málo téper ukrajínc'iw, tak šo w cérkv'i vodá s'i s'v'atýt, wráno na pjátu γodýnu idé s'i. Jak idé blayoslovýty xátu, po xatáx, s'v'atóm vodóm, to stávyt s'i s'v'atá vodá. W skl'ánočku nal'éju, jak xto xóryj, jak xtos' pomér, to s'i kladé kólo tóγo pok'íjnoγo. Značýt, jak poróda porána na dvor'í, to znájut tak sámο pyty s'v'atú vódu. I v'inóčk'y, kotr'í s'i s'v'at'át, jak tojvó, w s'ómym m'ís'ac'u s'v'atýt s'a v'inóčok, kóždy xáta sob'í zróbýt v'inóčok v'it kvýtiw. Tepér róbl'at i v'it kvýtiw, ale kolýs' to robýly, po pól'u, rvut kvýty ti, i s tyx kvýtiw s'i robýly v'inóčk'y i s'v'atýt s'a toj v'inóčok. I v'inóčok toj stojít, i jak tréba to... jak naprýklad wže mynáje r'ik, wže drúγγj r'ik, drúγγj v'inóčok s'i robyt, tudý tyjvó, alé to kóždy xáta, ne k'ýdaje takó des', to spalýt, bo to s'v'aščéne.

На Богоявление идут за святой водой, утром. Сейчас никаких обычаев нет, в церкви только благословляют святую воду и каждый берет домой эту воду и держит в доме. И в каждом доме святая вода. И другой обычай сегодня, идут на реку, где есть, но у нас такой реки нет, и мало сейчас украинцев, так что в церкви вода освящается, утром в пять часов идут. Когда [священник] идет благословлять дом, по домам, святой водой, то ставят святую воду. Я в стаканчик налью, если кто болен, если кто-то умер, то ставят около этого покойника. Если плохая погода на улице, знают, что надо пить святую воду. И веночки, которые освящают в июле, каждый дом делает себе веночек из цветов. Сейчас делают из цветов, но когда-то делали, в поле рвали цветы и из этих цветов делали веночки и освящали этот веночек. И веночек этот хранится, и если нужно... Если, например, проходит год, уже следующий год, другой веночек делают, но это каждый дом. Не выбрасывают его, сжигают, так как это освященное.

С.Б., жен, 70.

V.Укр.11.

Da, je, tojvó, toj *Kúrban bájram*, teper budé, nastúpnoyo m'ís'ac'a. Voný r'ízut šos', xto k'íl'ko máje γρόšej, i jak tróxa boyat'íščyj, v'in zar'íze šoz' b'íl'se, i tudý to mjáso nesé sus'ídam. Tudý še ne pobudovály s'mo xátu, to s'mo bulý tu u odnĳ musul'mánsk'ij xát'i, e, s"mo u aréndu brály, i tojvó. To buló, častýna, de bulý musul'mány, tu s'mo my bulý. Ja roslá w Sérb'iji, u Vojevódyn'i jix nemá tam, ja ti zvyčáji ne znála. I pryxódyt d'íwčynka i nesé men'í mjása, i káže: "Máma p'islála". — "Nu čoyó men'í máma p'islála?" — "A ja ne znáju, to máma vam p'islála". Ja wz'ála mjáso, prynésła sy do xáty, do k'imnáty postávyla. Pryjšów m'ij čolov'ík z robóty, ja jomú kážu: "Čo voná mn'í prynésła?" — "A ty ne znáješ? Ale to zvyčáj, to zvyčáj!" Tak šo kóždyj máje svojĳ zvyčáji i to tréba znáty. Bo to mené ne c'ikávylo, čy v'in tam ukrajíнец, čy v'in serp. Musul'mán'iw nemá w Sérb'iji, w Vojevódyn'i. To s'mo pryjižž'ály tu, to-m wže jix tu, výd'ila i znála. To star'í musul'mánk'y, to nosýly tak'í xustený, tak'í s'p'idnýc"i, podfĳbn'i naš'ím *šalváram* ukrajínsk'im.

Есть праздник Курбан-байрам, сейчас он будет в следующем месяце. Они [мусульмане], режут [животных], зависит у кого сколько денег, и если человек немного богаче, он режет побольше и мясо

несет соседям. Тогда мы еще не построили дом, мы были в одном мусульманском доме, мы его арендовали. Это была часть [города], где были мусульмане, мы здесь были. Я росла в Сербии, в Воеводине их [мусульман] нет, я эти обычаи не знала. И приходит девочка и несет мне мясо, и говорит: «Мама послала». — «А почему мне мама послала?» — «А я не знаю, это мама вам послала». Я взяла мясо, принесла к себе в дом, положила в комнату. Пришел мой муж с работы, я ему говорю: «Почему она мне принесла?» — «А ты не знаешь? Это же обычай, обычай!» Так что у каждого свои обычаи и это нужно знать. Потому что меня не интересовало, украинец он, или серб. Мусульман нет в Сербии, в Воеводине. Мы приезжали сюда [в Боснию и Герцеговину], я их здесь видела и знала. Старые мусульманки носили такие платки, такие юбки, похожие на наши украинские шаровары.

Н.Н., жен., 65.

V.Укр.12.

Je Rúski Kerestúr, tu rusnak'íw baýáto. Tu koncentróvani rusnak'ý, ale i w Verbásu, i u Kúli i u Mítrovíci je tak sámó rusnak'ý. A tu, de toj Rúski Kerestúr, tu jix je baýáto, i w Šídu je. Je i u Belyrád'i, naš s'v'aščenyk, šo u Mítrovíci, v'in trymáje Béoyrad, v'in idé, bo my ne májemo baš sámó svóyo, v'in tre'máje Béoyrad i tútka.

Есть Руски-Крстур, тут много русин. Тут сконцентрированы русины, но в Врбасе, в Куле и в Сремска-Митровице — также русины. А здесь, где этот Руски-Крстур, здесь их много, и в Шиде. Есть и в Белграде, наш священник, который в Сремска-Митровице, он «держит» Белград, он ездит, так как у нас нет своего священника, он «держит» Белград и здесь [служит].

Нови-Сад (Novi Sad)

С.Г., муж., 71.

V.Укр.13.

Ja ne znáju, jak na Ukrajin'i tam peklý purus'áta, tepér wže ws'i pečút na tym, na rážn'u, značýt, móže to náv'it' i turécki, ne znaju. Túrk'ý ne peklý pac'áta, voný pekly jayn'áta, alé tepér serbý pečút. Tak sámó

i ukrajínc'i perejn'ály, ne znáju čy to tutéjša, alé nazyvajút jix *sármom*, značýt to šos' podíbne do γólupc'iw, alé tudý mn'aso i ryš tak sámó s'i zamótuje w kapústu kvašénu abó u lý'st'a v'id vynoγrádu. Je še tam u Герцеговύν'i, zamótujuť γa (sic!) u, tojvó, lystók v'id, *ráštan* nazyváje, tak sámó jakás' kapústa.

Я не знаю, как на Украине запекали поросят, сейчас уже все запекают на этом, на вертеле. Может это даже турецкий [способ приготовления], я не знаю. Турки [т.е. славяне-мусульмане] не запекали поросят, они запекали ягнят, но сейчас сербы запекают. Также украинцы переняли, я не знаю, местное ли это, но их называют *сарма*, это что-то похожее на голубцы, мясо и рис также заматывают в квашеную капусту или в лист винограда. Есть еще там в Герцеговине, заворачивают его [мясо] в лист, называется *raštan* [листовая капуста], это также какой-то сорт капусты.

V.Укр.14.

Šo ja še zam'ítYW, u čas komunízmu, a ja tudý še buw malén'k'yj. Mují bat'k'y nam γotuvály wse Nykolája, značýt, pakúnočk'y nam klály p'it pódušku. Bo znážete, dytýna ne spyt c'ílu nič, čekáje Nykulája. I my jag g'ítY normál'no, baγáto ne razdúmuješ (sic!), ty v'ylety'š na wúlyc'u i kážeš: “Ux! Bw Nykoláj”. Voný ws'i s'i s'm'ijály. Tak šo my wse mály od Nykulája, joyó čekály uvéčir, rospytúvaty s'a čy, tojvó, čy g'ítY bulý dóbr'i. I za Nykulája my distavály i prut pópry pakúnočok, wse jak'ís' pakúnočok zγotuvály. Jag bym skazáw, cukórk'y, šokolády, i ne znaju ja, šos' i za wbran'á čy čerev'ěčk'y, i obovjaskóvo prut. “N'e, Nykoláj znáje, šo ty ne buw dóbryj, značýt, pryn'ís ti i prut še”, značýt to buló tak'é, šóby n'íby dytýna búla pótim c'íly r'ik dóbra. V'in pryxodýw s *krámpusom*, a *krámpus* to buw toj šo, d'ít'ko jel? D'ít'ko, kotrýj polóše d'itéj, tudý Nykoláj káže, da to búly, tam, šo, jak to kážut? Máje býty *krámpus*, namaγájet s'a dytýnu tam, ne znáju, ščeknuty čy wdáryty, a Nykuláj ne dáje, bo: “N'e, d'ítY búly dóbr'i!” Nykoláj is *krámpusom* pryxodýw do xáty dyvýtY s'i, i tudý znaw prynéstY pakúnočk'y.

Что я еще заметил, во время коммунизма, а я тогда был еще маленький. Мои родители нам готовили всегда Николая, значит, свертки нам клали под подушку. Знаете, ребенок не спит всю ночь, ждет Николая. И мы как дети, много не размышляешь, ты выбежишь на улицу

и говоришь: «Ух, был Николай». Они все смеялись. Так что мы всегда получали подарки от Николая, его ждали вечером, он расспрашивал, были ли дети хорошими. И на Николая мы получали вместе со свертком прут. Всегда какой-то сверток готовили. Как бы сказать, конфеты, шоколад, не знаю, что-то из одежды, или ботинки, и обязательно прут. «Нет, Николай знает, что ты не был хорошим! Значит, принес тебе еще и прут». Это было так, чтобы ребенок вел себя потом весь год хорошо. Он приходил с крапусом, а крапус это был черт, так? Черт, который пугает детей, тогда Николай говорит, что это были, там, как сказать? Должен быть крапус, он старается ребенка шелкнуть, ударить, а Николай не дает: «Нет, дети были хорошими!» Николай с крапусом приходил в дом смотреть, и тогда они приносили свертки.

Венгерский язык¹³⁵

Ада (Ada)

Е.Ш., жен., 64.

V.B.1.

Régen, a mai napig is. Kivágtak egy fát és azt földízítették szalagokkal, beásták a földbe, beletették, s általában központban bent valahol. Ez ilyen tavaszi köszöntő volt inkább, a szocialista világban ezzel köszöntötték május elsejét a munka ünnepét, régen is állították, szokás volt.

Раньше и до сегодняшнего дня также [устанавливали майское дерево]. Срубали дерево и украшали его лентами, вкапывали его в землю, ставили, обычно где-то в центре. Это было скорее поздравление с весной, в социалистическом мире этим поздравляли с первым мая, праздник труда, раньше также его устанавливали, был обычай.

V.B.2.

Tehát a *burek* és a *baklava*, a *szárma*, mi ugye a töltött káposztát *szármának* is hívjuk, ilyen szerb savanyú káposztával töltött darált hús, nálunk az a *szárma*. Akkor vannak, a birkahús is, szalonna, sonka. Ré-

¹³⁵ За помощь и консультации при работе над расшифровкой венгерских материалов и переводом их на русский язык Г. П. Пилипенко выражает благодарность сотрудникам кафедры финно-угорской филологии филологического факультета СПбГУ к.ф.н. Н. Н. Колпаковой и Д. Доловаи.

gen nagyon sok mindent lesóztak, az oldalast, csülköket, megsóztak és a zsírba raktak, lábát, farkát, tettek edénybe, a zsírt ráöntötték, hogy az egészet lefedjen.

Есть буреки и баклава, сарма, мы голубцы называем также сарма, такое сербское: в квашеную капусту завернутое молотое мясо, у нас это сарма. Затем есть баранина, сало, ветчина. Раньше очень много солили всего, грудинку, рульку, солили и клали в жир, ногу, хвост, клали в посудину, наливали сверху жир, чтобы полностью он покрыл [мясо].

V.B.3.

December tizenharmadikán Luca napján akkor elindultak a betlehemezők, és betlehemeztek, tehát hirdettek Jézusnak a születését. Azt jelenteli, hogy egy tizenöt-húszperces kis összeállítással köszöntötték Jézust dalokkal és eljátszották azt, hogy hogyan született meg Betlehembe, hogy a három király, hogyan fogadja őket, mit visznek ajándékba, ilyen tréfás kis, verses. Tehát ezt főként fiúk járták, az azt jelenteli, hogy öt, hat, hét fiú, lányok rá nem volt jellemző, hogy mentek. Általában sötétedés után és annak cserébe, hogy eljátszották, kaptak is ajándékot, almát, esetleg egy kis darab kolbászt, vagy ha nagyobbak voltak már fiúk, akkor egy kis pálinkát vagy bort. Ahogy közeledtünk a karácsony fölé, az emberek még kevesebbet dolgoztak, mert készültek a karácsonyra. Az asszonyok főként köt kalácsokat készítettek, mákos kalácsot, diós kalácsot, ilyen kis Jézuskaszerű kis fonott kalácsokat készítettek. És huszonnegyedikén akkor bablevest főztek, mákos tésztát, és a család együtt volt. Egy almát elváltak annyifelé, ahányan a családban vannak, és mézbe mártották és megették. Ez mindig azt jelképezte, hogy a család összetartozzon, azért kapott mindenki egy szeletet, hogy visszataláljon a családba mindenki. Mindenki választott egy-egy diót, azt föltörte és a diót, ha egészséges volt, az azt jelentette, hogy abba az évbe az a személy, aki föltörte.... Mindenki kapott egy-egy fokhagymát, ilyen gerezd fokhagymát és azt is mézzel meg köllött enni a torokfájás ellen, hogy így védekeztek. Még hát a fokhagyma jelképezi, a boszorkányságot űzi el, és azt, hogy megesszük a fokhagymát, rosszat űzzük ki magunkból. Megettünk fokhagymát először. Rossz sorrendet mondtam, fokhagymát megették, almát és utána a diót. Ezt mind mézzel együtt, hogy a szeretet az édes, a szeretetet jelké-

pezve. És amikor ezt megették, az volt a fontos, hogy mielőtt az asztalhoz leült mindenki, mindent az asztalra készítsenek, mert nem volt szabad fölkelni az asztaltól, addig még mindenki nem ebédölt meg. És azt elfelejtettem mondani, hogy huszonnegyedikén szalmát szórtak szét a szobában, a tisztaszobába is, még kint, ahol étkeztek. És nem volt szabad söprögetni is egész ünnep alatt. És amikor véget ért az ünnep, akkor a morzsával a szalmát kivitték az állatok alá, és ez egy ilyen gyógyító, az állatokat megvédő, ilyen szalma volt tulajdonképpen. És hát karácsonytól új évig nem volt szabad semmit se dolgozni. Karácsony napján, akkor mindenki finomságokat, ami volt odahaza, kolbászt, hurkát sütöttek, főztek minden finomságot, örültek Jézusnak a megszületésére. Huszonnegyedikén megették a babot, este halászlét főztek és utána pedig elmentek az éjféli misére a család együtt közösen. Az éjféli mise még a mai napig is nagyon sok helyen a szokás. Adán van katolikus templom, az adai emberek főként római katolikusok, nem jellemző a református. És karácsony után pedig, hát, várták az új évet, és ilyen házi köszöntések voltak. Főként az volt a jellemző, hogy együtt ünnepöjtek az emberek, kicsik, nagyok. Hát maga ez az egész karácsonyi szokás ez szinte András naptól, az pedig november huszonhatodikán vagy hogy is van András napja? Mert akkor disznóvágások elindulnak.

Тринадцатого декабря в день Луции шли процессии колядующих [досл. «вифлеемцев»], и они провозглашали рождение Иисуса. Это значит, что они приветствовали Иисуса небольшими сценками на пятнадцать-двадцать минут, песнями и разыгрывали, как Иисус родился в Вифлееме, как [пришли] три волхва, как он их принял, что они принесли в подарок, такие шуточные небольшие [сценки] в стихах. В основном с этим ходили парни, пять, шесть, семь парней, не было распространено, чтобы девушки ходили. Обычно после наступления темноты [ходили] и взамен того, что разыграли сценки, они получали подарки, яблоко, может быть небольшой кусок колбасы, или же если были постарше уже парни, тогда немного палинки или вина. По мере того, как мы приближались к Рождеству, люди меньше работали, потому что они готовились к Рождеству. Женщины в основном готовили булки, булки с маком, с орехами, они делали такие небольшие плетёнки в виде маленького Иисуса. И двадцать четвертого готовили фасолевый суп, лапшу с маком, и семья была

вместе. Одно яблоко разрезали на столько частей, сколько было человек в семье, окунали в мед и ели. Это символизировало то, чтобы семья держалась вместе, поэтому каждый получал по одному кусочку, чтобы все возвращались в семью. Каждый выбирал по одному ореху, его раскалывал, если орех был хороший, это означало, что в этом году тот человек, кто его расколол, [будет здоровый]. Каждый получал по одному чесноку, такой зубчик чеснока, и его нужно было есть с медом от боли в горле, и так защищались. И также чеснок символизирует, отгоняет колдовство, и то, что мы едим чеснок, мы этим прогоняем из нас плохое. Мы съедали сначала чеснок. Я сказала в неправильном порядке, чеснок съедали, яблоко и после него орех. Это все вместе с медом, потому что любовь — сладкая, мед символизировал любовь. И когда это съедали, было важно, прежде чем за стол все сядут, нужно все на стол приготовить [поставить], потому что нельзя было вставать из-за стола до тех пор, пока все не пообедают. Я еще забыла сказать, что двадцать четвертого декабря рассыпали солому в комнате, в гостиной также, и там, где ели. Нельзя было подметать в течение всего праздника. И когда закончился праздник, тогда вместе с крошками солому выносили и [расстилали] под животными. Это была лечебная, защищающая животных солома, такая солома была, по сути дела. И от Рождества до Нового года нельзя было работать. В день Рождества все готовили яства, какие были дома, колбасу, кровяную колбасу жарили, варили вкусную еду, радовались рождению Иисуса. Двадцать четвертого [декабря] ели фасоль, вечером варили уху, а после этого шли на полуночную мессу вместе со всей семьей. Полуночная месса и до сегодняшнего дня во многих местах — обычай. В Аде есть католическая церковь, жители Ады в большинстве католики, здесь не характерны реформаты. А после Рождества, ну, ждали Новый год и дома отмечали. По большей части было характерно, чтобы люди вместе праздновали, дети, взрослые. Все эти рождественские обычаи также идут со дня Андрея, а это двадцать шестое [ноября] или когда день Андрея? Потому что тогда начинали резать свиней.

V.B.4.

Még június huszonnegyedikén van Szent Iván napja, és errefelénk hagyomány, hogy tüzet ugrálunk. Az azt jelenti, huszonharmadikán este

akkor összejönnek az emberek egy utcasarkon. Én is még ha gyerek voltam, ugráltunk a tüzet. Főként fiatalok, de az idősebbek is, aki csak bírta, mert úgy tartották, hogy a Szent Iváni tűznek gyógyító ereje van, és akkor meggyógyulnak az emberek, a sánták is, a betegek is. Aki a párjával átugorja a tüzet, az megerősíti a szerelmét. Ha egy lánynak még a fiúnak a névét egyszerre énekelték a dalban a tűz körül, és az azt jelentette, hogy szerelmet jósoltak meg.

И двадцать четвертого июня — Иванов день, и наша традиция здесь — прыгаем через костер. Это означает, что двадцать третьего вечером люди собираются на углу улицы. И когда я была ребенком, мы прыгали через костер. В основном молодежь, но взрослые тоже, только тот, кто может, потому что считали, что у костра на Иванов день лечебная сила и люди выздоравливают, и хромые, и больные. Кто со своей парой перепрыгнет через костер, тот укрепит свою любовь. Если имя девушки и парня вместе пропоют в песне вокруг костра, это означало, что предвещают любовь.

V.B.5.

Általában az asszony magyar, az ember még szerb. Ritka, amikor fordítva... Akkor az azt jelenti, hogy teljesen szerbesedik a család. De attól függetlenül, mivel itt nagyon erős a magyarság, ezért mind a két családnak a vallásos ünnepeit megünneplik. December huszonötödikén magyar karácsony, január hetedikén a szerb karácsony, és így december huszonnegyediktől január tizenharmadikáig megáll az élet, nem csak Adán vagy Vajdaságban, hanem egész Szerbiában. Ott katolikusok és pravoszlávok is élnek. Jó, az üzletek dolgoznak, de hivatalos helyen nem, zárva.

Обычно жена венгерка, муж — серб. Редко, когда наоборот... Тогда это означает, что семья полностью сербизируется. Но независимо от этого, поскольку здесь очень сильно присутствие венгров, празднуют религиозные праздники обеих семей. Двадцать пятого декабря — венгерское Рождество, седьмое января — сербское Рождество, и с двадцать четвертого декабря по тринадцатое января останавливается жизнь, не только в Аде или Воеводине, но и во всей Сербии. Там живут католики и православные. Хорошо, магазины работают, но в официальных местах — нет, закрыто.

V.B.6.

Mindegyik szerb családban van a *szlávája*, általában is a Szent *Nikola* nagyon sok családnak. Még a törvény is, amikor valakinek szlávája van, akkor az nap nem dolgozik, vagy más nap az iskolából is kimaradhat.

У каждой сербской семьи есть слава, обычно Святой Николай у очень многих семей. И есть даже закон, когда у кого-то слава, тогда в этот день не он работает, или на следующий день может отсутствовать в школе.

V.B.7.

Úgy hívták, hogy *puliszka*, vagy népiesen úgy mondták, hogy *mamaliga*. Azt úgy főzték, hogy föltették a vizet, tettek bele egy kis zsírt még sót, ha volt otthon. És akkor az asszonyok tudták, hogy egy liter vízhez fél kiló, egy kicsit több, kukoricakása köll. Azt úgy csinálták, ledaráltak kukoricát, azt átszitálták és azt a nagyobb szemcséket szedték ki, a lisztet szitálták, azt főzték meg. A forró vízbe hirtelen beleöntötték és erősen elkezdték kevergetni, hogy ne csomósodjon össze, még be nem sűrűsödött, addig kevergették. És amikor az ilyen sűrű lesz, mint a föld, és gombócokat szedtek ki a tányérba. Ha volt otthon kecske vagy tehén, akkor egy kis tejet öntötték rá. Most ha volt cukor, megcukrozták, ha nem, akkor pedig a cukorrépából főztek ilyen barna, úgy hívták hogy melasz, azt hiszem szerb szó, ilyen sűrű, valami szirupszerűséget. És akkor avval cukrozták meg.

Называли *puliszka* или по-народному говорили *mamaliga* [мамалыга]. Ее готовили так, что ставили воду, клали туда немного жира и соли, если было дома. И хозяйки знали, что на один литр воды полкило, чуть больше, нужно кукурузной каши. Делали так, мололи кукурузу, просеивали ее и большие крупинки удаляли, муку просеивали, это варили. В кипящую воду сразу все вливали и сильно начинали мешать, чтобы она не превратилась в комочки, и чтобы не загустела, до тех пор мешают. И когда она станет такой густой, как земля, клали в тарелку в виде шариков. Если дома была коза или корова, тогда заливали сверху немного молоком. Если был сахар, добавляли его, если нет, тогда из сахарной свеклы готовили такой коричневый, называли меласса, думаю, что это сербское слово, такой густой, что-то вроде сиропа. И тогда этим сластили.

О.Е., муж., 82; М.Е., жен., 82.

V.B.8.

О.Е. Karácsony előtt, december tizenharmadikán, hát az egy babonás nap, akkor sütötték a pogácsát. Babonáskodtak az emberek jobban. Akkor olyan volt, hogy reggel korán a Lucakor a házinéni kiszalad, tyúkok voltak, kiszaladt, a kemencében pizskafával megpizskált a tyúkokat. Az egyik tyúkokat: “Toj-toj-toj”, a másikat: “Koty-koty-koty”, hogy a kotlósok szüljönek. Vagy kiterjednek a csirkék, így ilyen babonáság.

М.Е. Most pénzt tesznek bele, akkoriba anyám mesélte, pogácsába egy név volt beletéve, papírra, hogy ki lesz a vőlegény vagy a menyasszony, lánynevek, fiúnevek voltak benne. És azt tartották, hogy benne van ez a szerencse, szerencsés pogácsa. Még a jószágot szentölt vízzel meglocsolták, megszentöltek, hogy ne legyen beteg, hogy szerencse legyen hozzá. Emlékszem, nem szabad volt nekünk varrni, mert bevarrjuk a tyúkok fenét.

О.Е. Перед Рождеством тринадцатого декабря, это был день суеверий, тогда пекли хлеб. Люди были более суеверными. Было так, что утром рано на Луцию хозяйка выбегала [во двор], где были куры, выбегала, в печи она кочергой ворошила и [потом ворошила] у кур. Одним курам она [говорила]: «Той-той-той» [венг. tojni — нестись], другим: «Коть-коть-коть», чтобы несушки рождали. Или цыплят было больше, такое было поверье.

М.Е. Сейчас туда кладут деньги [в хлеб], тогда моя мама рассказывала, в хлеб было вложено имя на бумаге [написано], кто будет женихом или невестой, имена девушек и имена парней были внутри. И считали, что в нем заключено счастье, хлеб счастья. И скот поливали святой водой, освящали, чтобы не болел, чтобы счастье было. Помню, нельзя было им шить, потому что зашьют курам зад.

Адорьян (Adorjan)

Н.А., жен., 81.

V.B.9.

Nálunk mindig otthon az én apám, mikor kicsik voltunk, akkor ő törte meg az első diót, az az ő diója volt. Ha egészséges volt a dió, akkor azt mondta, egészséges lesz az évbe, ha volt egy férges, akkor aszonta

lesz beteg a családba, így mondta, így maradt meg nekem. Akkor adott mindnyájunknak, szétszöttak, hogy ne menjünk el a háztól, a család egybemaradjon. Ugyanígy a fokhagyma, ugyanígy az alma, minden. Alma, aki megbetegedett, adtak egy kis almáját vagy valamit attól, hogy gyógyuljon meg, hát ez ilyen szokás.

У нас всегда дома мой папа, когда мы были маленькие, тогда он раскалывал первый грецкий орех, это был его орех. Если орех был хороший, тогда он говорил, что здоровый будет в этом году, если был червивый, тогда говорил, будет больной в семье, так он говорил, так осталось у меня [в памяти]. Тогда он давал каждому из нас, раздавал нам, чтобы мы не уходили из дома, чтобы семья оставалась вместе. Также и чеснок, также и яблоко. Яблоко, кто заболит, давали маленькое яблочко или небольшой кусочек этого яблока, чтобы выздоровел, такой обычай.

V.B.10.

Lucázás. Nem szoktuk beengedni reggel hölgyet, mert akkor mit tudom én mi van. Még tyúkokat avval, amivel piszkavas, szokták a kemenét piszkálni és szokták piszkálni tyúkot, hogy jobban tojjanak.

Луция. Обычно утром не пускали в дом женщину, потому что тогда не знаю, что будет. И у кур обычно ворошили этой кочергой, которой обычно ворошили [угли] в печи, и ворошили у кур, чтобы лучше несли яйца.

V.B.11.

Apám mondott, semmit nap lementet után nem adott le a házból, ne vigye el a szerencsét, csak nappal. Nagyboldogasszony napján, ha nem volt borús, akkor jövőre szárazság van.

Мой отец говорил, ничего не давать из дома после захода солнца, чтобы не унесли счастье, только днем. На Вознесение Девы Марии [15.08] если не было облачно, в будущем году будет засуха.

Д.В., жен., 62.

V.B.12.

Valamikor Szabadkára jártunk, Doroszló jobban, még Temerinbe is, ez Szentkút, ez Mária ünnep. Ezt a Szentkútat építették a szlovákok. Az én lábam ott gyógyult meg, az én bál lábam meg volt bénulva, az orvosok

gyógyították Zentán, de mikor elmöntünk Szentkútra, az én apám vitte a csomagot lovas kocsival, gyalog mentünk, az én anyám nem engedte, én el akartam menni gyalog. Mikor beleértem a vízbe, összeestem ott, aztán nem fájt sose lábam. Ez így igaz, komolyan mondom. Az orvosok Zentán, egy hónapig ott voltam, ott gyógyítottak, de ott az jobb, ott összeestem.

Когда-то [в паломничество] мы ходили в Суботицу, больше в Дорослово, даже в Темерин, это Водица, это праздник Марии [Рождество Девы Марии 8.09]. Эту Водицу построили словаки. Моя нога там вылечилась, моя левая нога была парализована, врачи лечили ее в Сенте, но, когда мы пошли в Водицу, мой отец вез багаж на конной повозке, мы шли пешком, моя мать не разрешала, я хотела идти пешком. Когда я вошла в воду, я упала туда, потом у меня никогда не болела нога. Это правда, я серьезно говорю. Врачи в Сенте, я была там месяц, там меня лечили, но там [в Водице] лучше, там я упала в воду.

Бачка-Паланка (Bačka Palanka)

М.А., жен., 72.

V.B.13.

Hát, ez Bácska Palánka egy elég nagy város, és ott nagyon sok svábok voltak második világháború előtt. Akkor mikor bejött második világháború, akkor mikor a svábokat kiköltöztették, akkor a többség Boszniából még Hercegovinából jöttek és azok a házakat odaadták ők nekik. Svábok nagyon kevesek maradtak, a magyarok valamennyi egy tizenöt százaléék marad, még egy tíz százaléék szlovák, ott van környékén szlovák faluk. Szlovákok is vannak Palánkán, a többség még akkor mondtam Boszniából szerbek voltak még Hercegovinából. Hát őket bosnyákokat hívták, szerbek, de *bosanci*, bosnyákok. Még ezek a *dođoš*, ez most újabb szó. Most ahogy volt ez a háború, ez a kilencvenes években, most jött ez a szó, hogy *dođoš*, azelőtt nem voltak ilyen, nem úgy hívták őket, úgy hívták őket, hogy *bosanci*. Az én szüleim, nem voltunk megterhelve evvel, hogy most ki a magyar, ki a szerb, ki a *bosanac*, nálunk a házba úgy volt, hogy itthon magyarul beszélünk, az utcán, mikor kimész, akkor úgy beszélsz, mint a többi gyerekek. Általában szerbül beszélünk. Már mondtam, svábok nem voltak, de az én szüleim, mivel az anyám a sváb gyerekekkel nőtt föl, még apám kereskedő volt és sokat beszélt németül, svábot, ők

otthon volt, mikor nem akartak, hogy mi gyerekek megértsük, hogy mit mondanak, akkor ők svábot beszéltek, az a német.

Ну, это Бачка-Паланка, один достаточно большой город и там очень много было швабов [немцев] до Второй мировой войны. Когда пришла Вторая мировая война, когда швабов выселили, тогда большая часть [жителей] приехала из Боснии и Герцеговины и эти дома дали им. Швабов мало осталось, венгров примерно пятнадцать процентов осталось и десять процентов словаков, там в окрестностях есть словацкие деревни. Словаки также есть в Бачка-Паланке, большинство, я сказала, были сербы из Боснии и Герцеговины. Их бошняками называли, сербы, но они боснийцы, бошняки. И эти «пришлые», это новое слово. Когда была эта война, это в девяностые годы, возникло это слово «пришлый», до этого не было такого, не так их называли, их называли боснийцы. Мои родители не были озабочены тем, кто венгр, кто серб, кто босниец, у нас в доме было так, что дома мы говорим по-венгерски, на улице, когда выходишь, тогда говоришь так, как другие дети. Обычно по-сербски мы говорили. Я уже сказала, швабов не было, но мои родители, поскольку моя мама росла со швабскими детьми, и мой отец был торговец и много говорил по-немецки, по-швабски, они дома, бывало, когда они не хотели, чтобы мы дети поняли, что они говорят, тогда они по-швабски говорили, это немецкий язык.

Нови-Сад

Э.Н., жен., 64.

V.B.14.

A nagyszüleim is, mikor tudtuk, hogy most az ortodox, pravoszlávoknak a Karácsony, az én nagymamám se dolgozott, semmit se. Jobban megtisztelték, ugyanúgy, ami mi szomszédjaink csináltak. Semmi nagy munkát akkor, mert tudták, hogy ez nekünk ünnep, arra is emlékszem. Egymásnak adogatnak ilyen tárgyokat, süteményeket s a többi. Mi ünnepeink vannak előbb, katolikus, református ünnepek, az idevalósi szerbek azok jobban megszokták az egymás melletti élest... A Telepen több a római katolikus, habár van itt református templom is, egymás mellett. De kisebb a református gyülekezet. Nekem a szüleim mind a ketten

reformátusok, a férjemmel a katolikus templomba esküdtünk, a telepi templomba, mind a két fiúnk az katolikus, ha kislány született volna, az református lett volna, de fiúk lettek, mind a kettő katolikusok.

Húsvétkor volt locsolkodás, az húsvét hétfőjén mentek, amikor nem mentek délelőtt iskolába, otthon lehetett maradni. Jöttek anyukámhoz főleg, ugye, akkor a családból a rokonok, az idősebbek, meglocsolni. Aztán később hozzám is jöttek, a fiúk, érdekes volt az mindig. Osztálytársok jöttek, szomszédok. Amikor ilyen locsolkodás volt, akkor a jó süteményt kínáltuk a locsolókat. Azok, akik jöttek, hoztak bort.

Также мои бабушка и дедушка, когда мы знали, что сейчас православное, у православных Рождество, моя бабушка не работала, ничего не делала. Они больше уважали это, так же, как и наши соседи делали. Тогда никакой большой работы, потому что они знали, что это для нас праздник, это я помню. Они давали друг другу такие тарелки, печенье и так далее. Наши праздники раньше, католические, реформатские праздники, местные [воеводинские] сербы больше привыкли к совместному проживанию... На Телепе больше римо-католиков, хотя есть здесь реформатская церковь, они рядом. Но реформатская община меньше. У меня родители оба реформаты, мы с мужем венчались в католической церкви, в церкви на Телепе, оба наших сына католики, если бы была девочка, она бы стала реформаткой, но родились мальчики, оба католики.

На Пасху поливали, в пасхальный понедельник ходили, когда не ходили в первой половине дня в школу, можно было остаться дома. Приходили к моей маме, родственники из семьи, старшие, и поливали. Затем позже и ко мне приходили, парни, интересно это всегда было. Одноклассники приходили, соседи. Когда поливали, тогда мы их угощали вкусным печеньем. Те, кто приходил, приносили вино.

П.Р., жен., 52.

V.B.15.

Amikor jött a vőlegény, volt az a kikérés, az édesanyától, az édesapától, búcsúztató a szomszédoktól, először édesanyától, az édesapától, testvértől, ha van. Akkor a búcsúztató a szomszédoktól, mert férhöz megy másik házba, nem marad itten. És ha volt testvér, férfitestvér, amelyik

nem nős, mint nekem volt, fiatalabbik, az öcsém, ő vezetett engemet. Az öcsém kocsijával ment. Az úgy volt, hogy a vőlegény megy, az első kocsia a vőlegényi, a legutolsó a menyasszonyi. Valamikor úgy volt, hogy legkidiszítottabb kocsia, az a vőlegény kocsija, mert abba fog átülni esküvő után menyasszony és akkor lesz az első kocsia. Na most a szakácsnők azok teknőt tettek a kapuba, és nem lehet ebbe menni, oda köllött beledobni a *dinárt*. Szedték azokat a vaspénzeket, de ők abba tették egy kis vizet, nem baj, hogy ha papírpénz is volt, mert a szakácsnők szedték azt a pénzt össze, hogy éjfélkor játsszanak a menyasszonyával. Azt a rozmaringot köllött fizetni. A koszorúslányok, akik mentek a menyasszony után, az mind nekik ment a pénz, avval a pénzzel ők táncolták a menyasszonytáncot, mind az a pénz tulajdonképpen ment a fiataloknak. Mikor befejeződött az a menyasszonytánc. A vőlegény volt az utolsó, és lopta a menyasszonyt, vitte, hogy átöltözzön menyecske ruhát, és akkor ment az pálinka. Vendégek addig maradtak, ameddig jól érezték magukat. Nálunk úgy volt, az esküvő, hát ez vacsora, akkor ment a leves, pecsenye vagy malac, vagy kirántott csirke, éjfél után ment a *szárma*. Tortát mindenki hozott, volt a menyasszonyi torta, mindenki hozott tortát, voltak az apró sütemények.

И когда приходил молодой, было сватовство, с матерью и с отцом, прощание с соседями, сначала с матерью, с отцом, с братьями и сестрами, если есть. Потом прощание с соседями, потому что дочь уходит в другой дом, не остается здесь. И если были братья, неженатые, как у меня был, младший, мой младший брат, он вез меня. Мой младший брат ехал на повозке. Было так, что молодой едет, первая повозка молодого, самая последняя — молодой. Раньше было так, что самая красивая повозка — молодого, потому что в нее пересядет после венчания молодая и тогда это будет первая повозка. Затем поварахи ставят корыто у ворот [дома] и нельзя войти, туда нужно бросить динар. Они собирали эти металлические деньги, но туда еще добавляли немного воды, не страшно, если также были бумажные деньги, потому что поварахи собирали эти деньги, чтобы в полночь играть с молодой. И нужно было заплатить за розмарин. Девушки с венками, которые шли за молодой, эти деньги шли им, на эти деньги они танцевали танец молодой. Молодой был последний [кто танцевал с молодой], и он крал невесту и уводил ее, чтобы

она переделалась в платье невесты. Потом уже идет палинка. Гости остаются, сколько хотят. У нас было так: венчание, потом ужин, был суп, жаркое или поросенок, или жареный цыпленок, после полуночи — голубцы [сарма]. Торт приносил каждый, был торт невесты, все приносили торт, были и небольшие пирожные.

Скореновац (Skorenovac)

Ф.Ш., муж., 75.

V.B.16.

Igen, valamikor, mikor betelepedtek, akkor jöttek a bolgárok is, de azok megtanultak magyarul, magyarok lettek a bolgárok. Az édesapja bolgár, az öregapja úgy is volt.

Да, когда-то сюда поселились [венгры], тогда пришли также болгары, но они выучили венгерский, болгары стали венграми. Ее отец болгарин, дедушка тоже болгарин.

К.Ш., жен., 73.

V.B.17.

Hát ők is úgy jöttek ide és akkor anyám palóc volt, de otthon ők nem beszéltek soha bolgárul. Én csak öregapámnál, jöttek a barátok, apám barátjai, azok beszéltek bolgárul, hát úgy megértettem jó részt mindent, de most már elfelejtettem. Az enyém Bobojcov volt, az bolgár volt. Gondolom már, aki bolgárul tud, nem sokan belőlük van még. Ha mind a kettő szülő bolgár voltak, azok tudtak, de mi már otthon nem beszéltek. Öregapám beszélt bolgárul, annyit megértettem, de ez most már ötven éve volt.

Ну, они также пришли сюда [в Скореновац], моя мама была из палощев, но дома они [родители] никогда не говорили по-болгарски [имеется в виду банатско-болгарский язык]. Я только у дедушки [говорила по-болгарски], приходили друзья, друзья моего отца, они говорили по-болгарски, я понимала почти всё, но сейчас уже забыла. Моя фамилия [девичья] была Бобойцов, это была болгарская фамилия. Я думаю, кто знает болгарский [сегодня], таких немного еще осталось. Если оба родителя были болгары, те знали [язык], но мы уже дома не говорили. Мой дедушка говорил по-болгарски, я столько понимала, но это уже пятьдесят лет назад было.

V.B.18.

К.Ш. Ami nem jött a Péter-Páli alma, ami júniusba, akkor nem szedtük az almát, az is volt... Húsvétre mindig csinálunk sunkát, tojást, kolbászt, most már mióta idősebbek vagyunk, mindig főzünk húst is. Karácsonyra, mikor jövünk miséről, eszünk, kocsonya, szárma, főzök levest, jönnek a gyerekek, azok, akik itt vannak, karácsonykor, Szent Istvánkor, eztet örököltünk, szokás volt, hogy főztünk babot, hús nélküli, karácsonyra hús nélkül. De előre volt alma, dió, fokhagyma, eztet bemártottuk egy-egy falatot, mézbe, ez bolgár szokás volt. De mielőtt elkészítette a vacsorát, anyám kiment és egy szalmát kézébe, akkor bejött és hogy a Jézus születik, szétszórta a szobába a konyhába.

Ф.Ш. Az annak az emlékére volt, hogy az istállóba született. Egy marok szénát hoztunk a Jézuskára, oda fektettünk.

К.Ш. A nagy szobába, az ágyba, az asztra.

Ф.Ш. Újságot kiterítünk, teszünk szénát, ott van Három királyok, január hatodikáig, eltelnek a karácsonyi ünnepek, akkor az van.

К.Ш. Azon a héten nem lett seprű, anyám, azok még palócok voltak, ott még öregapám tettek búzát, kukoricát, árpát, amilyen gabonájuk volt, minden, alma, dió, és halmozta a szerszámot, betette az asztal alá a hámot.

К.Ш. Пока не придет Петр и Павел [досл. яблоко Петра и Павла, т. е. первое созревшее яблоко], что в июне, до тех пор не собираем яблоки, так было... На Пасху всегда мы делали ветчину, яйца, колбасу, а сейчас, с тех пор как мы стали старше, всегда готовим также мясо. На Рождество, когда мы приходим с мессы, мы едим холодец, голубцы, готовлю суп, приходят дети, которые здесь, на Рождество, на Святого Стефана, мы это унаследовали, был обычай, готовили фасольевый суп без мяса, на Рождество — без мяса. Но перед этим было яблоко, орех, чеснок, по одному кусочку мы макали в мед, это был болгарский обычай. Но прежде чем приготовить ужин, моя мама выходила на двор и [возвращалась] с соломой в руках, входила в дом, разбрасывала солому в кухне в знак того, что Иисус родился.

Ф.Ш. И в память о том, что он родился в хлеву. Горсть сена мы несли младенцу Иисусу, туда клали.

К.Ш. В большую комнату, на кровать, на стол.

Ф.Ш. Расстилаем газету, кладем сено, и когда Богоявление [букв. Три короля], до шестого января, когда проходят рождественские праздники, солома в доме.

К.Ш. И на этой неделе не убирали. Моя мама, они были из палочек, и мой дедушка, клали пшеницу, кукурузу, ячмень, злаки, какие были у них, все, яблоки, орехи, и клала инструменты, клала под стол хомут.

Войловица (часть города Панчево) (Vojlovica/Pančevo)

М.В., жен., 81.

V.B.19.

Igen, felkeltek reggel, öltöztek szépen, aztán az egész rokonsághoz mentek. Két három gyerek, s akkor verselnek, hogy kapjanak tojást, piros tojást vagy valamennyi pénzt, almát vagy mit tudom én. Hát ez öröm volt nekik. A gyerekek, húsvétkor, igen, mondták: “Én kis morzsa, gyenge rózsza, gyenge diákocsksa, én most jöttem hírt mondani, Király Krisztust hirdetni, váltsák még a leányokat szép piros tojással, ahogy Krisztus megváltotta a széles világot szép piros vérével, amén”. Ezt verselték, akkor odamentek, akkor kaptak tojást, pénzt.

Да, они вставали утром, красиво одевались, потом шли ко всем родственникам. Два-три ребенка, и читали стихи, чтобы получить яйцо, красное яйцо или сколько-нибудь денег, яблоко или еще что. Это была для них радость. Дети на Пасху говорили: «Я маленькая крошка, слабая роза, слабый ученик, я сейчас пришел с вестью, объявить о Иисусе Христе, выкупить девушек красивым красным яйцом, как Христос искупил мир своей прекрасной красной кровью, аминь». Это они читали, как стихи, и тогда они шли туда, тогда получали яйцо, деньги.

V.B.20.

Igen, karácsonyra van, az első napja karácsonynak. Akkor mennek a gyerekek énekelni, mennek este. Megállnak kívül az ajtónál, éneklük, amelyet éneket akarják, a karácsonyi éneket. Akkor szintén úgy megajándékoztak, amivel, ki mit adott nekik. Másik este mentek a felnőttek, az idősebbek, mondjuk, legények, legények mentek, ahol leányok vannak. Vittek harmonikást, zenészt, aki muzsikált velük. Ami a legérdekesebb,

felöltöztek csumákat. Azok felöltöztek úgy, hogy ne tudják őket megismerni, bundát kifordítva magára vette, álarcot csináltak. Akkor voltak olyanok, tollakkal, csináltak a libáknak a szárnyát. Akkor vannak, csengettyűk, tudod, szokott lenni, azok a csengők. Akkor lánc derékük közbe, egész körbe, nagy bot volt, mentek előre, ugráltak, csörömpöltek. Azok mentek legelőször a leányos házhoz, akkor azok ott táncolnak, amíg nem ismeri, hogy kicsoda, találgassa, hogy ez az vagy. Akkor azok énekelnek, mulatnak, isznak, egész éjjel.

Да, на Рождество есть, это первый день Рождества. Тогда идут дети петь, идут вечером. Они встают на улице у двери, поют песню, какую хотят, рождественскую песню. И тогда их также одаривают подарками, кто что может. На следующий вечер шли взрослые, скажем, парни, парни шли туда, где были девушки. Они брали с собой гармониста, музыканта, который с ними исполнял музыку. Что самое интересное, они надевали меховые шапки. Они одевались так, чтобы их не могли узнать, надевали вывернутую наизнанку шубу, делали маски. Тогда были такие, с перьями, делали гусиное крыло. Еще такие, колокольцы, знаешь, такие колокольчики. Тогда они цепь повяжут на поясицу, была большая палка, они шли впереди, прыгали, грохотали. Они шли сначала к дому девушки и там танцевали, до тех пор, пока не узнает его, кто он, пока не угадает, кто ты. И они поют, развлекаются, пьют целую ночь.

Купусина (Kupusina)

Й.Д., муж, 69.

V.B.21.

A Luca is hoz ajándékot, mint a Mikulás, csak a Luca néni szerényebb és ő kisebb ajándékot hoz. És Lucára kell meszelni, hogy tiszta legyen, a konyhán főleg. Lucára vetik a búzát. Lucától karácsonyig kell csinálni, tizenhárom nap van, ugye. Minden nap kell dolgozni rajta valamit. Tizenháromféle fából, csak fát szabad használni, vasat nem. Ez egy kis szék, ugye. És karácsony estéjére kész kell, hogy legyen. Legények csinálták. Akkor elkészült Ádám Éva estére. És akkor ezt vitte az éjféli misére. Az éjféli misén felállt erre e székre, akkor láthatták, hogy ki a boszorkány. Az volt a boszorkány, aki nem tudott bejönni a templom ajtón így,

hanem csak így. Ekkora szarvai voltak és nem tudott így bejönni, hanem csak így, oldalt. És akkor látták, de a boszorkányok is látták őket. Látták, hogy ki állt a széken. Tehát felismerték egymást. Na most, amikor véget ért az éjféli mise, akkor ezeknek a legényeknek futni kellett haza, mert a boszorkányok mentek volna utána, hogy elérjék. De a kupuszinai kántor az éjféli mise után játszik az orgonát egy fajta muzsika, zenét. Úgy hívják, hogy *dikica*. Erre a *dikicára* a boszorkányok az oltár körül táncolnak, ez az ő táncuk. És amíg azt játszi, addig ők ott a templomban táncolnak. Ezt nem látja mindenki, csak, akik azon a széken állnak. Na is, addig a fiúk szaladnak haza és szórják a mákot, mert amikor ezek a boszorkányok befejezik ezt a táncot, ugye, a kántor abbahagyja. Ez széppé teszi a misét. Na, a boszorkányoknak fel kell szedni minden egyes mákszemét. Tehát, hogy ne érhessék utol a legényeket. És akkor otthon a kemencében ég a tűz, és a Luca székét be kell dobni a tűzbe, a kemencébe, hogy égje el és ne találja meg egyetlen boszorkány sem. Ha valakit utolérnek, azt nagyon megverik, nyomorékká teszik, tehát, nagy bajt okoznak neki. Az érdekes, hogy a kántor tudja, lehet, hogy el is hiszi, hogy így lehet védekezni. És az éjféli mise nálunk éjfélkor van és egy óra. Nagyon szép zene. Hát én meg nem láttam, hogy táncoltak, nem vagyok olyan jó szemű sem.

Луция также приносила подарки, как и Николай [6 декабря], только тетя Луция приносит подарок поскромнее и поменьше. На Луцию нужно белить, чтобы было чисто, главным образом на кухне. На Луцию сеяли пшеницу [если взойдет к Рождеству — удачный год]. Со дня Луции до Рождества нужно делать [стульчик], это тринадцать дней, да. Каждый день нужно что-то в нем сделать. Из тринадцати пород дерева, нужно использовать только дерево, не железо. Это небольшой стул. И к вечеру Рождества нужно, чтобы он был готов. Делали его парни. И он был готов вечером в день Адама и Евы [24.12]. И тогда его несли на полуночную мессу. На полуночной мессе вставляли на этот стул, тогда могли увидеть, кто ведьма. Ведьма была та, кто не мог войти в церковную дверь так [прямо], а входил только так [голова набок]. Были такие рога у нее, и она не могла так [прямо] войти, а только так, боком. И тогда видели, но ведьмы тоже их видели. Видели, кто стоял на стуле. Значит, они друг друга узнавали. И тогда, когда заканчивалась полуночная месса, тогда те парни должны были бежать домой, потому что ведьмы пошли бы за ними,

чтобы их догнать. Но кантор в церкви в Купусине после полуночной мессы играет на органе музыку. Называют ее *дикица*. И под эту *дикицу* ведьмы танцуют вокруг алтаря, это их танец. И пока он играет музыку, они там в церкви танцуют. Это не все видят, только те, кто стоит на этом стуле. Ну и пока парни бегут домой, они рассыпают мак, потому что, когда эти ведьмы закончат танец, кантор прекратит [играть]. Это украшает мессу. Ну, ведьмы должны собирать каждое маковое зернышко. Значит, чтобы они не догнали парней. И тогда дома в печи горит огонь, и стульчик Луции нужно бросить в огонь, в печь, чтобы он сгорел, и чтобы ни одна ведьма не нашла его. Если они кого-то догонят, они сильно побьют его, сделают калекой, то есть нанесут ему большое увечье. Интересно, что кантор знает, может быть, он даже верит, что так можно защищаться. И полуночная месса у нас в полночь и длится час. Очень красивая музыка. Ну я не видел, что танцуют, у меня не такие хорошие глаза.

V.B.22.

Kárt csinált a boszorkány. A garabonciásról mesélt a mama. A garabonciás az tudta a felhőket, az megjósolni tudta azt, hogy mikor lesz eső vagy zivatar, vagy ilyen valamit, de előidézni nem tudta. A boszorkány, még ma is nagyon hisznek a boszorkányokban itt a faluban, nagyon hisznek benne. Tudják, hogy ki a boszorkány, ki parancsol. Férfiak is vannak közöttük, az a tulajdonságuk, miből lehet felismerni, amikor találkozunk, akkor így: "Aranyoskám, hogy vagy, édes kislányom? Milyen jól nézel ki most". Így. És annak rossz lesz.

Вредила ведьма. Мама рассказывала о гарабонциаше. Гарабонциаш мог облака [вызвать], мог предсказывать, когда будет дождь или буря или еще что-то такое, но вызвать их он не мог. Ведьма, и сегодня еще очень верят в ведьм здесь в деревне, очень в них верят. Знают, кто ведьма, кто повелевает. И мужчины есть среди них. Их свойство, по которому их можно узнать, когда мы встречаемся, тогда так [они говорят]: «Золотце, как ты моя девочка? Как ты хорошо сейчас выглядишь». Так. И тому [кому сказали это] будет плохо.

V.B.23.

Húsvétkor korán kell menni a temetőbe. A kakaskukorékolás előtt kell kimenni a temetőbe. Az érdekes, mert azon az éjszakán, ez a vasárnapra

virradó éjszaka, húsvét szombatjának estéjén, amíg a nap föl nem kel, addig kell kimenni a temetőbe, mert az új sírok, ahova abban az évben temettek, tehát az elmúlt egy év alatt temettek, azok a sírok nyitva vannak. A lelkek fönt vannak a föld felszínén és keresik a helyüket. Kijönnek a sírból és ha a hozzátartozójuk nem megy ki és nem szenteli meg szentelt vízzel a sírt, akkor továbbra is bolyongani fog ez a lélek, nem találja a helyét. Ezért mennek főleg az asszonyok, de férfiak is mennek, házaspárok, családok, korán reggel, most már hát órákor is mennek. Visznek egy gyertyát, virágot. Ezt minden évben lehet csinálni még illik is csinálni, de akkor, amikor a friss halott van. Hogy a lelke nyugodjon meg, hogy ne bolyongjon a lelke. Ez a húsvét vasárnapi. Szentelt víz nélkül soha nem jó. Vízszentelés, háromkirályok, az január hat nálunk, még január tizenkilenc *Bogojavljenje*, Zomborban én voltam, *bogojavljenjska vodica*. Azt vitték haza egy üvegben persze. Csak más időpont.

Рано на Пасху нужно идти на кладбище. Перед тем как пропоет петух, нужно идти на кладбище. Это интересно, потому что той ночью, это ночь на воскресенье, вечером на пасхальную субботу, пока солнце не встало, до этого времени нужно пойти на кладбище, потому что новые могилы, куда в этом году похоронили, т. е. в течение прошедшего года хоронили, эти могилы стоят открытыми. Души находятся на поверхности [на земле] и ищут свои места. Они выходят из могилы, и если их родственники не придут и не освятят святой водой могилу, тогда душа и дальше будет блуждать, не найдет свое место. Поэтому идут обычно женщины, но и мужчины тоже идут, супружеские пары, семьи, рано утром, сейчас уже в шесть часов тоже идут. Приносят свечу, цветок. Это можно делать каждый год, даже нужно делать, но когда кто-то недавно умер. Чтобы его душа успокоилась, чтобы его душа не блуждала. Это пасхальное воскресенье. Без святой воды нехорошо [идти на кладбище]. Освящение воды, на Богоявление [поклонение волхвов], это у нас шестое января, а девятнадцатое января — Богоявление [у сербов], я был в Сомборе [на службе], крещенская вода. Ее несли домой в бутылке. Только другое число [у сербов].

Банатски-Двор (Banatski Dvor)**В.Д., жен., 83.****V.B.24.**

Mindig mondták, hogy csinálík tizenkét napig, csinálták a lucaszéket, fábó. Négy lába vout, kecskelába. A karácsony napjára, aki csinált, az elvitte a templomba, azt mögszentölték, azt a lucaszéket. És hazavitte, azt használták, sámlira, akkó nagyon sok vout ez a kis sámlí.

Всегда говорили, что делали в течение двенадцати дней стульчик Луции, из дерева. У него было четыре ноги, козьи ноги. В день Рождества тот, кто делал, нес его в церковь, его освящали этот стульчик Луции. И он относил его домой и там использовали в качестве табуретки, тогда очень много было маленьких табуреток.

V.B.25.

Lányuk csináltunk, tizenkét cédulát írtunk, arra a tizenkét cédulára mindön férfinévet ráírtunk, akkor mindön nap egyet eldobtunk, amikor a utolsót dobtuk el, azt volt szabad kibontani. Akkó amilyen név volt rajta, aszonták, olyan lősz a férjednek a neve. Hát én éppen úgy jártam, én is írtam, az Pál gyött ki, hát. Akkó egy diót széttörtek, ha kivitte belőle a belet, akkó kitötte az asztralra, s ott hagyta karácsony napjáig. Amíg vizes vout, akkó abba a hónapba sok eső vout, ezt is tartották.

Мы, девушки, делали, писали двенадцать записок, на этих двенадцати записках писали мужские имена. И каждый день выкидывали по одной записке. Когда выкидывали последнюю, можно было ее развернуть. Чье имя было написано на ней, как говорится, таким будет имя твоего мужа. И у меня как раз так же случилось, я написала, и выпало имя Пал. Раскалывали орех, вытаскивали сердцевину, клали на стол и оставляли до Рождества. Когда орех становился мокрым, в том месяце было много дождей, это тоже соблюдали.

V.B.26.

Szóúgáltam némötné. Az azok nem tudtak magyarul, csak némötű. Akkó egysze aszongyák hogy, mönjek le a pincébe, hozza mög vöröshagymát. Hát milyen? Akkó mondta ű, hogy hát *zwifli*. Hát micsoda? Piros? Minden. Mint az alma olyan, akkó így magyaráztuk egymásnak

mög. Akkó úgy tudtam, hogy vöröshagyma. Akkó elküdtek egysző diót, aszonta, hogy szögyem a diót, úk lefeküdtek aludni, éneköm mög mönjek a diót szödni. Hát én mög úgy értettem, hogy összetörteni, a nagy tányérral mögtörtem a diót. Amikó gyött Kati néni: “Ja-aj, *was mascht du?* Mit csinálsz aszongya. Mögtörted a diót”. Hát mögtörtem aszonta, hogy pucoljam mög a diót, hát én mögpucoltam, mögtörtem. No akkó lött strudli. Az még a szomszédok is kaptak belőle.

Я служила у немцев. И они не знали по-венгерски, только по-немецки. Однажды сказали, чтобы я пошла в погреб, принесла лук [досл. красный лук]. Но какой? Тогда она сказала: «*Zwifli*. Что это? Красный?» Как яблоко [красный], и так мы объясняли друг другу. И тогда я знала, что [красный] лук. Однажды послали меня, как говорится, собирать орехи, они легли спать, а мне сказали собирать орехи. Но я так поняла, что их нужно расколоть, и большой тарелкой я расколола орехи. Когда пришла тетя Кати: «Ой, *was mascht du?* Что ты делаешь? Ты расколола орехи». Я расколола, чтобы почистить орехи, я почистила и расколола. И тогда сделали штрудель. И соседей угостили.

V.B.27.

Májusfa vout, építették a legényök. Például, vout akkó jegyző mög bíró. Ezöknek vout. Mög akkó templomná vout egy, mög akkó akinek vout nagylánya, akkó annak is vout májusfa. Mikó szödték ki a májusfát, akkó möntünk zenévé. Arra májusfára vout fölkötve egy liter bor vagy pálinka vagy valami, muzsikáltak, táncoltunk körül, úgy vötték ki a májusfát. Az a nagy magas surjánfa. Arra orgona vout kötve izére, a tetejére, orgona, mög akkó szalagok, özök a papírszalagok, kreppapír! Avva földízítöttük, az vout rákötve. Mög mondom, valami ital mindeg vout rákötve.

Было майское дерево, возводили его парни. Например, был нотариус и судья. У их дома возводили. Было также у церкви, и также у того дома, где были девушки, также было майское дерево. Когда убирали майское дерево, тогда шли с музыкой. На это майское дерево была привязана литровая бутылка вина или палинки или еще что-то, играли музыку, мы танцевали вокруг, так убирали майское дерево. Это высокое дерево. На эту самую, на макушку сирень была

привязана, сирень и ленты, эти бумажные ленты, креповая бумага. Этим украшали, было привязано к нему. И я сказала, какой-то напиток был привязан всегда.

V.B.28.

A Szent Iván az vout mindeg este összegyűjtünk, akkó gyűjtötták a tüzet. Aztat ugrátuk körösztü. Akkó vout akinek vout almája, akkó alma rákötötte. Gyerekek voutunk.

На Святого Ивана всегда собирались вечером, тогда разжигали костер. Через него прыгали. У кого было яблоко, привязывали яблоко [и бросали в костер]. Мы были детьми.

V.B.29.

Az is divat, szokás vout, mikó mögsüketűjt a harang, tíz órakor, húsvétkor nagy csütörtökön, akkó aszonták, hogy vögünk söprút, körülöntük a házat, azt mondtuk, hogy: “Gonosz lelkek, békák kígyók, távozzatok a háztó!”

Был обычай, когда умолкал колокол, в десять часов на Пасху в Великий четверг, тогда, как говорится, брали метлу, обходили дом и говорили: «Нечистые души, лягушки, змеи, убирайтесь из дома!»

V.B.30.

Mondom, egyet emlékszők rá. Gyüttek át értem: “Nem tudom, mit csináljunk a gyerökké, de sivalkodik csak sivalkodik!” Akkó egy tányérba töttem vizet, ilyen porcelán tányérba ... körösztöt töttem bele a tányérba. Egy kanálba beletöttem az ólmot, akkó az mögolvadt, akkó oda közepére ráöntöttem. Ez énrajtam mögtörtent. Amit mögijedt a gyerök, az kigyütt. Egy falvédő vout a feje fölött a gyeröknek. A falvédőtő a gyerök mögijedt. Például, énrajtam is öntöttek ólmot, akkó rám öntöttek, mög kígyó van! Ez akkor mögijedtem tőle. Anyám öntött rám ólmot. Az annyi kígyó kigyütt azon az ólmon. Mikó az kész vout, akkó azzal a kanállal így az ajtó sarkára rávertük. Egy kanál vízzé mindeg kevesebb vout. Ez nem vout babona, ez így.

Я помню один случай. Пришли за мной: «Не знаю, что нам делать с ребенком, но он визжит и плачет!» Тогда я налила в тарелку воду, в такую фарфоровую тарелку ... положила в тарелку крест.

В ложку положила свинец, когда он растаял, тогда я туда налила его в середину. Это и со мной случилось. Чего испугался ребенок, то и выходит. Настенный коврик был над головой ребенка. И ребенок испугался настенного коврика. Например, на меня тоже лили свинец. Была змея, и я ее испугалась. Мама лила на меня свинец. И столько вышло змей в этом свинце! Когда все закончилось, тогда этой ложкой ударяли в угол двери. И всегда меньше было одной ложки воды. Это не было предрассудком, это так.

Нова-Црня (Nova Crnja)

Ф.Ч., жен., 58.

V.B.31.

Pénzt nem adtak ki az nap, mert elmegy a szöröncse a háztó. Töpörtyűs pogácsát csináltak. Kisütötték szalonnát és van a töpörtyű, és akkó azt ledarálik, és akkó azt tőszik a kalács tésztába és akkó abbó sűtnek pogácsát. És akkó szoktak beletönni aprópénzt és akkó ki talál benne pénzt, lögyön szöröncse, a gyerököknek. Luca napján kezdték és karácsonykor fejezték be, tizenhárom napig csinálták a széköt, mindön nap csináltak valamit és ha valami lassan készül el, akkó arra szokták mondani, hogy: “olyan lassan készül mint a Luca széke”. Használtak, semmi különös. Írtak tizenhárom cédulát és akkó a fej alá tötték a lányok a párna alá, és akkó mindön nap egyet kihúztak, eldobták. És addig maradt, karácsony röggeli nézték mög, olyan neve lött a férjük.

Деньги не давали в этот день [Луции], потому что счастье уйдет из дома. Делали пирожки со шкварками. Жарили сало и получали шкварки, затем их мололи и клали в тесто и из этого готовили пирожки. И обычно туда клали мелкие деньги, и кто находил в нем деньги, тому будет счастье, для детей. На Луцию начинали делать и на Рождество заканчивали [стульчик], делали в течение тринадцати дней. Каждый день делали что-то и если медленно делалось, тогда обычно говорили: «Так медленно делается, как стульчик Луции». Его использовали [дома], ничего особенного [не делали с ним]. Писали тринадцать записок и девушки клали под голову под подушку, каждый день по одной вытаскивали и выкидывали. И [записка, что] до тех пор оставалась, на рождественском завтраке смотрели [её], такое имя будет у их жениха.

Сербский язык как функционально второй (L2).**Записано от носителя венгерского языка****Мол (Mol)****С.А., жен., 72.****V.Ср.1.**

Ja sam iz Mola, rod'ena. Ima jedna mala sela, mi smo stanovali, pa loše je bilo. Svaki dan imali smo šta da jedemo ali nije baš kao ko je imo tako puno. U školu smo išli, i mama i tata nije mogla da kupi mi svesku, ni knjigu mi, pa nismo, nisu oni mogli to da urade da mi, nama, možda da kupe sve ono što treba da jednu detetu šta ja znam. Živili smo, jeli smo i mast, jeli smo ono što je bilo. I posle kad u četiri razred kad sam išla, sve je škola je sredila, sve to uradio. Mi smo zajedno išli, drugarice i njegova mama su nakupili haljinu i cipele, ono što nam trebalo da bude, i u školu su kuvali, tako sirotanjama. Kuvali su nas, jeli smo u školu, pa dobro, sramota je bilo, al mi smo bili deca, mi smo kako da vam kažem, mi smo kao čovek, to nije sramota kad nema čoveku. Mama nije radila, išla je da spremi, šta je znam, da bude malo hleba, šta je znam, što potrebno deci, a tata mi je pila, *vagy* pio je, zato nije bilo. Inače bi bilo sve, kad je stigo kut'i, sve je završio, došo kut'i, prazno. Mama ono što mogla da nakupi hleba, zaradila malo pare i šta je znam, da imamo šta da jedemo. Inače tako. Novo Selo smo stanovali, pa tamo mešana je bila, i Srpskinja, i Mad'ari, i Cigani, pa ima i rumunska, mešano. Sad ne mogu tu da objasnim kakav je cigan jezik prava, znaš, al to znam da zajedno smo stanovali u Novo Selo, i pričali smo i mad'arski, i ciganski, i srpski, nemački smo malo pričali. Dobro, to je školu smo učili. To je porodična, bio je zajednička, kako da vam kažem, kad ti nemaš, dat'u ili pomognem. Mi nismo krali jedno drugo da, ajde sad da uzmem od njega, ne. Nego tako smo naučili, da negde idemo i radimo to da ne uzmemo. Šta da ja uzmem ovo i nosim ja kut'i, a nije mi potrebno, to nije lep, a sirota smo bili. A to nije nikad bilo potrebno da mi krademo jedno drugo ili da idem negde da ukradem sat ili lančit' i šta ja znam. To nama porodica i mama i tata to nije opšte pustio to da uradimo. A lepo je bilo, kako vama kažem, to je dečija život, to kad seti nazad čovek, kakav je bio taj život ili sad kakav je taj život. Zato što ove dece, ono što nama došle unuke i šta je znam, to ne znaju kakav je taj bio život nama kad smo išli u dut'an, mi

nismo mogli to da uzmem: “Ajde, mama, kupi to”! Nije bilo, to mama nije mogao da kupi.

Я из Мола, родилась [там]. Есть одно маленькое село, мы [там] жили, и плохо было. Каждый день у нас было, что есть, но не так, как было у тех, у кого было много всего. Мы ходили в школу, и мама и папа не могли мне купить ни тетрадь, ни книгу, они не могли это сделать, нам купить то, что нужно ребенку. Мы жили, ели сало, мы ели, что было. И потом, когда я ходила в четвертый класс, я закончила школу, все сделала. Мы вместе ходили, подруги, и ее мама купила нам платье и туфли, что нам нужно было иметь, и в школе готовили, бедным [детям]. Готовили нам, мы ели в школе, стыдно было, но были дети, как вам сказать, мы как человек, не стыдно, когда у человека нет. Мама не работала, он шла и делала уборку, чтобы было немного хлеба, что необходимо детям, а мой папа пил, поэтому не было. А так бы было все, когда он приходил домой, все заканчивал, пришел домой, пусто. Мама, что могла — купить хлеба, заработать немного денег, чтобы у нас было, что поесть. Вообще так. Мы жили в Ново-Село, там смешанное было [население], и сербы, и венгры, и цыгане, и есть румынские [цыгане], смешанно. Сейчас я не могу объяснить, какой настоящий цыганский язык, знаешь, но я знаю, что мы вместе жили в Ново-Село и говорили на венгерском, и на цыганском, и на сербском, на немецком мы немного говорили. Хорошо, его мы учили в школе. Это семейное было, общее, как вам сказать, когда у тебя нет — я тебе дам или помогу. Мы не воровали друг у друга, ладно, сейчас я возьму у другого, нет, а мы так выучили, куда-то пойти, работать, а не брать. Зачем мне брать это и нести домой, а оно мне не нужно, это некрасиво, а мы были бедные. И никогда не было необходимости воровать друг у друга, идти куда-то и красть часы или цепочку. Это нам семья, мама и папа вообще не разрешали делать. А было хорошо, как вам сказать, это детская жизнь, когда вспомнишь, какая это была жизнь и какая сейчас жизнь. Потому что эти дети, наши внуки, не знают, какая была у нас жизнь, когда мы ходили в магазин, мы не могли это взять: «Мама, купи это!» Не было [денег], мама не могла купить.

Сербский язык
Нови-Сад
С.Н., муж., 62.

V.Ср.2.

Sećam se iz ranog detinjstva. Kod bake i dede tu u Zlatne Grede znam da je dolazila, ona je isto na Podbari živela, žena Mađarica, koja je donosila kiselo mleko, pravila je kiselo mleko u onim starijim zemljanim kao posudama, ovčije i kravlje. I znam da je gurala u starijim nekim kolicama za bebe, donosila. Zašto znam, zato što su baba i deda govorili na mađarskom s njom. Ona dođe, ja sam jako voleo kiselo mleko, volim i dandanas naravno, ali je to domaće ona pravila, žena. Znam da je živela na Podbari, tako da. Znam njihovih prijatelja, babinih i dedinih, koji su dolazili u kuću. Pa to je ta tolerancija, njemu dođe prijatelj i oni pričaju na mađarskom. Ja sam ko mali sve gledao i slušao... To je ulica Jovana Subotića, sa desne strane je slovačka crkva. Ja sam imao G. Vl., da li je bio Rusin ili Slovak, majku mi. U razred smo išli zajedno. Imam jako puno prijatelja i u Kisaču i u Bačkom Petrovcu, i Gložanj. Ima sjajna čarda na Dunavu, drži Slovak, gde vrlo volim da idem. Alasi mu donose ribu, sve vidite kad je sprema, a Slovakinja mu mese štrudlu s makom, uf! Jedino je nezgodno kad se Dunav podigne, onda i on pliva, jedva se vide prozori od čarde.

Я вспоминаю из раннего детства. К бабушке и дедушке здесь на улице Златне Греде, знаю, что приходила, она также жила на Подбаре, женщина, венгерка, которая приносила простоквашу, она делала простоквашу в этих старых глиняных посудинах, овечьё и коровьё [молоко]. Знаю, что она везла его в старой какой-то детской коляске, приносила. Я знаю это потому, что бабушка и дедушка говорили на венгерском с ней. Она придет, я очень любил простоквашу, люблю и сегодня, разумеется, но она домашнюю делала, эта женщина. Знаю, что она жила на Подбаре, так что. Знаю их друзей, бабушки и дедушки, которые приходили в дом. Это толерантность, к нему приходит друг и они говорят на венгерском. Я маленький все смотрел и слушал... Это улица Йована Суботича, с правой стороны находится словацкая [евангелическая] церковь. У меня был друг Г. Вл., был ли он русин или словак? Мы ходили в один класс вместе. У меня

много друзей в Кисаче и в Бачки-Петроваце, и Гложань. Есть прекрасная чарда [корчма] на Дунае, ее держит словак, я туда очень люблю ходить. Рыбаки приносят ему рыбу, вы все видите, когда он ее готовит, а словачки месят маковый штрудель, уф! Единственное, что неудобно, когда Дунай поднимается, тогда и он плавает, едва видны окна чарды.

Чешский язык
Крушчица (Kruščica)
М.К., жен., 74.

V.Ч.1.

F tenkrat sme nemn'eli an'i pjeknou sálu, ani n'ic. Tak sme hod'ili v zimn'e, diš se netancuvalo, diž bili pósti. Vod e-e Katežini se vic netancuvalo, aš na-a doček novihó roku. Zadn'ij muzika bila na Katežinu. Katežinskej bal, to dicki holki nosili fšixn'i bili šati. I na doček novihó roku taki vjetšinou sme holki si vi- vo- voblikali bili šati. I bila muzika. A diš bili pósti, po masopust'e, tak sme hod'ili si kamaratki naše generacije, kolik nas bilo, vosum, devjet, kažou ned'eli, k jednej kamarace. Neska u mn'e, zejtra u Dóri nebo u koho bilo moji generaciji. I tam sme si hrali prstínki nebo e karti, vipravjeli n'aki viceve nebo n'eco. Tak sme si hráli, tak sme si zanimali. V let'e sme potom hod'ili tam du dolišniho kraja sme si hráli kački z jara. Taki diž bil púst pšed červenima sa- svátka- ma se taki netancuvalo se, po masopust'e šest ned'el taki ne. Netancuvalo do svácix. Tak sme si hrali kački. E jeden kousek dřífka i prut, i tak sme házeli i s košíkama xit'ele, xitali tu káčku, i to sme si hráli.

Тогда у нас не было даже хорошего зала, ничего. Так мы ходили зимой, когда не танцевали, когда был пост. После [святой] Екатерины [25.11] больше не танцевали, вплоть до кануна Нового года. Последние танцы были на Екатерину. Екатерининский бал, девушки всегда все надевали белые платья. И в канун Нового года тоже мы, девушки, в основном надевали белые платья. И были танцы. А когда был пост, после масленицы, то мы ходили, подружки нашего возраста, сколько нас было, восемь, девять, каждое воскресенье к одной из подружек. Сегодня у меня, завтра у Доры или у кого-то еще моего возраста. И там мы играли в колечко или в карты, рассказывали всякие шутки

или что-нибудь. Так мы играли, так мы себя занимали. А летом мы ходили туда вниз, мы играли в «утку» по весне. Еще когда был пост перед Пасхой, тоже не танцевали, после масленицы шесть недель тоже нет. Не танцевали до праздников. Так вот, мы играли в утку. Одна деревяшка и прут, так мы бросали и с корзинками ловили эту утку, так мы в это играли.

V.Ч.2.

Pa to-o. Tak držíte ruce, ta-ak, a jeden má v ruce knoflík. I tej vom poušti, mi šini držíme, jako dršte tej ruku, mi držíme fšixni. I ti tej hádaš, a pořad ti tak d'elaš, a jako diš se kaže, a ti mušiš uhádnut, u koho sem ja pust'ila ten knoflík. I pak (j)esi neuhadneš. Nejmam, uš sem to zapomn'ela, dal desetkrát nebo kolíkrát, a pak dou a t'e vdavaj nebo t'e žen'ej. (J)esi kluka, tag ho žen'ej. Daj(i) na prsti tuto je ta holka, to je ta holka, to je ta holka. I pak t'e jako žen'ej. Ti žekneš, kerej prst, i tak sme si mi to hrali. Lepši sme nemn'eli, iniho sme nemn'eli, tak se to hrálo, ti prstínki. To se pouš'tel knoflík, i ti jesi ti, po pořad pouš'tel, a ti, a drží ho mezi prstama, a ti tej mušiš uhádnut. Te esi uhádněš, ne, ti se n'egdi neuhádněš i desetkrát, pak t'e žen'ej nebo vdavaj. Gdo-o a gdo, misim, gdo háda. Tak sme si to hrali.

[Об игре в колечко]. Ах это. Так, держите руки, вот так, а у одного в руках пуговица. И теперь он опускает, мы все держим, вот держите сейчас руку, мы все держим. И ты теперь угадываешь, и ты все время так делаешь, а когда говорят, ты должен угадать, у кого я оставила пуговицу. И потом, если не угадаешь. Не знаю, я уже забыла, десять раз или сколько, потом идут и тебя выдают замуж или женят. Если парня, то женят. Надевают на пальцы: это та девушка, это та девушка, это та девушка. И потом тебя как бы женят. Ты говоришь, какой палец, и так мы играли. Ничего лучше у нас не было, другого у нас не было, так мы играли, в это колечко. Пускали пуговицу, и если ты... ее все время пускали... а ты... и держали между пальцами, а ты теперь должен угадать. Ты если угадаешь, ты иногда не угадаешь и с десятого раза, и потом тебя женят или выдают замуж. Тот, кто угадывает. Вот так мы в это играли.

Б.Ха., жен., 71.

V.Ч.3.

Bux Otec, i Sin, i Dux svati. Amen nema, naposletku je amen. Nači Bux Otec, i Sin, i Dux svati. Jesi mn'e uhranul muž. Nebo [...] napšiklat. Jesi [...] uhranul muž, pomoc mu Pan Ježiš. Bux Otec, i Sin, i Dux svati. Jestli [...] uhranula žena, pomoc mu Máři Magdelena. Bux Otec, i Sin, i Dux svati. Jestli mn'e, em, [...] uhranula pana, pomoc mu Pana Marija. Bux Otec, i Sin, i Dux svati. Jesi [...] uhranul e-e takij ten mla-, prvn'i mladenec, pomoc mu svatej Vavřinec. Bux Otec, i Sin, i Dux svati. Tej de esi pa e [...] uhranula pana, pomoc mu Pana Marija. Bux Otec, i Sin, i Dux svati. E tej tšebaji e tši štiri e-e mali tak uhel. Ze šporhetu. Poštu nemam uhli, ja vemu sirki. I tej naznačim: tuto je muž, tuto je žena, pamatovat kera kera je, mladenec, i pana. Bux Otec, i Sin i Dux svati amen. E teč', kera padne. Je kera padne dolu momentaln'e, jako kamen, diš ste hod'ili, je kera ostane pod vodou, je kera nepadne uopšte. Nači to je uhranutej. Teč' nevid'im, ja jsem teda zařikavala, to nen'i n'ic strašniho, nemaš n'ic. Fšeni sou nahože. E tečteč' tak, tšikrat se ho tak. Tej dej mi ruce. Pravu keru maš, tuto. A, nen'i dobže. I tšeba: prava ruka, leva noha. Tak. Tej leva ruka, prava noha. Tak. N'ic to nen'i strašniho. Tšikrat. E tej bi se tšeba tak tšikrat trošku napit. Troxu, troxu, namoč piski. Tej tu vodu vileju jel na stšexu, jel diš mam psa, psovi do vočix. Jak se votšese, tak to brzi projde. Jak to stšexi brzo slejt, sleje se, tak to brzi projde. A nebu na tši suxi sloupi, pritki suxi. E tej to vileju na tšexu, pojt' se podivat, jak xceš. Ja sem je velejvala na tšexu, protože nemam psa, nemam ti sloupi suxi tadi. An'i jedna ne padla dolu, šeni sou nahože. I to je to. I mje, sem zašla dovnitš, i mn'e bilo za xvili dobže.

[Снятие сглаза]. Бог Отец, и Сын, и Дух святой. «Аминь» не говорят, в конце «Аминь». Значит, Бог Отец, и Сын, и Дух святой. Если меня сглазил мужчина. Или [имя], например. Если [имя] сглазил мужчина, помоги ему Господь Иисус. Бог Отец, и Сын, и Дух святой. Если [имя] сглазила женщина, помоги ему Мария Магдалина. Бог Отец, и Сын, и Дух святой. Если меня, эм, [имя] сглазила девушка, помоги ему Дева Мария. Бог Отец, и Сын, и Дух святой. Если [имя] сглазил, э-э, такой этот юноша, первым идет юноша, помоги ему святой Вавржинец [Лаврентий]. Бог Отец, и Сын, и Дух святой.

Теперь идет, если [имя] сглазила девушка, помоги ему Дева Мария. Бог Отец, и Сын, и Дух святой. Теперь нужны три-четыре маленьких таких уголька. Из печки. У меня нет углей, так что я возьму спички. И теперь помечаю: это мужчина, это женщина, нужно помнить, какая есть кто, юноша и девушка. Бог Отец, и Сын, и Дух святой, Аминь. И теперь, какая упадет. Бывает, какая-то падает вниз моментально, как камень, который вы бросили, бывает, что какая-то останется под водой, бывает, что какая-то не упадет вообще. Значит, это сглаз [имеется в виду, что утонувшая спичка покажет того, кто навел порчу]. Сейчас не вижу, я заговаривала, ничего страшного нет, у тебя ничего. Все наверху. А сейчас так, три раза его так. Теперь дай мне руки. Правая у тебя какая, вот эта. А, неправильно. Надо так: правая рука, левая нога. Так. Теперь левая рука, правая нога. Так. Ничего страшного нет. Три раза [обе руки и обе ноги три раза смачивает водой из кружки, в которой плавают спички]. Теперь нужно три раза немного отпить. Немного, немного, намочи губы. Теперь я эту воду вылью или на крышу, или, если у меня есть собака, собаке в глаза. Как только она отряхнется, все быстро пройдет. Как только с крыши сольется, все быстро пройдет. Или на три сухих столба, сухие прутья. Теперь я вылью это на крышу, иди посмотри, если хочешь. Я выливали на крышу, потому что собаки у меня нет, сухих столбов тоже здесь нет. Ни одна не упала вниз, все наверху. Вот и все. И я зашла внутрь и вскоре почувствовала себя хорошо.

V.Ч.4.

A ja jsem tolik škitala. Ja pram, — gdo mn'e tolik fspomína, — a ti si asi čekal, dok sem se ja neozvala. To u nas žikaji, gdiš škitaš, tak t'e n'egdo fspomína. Ve škole sme se učili, diš skitaš, takže to dvje kapki do do srce kápnou. Krve, dvje kapki krve, ne jedna po jedna, ali dvje. Tagže. Co je s toho pravda, nevim. No to vječinou žikaji, — fspomen si na n'ekoho. No ja si fspomínam na toho, na toho, na toho, a potom an'i na koho sem si fspomjela a to přestálo. Diš sem bila mala, moje baba žikala: “Šla škitka pšez može, potkala Žehože, Žehoř se vrát'il, a škitka tam zustala”.

А я так икала. Я говорю: «Кто меня так вспоминает?» — а ты, наверное, ждал, чтобы я ответила. У нас так говорят: «Если икаешь, значит, тебя кто-то вспоминает». В школе мы заучили, что ког-

да икаешь, то две капли капают в сердце. Крови, две капли крови, не одна за другой, а две. Так что вот. Что из этого правда, я не знаю. Но обычно так говорят: «Вспомни о ком-нибудь». Ну, я вспоминаю о том, о том, о том, а потом я так ни о ком и не вспомнила, но все прошло. Когда я была маленькая, моя бабушка говорила: «Шла икота через море, встретила там Григория, Григорий вернулся, а икота там осталась».

V.Ч.5.

U nas žikaji: “Svata Ana hladno z rána”. Svata Ana bila dvacet šestiho července. Tak od svati Ani už se zaxlazuje, ráno su hladn’ejši.

У нас говорят: «Святая Анна — холодные утренники». Святая Анна была 26 июля. Так что со святой Анны становится холоднее, по утрам становится холоднее.

V.Ч.6.

U nas zase je na Št’epana. Na Luciji, ne na Št’epana. Lucije je třináctiho prosince. Na Svatou Luciji noci ubije, ale dna nepšida. Noci ubije, a den nepřida. A Novi rok o slepiči krok. A Tři krále o hod’inu dále.

У нас же на [святого] Стефана. На [святую] Луцию, не на Стефана. Луция 13 декабря. На святую Луцию ночь убивает, но дня не прибавляет [здесь информантка, возможно, неточно приводит поговорку, в словарях фиксируется: *Svatá Lucie noci upije* ‘Святая Луция ночи выпивает’; либо происходит контаминация с глаголом *ubývat* — *ubýt* ‘убывать — убыть’]. Ночь убивает, а день не прибавляет. А Новый год на куриный скок. А Три короля [06.01] на час дальше.

Тексты из Прекмурия (Словения)

Прекмурский диалект словенского языка
как функционально второй (L2).

Записано от носителя венгерского языка.

Мотварьевцы (Motvarjevci)

Р.К., муж., 27.

SPrek.Сл(пр).1.

Dvojezični pouk f šoule je to, kã se fçimo dva jezika skoz osnóvno šoulo. To poméni, kã se fçimo, ne vem, že od prvéga razredã madžársçino pa isto kã se fçimo slovénšçino. Nas fçitelje to fçijo, ne vem, mam vére madžárskoga jezika in slovénskoga jezika. Te pa se léjko odlóuçimo, štéri da naš prvi jézik, na prímer máterni jézik áli pa štéri da drúgi jézik, jézik okólja... Najvéçje težáve so bíle pri písánju spísa, gúçati je še šlo mogóçe, pa gdã sem písál spis, sem fsígdar namésto pravílnih knjížnih véznikov núcal nékše, ne ven, na prímer véznik *da*, pa namésto tóga sem še v srédnjoj šoule éti v Léndavi fsígdar napísál al pa gúçal tú *kã*, míslim da takó... Veçina je gúçala prekmúrski, veçina tam so tú z Goríçkoga odíle f Prosenjãkofce v osnóvno šoulo, pa to zajémalo isto Hódoš, Dománjšefce pa še tam okóliške véjse. Veçina je gúçala prekmúrski tú. V Léndave pa sen f srédnjej šoule záçnol tãk s kolégi, kã smo se drúžile, záçnol gúçati léndafšçino, po potrebe, kã se fkljúçiš v drúžbo, tãk kã smo gúçali léndafsko, bólje tak trdo. Prekmúrsko guçí tak méjko, kã se fajñ obrãça. Léndafšçina je tak bolj trda pa bolj je podobna knjížni slovénšçini... V osnóvni šoule sem mel énoga sošólca, kã je bil iz Krplívnikã. To je éna vejs pri Hódoše, ne ven, po móje, če némaš stíka s slovénšçino, s prekmúršçino, se tú téže nafçíš to, míslim, téže nafçíš jézik. Sem mel éno dva tri sošólce, ko jim je knjížna slovénšçina délala par težáv, nej, mi smo se poguçãvale, nej, ámpak če je terbélo kaj odgovárajate al pa písate, pa je že, so nastóupile probléme... Tú slóvniçke napãke, pa túj, ne ven, besédni rejd f stãfke, al pa, ne nájdeš práve beséde.

Двуязычное обучение в школе заключается в том, что мы изучаем два языка в основной школе. Это означает, что мы изучаем, не знаю, уже с первого класса венгерский язык и также изучаем словенский язык. Нас учителя этому обучают, не знаю, у меня уроки венгер-

ского языка и словенского языка. И мы можем решить, какой наш первый язык, например, родной язык, или какой второй язык, язык окружения... Самые большие проблемы были у меня при написании сочинения [на словенском], говорить еще было нормально, а когда я писал сочинение, я всегда вместо правильных литературных союзов использовал некоторые, не знаю, например союз *da* [что], и вместо этого я еще в средней школе тут в Лендаве всегда писал и говорил тут союз *ka*, думаю, что так... Большинство [учеников] говорили по-прекмурски, большинство там из области Горичко ходили в основную школу в Просеняковцы, это касалось также Ходоша, деревни Доманшевцы и окрестных деревень. Большинство говорили по-прекмурски тут. В Лендаве в средней школе я начал с товарищами, с которыми мы общались, начал говорить по-лендавски, по мере необходимости, как включаешься в компанию, так что мы говорили по-лендавски, более так твердо. Прекмурский звучит так мягко, что хорошо идет. Лендавский язык более твердый и более похож на литературный словенский язык... В основной школе у меня был одноклассник, который был из Крпливника [и с трудом говорил по-словенски]. Это одна деревня рядом с Ходошем, не знаю, по-моему, если у тебя нет контакта со словенским языком, с прекмурским, ты тяжелее это выучиваешь, думаю, что тяжелее выучиваешь язык. У меня было два-три одноклассника, для которых литературный словенский составлял некоторые трудности, мы общались, но, если нужно было что-то отвечать или писать, возникали проблемы... Также грамматические ошибки, и также, не знаю, порядок слов в предложении, или не находишь подходящего слова.

Венгерский язык

Мотварьевцы

Р.К., муж., 27.

SPrek.B.1.

Első különbség az, hogy a református templomnak nincs olyan ornamentikája, mint a katolikusnak, kevesebb a faldísz, a freskó, s a többi. Tehát szerényebb. Más különbség pedig az, hogy nem annyira, nem tudom hogyan fogalmazzam, nincsenek olyan követelmények, nem állítanak

fel a követelményeket a hívőknek, mint a katolikusoknak. Például, nem kellett annyira hittanra járnunk, nem voltak olyan sűrűn istentiszteletek, és ilyen lazább az egész. Megtanultuk mi is a szentírást, történeteket. Még nincs első áldozásunk, mint a katolikusoknak, és a bérmálás, a konfirmációnak mondjuk, ahol bebizonyított a hitedet, az konfirmáció. Külön érdekessége a református hitnek a fatáblák, tehát a temetőkben, ilyen fatáblák vannak, kereszt helyett. Van kereszt is, de régebben csak ilyen fatáblákat használtak, amire felírták a neveket is a dátumokat... Szentlászló többnyire református. Itt is látszik, hogy picit lazább hit, mivel az apám az katolikus, anyám református, mindig előbb úgy szokott lenni, hogy gyermekek az apja hitét veszik át és testvéreim minden reformátusok vagyunk. De egyébként még egyforma templomban tartjuk a katolikus és a református istentiszteleteket, mivel csak egy templom van a faluban, tehát megbeszéljük az időpontokat és vannak közös istentiszteletek, református, katolikus egyben.

Первое отличие, что у реформатской церкви нет таких орнаментов, как у католической, меньше украшений стен, фресок, и так далее. Значит — скромнее. А другое отличие, что не настолько, не знаю, как сформулировать, нет таких требований, не выдвигают требования верующим, как католикам. Например, не нужно было столько нам ходить на уроки религии, не были так часто богослужения, и все было мягче. Мы также учили священное писание, притчи. Также нет у нас первого причастия, как у католиков, и конфирмации, где Вы подтверждали веру, это конфирмация. Особый интерес у реформатской веры — деревянные таблички, на кладбищах, есть такие деревянные таблички вместо креста. Есть также крест, но раньше только такие деревянные таблички использовали, на которых писали имена и даты... Мотварьевцы — в большинстве своем реформатское село. Здесь тоже видно, что немного мягче вера, поскольку мой папа католик, моя мама — реформат, всегда раньше было, что дети принимали веру отца, а все мои братья и сестры — мы реформаты. Но, впрочем, мы в одной церкви проводим католические и реформатские богослужения, поскольку только одна церковь в деревне. То есть договариваются о времени, и есть общие богослужения, реформатское и католическое одновременно.

Ходош (Hodoš)

Б.Г., муж., 40.

SPrek.B.2.

Itt többségben abszolút evangélikus vallás, kilencvenöt százalék. Katolikusok jöttek, házasodtak. Ez evangélikus település. Van egy egyház, reformátusok. Pedig mi Hodos községhez tartozunk. Kamaföldön, de ott csak pár ház, és vannak katolikusok. Hodoson kívül evangélikusok Lendván vannak, Péterhely, *Gornji Petrovci* szlovénül, ez a szlovén falu, akkor *Križevci*, Keresztúr, az is szlovén falu, Bodonci, *Puconci*, magyarul Battyánd, akkor nagyjából talán ennyi. Muraszombatban nincsenek többségbe, de vannak, templom van.

Здесь в большинстве абсолютно евангелисты, девяносто пять процентов. Католики приходили, выходили замуж, женились. Это населенный пункт, где живут евангелисты. Есть одна церковь, они реформаты. А мы относимся к общине Ходош. В Камовцах [есть еще евангелисты], но там только пара домов, и есть католики. Помимо Ходоша евангелисты есть также в Лендаве, в Петерхейе — Горни-Петровцы по-словенски, это словенская деревня, еще Крижевцы, Керестур [по-венгерски] — и это словенская деревня, Бодонцы, Пуцонцы, по-венгерски Баттянд, в общих чертах, наверное, столько. В Мурска-Соботе они [евангелисты] не в большинстве, но есть, есть церковь.

Тримлини (Trimlini)

Д.З., муж., 26.

SPrek.B.3.

Sokáig az hittem, hogy minálunk senki se beszél má ille tájszólásba, mer az én zanyám az énnekem otthon mindig magyarul beszél röndös irodalmi nyelvbe, mer tanítónő volt. Aztá azt is hittem, hogy mindenki má így beszél, de aztá rágyöjtem, hogy a barátnőimek is, akik most má elmentek Mariborba, akartak magyar nyelvet is tanujni, aszongyák vagy is egyszerre vesz át szlovén szavakat, még csinyaj hozzá magyar toldalékot. Van ebbe egy kicsit másabb kiüjtés, de ille röndös tájszólásba szinte má senki se beszél. Idegyött a televízió, aztán mindenki a magyar kanálakat nézi, aztán ott hallák, hogy millen az, hogy mi pestiesebb, Magyarországon aszongyák.

Долгое время я думал, что у нас никто не говорит уже на таком диалекте, потому что моя мама со мной всегда говорит дома по-венгерски на правильном литературном языке, потому что он была учительницей. Потом я думал, что все уже так говорят, но потом я понял, что и мои подруги тоже, которые сейчас уже уехали в Марибор, они хотели изучать венгерский язык [в университете], и [одна из них] берет словенские слова и прибавляет к ним венгерские окончания. У этого диалекта другое произношение, но на таком настоящем диалекте сегодня уже никто не говорит. Пришло еще и телевидение, потом все смотрят венгерские каналы и потом там слышат, какой это [язык], что является более будапештским [произношением], в Венгрии, как говорится.

Х.3., жен., 54.

SPrek.B.4.

Például, amikor eljutottam gimnáziumba Muraszombatba, akkor mindig viccelődünk, mert az a ritkai lendvai voltak, aki értette a nyelvjárást, és aki beszélt is, tehát én beszéltem is. Igaz, hogy a muravidéki nyelvjárás ez egy közös nyelvjárás, viszont van nagyon sok árnyalata. Goricskon másképp beszélnek, mint például Beltinci környékén, tehát ilyen apró kis árnyalatnyi különbségek. Van például Goricskon egy olyan rész, ahol a nők is férfi nimmal beszélnek magukról, tehát a nő is azt mondja, hogy *jaz sem bil, nej*, nem hogy *jaz sem bilá*, vagy *jaz sem bila*, muravidéki nyelvjárásban, hanem *jaz sem bil, pa ti si prišel*, tehát nőkről beszélnek. Én ilyen vegyes muravidéki nyelvjárást beszélek, de megértem teljes egészében az egészet, beszélni talán, ők érzik, hogy “aha, ezt nem mondtá”, — de ez minimális.

Например, когда я попала в гимназию в Мурска-Соботу, тогда мы всегда шутили, потому что редкие были жители Лендавы, кто понимал [прекмурский] диалект и кто на нем также говорил, а я также говорила. Правда, что прекмурский диалект — это общий диалект, но есть очень много его оттенков. В области Горичко говорят иначе, чем, например, в окрестностях деревни Белтинцы, такие небольшие различия в оттенках. Есть, например, в области Горичко такая часть, где женщины говорят о себе в мужском роде, то есть женщина также скажет: *jaz sem bil* [я был], а не *jaz sem bilá* [я была] или *jaz sem*

bila [я была], на прекмурском диалекте, а скажет: *jaz sem bil, pa ti si prišel* [я был, а ты пришел], то есть о женщинах говорят. Я говорю на таком смешанном прекмурском диалекте, но я понимаю, полностью все, а говорить, они чувствуют: «ага, она это не сказала», — но это минимально.

Лендава (Lendava)

М.Н., жен., 48.

SPrek.B.5.

Nekem az a normális, hogy otthon reggel a “Muravidéki rádiót” hallgatom, viszont kocsiban mindig horvátországi *Narodni radio* be van kapcsolva, és ott folyamatosan csak horvát zene megy. Ez a kulturális együttélés, nekem a legtermészetesebb, én imádom olvasni a horvát könyveket, például Marija Jurics Zágorkának ezeket a történelmi könyveit, a “Gordánától” a “*Grička vješticaig*”. Ezek amelyek egy kicsit így közelebb hoznak ehhez, tehát horvátok történelmi helyekhez, aztán kultúrájukhoz, meg hát nem utolsó sorban a nyelvhez is, az ember gyakorolja és él benne.

Для меня нормально, что дома утром я слушаю «Прекмурское радио», а в машине всегда включено хорватское «Народное радио» и там постоянно идет только хорватская музыка. Это культурное сожительство, для меня это естественно, я обожаю читать хорватские книги, например, эти исторические книги Марии Юрич Загорки, от «Горданы» до «Гричской ведьмы». Эти книги, которые немного приближают нас к хорватским историческим местам, затем — к культуре, и не в последнюю очередь также к языку, люди в этом упражняются [в языке] и живут.

Н.У., жен., 44.

SPrek.B./Сл.6.

Pa recimo, so ugotovili, da nisem iz madžarskega področja, po naglasu. Mi to ne ločimo tako, ne vlečemo tako besede, recimo, *miert, mert*, na kratko. Ali pa “i”, “e” večkrat, “lepo” je *szép*, прекмурци pa *sziep*, “i” še zraven, *nagyon sziep*, to so take. Pa potem mogoče po besednem zakladu, specifične mamó, na primer, *egy gombóc fagylalt. Magyaror-*

szágon kérsz egy gombóc fagyaltot, nálunk vagy is Lendva vidékén azt mindig mondják, kepica, из slovenščine. És most, egy kepica fagyaltot, mindenki Lendván megérti. És a gyerekek így beszélnek, Magyarországon kiránduláson kérnek egy kepicát, s ott senki sem érti, mert ott gombóc. Vagy a tölcser, fagyalttölcser, nálunk škufka, ez talán horvátból jött. És miben kérik? Škufkába. És ezt a szlovén, a magyar, a horvát, mindenki a škufkát használja a tölcser helyett, és akkor egy kepica fagyaltot, vagy pedig egy kepica škufkába. Hát azt Magyarországon nem érti meg senki. Ez a gyerekeknek többször történik, mert nem ismerik, a tanár ha nem javítja ki, kepica fagyalt ez nekünk normális volt. Vagy pedig tejszínhab, senki nem kér a kocsmába, mindenki ha kér, smetánával kér kávé, ami szlovén szó. Egy kávé smetánával, vagy šlaggal, pena, ami már horvát.

Скажем, они поняли, что я не из Венгрии, по акценту. Мы это так не различаем, не тянем так слова, скажем, *miert* [почему] — *mert*, кратко. Или же звуки «i», «e» часто, «красиво» [по-венгерски] — это *szép*, а прекмурцы говорят *sziep*, еще «i» добавляют, *nagyon sziep* [очень красиво], такие. И потом, наверное, по лексическому составу, у нас особенности, например, *egy gombóc fagyalt* [шарик мороженого]. В Венгрии ты попросишь *egy gombóc fagyaltot*, у нас в Лендаве и окрестностях всегда скажут *kepica*, из словенского языка. И тогда *egy kepica fagyalt* [один шарик мороженого], все в Лендаве поймут. И дети так говорят, в Венгрии на экскурсии просят *egy kepicát*, и там никто не понимает, потому что там *gombóc*. Или рожок, рожок для мороженого, у нас это *škufka*, может быть это из хорватского пришло. И во что просят положить? *Škufkába* [в рожок]. И это слово словенец, венгр, хорват, все используют *škufkába* [в рожок] вместо *tölcser* [венг. «рожок»], и тогда *egy kepica fagyalt* [один шарик мороженого] или *egy kepica škufkába* [один шарик в рожок]. Этого в Венгрии не понимает никто. И у детей это часто случается, потому что они не знают, если преподаватель не исправит, *kepica fagyalt* [шарик мороженого] это для нас было нормально. Или же *tejszínhab* [взбитые сливки], никто не попросит в ресторане, если попросят, попросят кофе *smetánával*, что является словенским словом. *Egy kávé smetánával* [один кофе со взбитыми сливками] или *šlaggal, pena* [сливки], что у же хорватское слово.

Добровник (Dobrovnik)
А.Ц., жен., 70; У.Ц., жен., 35.

SPrek.B./Сл.7.

А.Ц. Vagy pedig az a rész, te apád hol születted, Ljutomer, mer nem mondják, hogy *čakaj*, hanem *čokaj*.

У.Ц. Azt, nem, a Pörlekija. Istenem, ezt nagyon szét kell választani, mert itt háború történik. A Mura az, ami elválasztja, Muravidék a *Prekmurje od Prlekije*, és például a szlovén nyelv a belső része ezt nem tudja, vagy, *ne da ne vejo*.

А.Ц. *Vejo, da je to Prlekija*.

У.Ц. Ne, ne, *oni mešajo Prlekija, Prlekijo s Prekmurjem*, és a pörlekek nagyon erről mérgesek, de a prekmuricek is. Vigyázod, van egy olyan, *da majo reka Mura, reka, ki loči ta*, ezt a két nemzetet. De vigyáz! Van minden évben egy vetélkedés, és a Muráról, vagy az egyik partra *se postavijo Prleki, na drugo stran pa Prekmurci*, kötelet húznak és húzzák egymás, tudod.

А.Ц. Hát ez játék.

А.Ц. Или та часть, где твой отец родился, Лютомер, там не говорят *čakaj* [подожди], а говорят *čokaj*.

У.Ц. Это Прлекия. Господи, это нужно различать, потому что здесь происходит война. Мура отделяет Прекмурие от Прлекии, и например, носители словенского языка, проживающие в центральной части страны, этого не знают, не то, чтобы не знают.

А.Ц. Знают, что это Прлекия.

У.Ц. Нет, нет, они путают Прлекию с Прекмурием, и прлекийцы очень злы на это, но и прекмурцы тоже. Будь сторожен, есть такое, есть река Мура, река, которая разделяет эти два народа. Будь осторожен! Каждый год происходит соревнование, и со стороны Муры, на один из берегов встают прлекийцы, на другую сторону — прекмурцы, они натягивают веревку и тянут, знаешь.

А.Ц. Ну это игра.

А.Ц., жен., 70.

SPrek.B.8.

Az én szüleim, apukám magyar volt, anykám magyar volt, soha életükbe nem tudtak szlovénül írni, de megértettek valamit szlovénül. Apu beszélt szerbül, horvátul, katonaságba megtanult, csak az nem volt szlovén nyelv, azt mondta, hogy: “*Dođi ovamo*”, még “*pridi sem*”. Anyám még mindig, nem mondta, például, nem mondta azt, hogy, a *moški ženski*, ezt keverte. Anya varrónő volt, apu még szabó, iparosak voltak. És jöttek próbára, ha szlovén jött, akkor anyám azt mondta a férfinak, férfiruhát, hogy: “*Prišla je na probu*”, azt a férfi volt. *Prišla*, nem mondta hogy: “*Prišel na probu*”, hanem apunak hogy: “*Rajči, odi, no, odpri, prišla je na probu*”. Apám meg jobban tudta ezt különböztetni. Apu az jó beszélt szerbül, horvátul, mert *stip*, még lent volt katona három évig abba az időbe és megtanult normális dolog a szerbet, de hát a magyart, azt tökéletesen beszélte. Ő 1911-ben született, ő végig jötte az első világháborút, hát de gyerek, még másodikat abszolút, azért voltak érdekesek az én szüleim, mert rengeteget meséltek. Ők varrtak és meséltek, hogy hogy volt háború alatt, hogy volt, mikor magyarok lettünk.

Мои родители, мой папа был венгр, моя мама была венгеркой, никогда в своей жизни они не умели писать по-словенски, но по-словенски что-то понимали. Папа говорил по-сербски, по-хорватски, выучился, когда в армии служил, только это не был словенский язык. Он говорил: «*Dođi ovamo*» [с.-х.] и «*pridi sem*» [словен. иди сюда]. Моя мама всегда, она не говорила, она путала мужской и женский род. Мама была портнихой, а отец был сапожником, они были предприниматели. И когда приходили на примерку, если приходил словенец, тогда мама говорила мужчине, что «*prišla na probu*» [она пришла на примерку]. *Prišla* [она пришла], она не говорила: «*Prišel na probu*» [он пришел на примерку], а она говорила: «*Rajči, odi, no odpri, prišla je na probu*» [Райчи, иди, открой, она пришла на примерку]. Мой папа лучше мог различать [род]. Папа хорошо говорил по-сербски, по-хорватски и по-албански, потому что он три года был солдатом [там] в то время и нормальное дело — выучил сербский, но по-венгерски он говорил прекрасно. Он родился в 1911 году, он прошел Первую мировую войну, был тогда ребенком, и Вторую миро-

вую войну, поэтому были интересны мои родители, потому что они многое рассказывали. Они шили и рассказывали, как было в войну, как было, когда мы были под Венгрией.

SPrek.B.9.

És a szomszéd házba pedig zsidók laktak, még az én anyám zsidóknak szolgált, mint tizennyolc, tizenkilenc éves kislány, és akkor sok mindent mesélt anyám erről a zsidókról, milyenek voltak, milyenek gazdagok voltak, ilyen tiszták voltak, mindent. Blau bácsi kilencvenhétben halt meg, és az volt, hogy volt neki Blau néni, úgy mondták, Klára Blau, volt a felesége, és nem volt, a kilencvenes évek elején, amikor ő meghalt, a zsidó szokás szerint énekelni, hogy mindjárt kell temetni, és a Blau bácsi maga énekelt, a saját feleségét úgy búcsúztatta el.

А в соседнем доме жили евреи, и моя мама служила у евреев, когда ей было восемнадцать-девятнадцать лет. И тогда моя мама много чего рассказывала об этих евреях, какие они были, насколько богатые, такие чистоплотные они были. Дядя Блау умер в 1997 году, и была тетя Блау, так говорили о Кларе Блау, она была его женой. И в начале девяностых годов не было, когда она умерла, того, кто по еврейскому обычаю ее бы отпел, ее нужно было сразу похоронить. И дядя Блау сам отпел жену, сам произнес надгробную речь.

Тексты из Славонии (Хорватия)

Венгерский язык
Осиек (Osijek)
Ш.Б., муж., 92.

SL.B.1.

Voltak a német falvak is, magyar falu, horvát falu, szerb falu, ritkán volt, ahol keveredett, külön-külön volt. Magyarok a reformátusok a reformátusokkal nőültek, a katolikusok a katolikusokkal. Mind külön, katolikusok külön nőültek. Hát még most is úgy beszélnek, nők nem is nagyon tudtak horvátul, szerbül, csak magyarul. De Eszék, ott minden zsidó tudott magyarul, szerbül, horvátul, még németül, akármelyik üzletbe vagy kocsmába ment, mindenki mondott saját nyelvet, de csak Eszéken, *Osijek*, már Vukováron már nem, kevesen voltak. Úgy feleltek vissza Eszéken alkalmazottak, anyanyelvi szinten ismerik, akárhova ment, magyarul köszönte, magyarul válaszolta, szolgálta. Az idősebbek gyengén beszéltek, csak amit katonaságban tanultak meg szerbül. Akkor nem volt keveredés.

Были также немецкие деревни, венгерская деревня, хорватская деревня, сербская деревня, редко было, где смешанная деревня, было по отдельности. Венгры реформаты женились на реформатках, католики на католичках. Все отдельно, католики женились отдельно. Ну и сейчас также [венгры] говорят, женщины не особо знали по-хорватски, по-сербски, только по-венгерски. Но Осиек, там каждый еврей знал по-венгерски, по-сербски, по-хорватски и по-немецки, в какой магазин ни зайдешь, все говорят на своем языке, но только в Осиеке, уже в Вуковаре нет, там мало [таких] было. Так отвечали в Осиеке служащие, они знали на уровне родного языка, куда бы ни пошел, по-венгерски приветствовали, по-венгерски отвечали, обслуживали. Пожилые люди плохо говорили [по-сербски / по-хорватски], только то, что в армии выучили по-сербски. Тогда не было смешения.

SL.B.2.

A magyar iskola, hetente kétszer hittanóra. Magyar iskola volt, de tanultunk szerbül is. Jöttek tanfelügyelők, *školski nadzornik*, akkor engem fölszólított. Megyek oda térképhez és magyarázom meg. Jugoszlávia térképe volt, akkor voltak a bánságok, kilenc bánásra volt felosztva Jugoszlávia akkor, mondtam: “*Banovina*”. Akkor a folyók, a Duna, Dráva, Száva. Akkor hegyvidékek, azt mind magyaráztam neki. Úgy megörült, hogy fölterjesztette minisztériumba, Belgrádba, hogy tüntessenek ki és kaptam száz dinárt, nagy pénz volt.

Венгерская школа, в неделю два раза был урок религии. Была венгерская школа, но мы изучали также сербский язык. Пришли школьные инспекторы, меня вызвали [отвечать]. Я подхожу к карте и объясняю. Была карта Югославии, тогда были бановины, Югославия была разделена на девять бановин, я сказал: «*Banovina*». Дальше — реки, Дунай, Драва, Сава. Дальше — горы, это я все объяснил ему. Он так обрадовался, что представил в министерство в Белград документ, чтобы меня наградили, и я получил сто динаров, это были большие деньги.

Велика-Писаница (Velika Pisanica)

М.В., жен., 78.

SL.B.3.

Mer mikor mennünk Magyarországba, akkor Borcson át, mikor mennünk ott, mind értenek hogyan beszélők: “Jo-o-oj, de maga jó beszél!” Budapestön mikor vótunk, nem akartak, egyszerűen nem akarták, e-e, én beszélők, de azok másképp beszének, e-e, möntem a férjemme mög a komaasszonyomma, autóva és most, én tudok magyarú, mönnyek be oztán, vögyek valamit, a csirkét forgatták ottan, én mög pedig nem mondtam *csirke*, mink csibönek hívunk itten, mikor mink elmöntünk, én möntem be, sorba átam, is mikor sorra kerütem: “Tessék, mit kér?”. Möndöm: “Egy csibét kérnök!” — “Mit mondott?” Egy, utánam át egy, úr, az mondi ú: “Nem úgy kö mondani, mondi a csirköt!” Jézus! Mos milye-e-en? Én nem értöm ezt, minálunk is Horvátországba, ott van Zágorje, Podráviná, Dálmáciá, Szlávoniá, mindenhol ők másképp beszének, de azért mögirtsük egymást, hogyan itt nem akartak engöm?!

Потому что, когда мы едем в Венгрию, тогда мы через Барч едем, там все понимают, как я говорю: «Ой, как хорошо вы говорите!» Когда мы были в Будапеште, не хотели, просто не хотели [понимать]. Я говорю, но они по-другому говорят. Поехали мы вместе с мужем и кумой на машине, я знаю венгерский язык, захожу я купить что-то, там продавали цыпленка. А я не сказала *csirke* [цыпленок], мы называем *csibe* здесь, когда мы поехали, я зашла, встала в очередь, и когда подошла моя очередь: «Чего вы желаете?» Я говорю: «Пожалуйста, цыпленка [*csibe*]!» — «Что вы сказали?» За мной стоял один господин, он сказал: «Не так надо говорить, нужно говорить *csirke*!» Боже! Как? Я не понимаю этого. У нас в Хорватии, там есть Загорье, Подравина, Далмация, Славония, везде говорят по-разному, но мы понимаем друг друга, а как тут не хотели меня понять?!

SL.B.4.

Azok jó beszének magyarul, de nem mondhatom, hogy beszének más-képp, mint én is, hogy mondanak valamit, amit én nem mondom igt a, nem, *nije jednako, ovaj, a jednako razgovaramo, ne znam kako to.*

Они хорошо говорят по-венгерски, но я не могу сказать, что они говорят по-другому, нежели я, что они говорят что-то, что я не говорю; не одинаково, а говорим одинаково, не знаю, как это.

SL.B.5.

Az én mamám, papám Szigötvár körül vótak valahon, soha nem kér-deztem, csak tudom, hogy pusztán étek, és hogy valami gróf, *na nekoj grofoviji služili, tak da su oni tamo imali svega. Nisu ničega bili žedni, imali su i svinja i blaga i, i birke, i, mladine, znam, tudom, hogy a mama vitte városba, tojást eladni, annyi vót nekik, hogy nem bírták, hasznáni annyit.*

Моя мама, мой папа, были где-то около Сигетвара, я никогда не спрашивала, только знаю, что они жили в пусте, и что какой-то граф, они служили в поместье, так что у них там было все. Они ни в чем не нуждались, у них была и свинья, и скот, и овцы [гуси], и молодняк, знаю, знаю, что мама носила в город продавать яйца, у них их было столько, что они не могли использовать.

SL.B.6.

Mert van itt len, ez a-a, házunk lent, hogyan mondik magyar *dom*, *mađarski dom*, és mink oda, most bánom, hogy többet nem mönnünk, mer sokan möghatak má, öregök möghanak, fiatalok emönnek innen, városba vagy emönnek kilföldre, most már nincs ki többbe.

Потому что здесь внизу, э, наш дом внизу, как говорят, венгерский дом, и мы туда [ходим]. Теперь я жалею, что больше мы туда не ходим, потому что многие умерли уже, пожилые умирают, молодые уезжают отсюда, в город или за границу, теперь уже некому.

Чешский язык
Кончаница (Končanica)

Б.К., муж., 29.

SL.Ч.1.

Hoši se taji rano přestrojeje, v domn'e, a potom to uš vot pul šeste ráno i do osum, devit'i večer. Dou s kostela u Končenicí, do kraja Končínice, do kraja, e, mame tam ješt'e jedna jako ze strani jedna vesn'ička Otkopi. Do kraja teje Otkop přídou, do ti vesn'ice, tam je potom pobaven'i, asi tak hod'ínu ko, a potom se de domu. Sem do domu, navečeřej se a rozejdou se domu. Gdiš se de vesn'ici. Prije se de ráno, diš sou on'i u svejx fšeko, tak se de hledat medvjed. Tak maj se medvejt sxovat den pšet t'im nebo v večir. Tipa ve dvje, ve tši ráno. A kluci ho sxovaj. De se uš ve kerem dvoře bude skovavat, to se dicki skovava tam, de je, je volna holka. F kući, kerej bidli holka, tak se tam sxovava medvjed, u n'i. No i potom rano maškari ho hledaji. Jo dok ne najdou medvjeda, nemužou n'ikam jit. Museji ho najit. A jako odehrajou se tři pism'ički, dvje pism'ički i na třet'i pism'ičku jesi ho nenajdou, tak na třet'i on vixazi ven sam. I potom se komin'ik a ten medvjed museji prát. Perou se, rvou. I jesi pobjed'i medvjed, tag znamena, že rok bude špatni, a jesi komin'ik pobjed'i, tag budu, bude dobrej. Fšeci maškari, jenom tanečn'ici ne. Je třináč maškarát. Třináč maskáx. To je pjet tanečn'iku, aufr, ten z bičem. On je prvn'i. Aufr. To je jako z bičem. On je prvn'i. On je na čelže, von vod'i celi maškari. On se se pta, on de vot kuće do kuće, a pta se jesi pust'ej jeho selátka do kuće. Jesi pust'ej do toho dvora. Jesi pust'ej lid'i, tak normaln'e potom dou cele maškari do toho dvora. Tanečn'ici tancujou, a vostatn'i prodavaji.

Nači tanečn'ici von'i maji tan'ecován'í. Za tanečn'íkama de komin'ík i komin'ikova bába. Komin'ík čist'i komíni a rosejpava hlavn'e popel přet sxodama a před dvjeřma. Potom jeho bába jako vona xod'i a sbira si vajička po dvoře. N'eco vihledava, co bi mohla prodat dal. Co vona potom prodava jako nakonec. Potom de koritar a koritarova bába. On'i maji takovi ze dřeva ud'elani koritka. A vaečkí, ti jak mi řekame kuvače, nevím jak to u vas se řeklo. S čím si vaříš a tak. Jako ti kuvače ne. On'i to prodavaj: "Kupte si kuvače korita, naručíte si kuvače korita". To on'i povidaji ne, jako. I tak to lidem potom prodávají, dávají ne. Uid'i za to n'ejakou pen'íze dostat, to dostanou ne. Nen'i cena duležitá. To gdo xce kolik dát, tag dá ne. Hlavn'e to mi d'eláme tak, jako omlad'ina se to domluvi, že to bude davat. K svejm jako spolužačkám a tejm holkám. To nosime na takovim ko litku to mame obvješeni. Ti ko š čím vaříš ne, ti kuvače jak mi povidame. Pa to ti ze dřeva ta kuvatija ma to tu jak zavařit, viš, a že se s t'im jidlo, jak to vi říkáte. Jo varnjača, viš. Jako tihle kuxače von'i prodavaji. Mi říkáme kuvače, ale nevím, jesi tu piše kuxače. Ano on'i jako prodavaji, ti ne, vjeci, to jako ten koritar a koritarova baba, to jako virabjej doma. On'i to spolu jako virabjej, a potom to jako prodavaji ne. Asi n'aki n'eco zad'elaj, n'aki praxi. Potom za n'ima de pjet tanečn'íku, komin'ík, koritar, komin'ikova baba, ko- ko- kuvače korita, potom e nebo štiri tanečn'ici, aufr. Tři tanečn'íci, jeden je turek, a ten aufr, jo. (L)aufr, turek i tanečn'ici tři taki. Tak to je jo. A turek, on je, on předvad'i tanečn'ici. On vede ti tanečn'ici, jak maji tančit. On ma sablju. Jo ten mač. Jo von s t'im tanči a předvod'i ti tanečn'ici. On ix vede jako jag maji tancovat. To d'ela jako ten turek, von je celej červenej. Turek je červenej. Komin'ík je černej. Komin'ík je celej černej, a turek je celej červenej. To je to. A potom za koritarovimi de, dou, jak mi povidame, žid'i. On'i maji takovi dlouhej nos, a na tim ma ti špendlički. A maji zajice. To že tak maj zajice, kerej je přeparovanej, jako nen'i živej ne. Jenom maji kuži vod zajice. Nen'i hračka, pravej zajic. Pravej vokuxanej i ve vnitšku je sláma, a tak pln'i se ze slámou n'ejakou ne. A von'i jako toho zajice taki potom nabizeji a prodavaji ho. Von'i su taki jako n'ejaki přeprodavači, ale su t'i, kerí kradou. Von'i dou jako tenhleten to přeprodává a toho zajice nabizi lidem. A ten druhej xod'i a krade. A hleda n'eco po dvoře, co bi si mox ukrást a potom to přeprodat taki dál. Pa příkladn'e co najde. Njemu nen'i duležiti. Von je, jak to řeknout, no viš, co si nemužu

fspomenout, fšeckí ho filmuji, jak se to říká. Ti, co kradou no, jag říkáte. Zlod'ej jo. Von an'í nen'í důležítí, von'í kradou co najdou. Tšeba n'ejakí hrnek, tšeba n'ejaká lahew nebo n'eco tak. On'í kradou jen, co se vejde, at' se to sxova. I potom to pšeprođavaji taki dal. Tagže to je ono. Ano, von'í to, a tomu zajícovi říkaji jako amerikan: "Ti si amerikan". Jako že to maj z Ameriki, toho zajíce uveženího, že ten zajíc je votamtut' a tak, že to nen'í domáci zajíc. Jo, a potom de medvjeta a jeho vedoucí ličan. Ličan to je ten co vede medvjeda na řít'ezi.

– Aha, tagže ličan. Protože je jako z Liki? Nebo co to znamená?

Ne. A nevim, jag ho, de to von'í našli vlastn'e. To mislim pišou o tejk maškarejx dost na internetu. To bi sis moh pod'ivat na to ale. Jako von vede toho medvjeda, potom ho pust'i, a ten medvjeta samozřejmn'e valí holki. Jo to musí bejt kluk, kerej je silnej, a kerej to muže, jo. A to je proš'est'í jako holkam, že bude plodnej rok, jako bi se řeklo, diš tak von je valí. Co vic holkax, to lepši.

– A co, má asi každí z n'ix nějakou svou říkánku, n'eco jako.

Ano, mají. Ten ličan, diš vede toho medvjeda, tak von ma jednu svoji říkánku, kerou, ma ix on vic jako, tix říkankáx ne, a tak to vimn'en'uje ne. Pa příkladn'e. Oj? vjed'el jsem to, ale díckí musím připomenout. Evo příkladn'e: "*Što se ono iza brda praši, a to Marko na krmači jaši*". Marko je ten jako medvjeta, kerej sed'í a jaši tu, to prase ne. Potom što se on, ne jak to jde: "*Igrali se mišiči na gredi, jebó ono ko u mene gledi*". Tak to je takoví sprostí, viš, nic nen'í, co nen'í prostej. I tako, že medvjeta ma takovího. Tagže jako to říká ten za to, za medvjeda. Diž de vesn'ici takoví ti říkanki ne. To říká medvjeta, e ten ličan. Potom ti žid'í sou jako: "Toho amerikana si kupte", — on'í říkají. Ti asi, co prodaji kuvače korita, tag samozřejmn'e: "Kupte si kuvače, korita, naručte si kuvače, korita. Pro d'et'atka to prasatka, kukužatka. Kupte si kuvače, korita". A tag dale. To von'í říkají. Komin'ík jako říká: "Čist'ime lički, pički". On si tak zalitne a se košt'eti a: "Čist'ime lički, pički", ne.

Парни здесь утром [на масленицу] переодеваются, в [чешском] доме, а потом уже с полшестого утра и до восьми, девяти вечера. Идут от церкви в Кончанице, до конца Кончаницы, до конца, у нас там есть еще одна, как бы в стороне, одна деревенька Откопи. До конца этих Откопов доходят, в ту деревню, там устраивают развлечение, где-то на час, а потом идут в дом. Сюда, в [чешский] дом,

ужинают и расходятся по домам. [Поют песни], пока идут по деревне. До этого утром идут, пока все у своих, идут искать медведя. Поэтому медведь должен спрятаться накануне днем или вечером. Часа в два-три утра. А парни его прячут. Идут в тот двор, где он будет прятаться, он всегда прячется там, где есть незамужняя девушка. В доме, в котором живет девушка, там прячется медведь, у нее. Ну и потом утром ряженные его ищут. Да, пока не найдут медведя, они не могут идти дальше. Они должны его найти. А когда сыграют три песни, две песни, и если на третью песню его не найдут, то на третью он выходит на улицу сам. И потом трубочист и медведь должны бороться. Они борются, дерутся. И если победит медведь, то значит, что год будет плохой, а если победит трубочист, то будет хороший. [Его ищут] все ряженные, только танцоры не ищут. Всего 13 ряженных. 13 масок. Это пять танцоров, (л)ауфр, тот, с кнутом. Он первый. (Л)ауфр. Тот, что с кнутом. Он первый. Он во главе, он ведет всю процессию ряженных. Он спрашивает, он идет от дома к дому и спрашивает, пустят ли его скотинку [досл. поросят] в дом. Пустят ли во двор. Если люди пускают, то тогда процессия ряженных заходит в этот двор. Танцоры танцуют, а остальные торгуют. Значит, танцоры — у них танцы. За танцорами идут трубочист и жена трубочиста. Трубочист чистит трубы и рассыпает пепел перед ступеньками и перед дверями. Потом его жена ходит и собирает по двору яйца. Ищет что-то, что она могла бы перепродать. Что она потом в конце концов будет продавать. Потом идет корытник и жена корытника. У них такие сделанные из дерева корытца. И скалки, такие, как мы говорим *kuvace* [серб. / хорв. ‘большая ложка для перемешивания’], не знаю, как у вас говорили. С помощью которой варишь и так далее. Ну, вот эти *kuvace*. Они это продают: «Купите ложки, корыта, закажите ложки, корыта». Это они так говорят. И так они это людям потом продают, дают. Если они смогут за это какие-то деньги получить, они получают. Цена не важна. Кто сколько захочет дать, столько и даст. Обычно мы это делаем так, молодежь, договариваемся, как будем раздавать. Своим одноклассницам и девушкам. Мы носим это, на такой веревочке они у нас висят. Эти, с помощью которых варишь, *kuvace*, как мы говорим. Она такая из дерева, вот, тут есть, для варки, для еды, как вы это называете. А, *varnjača* [синонимичное серб. /

хорв. слово], знаешь. Вот эти *kuhaće* они продают. Мы говорим *kuvaće*, но не знаю, может, здесь написано *kuhaće*. Да, они продают эти вещи, этот корытник и жена корытника, они их делают дома. Они их вместе делают, а потом продают. Наверное, что-то зарабатывают, какие-то деньги. Потом за ними идет пять танцоров, трубочист, корытник, жена трубочиста, ложки-корыта, потом, или четыре танцора, (л)ауфр. Три танцора, один турок и (л)ауфр, да. (Л)ауфр, турок и три танцора. Вот так, да. А турок, он руководит танцорами. Он показывает танцорам, как они должны танцевать. У него сабля. Да, такой меч. Он с ним танцует и руководит танцорами. Он им показывает, как они должны танцевать. Это делает турок, он весь красный. Турок красный. Трубочист черный. Трубочист весь черный, а турок весь красный. Вот так. А потом за корытниками идут, как мы их называем, евреи. У них такой длинный нос, а в нем булавки. И у них есть заяц. У них есть заяц, препарированный, то есть не живой. У них только заячья кожа. Это не игрушка, настоящий заяц. Настоящий, [когда-то] сваренный, а внутри солома, то есть его набивают какой-то соломой. И они этого зайца тоже потом предлагают и продают. Они тоже как перекупщики, но есть и такие, которые воруют. Они это делают так, что этот перепродает и предлагает людям зайца. А тот второй ходит и ворует. Он ищет во дворе что-нибудь, что он мог бы украсть, а потом перепродать дальше. Да все, что найдет. Ему не важно. Он, как это сказать, ну, знаешь, не могу вспомнить, его еще в фильмах показывают, как это говорят. Те, что крадут, как вы говорите. Вор, да. Ему даже не важно, они крадут то, что найдут. Например, какую-нибудь кружку, какую-нибудь бутылку или что-то в этом роде. Они берут то, что могут взять, что могут спрятать. И потом тоже перепродают дальше. Вот так. Да, и они зайца этого называют американцем: «Ты американец». Вроде, что он у них из Америки привезенный, что заяц оттуда, что это не наш местный заяц. Да, потом идет медведь, а его ведет личанин [житель Лики — региона Хорватии]. Личанин — тот, кто ведет медведя на цепи.

— Ага, значит, личанин. Это потому, что он из Лики или что это значит?

Нет. Но я не знаю, как его, где они его, собственно, нашли. Я думаю, что об этих маскарадах много пишут в интернете. Ты можешь

посмотреть. Он ведет медведя, потом отпускает его, а медведь, конечно же, заваливает девушек. Да, это должен быть крепкий парень, который так сможет. И это на счастье, девушкам, чтобы у них был «плодовитый» год, скажем так, когда он их так заваливает. Чем больше девушек — тем лучше.

– А у каждого из них наверняка есть какая-нибудь своя скороговорка.

Да, есть. Этот личанин, когда ведет медведя, у него есть одна скороговорка, которую, у него их много, этих скороговорок, он их меняет. Ну, например. Ой, я знал ее, но всегда приходится вспоминать. Вот, например: «Что это за холмом поднимается пыль? А это Марко скачет верхом на свинье». Марко — это медведь, и он сидит и скачет верхом на этой, на свинье. Потом как он, нет, как это там: «Играли мыши на холме, *** [обозначение полового акта] всех, кто на меня посмотрит». Они такие грубые, знаешь, нет таких, чтобы были не грубые. Вот так, о том, что у медведя вот такой. Вот что говорит этот о медведе. Когда идут по деревне, то скороговорок нет. Это говорит медведь, вернее, личанин. Потом евреи, они «этого американца, — говорят, — купите». Те, что продают ложки, корыта, разумеется: «Купите ложки, корыта, закажите ложки, корыта. Для детей поросята, кукуруза (?). Купите ложки, корыта». И так далее. Так они говорят. Трубочист говорит: «Чистим щечки, *** [женский половой орган]». Он так подлетает с метлой и: «Чистим щечки, ***».

Ж.Х., муж., 55.

З.Т., жен., 70.

SL.Ч.2.

– A staví se tadi u vás ten máj?

З.Т. A f Končen'ici ne.

Ж.Х. Bilo to do, do válki. Diš válka začla, tak se to pomaličku ztrácelo. Al před válkou, touletou, se to d'a-alo. Pšet kučou kluci holkám to postavili.

З.Т. A nebo sme dávali, nosili máj na plot za prvn'ího máje.

Ж.Х. Z lesa. Utrhneš hran'ki, a dali se po plot'e.

З.Т. A kit'ili sme plot. A to sme dávali gdo lepči a gdo víc a tak jako.

Ж.Х. Gdo hušči.

З.Т. Gdo hušči jo, aj to má pjekni.

Ж.Х. Z lesa se nesmn'elo kradat. Šlo se na večir pši t'mn'e. Aj ten *lugár*, nevim jak to žikaji *lugára*, co hlída les no, lesn'ik. Lesn'ik to hli-dal, a nesmn'elo se to. Si šel kradnout, tagže to bila jedna zasejk, jag bix to žek, bilo to čest, abi si uktrat, aj t'e nexitne.

З.Т. Jo a možna bil, e mn'el si holku rát, a možna si s n'i ješt'e an'i next'el, ale gdi si ji ten máj, touto majku ...

Ж.Х. ... pšedvečir, večir si postavil ...

З.Т. ... tam pšedvečir majku si tam dál, ta holka vjed'ela, že ji máš rád, a že to tak. Tak to bilo hodn'e to, hodn'e to bilo, al tej ne. Vod valki pominulo.

Ж.Х. Tej se postavuje jen f centru, al mi tadi ne. Horn'im Daruváru, mad'aži tam Grbaŋci, to obavezn'e se postavuje. Pak hrajeme tam, mame jak u nas tancuje se, spívá se, pije se, diš se postavi ne. On'i to ješt'e držeji jako.

– А у вас ставят майское дерево?

– В Кончанице нет.

– Это было до войны. Когда война [речь о югославских войнах 1990-х гг.] началась, то постепенно перестали. Но до войны, до этой, это делали. Перед домом парни девушкам ставили.

– Или мы делали, носили май на забор на первое мая.

– Из леса. Оторвешь ветки, и их вешали на забор.

– И мы украшали забор. И мы вешали: у кого красивее, у кого больше и так далее.

– У кого гуще.

– У кого гуще, да, чтобы было красиво.

– Из леса нельзя было воровать. Ходили вечером по темноте. Чтобы *lugár* [хорв. лесник], не знаю, как называют лесника, что следит за лесом, лесник. Лесник следил за этим, и нельзя было. Ты шел на кражу, так что это было, как бы сказать, доблесть, чтобы ты украл, и тебя не поймали.

– Да, и, может быть, тебе нравилась девушка, и, может, ты с ней еще ничего не хотел, но когда ты этот май, это майское дерево...

– ... под вечер, вечером поставил ...

– ... там под вечер ты это майское дерево поставил, то девушка знала, что она тебе нравится, вот так. Этого было много, было много, но сейчас нет. С началом войны это ушло.

– Теперь ставят только в центре [сёл], но мы у нас не ставим. В Горни-Даруваре, венгры в Грбаваце обязательно ставят. Потом мы там играем [музыку], как у нас это бывает, танцуем, поем, выпиваем, когда поставят. Они еще поддерживают [эту традицию].

Тексты из Баната (Румыния)

Румынский язык¹³⁶ как функционально второй (L2).

Записано от носителя чешского языка.

Эйбенталь (Eibenthal)

Ст.Б., муж., 76.

РО.Рум.1.

Nu pot să spun românește, să spunem, clar! *Český umím, dobře český, a romunský, romunský* să spunem, știu nu chiar exact, sunt cuvinte, care nu pot să spun românește exact, dar totdeauna cine știe știe. S-a împreunat bărbat cu femeie, și nu vorbesc limba cehă, vorbesc limba română. Au crescut copiii, să spunem, aicia născut, crescut. Și nu știe ceha cam pe un, pe jumătate. Numa româna. Vineau la mine, de exemplu cum ați venit voi, vorbesc românește. Și eu le răspund românește. Când a fost hidrocentrala, s-au mutat satele românește, unii la Sviñața, unii [la] Темишоара, unde a vrut fiecare să meargă. Hidrocentrala s-a ridicat, și ei au plecat și au venit. Trei patru familii au venit aicia la noi. Ei țin tradiție românește, și țin sărbători cu noi că ei sunt puțini. Mărțișorul, aicia să pune o bacățică, care să spunem la piept, da. Asta-i sărbătoare numa în publică, așa. Nu să ține sărbătoare, cum e duminica sau ceva.

Я не могу говорить по-румынски, скажем, точно. По-чешски могу, хорошо по-чешски, а румынский, румынский, скажем, не совсем знаю, есть слова, которые я не могу сказать по-румынски точно, но всегда кто знает — знает. [Здесь в деревне] сошелся мужчина с женщиной, и они не говорят на чешском, они говорят на румынском. Они вырастили детей, скажем, здесь они родились, выросли. И он не знает чешский даже наполовину. Только румынский. Они приходили ко мне, например, как вы пришли, и говорят по-румынски. А я им отвечаю по-румынски. Когда строили ГЭС [Железные ворота], румынские деревни переселялись, одни в Свиницу, в Тимишоару, каждый куда хотел поехать. ГЭС построили, и они уехали [оттуда] и приехали [сюда]. Три-четыре семьи приехали сюда к нам. У них

¹³⁶ За помощь и консультации при расшифровке румынских записей и переводе их на русский язык Г. П. Пилипенко выражает благодарность м.н.с. Института славяноведения РАН А. В. Усачёвой.

румынские традиции и они отмечают праздники с нами, потому что их мало. Мэрцишор, здесь вешают вещицу, скажем, на грудь, да. Это только праздник в народе. Он не отмечается как воскресенье [выходной] или что-то такое.

РО.Рум.2.

Când a fost construită, asta care este biserica, are o sută cinci ani. Că acuma cinci ani s-a ținut ziua o sută de ani, de când au construiut. A fost construită o sută de ani, să spunem asta. Numa era bisericuța, care era veche, mai înainte, de lemn. Popa locuiește la Orșova și vine, duminica vine la slujbă. Fiecare duminica. E o predică, când vorbește predica, face în limba română, că nu știe, și restul în limba cehă. Toata slujba în limba cehă, și numa predica, când să spunem predică, atunci spune românește. Și restul, “Tatăl nostru”, “Oče náš”, “Oče náš”, în limba cehă. Acolo când intrați în cimitir pe ușă, al treilea rând pe dreapta, acolo găsiți tata meu, mama mea, nevasta, imediat de la intrare. Aicia e crucea, în fața. Mergeți pe dreapta, acolo găsiți părinții mei.

Когда была построена та церковь, которая есть, ей сто пять лет. Потому что пять лет назад отмечали ее столетие с того времени, как построили. Была построена сто лет [назад], скажем. Только была церквушка, которая была старая, еще раньше, из дерева. Священник живет в Оршове и он приезжает, в воскресенье приезжает на службу. Каждое воскресенье. Есть проповедь, когда он говорит проповедь, делает это по-румынски, потому что он не знает, а остальное по-чешски. Вся служба на чешском, и только проповедь, когда, скажем, проповедует, тогда говорит по-румынски. А остальное, «Отче наш» — на чешском. Там, когда вы войдете на кладбище в дверь, третий ряд справа, там вы найдете моего папу, мою маму, жену, сразу от входа. Здесь стоит крест, напротив. Вы идете направо и там найдете моих родителей.

Н.Н., жен., 80.

РО.Рум.3.

O fost mai multă lume, o fost noi, când am fost noi miși, o fost lume, cred că o mie, acuma se duc, în Cehoslovacie, în Germania, în Italia, în toate părți.

Было больше народу, было у нас, когда мы были маленькие, был народ, думаю, что тысяча [человек в деревне], но сейчас уезжают, в Чехословакию, в Германию, в Италию, в разные страны.

Чешский язык
Эйбенталь
Ст.Б., муж., 76.

РО.Ч.1.

– A kam se hod’i na pout’, jestli se hod’i, otsut z Ebentalu?

– U nas každej rok deme.

– A kam?

– Čikla- Čiklava Muntana. To je Karaš Severin. To je vod Bošn’aku ješt’e jedete hod’inu ješt’e vejš, ale naši hod’eji e-e pješki. ... Sejdou, tadi dou přez les tadi ... a přejdou, přejdou přez les, g Dunaji sejdou. A sejdou, ste projeli (?), diš ste jeli ze zhora. E-e z- vot Kozla, Kozla, Brzaska. Brzaska, potom je Kozla, gde bili doli. Tak tam se sejdem. Žekneme jako ta cesta, vona přijde tuta cesta, vod Dunaju přidu hodn’e tam jako. ... A on’i sejdou tadi, na, na tu cestu velkou, a potom dou až do Sikovic, Gorn’a a Gern’ik. A přez Gern’ik se de po až do Saski se dou pješki, a ze Saski se de na žekneme už tam jenom asi štiri hod’ini do, e do Čiklavi. Tam je žekneme posvatne misto Pan’i Marije f Čiklavje

– A kolik dní jdete?

– Tři dn’i.

– A gde přenocujete?

– Tuti vixázeji tak kolem devít’i, tadi vocut’. Dou až do Brzaski. Anebo diš je ešče, ešče majej čas a(ž) g Lupkovi. Ta je kousek dal, ta Lupkova. Tam přespjeji, a dou, a dojdou na Gern’ik, a do Saski. A f Sasce zas přespjeji. Tam to se de celej den. A potom ze Saski dou tag do dvoux, do třex hod’in st’ihnou do Čiklavi.

– A куда ходят совершать паломничество, если ходят, отсюда, из Эйбенталья?

– У нас мы каждый год ходим.

– A куда?

– Чиклова-Монтана [рум. *Ciclova Montană*]. Это [регион] Караш-Северин. Это от Бошняка [неофициальное название города *Moldova Nouă*]

ехать еще час на север, но наши ходят пешком. Собираются, здесь идут через лес, проходят, проходят через лес, к Дунаю спускаются. И собираются, вы проезжали, если ехали с севера. От Козлы [рум. *Cozla*], Берзаски [рум. *Berzasca*]. Берзаска, потом Козла, где были шахты. Вот там мы собираемся. Эта дорога, она ведет, эта дорога, от Дуная туда приходят многие. И они сходят на эту дорогу большую, потом идут к Сикевеце [рум. *Sichevița*], Горне [рум. *Gornea*] и Гырнику [рум. *Gârnici*]. А через Гырник идут до Саски [рум. *Sasca*] пешком, а из Саски идут, там уже, скажем, всего около четырех часов до Чикловы. Там, скажем, священное место Девы Марии в Чиклове.

– А сколько дней вы идете?

– Три дня.

– А где вы ночуете?

– Наши выходят где-то около девяти, отсюда. Идут до Берзаски. Или если у них еще есть время, то до Любковой [рум. *Liubcova*]. Она немного дальше, Любкова. Там они ночуют, потом идут и приходят в Гырник и в Саску. А в Саске снова ночуют. Туда идти целый день. А потом из Саски идут и до двух-трех часов они приходят в Чиклову.

Сфынта-Елена (Sfânta Elena)

А.С., жен., 84.

РО.Ч.2.

No Vánoce jsou tad'i pjekni. No na št'edrej den dem z večera do kostela. D'et'i dostavaj darki. Maj basmički, spjevi. A pak deme na pulnoc, vite. A spivá se T'ixá noc. A ta, mn'e (v)řikal n'ákej pan, sem bila v nemocn'ici, a vonen bil rumun, a von bidlel v N'emecku. A tak mi (v)řikal, že asi čtíri sta a n'eco (v)řečix se spiva T'ixá noc. Tak u nas (f)se (f)spivá T'ixá noc, a pak se d'elá mši, a teda. Do jedni a(l)si hod'ini, po jedni se de dom(u). No pak e-e se de ráno teda to je, e, boží hod. A pak na boží hod na Št'epána do rána tak se učeji spivat. Seženou se tšeba ti ženati, tšeba ti svobodni, a xod'eji v noci po koled'e. Pšijdou takle pod vokno tšeba teda, a jako ke mn'e tad'i si vodevřou sami, protože ten muj vn'uk je f Čekáx, a von hraje i f kostele i na ten akordi(j)on. Von je pak se ih sežene k n'emu, a von si tadi vodevře. A spivaji. A ti domáci pšipravej n'aki koláče, tšeba neco pít, třeba kapfen víno, pálenku nebo tu slivovicu,

a daji im teda že napit. A hod'ejí teda skoro do rána teda. A ráno hod'ejí ti d'et'i zase. Víte, d'et'i pšijdou a: “Koleda, koleda, d'etku, vem na babu št'etku, podrbej záda, ona bude ráda. Podrbej kožišek, vona t'i da vořišek”. No tak t'im dáš tšeba čokoládu a n'akej vořex, a n'eco k tomu, takovej, viš, japka a tak jako n'eco, med teda. N'egdo dá tšeba jen n'akej lej teda, abi ti d'et'i teda.

О, Рождество здесь замечательное. В канун мы идем вечером в церковь. Дети получают подарки. Они читают стихи, поют песни. Потом мы идем на полночную службу. Поем «Тихую ночь». Она, мне рассказывал один мужчина, я была в больнице, это был румын, он жил в Германии. И он мне сказал, что на четырехстах с чем-то языках поют «Тихую ночь». Так что у нас поют «Тихую ночь», потом идет служба. Где-то до часа ночи, после часа идут домой. Потом идут с утра, это крестный ход. Потом на крестный ход на святого Стефана до утра, учатся петь. Собираются, например, женатые или, например, неженатые, и ходят ночью колядовать. Приходят вот так под окно и ко мне, они сами открывают, потому что мой внук [живет] в Чехии, и он играет в костеле, на аккордеоне. Он их зовет к себе, и он здесь открывает. И они поют. А хозяйева готовят какие-нибудь пироги, что-нибудь выпить, например, глинтвейн, палинку или сливовицу и дают им выпить. И они ходят почти до самого утра. А с утра ходят дети. Знаете, дети придут и: «Коляда, коляда, дедка, доставай для бабы щетку, почеси ей спинку, она будет рада. Почеси ей шерстку, она даст тебе орешек». Ну и им нужно дать шоколад, какие-нибудь орехи и что-нибудь еще, например, яблоко или еще что-то, мёд. Кто-то дает, например, леи [валюта Румынии], чтобы детей [наградить].

RO.Ч.3.

Zase je diš sou Velikonoce, tak zvou se i ti d'et'i, barvíme vajička. A to držíme svátek be (*sic!*) pátek. Ve štvrtek večir je zelenej štvrtek, je škaredá tšeda, zelenej štvrtek, pak je velkej pátek ne. Tak mi ve štvrtek dem večir do kostela, teda jak vumejvaji tej dvanáct nox apošlulu, tak to umejvaj d'etem tadi teda. No a potom ti se zvoni se fšeckí za(v)ustavjeji, a vic ne zvon'ej, aš na skřišeni f sobotu. Sobotu na večir mame skřišen'i, a to se daji teda, začnou hrát, začnou zvon'it. A de se po ulici na

fskřišen'i, a de se po ulicix do kola, a každej si nese zapalenu svičku. A pak je to pjekn'e vono jako, a ti sjetla, a takovi pjekni, a de se to kola takle, a pak se de do kostela, a na mši. Pa zase je ned'eli ráno se de do kostel(a) i votpoledne.

А когда Пасха, то приглашают детей, мы красим яйца. Мы соблюдаем праздник, пятницу. В четверг вечером Зеленый четверг, есть Скверная среда, Зеленый четверг, потом Великая пятница. Мы в четверг идем вечером в церковь, и как омывали двенадцать ног апостолов, так здесь омывают детям. Потом все колокола перестают звонить, уже не звонят до [дня] воскресения [Христа] в субботу. В субботу вечером воскресение, и тогда начинают играть, начинают звонить. И ходят по улице на воскресение, идут по улицам по кругу, и у каждого горит свеча. Это очень красиво, и этот свет, и так красиво, и идут вот так по кругу, а потом идут в церковь и на службу. А потом воскресным утром идут в церковь и днем.

RO.Ч.4.

A pak sme, nevím, jesi to d'et'i umnej. Diš sme bili d'et'i, tak sme si je dali tajle, a von'i sekali s pen'ezma železnejma, a kolikrat dali do palce. Ale diš ho zasek, tak bilo vejce jeho, a diš ho nezasek, tak ten, co držel vejce, tak ti pen'ezi bili jeho. Tak to bilo takovi no pjekni no, ale tej uš to nen'i.

А еще мы, не знаю, умеют ли это [современные] дети. Когда мы были детьми, то мы их [яйца] держали вот так, а они бросали монеты железные, а сколько раз попадали по пальцу. Но если у кого монета оставалась [в яйце], то яйцо было его, а если нет, то монеты доставались тому, кто держал яйцо. Это было так хорошо, но теперь этого уже нет.

RO.Ч.5.

A jako rumun'i, tak pšet tema Vánoce, tak roskrojej cibuli, a vilo-upaji, a daji dvanáct tex šlupek takle. A do tex nasipou súl. A každej ten dvanáct, tak (k)aždej mn'esic, diš se rostopi, tak přší, a diš se ne rostopi tak je sucho, f tom mn'esici. To dávaji rumun'i teda, to vime bod n'ix. Džikaji, pšide dešt', ten mn'esic e se rostopila súl, a tamten mn'esic ne. Ti šlupki sou takle, te do toho daji troxu sole a nexaji. Tej říkali: leden, unor,

březen, fšeckí mn'esice teda. A fšetki ti šlupki sou takle. Na celej rok tejx dvanact šlupek, vite. A do tex daji ten ale ne, šlupki suxi, ti pjekn'e berou cibuli, rozebiraj, a do tex davaji tu súl. A ta sul se rostopi, tak ten přší nebo padá sn'ix teda, diž je to v zimm'e, to sn'ix. A tak ti rumun'i to d'elaj, mi jako ne, češi, ale vono sme s n'ima tadi blisko, ne. Von'i jezd'ej, tadi maji pole mezi námi. A uš tej sou tadi n'ekere bidlej teda. Koupili si baráki n'ekeri. A tak von'i říkali, že *are să vine ploie (ploaie)*, rumunski.

А румыны, они перед Рождеством нарезают луковицу и очищают, и кладут 12 долек вот так. И их посыпают солью. И каждая из этих 12 — это один из месяцев, и если [соль] растает, то будет дождь, а если не растает, то будет сухо, в этом месяце. Это делают румыны, мы знаем это от них. Говорят, придет дождь, на этот месяц растаяла соль, а на тот нет. Эти дольки [кладут] вот так, туда насыпают немного соли и оставляют. Потом говорят: январь, февраль, март, то есть, все месяцы. А все эти дольки [раскладывают] вот так. На весь год эти 12 долек. И на них насыпают, дольки сухие, берут луковицу, разбирают и насыпают соль. А соль тает, и в этот месяц будет идти дождь или падать снег, если зимой, то снег. Это румыны делают, мы, чехи, нет, но мы с ними здесь близко. Они ездят, у них здесь поля среди наших. А сейчас уже некоторые живут. Некоторые купили дома. И они говорят, что будет дождь, по-румынски.

RO.Ч.6.

A srpski, u jedni srpki sem sloužila teda, vona povida na mne: “*Anka, idi donesi mi bili lukac*”. Ja šla do špajzu: gde je bili lukac? Pak sem šla: “*Pa domna, acolo nu e niciunde*”. A vona: “*Pa este, Anca, du-te să-l cauți!*” — “*Domna, l-am căutat peste tot dar nu e*”. Von to bil česnek, po srpski bile lukac.

А сербский — у одной сербки я, значит, служила, она мне говорит: [серб.] «Анка, иди, принеси мне *bili lukac* [серб. диал. ‘чеснок’]». Я пошла в кладовку: где *bili lukac*? Потом прихожу: [рум.] «Госпожа, там нигде нет». А она: [рум.] «Да есть же, Анка, иди его ищи!» — [рум.] «Госпожа, я его искала везде, но его нет». А это был чеснок. На сербском *bili lukac*.

РО.Ч.7.

Pak me poveda jednou, že pri sed'ela takle f pokoji a žika: “*Anka, donesi mi marambicu!*” Ale ja hledam kočku: “*Mi-ic mi-ic! Păi domna, aicia nu e pisica niciunde*”. — “*Anca, ai căutat pisica?*” A vona se smala. Von to bil kapecnik, po srpsku.

Потом она мне как-то говорит, сидела она вот так в комнате и говорит: [серб.] «Анка, принеси мне *marambicu* [серб. / рум. ‘платок’]!» А я ищу кошку: кис-кис [*mic, mic*]! [рум.] «Госпожа, там нигде нет кошки». — [рум.] «Анка, ты искала кошку?» И она смеялась. А это был платок, на сербском.

РО.Ч.8.

“*Anka, idi operi sudove!*” A ja pam, pane Ježiši, vona blázen nebo si strat'ila rozum. Te ja polezu po sudu, von'i tam srbáci lezou po žebríku, do sudu, meli ti kad'e velki, von'i na vinogradux ne, toho vína ne. A ja: “*Păi domna, iou nu pot să mă urc cu scara acolo*”. Vona pa: “*Unde vrei să te urci?*” Ja: “*Pa măncareț nu nu*”. A vono to bilo nádobi, *sudove* ne. Al ja misela sudi.

[серб.] «Анка, иди помой посуду!»). А я говорю, Господи Иисусе, она сумасшедшая или потеряла разум. Это я-то полезу по *бочке* [чеш. *sud* ‘бочка’], они, сербы, туда залезают по лестнице, в *бочку*, у них были такие кадки большие, для винограда. А я: [рум.] «Госпожа, я не могу подняться по лестнице туда». Она: [рум.] «А куда ты хочешь подняться?» А я: [рум. досл.] «Ешьте не не». А это была посуда, *sudove* [серб. ‘посуда’]. А я думала, бочки.

РО.Ч.9.

No tak d'elaji, tšeba je funus a po funuse fšetki jdou tam na jidlo. Vite, to je pomána. A daji vam takovi xlebički kulati, a to ma d'irku, a daji vam svičku takovou. A to se rumuni zapáli teda, a to si vemou domu. Ja sem tam bila, ale nešla sem na tu pamánu, ale ten poxánek a tu svičku sem dostala. Bila sem tam u n'ejaki bábi na funuse. Na tom pořbu teda, mi říkame funus. ... Rumun'i. Ale mi ne. Taki to bilo u nás. A pšišel n'ejakej kn'ez teda, Bašek mu říkali, on uš je tej v duxod'e n'egde na Bigru. Tak to zakázal. Řikal, gdiž xcete dat, tak si dejte i dokaj ste živi n'ekomu n'eco, a to je pomána teda. Ale ne, prej, po smrt'i von ten mrtvej přide jíst.

Они вот так делают, скажем, похороны, а после похорон все идут туда есть. Вот, это *помана*. И дают вам такие булочки круглые, с дырочкой, и дают свечку. И румыны ее зажигают, а потом забирают домой. Я там была, но не ходила на эту *поману*. Но булочку и свечку я получила. Я была там у одной женщины на похоронах. На похоронах, мы говорим *funus* [чеш. диал. похороны]. [Это делают] румыны, а мы нет. У нас это тоже было. Но пришел один священник, Башек его звали, он сейчас уже на пенсии в Бигэре. Так вот он это запретил. Сказал, что если вы хотите что-то дать, то дайте кому-то что-то, пока вы живы, это и есть *помана*. Но не после смерти, говорит, этот покойник придет есть.

РО.Ч.10.

On'i, valaši, maji strax. On'i řikaji: "*Muroni, vine muroniul*", ne. Panebože. Taki sme d'elali kontrakti na tuto staven'i, a taki sem šla do Oravic. Já sem jezd'ila, von muj nejezd'il, on mn'el práci domu. A mušela sem mit inženíra, a on sem přišel. Přišel sem, a mi sme mu do pokoje, že tadi be spat, a vo(n) řikal: "Ja nebu(du) spa(t) sa(m), ja bu(du) spa(t) s vama u sekmici". A řikam: "Proč biste spa(l) s nama f sekmici?", ne. A von řikal: "Ja sem spal u n'ejakejx teda rumunu, a von v noci přišel *muroni*, na mn'e. Bouxal a bouxal", prej. A ja povidam: "Malej, murone nexod'i, ale živeho se boj, ale mrtvo(ho) n'igda, ten nepřijde".

Они, румыны, боятся. Они говорят: «Мурой, придет мурой [ходячий мертвец, вампир]!». Господи Боже. Мы делали бумаги на этот дом, и я поехала в Оравицу. Я ездила, мой не ездил, у него были дела дома. Мне нужен был инженер, и он сюда пришел. Он пришел сюда, а мы ему [постелили] в комнате, чтобы он здесь спал. А он говорит: «Я не буду спать один, я буду спать с вами в спальне». А я говорю: «Почему Вы будете спать с нами в спальне?». А он говорит: «Я спал у одних румын, а он пришел ночью за мной, мурой. Гремел и гремел», мол. А я говорю: «Парень, мурои не ходят, бойся живого, мертвого никогда, он не придет».

РО.Ч.11.

A bila sem v nemocn'ici, a von'i tam bili ti rumun'i. A u nas se mrtvi nehlida, jako u rumunu, tam sed'ej a hlidaju, bar to. Dit' von nepude n'ikam. a on'i řikali: "Proč vi nehlidáte?" Ja řikám: "Náš nestane. Mí mu

svažem nohi a ruce, a nedame mu třevíce na nohi, nexame mu punčoxi, a vono ho to pixa, vickrát domu nepřijde”. Valački mn’eli takle voči. Ja tomu nasmáta potom, tit’ to nen’i pravda. No, nedáváme třevíce do mrtvemu. Punčoxi teda, tak. A an’i ho nesvážem. A ja: “Pa svažem ho mu nohi a ruce”. A valaš’ki: “*Aolele! Veš(c)ino! Aša-i! Aša-i!*” Ja: “No ne!”.

Была я в больнице, и были там румыны. А у нас за мертвым не следят как у румын: там сидят и следят, как минимум. А ведь он не пойдет никуда. А они говорили: «Почему вы не следите?» Я говорю: «Наш не встанет. Мы ему связываем ноги и руки и не надеваем туфли на ноги, оставляем ему только чулки, его колет, и он домой уже не придет». У румын были вот такие глаза. Я так смеялась потом, ведь это не правда. Ну, да, мы не надеваем туфли на мертвого. Чулки, да. Но мы его и не связываем. А я говорю: «Мы его связываем, ноги, руки ему!». А румыны: [рум.] «Ой, да, соседка, так и есть, так и есть!» А я: «Да нет же!».

РО.Ч.12.

Pak vipravjela moje teta, že sroužila (*sic!*) negde v apatice. A vona umřela tih apatikářum teda bába stara. A von tej ten v noci, pre von tenkra, nebilo sjetlo ješt’e, s cema lampama, voni mn’eli ti velki takovi, n’emci to bili, vite. A von prej v noci, von’i ji říkali, Bjetka, von’i říkali: “*Erji, sco(a)lă-te, cã vine baba acasã muroiul s-o fa(ă)cut, hai s-o ble-stãmãm!*”, pre. Tak pre mn’e vzbud’ili, já pre vospala, Majko, a tej ze sekn’ice do sekn’ice a zaříkával n’ejak. Von’i psi šli za čubou, a von’i mn’eli, vrata mn’eli lajsnički, a ti psi jak škrabali tu lat’ečku, vždicki natahli, von’i bouxla. A von’i si misleli, že baba bouxa. Ja to tomu nasmala. Ja pam, no to sou blazn’i. Mrtvej nepřijde, Bože. Jak muj d’eda, človjek umřel, a ja sem spala v jednej sekmice, von bil v druhej. V noci to sem šla pod’ivat asi n’ejak svička n’eco tam, protože sviti bar ne. Ja se nebojim mrtveho. To spiš živeho. Co t’i mrtvej ud’ela? Von xudak nestane vickrát. Ax, valaši, von’i maji takovi zviki, že, te. A srbáci davaj tajdlemu srp. A fstal abi se přeřezal, bi nam přijid domu. To sou blázn’i.

Моя тетка рассказывала, что она служила где-то в аптеке. А у этих аптекарей умерла старая баба. А этот [аптекарь] ночью, он, мол, тогда света еще не было, он с этими лампами, у них были такие большие, это немцы были. И он, мол, ночью, они ее называли Бетка,

они говорят: [рум.] «Эржи, поднимайся, потому что придет баба домой, она стала муром, будь она проклята!», мол. И вот, говорит, они меня разбудили, а я, говорит, сонная. Матерь Божья, а этот [носится] из комнаты в комнату и что-то приговаривает. А это псы шли за сухой, а у них были ворота, на воротах были рейки, и эти псы, когда скребли эту рейку, они ее каждый раз натягивали, и она грохотала. А они думали, что это баба гремела. Я так смеялась. Я говорю, ну и безумцы. Мертвый не придет, Боже мой. Когда мой дед, муж, умер, я спала в одной комнате, он был в другой. Ночью я ходила смотреть, как там свечка, горит ли. Я не боюсь мертвого. Скорее живого. Что тебе мертвый сделает? Он, бедняга, уже не встанет. Ах эти румыны, у них такие обычаи. А сербы кладут ему серп. Если встанет, чтобы порезался, чтобы [не] пришел домой. Вот безумцы.

Златица (Zlatița)

Л.Б., жен., ок. 60.

РО.Ч.13.

Jo, jo, potom n'ekeri se vrat'ili spatki. Že von'i jim řekli... Protože tuto fšecko bilo *Austro-Ungaria*. A von'i jim potom žekli: “Tadi vam dame lesi, tadi vam dame dobri život”. Al von'i xt'eli, abi přišli sem hli-dat hran'ice. Že tadi bili hran'ice: *Austro-Ungaria* a Rumunsko. A-a, e-e, von'i potom je přelhali. Jim dali... Co to sou češi jenom na vrcháx. Jim dali špatni místa, jim dali ošklivi místa. Potom hodn'e se jix vrat'ilo spát-ki. Pješki šli spatki do Čex. To n'ekeri zustali tadi, jako bilo to ukrutn'e t'eški. Já n'ičkom, diš vid'im ti pole, dřivavic (?) jak se ti s- naši stari mučili, abi visekali lesi, abi to ud'elali póle t'i, jag bi se mohlo vorat, a tej to fšecko, fšecko zarastava spatki. Je, fšixn'i votxazeji a... Staven'i ste vid'eli, sou, napušt'eni sou.

Да, да, потом некоторые [чешские переселенцы] возвратились назад. Они им сказали... Ведь это все была Австро-Венгрия. И они им сказали: «Здесь мы вам дадим леса, здесь мы вам дадим хорошую жизнь». Но они хотели, чтобы [чехи] пришли сюда стеречь границы [речь о регионе Военной границы]. Здесь были границы: Австро-Венгрия и Румыния. Они потом их обманули. Им дали... Почему чехи [живут здесь] только на холмах. Им дали плохие места, им

дали безобразные места. Потом много их вернулось назад. Пешком шли обратно в Чехию. Некоторые остались здесь, это было ужасно тяжело. Я теперь, когда вижу эти поля, как раньше наши предки мучились, чтобы вырубить леса, чтобы сделать поля, чтобы можно было пахать, а теперь все это зарастает обратно. Да, все уезжают... Дома вы видели, они брошены.

Приложения

**Лексико-тематический указатель
к публикуемым текстам**

А

- Австро-Венгрия** RO.Ч.13 ⇨ 337–338
автобиография FVG.Сл(н).10 ⇨ 235–236
ад FVG.Сл(н).20 ⇨ 243
Ада V.B.5 ⇨ 279
Адвент SPrim.Ит.1 ⇨ 200
албанский язык SPrek.B.8 ⇨ 314–315
американец SL.Ч.1 ⇨ 319–324
американский SPrim.Ит.7 ⇨ 203–204
ангел SPrim.Ит.2 ⇨ 200–201
Анкаран SPrim.Ит.34 ⇨ 220–221
апостолы RO.Ч.3 ⇨ 331–332
арахис SPrim.Ит.2 ⇨ 200–201
армия FVG.Сл(т).2 ⇨ 261–262

Б

- бабушки и дедушки** SPrim.Ит.20 ⇨ 211
баклава V.B.2 ⇨ 275–276
Бари SPrim.Ит.2 ⇨ 200–201
Барч SL.B.3 ⇨ 317–318
Бачка-Паланка V.B.13 ⇨ 283–284
Бачки-Петровац V.Ср.2 ⇨ 300–301
бедность V.Ср.1 ⇨ 298–299
Белград SPrim.Ит.29 ⇨ 216–217, SPrim.Ит.30 ⇨ 217–218,
V.Укр.12 ⇨ 273, SL.B.2 ⇨ 317
Белтинцы SPrek.B.4 ⇨ 310–311
бенечийский диалект FVG.Сл(н).3 ⇨ 230–231
Берзаска RO.Ч.1 ⇨ 329–330
Бэфана SPrim.Ит.7 ⇨ 203–204, FVG.Ит.3 ⇨ 225,
FVG.Сл(н).28 ⇨ 245
Бечис FVG.Сл(н).41 ⇨ 256–257
Бигэр RO.Ч.9 ⇨ 334–335
билингвизм SPrim.Ит.34 ⇨ 220–221

- благословение полей** FVG.Сл(н).11 ⇔ 236
- благословлять** FVG.Сл(н).31 ⇔ 248, FVG.Сл(н).33 ⇔ 249–250,
V.Укр.10 ⇔ 271–272
- блуждать** V.B.23 ⇔ 292–293
- блюдо** SPrim.Ит.2 ⇔ 200–201, V.Укр.9 ⇔ 271
- Бог** FVG.Сл(т).1 ⇔ 259–260, V.Ч.3 ⇔ 303–304
- Богоявление** FVG.Ит.1 ⇔ 223–224, FVG.Ит.2 ⇔ 224–225,
FVG.Ит.3 ⇔ 225, FVG.Сл(н).27 ⇔ 245,
V.Укр.10 ⇔ 271–272, V.B.23 ⇔ 292–293
- Бодонцы** SPrek.B.2 ⇔ 309
- болгарский обычай** V.B.18 ⇔ 288–289
- болгарский язык** V.B.17 ⇔ 287
- болгары** V.B.16 ⇔ 287
- болезнь** FVG.Сл(н).40 ⇔ 255–256
- боловантари** FVG.Сл(н).17 ⇔ 241–242, FVG.Сл(н).19 ⇔ 242
- бородавка** FVG.Сл(н).34 ⇔ 250
- боснийцы** V.B.13 ⇔ 283–284
- Босния и Герцеговина** V.B.13 ⇔ 283–284
- бочка** RO.Ч.8 ⇔ 334
- бошняк** RO.Ч.1 ⇔ 329–330
- бросать** RO.Ч.4 ⇔ 332
- Будапешт** SL.B.3 ⇔ 317–318
- букет** FVG.Сл(н).9 ⇔ 234–235
- бурек** V.B.2 ⇔ 275–276
- быличка** FVG.Сл(н).4 ⇔ 231–232, FVG.Сл(н).17 ⇔ 241–242,
FVG.Сл(т).5 ⇔ 263–265
- Бьярцо** FVG.Сл(н).41 ⇔ 256–257

В

- вампир** RO.Ч.10 ⇔ 335, RO.Ч.11 ⇔ 335–336, RO.Ч.12 ⇔ 336–337
- ведьма** FVG.Ит.3 ⇔ 225, FVG.Сл(н).35 ⇔ 250–251, V.B.3 ⇔ 276–278,
V.B.21 ⇔ 290–292, V.B.22 ⇔ 292
- Великая пятница** FVG.Сл(н).5 ⇔ 232, FVG.Сл(н).6 ⇔ 232–233,
RO.Ч.3 ⇔ 331–332
- Великая среда** RO.Ч.3 ⇔ 331–332
- Великая суббота** FVG.Сл(н).5 ⇔ 232, FVG.Сл(н).7 ⇔ 233,
V.B.23 ⇔ 292–293, RO.Ч.3 ⇔ 331–332
- Великий пост** SPrim.Ит.11 ⇔ 205
- Великий четверг** SPrim.Ит.12 ⇔ 205–208, V.B.29 ⇔ 296,
RO.Ч.3 ⇔ 331–332

- венгерский язык** V.B.13 ⇨ 283–284, V.B.16 ⇨ 287, V.B.16 ⇨ 287, V.B.26 ⇨ 294–295, V.Cp.1 ⇨ 298–299, V.Cp.2 ⇨ 300–301, SPrek.Сл(пр).1 ⇨ 306–307, SPrek.B.3 ⇨ 309–310, SPrek.B./Сл.6 ⇨ 311–312, SPrek.B.8 ⇨ 314–315, SL.B.1 ⇨ 316, SL.B.3 ⇨ 317–318, SL.B.4 ⇨ 318
- Венгрия** SPrek.B./Сл.6 ⇨ 311–312, SL.B.3 ⇨ 317–318
- венгры** V.B.5 ⇨ 279, V.Cp.1 ⇨ 298–299, SPrek.B.8 ⇨ 314–315, SL.B.1 ⇨ 316
- венгерский дом** SL.B.6 ⇨ 319
- венок** SPrim.Ит.1 ⇨ 200, V.Укр.10 ⇨ 271–272, V.B.15 ⇨ 285–287
- Вербное воскресенье** FVG.Сл(н).9 ⇨ 234–235
- Верона** FVG.Сл(н).10 ⇨ 235–236
- весенние развлечения** V.Ч.1 ⇨ 301–302
- весна** SPrim.Ит.13 ⇨ 208, FVG.Сл(н).12 ⇨ 236–237, V.B.1 ⇨ 275
- ветчина** SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208
- вино** FVG.Сл(н).21 ⇨ 243
- виноград** V.Укр.6 ⇨ 269, V.Укр.13 ⇨ 273–274
- вифлеемцы** V.B.3 ⇨ 276–278
- вода** FVG.Сл(н).15 ⇨ 239–240, FVG.Сл(н).17 ⇨ 241–242, V.Укр.10 ⇨ 271–272, V.B.30 ⇨ 296–297, V.Ч.3 ⇨ 303–304
- Водица** V.B.12 ⇨ 282–283
- Воеводина** V.Укр.11 ⇨ 272–273, V.B.5 ⇨ 279
- Военная граница** RO.Ч.13 ⇨ 337–338
- возвращаться** FVG.Сл(н).38 ⇨ 253–254, FVG.Сл(н).39 ⇨ 254–255
- Вознесение Господне** SPrim.Ит.15 ⇨ 209, FVG.Ит.2 ⇨ 224–225
- Вознесение Девы Марии** V.B.11 ⇨ 282, SPrim.Ит.22 ⇨ 212–213
- война** FVG.Сл(н).26 ⇨ 244–255, SL.Ч.2 ⇨ 324–326
- ворошить** V.B.8 ⇨ 281, V.B.10 ⇨ 282
- воскресенье** SPrim.Ит.11 ⇨ 205, SPrim.Ит.25 ⇨ 214–215
- воскрешение** SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208, RO.Ч.3 ⇨ 331–332
- Врбас** V.Укр.6 ⇨ 269, V.Укр.12 ⇨ 273
- Вторая мировая война** SPrek.B.8 ⇨ 314–315
- вторник** SPrim.Ит.11 ⇨ 205
- Вуковар** SL.B.1 ⇨ 316
- вырезать из дерева** V.B.21 ⇨ 290–292

Г

- Габровица** FVG.Сл(н).26 ⇨ 244–255
- гадание** V.B.3 ⇨ 276–278, V.B.8 ⇨ 281, V.B.9 ⇨ 281–282, V.B.25 ⇨ 294, V.B.31 ⇨ 297, RO.Ч.5 ⇨ 332–333

- гарабонцияш** V.B.22 ⇨ 292
география SL.B.2 ⇨ 317
Германия RO.Рум.3 ⇨ 328–329, RO.Ч.2 ⇨ 330–331
Герцеговина V.Укр.13 ⇨ 273–274
глаза SPrim.Ит.4 ⇨ 202
Гложань V.Ср.2 ⇨ 300–301
гном FVG.Сл(н).36 ⇨ 251–252, FVG.Сл(т).5 ⇨ 263–265
голова FVG.Сл(н).21 ⇨ 243, FVG.Сл(т).3 ⇨ 262–263
голубица FVG.Сл(н).7 ⇨ 233, FVG.Сл(н).9 ⇨ 234–235
голубцы V.Укр.13 ⇨ 273–274, V.B.2 ⇨ 275–276, V.B.15 ⇨ 285–287, V.B.18 ⇨ 288–289
гора SPrim.Ит.19 ⇨ 211, FVG.Сл(н).10 ⇨ 235–236, FVG.Сл(н).28 ⇨ 245, FVG.Ит.3 ⇨ 225, FVG.Ит.1 ⇨ 223–224, SL.B.2 ⇨ 317
Горень-Марсин FVG.Сл(н).1 ⇨ 226–229
Гориция SPrim.Ит.19 ⇨ 211
Горичко SPrek.Сл(пр).1 ⇨ 306–307, SPrek.B.4 ⇨ 310–311
горло SPrim.Ит.10 ⇨ 204–205, V.B.3 ⇨ 276–278
Горни-Дарувар SL.Ч.2 ⇨ 324–326
Горни-Петровцы SPrek.B.2 ⇨ 309
Горня RO.Ч.1 ⇨ 329–330
горящий сноп FVG.Сл(н).41 ⇨ 256–257
град FVG.Сл(н).13 ⇨ 237–238, FVG.Сл(н).14 ⇨ 238–239, FVG.Сл(н).26 ⇨ 244–255, FVG.Сл(н).31 ⇨ 248, FVG.Сл(н).33 ⇨ 249–250
грамматический род SPrek.B.4 ⇨ 310–311, SPrek.B.8 ⇨ 314–315
граница SPrim.Ит.29 ⇨ 216–217
Грбавац SL.Ч.2 ⇨ 324–326
греко-католики V.Укр.6 ⇨ 269, V.Укр.12 ⇨ 273
гремять RO.Ч.10 ⇨ 335
грех FVG.Сл(н).37 ⇨ 252–253
гроб FVG.Сл(н).17 ⇨ 241–242, SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208
грохотать RO.Ч.12 ⇨ 336–337
губана, губаница FVG.Ит.4 ⇨ 226, FVG.Сл(н).9 ⇨ 234–235
Гырник RO.Ч.1 ⇨ 329–330

Д

- давить** FVG.Сл(н).35 ⇨ 250–251
Далмация SL.B.3 ⇨ 317–318
двенадцать блюд V.Укр.5 ⇨ 268
двуязычие SPrim.Ит.34 ⇨ 220–221

- Дева Мария** FVG.Сл(н).1 ⇨ 226–229, FVG.Сл(н).30 ⇨ 247–248,
FVG.Сл(н).31 ⇨ 248, FVG.Сл(н).32 ⇨ 249,
V.Ч.3 ⇨ 303–304, RO.Ч.1 ⇨ 329–330
- Деветица** FVG.Сл(н).1 ⇨ 226–229, FVG.Сл(н).30 ⇨ 247–248
- день Адама и Евы** V.B.21 ⇨ 290–292
- день всех святых** FVG.Сл(н).15 ⇨ 239–240, FVG.Сл(н).25 ⇨ 244,
FVG.Сл(н).39 ⇨ 254–255
- день мертвых** FVG.Сл(н).38 ⇨ 253–254, FVG.Сл(н).39 ⇨ 254–255
- день Приможа Трубара** SPrim.Ит.23 ⇨ 213–214
- день святого Стефана** SPrim.Ит.3 ⇨ 201
- деньги** V.Укр.4 ⇨ 268, V.Укр.9 ⇨ 271, V.B.8 ⇨ 281, V.B.15 ⇨ 285–287,
V.B.31 ⇨ 297
- деревня** FVG.Сл(н).24 ⇨ 244, SL.B.1 ⇨ 316
- детские игры** SPrim.Ит.30 ⇨ 217–218, V.Ч.2 ⇨ 302, RO.Ч.4 ⇨ 332
- детство** V.Ср.1 ⇨ 298–299
- джезва** V.Укр.1 ⇨ 266
- диалект** SPrim.Ит.31 ⇨ 218, SPrim.Ит.37 ⇨ 222, SPrim.Ит.38 ⇨ 222,
FVG.Ит.1 ⇨ 223–224, SPrek.B.3 ⇨ 309–310, SPrek.B./Сл.7 ⇨ 313
- дидух** V.Укр.7 ⇨ 269–270
- дорога** FVG.Сл(н).6 ⇨ 232–233
- Дорослово** V.B.12 ⇨ 282–283
- Драва** SL.B.2 ⇨ 317
- Дунай** V.Ср.2 ⇨ 300–301, SL.B.2 ⇨ 317, RO.Ч.1 ⇨ 329–330
- Дус** FVG.Сл(н).26 ⇨ 244–255
- дух** FVG.Сл(н).35 ⇨ 250–251
- душа** V.B.23 ⇨ 292–293, FVG.Сл(н).37 ⇨ 252–253
- души мертвых** FVG.Сл(н).17 ⇨ 241–242, FVG.Сл(н).15 ⇨ 239–240,
FVG.Сл(н).19 ⇨ 242, FVG.Сл(н).38 ⇨ 253–254
- дьявол** SPrim.Ит.2 ⇨ 200–201

Е

- евангелисты** SPrek.B.2 ⇨ 309
- еврей** SPrek.B.9 ⇨ 315, SL.B.1 ⇨ 316, SL.Ч.1 ⇨ 319–324
- Еллина** FVG.Сл(н).9 ⇨ 234–235
- ель** FVG.Сл(н).2 ⇨ 229–230

Ж

- жаба** FVG.Сл(н).21 ⇨ 243
- жених** V.B.8 ⇨ 281, V.B.15 ⇨ 285–287
- женщина** SPrim.Ит.6 ⇨ 203, V.B.10 ⇨ 282, V.Ч.3 ⇨ 303–304

З

- заговор** FVG.Сл(н).23 ⇨ 244, FVG.Сл(н).29 ⇨ 246,
FVG.Сл(н).35 ⇨ 250–251, V.B.30 ⇨ 296–297,
V.Ч.3 ⇨ 303–304, V.Ч.4 ⇨ 304–305
- Загорье** SL.B.3 ⇨ 317–318)
- Загреб** SPrim.Ит.30 ⇨ 217–218
- заикаться** FVG.Сл(н).22 ⇨ 243
- закваска** V.Укр.3 ⇨ 267–268
- замужество** V.B.25 ⇨ 294, V.B.31 ⇨ 297
- запекать** V.Укр.13 ⇨ 273–274
- записка** V.B.25 ⇨ 294
- заплетать** FVG.Сл(т).5 ⇨ 263–265
- запреты** V.B.8 ⇨ 281
- засуха** FVG.Сл(н).26 ⇨ 244–255, V.B.11 ⇨ 282
- заход солнца** V.B.11 ⇨ 282
- защищать** V.Укр.14 ⇨ 274–275
- заяц** SL.Ч.1 ⇨ 319–324
- звон** FVG.Сл(н).5 ⇨ 232, FVG.Сл(н).9 ⇨ 234–235,
FVG.Сл(н).14 ⇨ 238–239, FVG.Сл(н).27 ⇨ 245,
FVG.Сл(н).30 ⇨ 247–248, FVG.Сл(н).43 ⇨ 258–259,
RO.Ч.3 ⇨ 331–332
- Зеленый четверг** RO.Ч.3 ⇨ 331–332
- зельц** V.Укр.3 ⇨ 267–268
- зима** SPrim.Ит.11 ⇨ 205, FVG.Ит.1 ⇨ 223–224
- зимние развлечения** V.Ч.1 ⇨ 301–302
- змея** FVG.Сл(н).21 ⇨ 243

И

- ибрик** V.Укр.1 ⇨ 266
- Изола** SPrim.Ит.19 ⇨ 211, SPrim.Ит.34 ⇨ 220–221
- изюм** SPrim.Ит.5 ⇨ 202–203
- Иисус** V.B.3 ⇨ 276–278, V.B.18 ⇨ 288–289
- икота** V.Ч.4 ⇨ 304–305
- имя** V.B.4 ⇨ 278–279, V.B.8 ⇨ 281, V.B.25 ⇨ 294, V.B.31 ⇨ 297
- Инджия** V.Укр.6 ⇨ 269
- инжир** SPrim.Ит.2 ⇨ 200–201
- инструменты** V.B.18 ⇨ 288–289
- испуг** V.B.30 ⇨ 296–297
- история переселений** RO.Ч.13 ⇨ 337–338

- истрийский** SPrim.Ит.5 ⇨ 202–203, SPrim.Ит.25 ⇨ 214–215
- Истрия** SPrim.Ит.5 ⇨ 202–203, SPrim.Ит.18 ⇨ 210–211,
SPrim.Ит.23 ⇨ 213–214
- истро-венцианский** SPrim.Ит.38 ⇨ 222
- исцеление** V.B.12 ⇨ 282–283
- Италия** SPrim.Ит.7 ⇨ 203–204, SPrim.Ит.23 ⇨ 213–214,
SPrim.Ит.25 ⇨ 214–215, SPrim.Ит.37 ⇨ 222,
RO.Рум.3 ⇨ 328–329
- итальянский язык** SPrim.Ит.10 ⇨ 204–205, SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208,
SPrim.Ит.14 ⇨ 208–209, SPrim.Ит.22 ⇨ 212–213,
SPrim.Ит.27 ⇨ 215–216, SPrim.Ит.28 ⇨ 216,
SPrim.Ит.30 ⇨ 217–218, SPrim.Ит.31 ⇨ 218,
SPrim.Ит.32 ⇨ 218–219, SPrim.Ит.34 ⇨ 220–221,
SPrim.Ит.35 ⇨ 221, SPrim.Ит.36 ⇨ 221–222,
SPrim.Ит.37 ⇨ 222, FVG.Сл(н).1 ⇨ 226–229,
FVG.Сл(н).3 ⇨ 230–231, FVG.Сл(н).20 ⇨ 243
- итальянцы** SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208, SPrim.Ит.34 ⇨ 220–221

Й

- йота** SPrim.Ит.25 ⇨ 214–215

К

- календарная примета** V.Ч.5 ⇨ 305, V.Ч.6 ⇨ 305
- календарь** SPrim.Ит.1 ⇨ 200
- Камовцы** SPrek.B.2 ⇨ 309
- канун Нового года** V.Ч.1 ⇨ 301–302
- капуста** V.Укр.13 ⇨ 273–274
- карнавал** SPrim.Ит.11 ⇨ 205, SPrim.Ит.23 ⇨ 213–214,
FVG.Ит.1 ⇨ 223–224, FVG.Ит.2 ⇨ 224–225,
FVG.Сл(н).12 ⇨ 236–237
- Кастельмонте** FVG.Ит.1 ⇨ 223–224
- католики** V.B.3 ⇨ 276–278, V.B.5 ⇨ 279, V.B.14 ⇨ 284–285,
SPrek.B.1 ⇨ 307–308, SPrek.B.2 ⇨ 309, SL.B.1 ⇨ 316
- каштаны** FVG.Сл(н).25 ⇨ 244
- кипарис** SPrim.Ит.1 ⇨ 200
- Кисач** V.Ср.2 ⇨ 300–301
- кладбище** SPrim.Ит.16 ⇨ 209, FVG.Сл(н).20 ⇨ 243,
FVG.Сл(т).2 ⇨ 261–262, FVG.Сл(т).3 ⇨ 262–263,
FVG.Сл(т).4 ⇨ 263, V.B.23 ⇨ 292–293, SPrek.B.1 ⇨ 307–308,
RO.Рум.2 ⇨ 328
- Козла** RO.Ч.1 ⇨ 329–330

- козалец** FVG.Сл(н).22 ⇔ 243
- колбаса** V.Укр.3 ⇔ 267–268, V.B.3 ⇔ 276–278
- колечко** V.Ч.1 ⇔ 301–302, V.Ч.2 ⇔ 302
- колокол** FVG.Сл(н).5 ⇔ 232, FVG.Сл(н).14 ⇔ 238–239,
FVG.Сл(н).27 ⇔ 245, FVG.Сл(н).30 ⇔ 247–248,
FVG.Сл(н).43 ⇔ 258–259, V.B.29 ⇔ 296,
RO.Ч.3 ⇔ 331–332
- колокольчик** FVG.Сл(н).12 ⇔ 236–237, V.B.20 ⇔ 289–290
- колонисты** V.B.13 ⇔ 283–284
- колотушка** FVG.Сл(н).5 ⇔ 232
- колядование** V.Укр.9 ⇔ 271, RO.Ч.2 ⇔ 330–331, V.B.3 ⇔ 276–278
- коммунизм** V.Укр.14 ⇔ 274–275
- коммуникативная неудача** V.B.26 ⇔ 294–295
- компот** SPrim.Ит.24 ⇔ 214, V.Укр.1 ⇔ 266, V.Укр.2 ⇔ 266–267
- консервация мяса** V.B.2 ⇔ 275–276
- контрабанда** FVG.Сл(т).4 ⇔ 263
- конфирмация** SPrim.Ит.18 ⇔ 210–211, SPrek.B.1 ⇔ 307–308
- Кончаница** SL.Ч.1 ⇔ 319–324, SL.Ч.2 ⇔ 324–326
- конь** FVG.Сл(т).2 ⇔ 261–262, FVG.Сл(т).5 ⇔ 263–265
- Копер** SPrim.Ит.11 ⇔ 205, SPrim.Ит.12 ⇔ 205–208, SPrim.Ит.14 ⇔ 208–209,
SPrim.Ит.17 ⇔ 209–210, SPrim.Ит.18 ⇔ 210–211,
SPrim.Ит.21 ⇔ 212, SPrim.Ит.34 ⇔ 220–221
- корзина** SPrim.Ит.12 ⇔ 205–208, FVG.Сл(н).7 ⇔ 233, V.Укр.5 ⇔ 268
- корытник** SL.Ч.1 ⇔ 319–324
- косички** FVG.Сл(т).5 ⇔ 263–265)
- костер** SPrim.Ит.17 ⇔ 209–210, FVG.Ит.1 ⇔ 223–224,
FVG.Сл(н).9 ⇔ 234–235, FVG.Сл(н).32 ⇔ 249, V.B.4 ⇔ 278–279,
V.B.28 ⇔ 296
- кофе** V.Укр.1 ⇔ 266
- кочерга** V.B.8 ⇔ 281, V.B.10 ⇔ 282
- кошка** FVG.Сл(н).35 ⇔ 250–251, RO.Ч.7 ⇔ 334
- Крампус** FVG.Ит.1 ⇔ 223–224, V.Укр.14 ⇔ 274–275
- красить** SPrim.Ит.12 ⇔ 205–208, RO.Ч.3 ⇔ 331–332
- крест** FVG.Сл(н).9 ⇔ 234–235, V.B.30 ⇔ 296–297, SPrek.B.1 ⇔ 307–308,
RO.Пум.2 ⇔ 328
- крестить** FVG.Сл(т).1 ⇔ 259–260
- крестная** FVG.Сл(т).1 ⇔ 259–260, FVG.Сл(т).3 ⇔ 262–263
- кривопета** FVG.Ит.3 ⇔ 225, FVG.Сл(н).16 ⇔ 240,
FVG.Сл(н).36 ⇔ 251–252
- Крижевцы** SPrek.B.2 ⇔ 309)

кровь V.Ч.4 ⇨ 304–305
кровяная колбаса V.Укр.3 ⇨ 267–268, V.B.3 ⇨ 276–278
крошки V.B.3 ⇨ 276–278
Крпливник SPrek.Сл(пр).1 ⇨ 306–307
крыша FVG.Сл(н).2 ⇨ 229–230, V.Ч.3 ⇨ 303–304
кукла SPrim.Ит.11 ⇨ 205
кукуруза FVG.Сл(н).17 ⇨ 241–242, FVG.Сл(н).25 ⇨ 244,
V.B.7 ⇨ 280, V.B.18 ⇨ 288–289
кукурузная каша V.B.7 ⇨ 280
Кула V.Укр.6 ⇨ 269, V.Укр.12 ⇨ 273
Купусина V.B.21 ⇨ 290–292
Курбан-байрам V.Укр.11 ⇨ 272–273
куры V.B.8 ⇨ 281, V.B.10 ⇨ 282

Л

лаванда SPrim.Ит.18 ⇨ 210–211
лавр FVG.Сл(н).2 ⇨ 229–230
Латизана FVG.Сл(н).25 ⇨ 244
латинский язык SPrim.Ит.10 ⇨ 204–205, FVG.Сл(н).26 ⇨ 244–255
лауфр SL.Ч.1 ⇨ 319–324, SPrim.Ит.11 ⇨ 205
Лачарак V.Укр.7 ⇨ 269–270
Лендава SPrek.Сл(пр).1 ⇨ 306–307, SPrek.B.2 ⇨ 309,
SPrek.B.4 ⇨ 310–311, SPrek.B./Сл.6 ⇨ 311–312
лес SL.Ч.2 ⇨ 324–326, RO.Ч.1 ⇨ 329–330, RO.Ч.13 ⇨ 337–338
лечебная сила V.B.4 ⇨ 278–279
лечить V.B.12 ⇨ 282–283
ликоф FVG.Сл(н).2 ⇨ 229–230
лимб FVG.Сл(н).20 ⇨ 243
литературный язык SPrim.Ит.36 ⇨ 221–222, SPrek.Сл(пр).1 ⇨ 306–307,
SPrek.B.3 ⇨ 309–310
личанин SL.Ч.1 ⇨ 319–324
луковица RO.Ч.5 ⇨ 332–333
луна FVG.Сл(н).34 ⇨ 250, FVG.Сл(т).2 ⇨ 261–262
Любкова RO.Ч.1 ⇨ 329–330
Любляна SPrim.Ит.2 ⇨ 200–201, SPrim.Ит.27 ⇨ 215–216,
SPrim.Ит.29 ⇨ 216–217, SPrim.Ит.30 ⇨ 217–218,
SPrim.Ит.31 ⇨ 218
любовь V.B.3 ⇨ 276–278, V.B.4 ⇨ 278–279
Лютомер SPrek.B./Сл.7 ⇨ 313

М

- Мазаролис** FVG.Сл(н).38 ⇨ 253–254
- майское дерево** SPrim.Ит.17 ⇨ 209–210, V.B.1 ⇨ 275,
V.B.27 ⇨ 295–296, SL.Ч.2 ⇨ 324–326
- мак** V.B.21 ⇨ 290–292
- Марибор** SPrek.B.3 ⇨ 309–310
- Мария Магдалина** V.Ч.3 ⇨ 303–304
- Мария Юрич Загорка** SPrek.B.5 ⇨ 311
- маска** SPrim.Ит.11 ⇨ 205, FVG.Ит.1 ⇨ 223–224, SL.Ч.1 ⇨ 319–324,
FVG.Сл(н).12 ⇨ 236–237, V.B.20 ⇨ 289–290
- маскарад** SL.Ч.1 ⇨ 319–324
- масленица** FVG.Сл(н).12 ⇨ 236–237, FVG.Сл(н).18 ⇨ 242,
V.Ч.1 ⇨ 301–302, SL.Ч.1 ⇨ 319–324
- Массерис** FVG.Сл(н).9 ⇨ 234–235, FVG.Сл(н).17 ⇨ 241–242,
FVG.Сл(н).26 ⇨ 244–255
- мед** V.B.3 ⇨ 276–278, V.B.18 ⇨ 288–289
- медведь** SL.Ч.1 ⇨ 319–324
- мертвые** FVG.Сл(н).15 ⇨ 239–240, FVG.Сл(н).16 ⇨ 240,
FVG.Сл(н).17 ⇨ 241–242, FVG.Сл(н).38 ⇨ 253–254,
FVG.Сл(н).39 ⇨ 254–255, FVG.Сл(т).2 ⇨ 261–262,
FVG.Сл(т).4 ⇨ 263
- месса** SPrim.Ит.1 ⇨ 200, SPrim.Ит.3 ⇨ 201, SPrim.Ит.4 ⇨ 202,
SPrim.Ит.5 ⇨ 202–203, SPrim.Ит.7 ⇨ 203–204,
SPrim.Ит.9 ⇨ 204, SPrim.Ит.11 ⇨ 205, SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208,
SPrim.Ит.14 ⇨ 208–209, SPrim.Ит.20 ⇨ 211,
SPrim.Ит.23 ⇨ 213–214, FVG.Ит.1 ⇨ 223–224,
FVG.Сл(н).4 ⇨ 231–232, FVG.Сл(н).8 ⇨ 234,
FVG.Сл(н).9 ⇨ 234–235, FVG.Сл(н).14 ⇨ 238–239,
FVG.Сл(н).17 ⇨ 241–242, FVG.Сл(н).30 ⇨ 247–248,
FVG.Сл(н).39 ⇨ 254–255, FVG.Сл(н).41 ⇨ 256–257,
FVG.Сл(т).3 ⇨ 262–263, V.B.3 ⇨ 276–278,
V.B.18 ⇨ 288–289, V.B.21 ⇨ 290–292, RO.Рум.2 ⇨ 328,
RO.Ч.2 ⇨ 330–331
- месяц** RO.Ч.5 ⇨ 332–333
- метла** V.B.29 ⇨ 296
- министра** SPrim.Ит.25 ⇨ 214–215
- могила** FVG.Сл(т).2 ⇨ 261–262, V.B.23 ⇨ 292–293
- Мол** V.Ср.1 ⇨ 298–299
- Молдова-Ноуэ** RO.Ч.1 ⇨ 329–330
- молитва** SPrim.Ит.10 ⇨ 204–205, FVG.Сл(н).1 ⇨ 226–229,
FVG.Сл(н).15 ⇨ 239–240, FVG.Сл(н).26 ⇨ 244–255,

- FVG.Сл(н).30 ⇨ 247–248, FVG.Сл(н).31 ⇨ 248,
 FVG.Сл(н).33 ⇨ 249–250, RO.Пум.2 ⇨ 328
- молиться** SPrim.Ит.14 ⇨ 208–209, FVG.Сл(н).1 ⇨ 226–229,
 FVG.Сл(т).3 ⇨ 262–263, FVG.Сл(т).4 ⇨ 263,
 FVG.Сл(н).39 ⇨ 254–255
- молоко** SPrim.Ит.26 ⇨ 215, FVG.Сл(н).15 ⇨ 239–240,
 FVG.Сл(н).17 ⇨ 241–242, V.Укр.1 ⇨ 266, V.Укр.3 ⇨ 267–268,
 V.B.7 ⇨ 280, V.Ср.2 ⇨ 300–301
- молочница** SPrim.Ит.26 ⇨ 215
- монета** RO.Ч.4 ⇨ 332, V.Укр.4 ⇨ 268
- Монтемаджоре** FVG.Сл(н).10 ⇨ 235–236
- мора** FVG.Сл(н).35 ⇨ 250–251
- Мотварьевцы** SPrek.B.1 ⇨ 307–308
- мужчина** SPrim.Ит.6 ⇨ 203
- музыка** V.B.20 ⇨ 289–290, V.B.21 ⇨ 290–292, V.B.27 ⇨ 295–296,
 SPrek.B.5 ⇨ 311
- музыкальные инструменты** FVG.Сл(н).12 ⇨ 236–237
- Мура** SPrek.B./Сл.7 ⇨ 313
- мурой** RO.Ч.10 ⇨ 335, RO.Ч.11 ⇨ 335–336, RO.Ч.12 ⇨ 336–337
- Мурска-Собота** SPrek.B.2 ⇨ 309, SPrek.B.4 ⇨ 310–311
- мусор** FVG.Сл(н).38 ⇨ 253–254
- мусульманин** SPrim.Ит.11 ⇨ 205, V.Укр.11 ⇨ 272–273
- мэрцишор** RO.Пум.1 ⇨ 327–328
- мясо** SPrim.Ит.5 ⇨ 202–203, SPrim.Ит.11 ⇨ 205, SPrim.Ит.25 ⇨ 214–215,
 FVG.Сл(н).18 ⇨ 242, V.Укр.3 ⇨ 267–268, V.Укр.11 ⇨ 272–273,
 V.B.2 ⇨ 275–276, V.B.18 ⇨ 288–289

Н

- небо** FVG.Сл(н).40 ⇨ 255–256
- невеста** V.B.8 ⇨ 281, V.B.15 ⇨ 285–287
- некрещеные дети** FVG.Сл(н).20 ⇨ 243
- немецкий язык** SPrim.Ит.31 ⇨ 218, FVG.Сл(н).3 ⇨ 230–231,
 V.B.13 ⇨ 283–284, V.B.26 ⇨ 294–295,
 V.Ср.1 ⇨ 298–299, SL.B.1 ⇨ 316
- немцы** V.B.13 ⇨ 283–284, V.B.26 ⇨ 294–295, SL.B.1 ⇨ 316,
 RO.Ч.12 ⇨ 336–337
- Непорочное зачатие Девы Марии** SPrim.Ит.3 ⇨ 201,
 FVG.Ит.2 ⇨ 224–225
- нить** FVG.Сл(н).32 ⇨ 249
- Нови-Сад** V.Укр.6 ⇨ 269
- Ново-Село** V.Ср.1 ⇨ 298–299

- Новый год** SPrim.Ит.6 ⇔ 203, FVG.Ит.2 ⇔ 224–225,
FVG.Сл(н).27 ⇔ 245, V.Укр.7 ⇔ 269–270,
V.B.3 ⇔ 276–278, V.Ч.6 ⇔ 305
- нож** FVG.Сл(н).29 ⇔ 246
- Нормандия** FVG.Сл(н).29 ⇔ 246

О

- обещание** FVG.Сл(т).2 ⇔ 261–262
- облако** V.B.22 ⇔ 292
- обходы домов** SPrim.Ит.7 ⇔ 203–204, FVG.Сл(н).1 ⇔ 226–229,
FVG.Сл(н).12 ⇔ 236–237, FVG.Сл(н).15 ⇔ 239–240,
V.Укр.7 ⇔ 269–270, V.Укр.9 ⇔ 271, V.B.3 ⇔ 276–278,
V.B.19 ⇔ 289, V.B.20 ⇔ 289–290, SL.Ч.1 ⇔ 319–324
- овца** FVG.Сл(н).36 ⇔ 251–252
- огонь** FVG.Сл(н).13 ⇔ 237–238, FVG.Сл(н).31 ⇔ 248,
FVG.Сл(н).41 ⇔ 256–257, V.B.21 ⇔ 290–292
- огород** SPrim.Ит.21 ⇔ 212, V.Укр.3 ⇔ 267–268
- одалживать** V.B.11 ⇔ 282, V.B.31 ⇔ 297
- одежда** SPrim.Ит.13 ⇔ 208, SPrim.Ит.18 ⇔ 210–211,
FVG.Сл(н).12 ⇔ 236–237, V.Укр.14 ⇔ 274–275,
V.B.20 ⇔ 289–290
- октябрь** SPrim.Ит.21 ⇔ 212, FVG.Сл(н).25 ⇔ 244
- оливковая ветвь** FVG.Ит.2 ⇔ 224–225
- Оравица** RO.Ч.10 ⇔ 335
- орган** V.B.21 ⇔ 290–292
- орех** V.B.3 ⇔ 276–278, V.B.9 ⇔ 281–282, V.B.18 ⇔ 288–289,
V.B.25 ⇔ 294
- Оршова** RO.Рум.2 ⇔ 328
- освящать** SPrim.Ит.9 ⇔ 204, SPrim.Ит.12 ⇔ 205–208,
SPrim.Ит.16 ⇔ 209, V.Укр.5 ⇔ 268, V.Укр.10 ⇔ 271–272,
V.B.8 ⇔ 281, V.B.23 ⇔ 292–293, V.B.24 ⇔ 294
- Осиек** SL.B.1 ⇔ 316
- острый предмет** RO.Ч.12 ⇔ 336–337
- отец** SPrim.Ит.13 ⇔ 208
- Откопи** SL.Ч.1 ⇔ 319–324
- отпустить** FVG.Сл(н).42 ⇔ 258

П

- паломничество** SPrim.Ит.19 ⇔ 211, FVG.Ит.1 ⇔ 223–224,
V.B.12 ⇔ 282–283, RO.Ч.1 ⇔ 329–330
- палоцы** V.B.17 ⇔ 287, V.B.18 ⇔ 288–289

- Пальмовое воскресенье** FVG.Ит.2 ⇨ 224–225
- паста** SPrim.Ит.25 ⇨ 214–215
- Пасха** SPrim.Ит.11 ⇨ 205, SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208, SPrim.Ит.14 ⇨ 208–209, SPrim.Ит.15 ⇨ 209, SPrim.Ит.16 ⇨ 209, FVG.Ит.1 ⇨ 223–224, FVG.Ит.2 ⇨ 224–225, FVG.Сл(н).5 ⇨ 232, FVG.Сл(н).6 ⇨ 232–233, FVG.Сл(н).8 ⇨ 234, FVG.Сл(н).9 ⇨ 234–235, V.Укр.5 ⇨ 268, V.B.14 ⇨ 284–285, V.B.18 ⇨ 288–289, V.B.19 ⇨ 289, V.B.23 ⇨ 292–293, V.B.29 ⇨ 296, V.Ч.1 ⇨ 301–302, RO.Ч.3 ⇨ 331–332, RO.Ч.4 ⇨ 332
- пасхальное яйцо** SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208, SPrim.Ит.16 ⇨ 209, FVG.Ит.1 ⇨ 223–224, FVG.Сл(н).8 ⇨ 234, V.B.19 ⇨ 289, RO.Ч.3 ⇨ 331–332, RO.Ч.4 ⇨ 332
- Пасхальный понедельник** SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208, FVG.Ит.1 ⇨ 223–224, FVG.Ит.2 ⇨ 224–225, V.B.14 ⇨ 284–285
- Пепельная среда** SPrim.Ит.11 ⇨ 205, FVG.Ит.1 ⇨ 223–224, FVG.Ит.2 ⇨ 224–225, FVG.Сл(н).18 ⇨ 242
- Первая мировая война** FVG.Сл(н).17 ⇨ 241–242, SPrek.B.8 ⇨ 314–315
- первое ноября** SPrim.Ит.23 ⇨ 213–214, FVG.Ит.1 ⇨ 223–224, FVG.Сл(н).4 ⇨ 231–232
- первое причастие** SPrim.Ит.15 ⇨ 209, SPrek.B.1 ⇨ 307–308
- первый посетитель** SPrim.Ит.6 ⇨ 203, V.B.10 ⇨ 282
- первый ребенок** FVG.Сл(н).29 ⇨ 246)
- перекресток** FVG.Сл(н).17 ⇨ 241–242, FVG.Сл(н).19 ⇨ 242
- переселение** RO.Рум.1 ⇨ 327–328
- перехитрить** FVG.Сл(т).2 ⇨ 261–262
- песня** SPrim.Ит.2 ⇨ 200–201, SPrim.Ит.7 ⇨ 203–204, SPrim.Ит.22 ⇨ 212–213
- петух** FVG.Сл(н).29 ⇨ 246, V.B.23 ⇨ 292–293
- печь** FVG.Сл(н).13 ⇨ 237–238, V.B.8 ⇨ 281, V.B.10 ⇨ 282
- пещера** FVG.Сл(н).16 ⇨ 240
- пинца** SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208, SPrim.Ит.14 ⇨ 208–209, FVG.Ит.4 ⇨ 226
- Пиран** SPrim.Ит.19 ⇨ 211, SPrim.Ит.34 ⇨ 220–221
- пирог** V.B.31 ⇨ 297, RO.Ч.2 ⇨ 330–331
- плакатъ** FVG.Сл(н).35 ⇨ 250–251, FVG.Сл(н).42 ⇨ 258
- платок** FVG.Сл(т).3 ⇨ 262–263, V.Укр.11 ⇨ 272–273, RO.Ч.7 ⇨ 334
- плащаница** V.Укр.5 ⇨ 268
- плевать** FVG.Сл(н).23 ⇨ 244

- плохая погода** V.Укр.10 ⇨ 271–272
- повозка** V.B.15 ⇨ 285–287
- погода** V.B.25 ⇨ 294, V.Ч.5 ⇨ 305, RO.Ч.5 ⇨ 332–333
- погодные приметы** V.B.11 ⇨ 282
- погоня** V.B.21 ⇨ 290–292
- подарок** SPrim.Ит.6 ⇨ 203, SPrim.Ит.7 ⇨ 203–204, FVG.Ит.2 ⇨ 224–225, FVG.Ит.3 ⇨ 225, V.Укр.8 ⇨ 270, V.Укр.11 ⇨ 272–273, V.Укр.14 ⇨ 274–275, V.B.3 ⇨ 276–278, V.B.20 ⇨ 289–290, V.B.21 ⇨ 290–292, RO.Ч.2 ⇨ 330–331
- Подбара** V.Ср.2 ⇨ 300–301
- подметать** FVG.Сл(н).38 ⇨ 253–254, V.B.3 ⇨ 276–278
- Подравина** SL.B.3 ⇨ 317–318
- пожар** FVG.Сл(н).14 ⇨ 238–239, FVG.Сл(н).41 ⇨ 256–257
- покойник** FVG.Сл(н).12 ⇨ 236–237, FVG.Сл(н).14 ⇨ 238–239, FVG.Сл(н).15 ⇨ 239–240, FVG.Сл(н).17 ⇨ 241–242, FVG.Сл(н).43 ⇨ 258–259, V.Укр.10 ⇨ 271–272, RO.Ч.9 ⇨ 334–335, RO.Ч.11 ⇨ 335–336, RO.Ч.12 ⇨ 336–337
- поле** RO.Ч.13 ⇨ 337–338
- поливать** V.B.14 ⇨ 284–285
- помана** RO.Ч.9 ⇨ 334–335
- поминальные дни** FVG.Сл(н).4 ⇨ 231–232
- поминки** RO.Ч.9 ⇨ 334–335
- помолвленные** FVG.Сл(т).2 ⇨ 261–262
- пономарь** FVG.Сл(н).4 ⇨ 231–232, FVG.Сл(н).43 ⇨ 258–259
- Понтеакко** FVG.Сл(н).41 ⇨ 256–257
- поросенок** SPrim.Ит.5 ⇨ 202–203, V.Укр.13 ⇨ 273–274, V.B.15 ⇨ 285–287
- порох** FVG.Сл(н).23 ⇨ 244
- пост** SPrim.Ит.11 ⇨ 205, V.Ч.1 ⇨ 301–302
- посуда** RO.Ч.8 ⇨ 334
- пот** FVG.Сл(н).37 ⇨ 252–253
- потица** SPrim.Ит.5 ⇨ 202–203
- похороны** SPrim.Ит.22 ⇨ 212–213, SPrim.Ит.23 ⇨ 213–214, FVG.Сл(н).43 ⇨ 258–259, SPrek.B.9 ⇨ 315, RO.Ч.9 ⇨ 334–335
- православные** V.B.5 ⇨ 279, V.B.14 ⇨ 284–285
- праздник** V.B.5 ⇨ 279, V.B.14 ⇨ 284–285
- Праздник Тела и Крови Христовой** SPrim.Ит.18 ⇨ 210–211, FVG.Ит.2 ⇨ 224–225
- праздник труда** FVG.Ит.1 ⇨ 223–224, V.B.1 ⇨ 275

- предсказать** FVG.Сл(н).23 ⇨ 244, V.B.22 ⇨ 292
прекмурский диалект SPrek.Сл(пр).1 ⇨ 306–307, SPrek.B.4 ⇨ 310–311
Прекмурье SPrek.B./Сл.7 ⇨ 313
препятствия V.B.15 ⇨ 285–287
примета V.Ч.4 ⇨ 304–305, RO.Ч.5 ⇨ 332–333
прислуживать V.B.26 ⇨ 294–295
Прелекия SPrek.B./Сл.7 ⇨ 313
произношение SPrek.B.3 ⇨ 309–310, SPrek.B./Сл.6 ⇨ 311–312
прокалывать ноги RO.Ч.11 ⇨ 335–336
Просеняковцы SPrek.Сл(пр).1 ⇨ 306–307
проспать FVG.Сл(т).3 ⇨ 262–263
простокваша V.Ср.2 ⇨ 300–301
процессия SPrim.Ит.14 ⇨ 208–209, SPrim.Ит.18 ⇨ 210–211,
 FVG.Сл(н).1 ⇨ 226–229, FVG.Сл(н).26 ⇨ 244–255,
 FVG.Сл(н).30 ⇨ 247–248, FVG.Сл(н).33 ⇨ 249–250,
 FVG.Сл(т).4 ⇨ 263, V.B.3 ⇨ 276–278, SL.Ч.1 ⇨ 319–324
прут V.Укр.14 ⇨ 274–275
прыгать через костер V.B.4 ⇨ 278–279, V.B.28 ⇨ 296
Птуй SPrim.Ит.11 ⇨ 205
пугать SPrim.Ит.2 ⇨ 200–201, SPrim.Ит.11 ⇨ 205,
 FVG.Сл(н).19 ⇨ 242, V.Укр.14 ⇨ 274–275
Пульферо FVG.Ит.1 ⇨ 223–224
пуста SL.B.5 ⇨ 318
Пуцонцы SPrek.B.2 ⇨ 309
пшеница V.Укр.7 ⇨ 269–270, V.B.21 ⇨ 290–292
Пятидесятница FVG.Ит.2 ⇨ 224–225

Р

- радио** SPrek.B.5 ⇨ 311
разорвать FVG.Сл(т).3 ⇨ 262–263
рай FVG.Сл(н).17 ⇨ 241–242, FVG.Сл(н).19 ⇨ 242,
 FVG.Сл(н).20 ⇨ 243
рассыпать FVG.Сл(н).38 ⇨ 253–254, V.B.3 ⇨ 276–278,
 V.B.21 ⇨ 290–292, SL.Ч.1 ⇨ 319–324
ребенок FVG.Сл(н).42 ⇨ 258, V.B.30 ⇨ 296–297
резать свиней SPrim.Ит.5 ⇨ 202–203, SPrim.Ит.8 ⇨ 204,
 V.Укр.3 ⇨ 267–268, V.B.3 ⇨ 276–278
река FVG.Ит.3 ⇨ 225, V.Укр.10 ⇨ 271–272, SPrek.B./Сл7 ⇨ 313
реформаты SL.B.1 ⇨ 316, V.B.3 ⇨ 276–278, V.B.14 ⇨ 284–285,
 SPrek.B.1 ⇨ 307–308, SPrek.B.2 ⇨ 309

- рецепт** V.B.7 ⇨ 280
- Рим** SPrim.Ит.29 ⇨ 216–217
- рождественская Новена** FVG.Сл(н).1 ⇨ 226–229
- рождественские песни** RO.Ч.2 ⇨ 330–331, V.B.20 ⇨ 289–290
- рождественское дерево** SPrim.Ит.5 ⇨ 202–203
- Рождество Христово** SPrim.Ит.3 ⇨ 201, SPrim.Ит.5 ⇨ 202–203, SPrim.Ит.6 ⇨ 203, FVG.Ит.2 ⇨ 224–225, FVG.Сл(н).1 ⇨ 226–229, FVG.Сл(н).27 ⇨ 245, FVG.Сл(н).30 ⇨ 247–248, V.Укр.5 ⇨ 268, V.Укр.9 ⇨ 271, V.B.3 ⇨ 276–278, V.B.5 ⇨ 279, V.B.8 ⇨ 281, V.B.14 ⇨ 284–285, V.B.18 ⇨ 288–289, V.B.20 ⇨ 289–290, V.B.21 ⇨ 290–292, V.B.24 ⇨ 294, V.B.25 ⇨ 294, V.B.31 ⇨ 297, RO.Ч.2 ⇨ 330–331, RO.Ч.5 ⇨ 332–333
- Рождество Девы Марии** SPrim.Ит.22 ⇨ 212–213, V.B.12 ⇨ 282–283
- розга** SPrim.Ит.2 ⇨ 200–201
- ромашка** FVG.Сл(н).31 ⇨ 248, FVG.Сл(н).32 ⇨ 249
- ругаться** FVG.Сл(н).41 ⇨ 256–257
- рука** FVG.Сл(н).34 ⇨ 250, V.Ч.3 ⇨ 303–304
- Румыния** RO.Ч.13 ⇨ 337–338
- румынский язык** RO.Рум.1 ⇨ 327–328, RO.Рум.2 ⇨ 328, RO.Ч.5 ⇨ 332–333, RO.Ч.6 ⇨ 333, RO.Ч.7 ⇨ 334, RO.Ч.8 ⇨ 334
- румыны** V.Ср.1 ⇨ 298–299, RO.Ч.2 ⇨ 330–331, RO.Ч.5 ⇨ 332–333, RO.Ч.9 ⇨ 334–335, RO.Ч.10 ⇨ 335, RO.Ч.11 ⇨ 335–336, RO.Ч.12 ⇨ 336–337
- русины** V.Ср.2 ⇨ 300–301, V.Укр.6 ⇨ 269, V.Укр.12 ⇨ 273
- Руски-Крстур** V.Укр.12 ⇨ 273
- рыба** SPrim.Ит.5 ⇨ 202–203, SPrim.Ит.25 ⇨ 214–215
- рыбак** SPrim.Ит.26 ⇨ 215, V.Ср.2 ⇨ 300–301
- рядиться** V.B.20 ⇨ 289–290
- ряженые** SL.Ч.1 ⇨ 319–324

С

- Сава** SL.B.2 ⇨ 317
- сагра** SPrim.Ит.14 ⇨ 208–209
- сад** V.Укр.2 ⇨ 266–267
- Сан-Джорджо-ди-Ногаро** FVG.Сл(н).3 ⇨ 230–231
- Сан-Леонардо** FVG.Ит.1 ⇨ 223–224
- Сан-Пьетро-аль-Натизоне** FVG.Сл(н).10 ⇨ 235–236, FVG.Сл(н).17 ⇨ 241–242, FVG.Сл(н).23 ⇨ 244, FVG.Сл(н).39 ⇨ 254–255, FVG.Сл(н).41 ⇨ 256–257

- сарма** V.Укр.13 ⇨ 273–274, V.B.2 ⇨ 275–276, V.B.15 ⇨ 285–287
- Сорценти** FVG.Сл(н).41 ⇨ 256–257
- Саска** RO.Ч.1 ⇨ 329–330
- сахар** V.Укр.1 ⇨ 266
- сбор винограда** SPrim.Ит.21 ⇨ 212
- свадьба** V.B.15 ⇨ 285–287
- свеча** SPrim.Ит.1 ⇨ 200, SPrim.Ит.6 ⇨ 203, SPrim.Ит.9 ⇨ 204,
SPrim.Ит.10 ⇨ 204–205, SPrim.Ит.18 ⇨ 210–211,
SPrim.Ит.23 ⇨ 213–214, FVG.Сл(н).15 ⇨ 239–240,
FVG.Сл(н).30 ⇨ 247–248, FVG.Сл(т).1 ⇨ 259–260,
V.Укр.9 ⇨ 271, V.B.23 ⇨ 292–293, RO.Ч.3 ⇨ 331–332,
RO.Ч.9 ⇨ 334–335, RO.Ч.12 ⇨ 336–337
- свинец** V.B.30 ⇨ 296–297
- свиница** RO.Пум.1 ⇨ 327–328
- свинья** SPrim.Ит.8 ⇨ 204, V.Укр.3 ⇨ 267–268, SL.B.5 ⇨ 318,
SL.Ч.1 ⇨ 319–324
- связывать** RO.Ч.11 ⇨ 335–336
- святая Анна** SPrim.Ит.20 ⇨ 211, V.Ч.5 ⇨ 305
- святая вода** FVG.Сл(н).11 ⇨ 236, V.Укр.10 ⇨ 271–272, V.B.8 ⇨ 281,
V.B.23 ⇨ 292–293
- святая Екатерина** V.Ч.1 ⇨ 301–302
- святая Луция** SPrim.Ит.4 ⇨ 202, FVG.Ит.1 ⇨ 223–224,
V.B.3 ⇨ 276–278, V.B.8 ⇨ 281, V.B.10 ⇨ 282,
V.B.21 ⇨ 290–292, V.B.24 ⇨ 294, V.B.25 ⇨ 294,
V.B.31 ⇨ 297, V.Ч.6 ⇨ 305
- святой Андрей** V.B.3 ⇨ 276–278
- святой Антоний** SPrim.Ит.8 ⇨ 204
- святой Антоний Падуанский** SPrim.Ит.18 ⇨ 210–211
- святой Валентин** FVG.Ит.2 ⇨ 224–225
- святой Вид** FVG.Сл(н).41 ⇨ 256–257
- святой Власий** SPrim.Ит.10 ⇨ 204–205
- святой Иван** SPrim.Ит.21 ⇨ 212, FVG.Ит.1 ⇨ 223–224,
FVG.Сл(н).9 ⇨ 234–235, FVG.Сл(н).32 ⇨ 249,
FVG.Сл(н).34 ⇨ 250, V.B.4 ⇨ 278–279, V.B.28 ⇨ 296
- святой Иосиф** SPrim.Ит.13 ⇨ 208
- святой Лаврентий** V.Ч.3 ⇨ 303–304
- святой Марк** FVG.Сл(н).26 ⇨ 244–255, FVG.Сл(н).33 ⇨ 249–250
- святой Назарий** SPrim.Ит.18 ⇨ 210–211
- святой Николай** SPrim.Ит.2 ⇨ 200–201, SPrim.Ит.7 ⇨ 203–204,
FVG.Ит.2 ⇨ 224–225, V.Укр.8 ⇨ 270,
V.Укр.14 ⇨ 274–275, V.B.6 ⇨ 280, V.B.21 ⇨ 290–292

- святой Стефан** V.B.18 ⇨ 288–289, V.Ч.6 ⇨ 305, RO.Ч.2 ⇨ 330–331
- святые Анна и Иоаким** SPrim.Ит.20 ⇨ 211
- святые Петр и Павел** V.B.18 ⇨ 288–289
- священник** FVG.Сл(н).43 ⇨ 258–259, V.Укр.12 ⇨ 273
- сглаз** V.Ч.3 ⇨ 303–304
- сглазить** V.B.22 ⇨ 292, V.Ч.3 ⇨ 303–304
- Семеделла** SPrim.Ит.14 ⇨ 208–209
- семья** FVG.Сл(н).37 ⇨ 252–253, FVG.Сл(н).38 ⇨ 253–254,
FVG.Сл(н).39 ⇨ 254–255, V.B.3 ⇨ 276–278,
V.B.6 ⇨ 280, V.B.9 ⇨ 281–282
- Сента** V.B.12 ⇨ 282–283
- Сербия** V.Укр.1 ⇨ 266, V.Укр.3 ⇨ 267–268, V.Укр.11 ⇨ 272–273,
V.B.5 ⇨ 279
- сербский язык** V.Укр.6 ⇨ 269, V.B.13 ⇨ 283–284, V.Ср.1 ⇨ 298–299,
SPrek.B.8 ⇨ 314–315, SL.B.1 ⇨ 316, SL.B.2 ⇨ 317,
RO.Ч.6 ⇨ 333, RO.Ч.7 ⇨ 334, RO.Ч.8 ⇨ 334
- сербохорватский язык** SPrim.Ит.29 ⇨ 216–217
- сербы** SPrim.Ит.11 ⇨ 205, SPrim.Ит.27 ⇨ 215–216,
V.Укр.13 ⇨ 273–274, V.B.5 ⇨ 279, V.B.6 ⇨ 280,
V.B.13 ⇨ 283–284, V.B.14 ⇨ 284–285, V.Ср.1 ⇨ 298–299,
SL.B.1 ⇨ 316, RO.Ч.8 ⇨ 334, RO.Ч.12 ⇨ 336–337
- серб** RO.Ч.12 ⇨ 336–337
- сеять** V.B.21 ⇨ 290–292
- сжигать** FVG.Сл(н).9 ⇨ 234–235, FVG.Сл(н).11 ⇨ 236,
FVG.Сл(н).13 ⇨ 237–238, FVG.Сл(н).32 ⇨ 249,
V.Укр.10 ⇨ 271–272
- Сигетвар** SL.B.5 ⇨ 318
- Сикевца** RO.Ч.1 ⇨ 329–330
- сказка** FVG.Сл(н).15 ⇨ 239–240, FVG.Сл(н).16 ⇨ 240,
FVG.Сл(н).32 ⇨ 249, FVG.Сл(н).35 ⇨ 250–251,
FVG.Сл(н).36 ⇨ 251–252, FVG.Сл(н).37 ⇨ 252–253,
FVG.Сл(т).1 ⇨ 259–260, FVG.Сл(т).2 ⇨ 261–262,
FVG.Сл(т).3 ⇨ 262–263, FVG.Сл(т).4 ⇨ 263
- скала** FVG.Сл(н).16 ⇨ 240
- Скверная среда** RO.Ч.3 ⇨ 331–332
- Скореновац** V.B.17 ⇨ 287
- скорлупа** SPrim.Ит.16 ⇨ 209
- скот** FVG.Сл(н).15 ⇨ 239–240, FVG.Сл(н).33 ⇨ 249–250,
V.B.3 ⇨ 276–278, V.B.8 ⇨ 281
- слава** V.B.6 ⇨ 280
- Славония** SL.B.3 ⇨ 317–318

- след** FVG.Сл(н).39 ⇨ 254–255
- слезы** FVG.Сл(н).42 ⇨ 258
- словаки** V.B.12 ⇨ 282–283, V.B.13 ⇨ 283–284, V.Cp.2 ⇨ 300–301
- Словения** SPrim.Ит.3 ⇨ 201, SPrim.Ит.11 ⇨ 205, SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208,
SPrim.Ит.22 ⇨ 212–213, SPrim.Ит.23 ⇨ 213–214,
SPrim.Ит.34 ⇨ 220–221, SPrim.Ит.36 ⇨ 221–222
- словенский язык** SPrim.Ит.10 ⇨ 204–205, SPrim.Ит.27 ⇨ 215–216,
SPrim.Ит.28 ⇨ 216, SPrim.Ит.30 ⇨ 217–218,
SPrim.Ит.31 ⇨ 218, SPrim.Ит.32 ⇨ 218–219,
SPrim.Ит.33 ⇨ 219, SPrim.Ит.34 ⇨ 220–221,
SPrim.Ит.35 ⇨ 221, FVG.Сл(н).31 ⇨ 248,
FVG.Сл(н).32 ⇨ 249, SPrek.Сл(пр).1 ⇨ 306–307,
SPrek.B.2 ⇨ 309, SPrek.B.3 ⇨ 309–310,
SPrek.B./Сл.6 ⇨ 311–312, SPrek.B.8 ⇨ 314–315
- словенцы** FVG.Сл(н).3 ⇨ 230–231, SPrek.B./Сл.6 ⇨ 311–312,
SPrek.B.8 ⇨ 314–315, SPrim.Ит.5 ⇨ 202–203,
SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208, SPrim.Ит.23 ⇨ 213–214,
SPrim.Ит.24 ⇨ 214, SPrim.Ит.27 ⇨ 215–216,
SPrim.Ит.30 ⇨ 217–218, SPrim.Ит.34 ⇨ 220–221
- смерть** FVG.Сл(т).1 ⇨ 259–260, RO.Ч.9 ⇨ 334–335
- смешанные семьи** SPrim.Ит.37 ⇨ 222, V.Укр.6 ⇨ 269, V.B.5 ⇨ 279,
SPrek.B.1 ⇨ 307–308, SL.B.1 ⇨ 316
- смешанный язык** SPrim.Ит.34 ⇨ 220–221, SPrek.B.3 ⇨ 309–310,
SPrek.B.4 ⇨ 310–311, SPrek.B./Сл.6 ⇨ 311–312,
V.Cp.1 ⇨ 298–299
- снятие сглаза** V.Ч.3 ⇨ 303–304
- собака** V.Ч.3 ⇨ 303–304
- солидарность** FVG.Сл(н).24 ⇨ 244
- солома** FVG.Сл(н).11 ⇨ 236, V.Укр.7 ⇨ 269–270, V.B.3 ⇨ 276–278,
V.B.18 ⇨ 288–289
- соль** RO.Ч.5 ⇨ 332–333
- Сомбор** V.B.23 ⇨ 292–293
- соревнование** SPrek.B./Сл.7 ⇨ 313
- сосна** SPrim.Ит.1 ⇨ 200
- социализм** V.B.1 ⇨ 275
- Сочельник** SPrim.Ит.5 ⇨ 202–203, V.Укр.7 ⇨ 269–270, V.Укр.9 ⇨ 271,
V.B.3 ⇨ 276–278
- спички** V.Ч.3 ⇨ 303–304
- Сремска-Митровица** V.Укр.5 ⇨ 268, V.Укр.6 ⇨ 269,
V.Укр.7 ⇨ 269–270, V.Укр.12 ⇨ 273
- Сретение** SPrim.Ит.9 ⇨ 204

- старый** FVG.Сл(н).40 ⇨ 255–256
стихи V.B.3 ⇨ 276–278, V.B.19 ⇨ 289, RO.Ч.2 ⇨ 330–331
стол V.B.3 ⇨ 276–278
сторожить RO.Ч.11 ⇨ 335–336, RO.Ч.12 ⇨ 336–337
Страстная неделя RO.Ч.3 ⇨ 331–332
Струнян SPrim.Ит.19 ⇨ 211, SPrim.Ит.21 ⇨ 212
стульчик V.B.21 ⇨ 290–292, V.B.24 ⇨ 294, V.B.31 ⇨ 297
суббота SPrim.Ит.11 ⇨ 205, SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208
Суботица V.B.12 ⇨ 282–283
суеверия V.B.8 ⇨ 281
суп SPrim.Ит.11 ⇨ 205, SPrim.Ит.25 ⇨ 214–215, V.Укр.3 ⇨ 267–268,
 V.B.3 ⇨ 276–278, V.B.15 ⇨ 285–287, V.B.18 ⇨ 288–289
счастье V.B.8 ⇨ 281, V.B.11 ⇨ 282, V.B.31 ⇨ 297

Т

- табуретка** V.B.24 ⇨ 294
танец SPrim.Ит.11 ⇨ 205, SPrim.Ит.17 ⇨ 209–210,
 FVG.Сл(н).33 ⇨ 249–250, FVG.Сл(н).36 ⇨ 251–252,
 V.B.15 ⇨ 285–287, V.B.20 ⇨ 289–290, V.B.21 ⇨ 290–292,
 V.B.27 ⇨ 295–296, V.Ч.1 ⇨ 301–302, SL.Ч.1 ⇨ 319–324,
 SL.Ч.2 ⇨ 324–326
Тарвизио FVG.Ит.1 ⇨ 223–224
творог SPrim.Ит.26 ⇨ 215
телевидение SPrim.Ит.36 ⇨ 221–222, FVG.Сл(н).16 ⇨ 240,
 SPrek.B.3 ⇨ 309–310
Телеп V.B.14 ⇨ 284–285
Терчимонте FVG.Сл(н).9 ⇨ 234–235, FVG.Сл(н).10 ⇨ 235–236,
 FVG.Сл(н).17 ⇨ 241–242, FVG.Сл(н).26 ⇨ 244–255,
 FVG.Сл(н).28 ⇨ 245
Тимишоара RO.Рум.1 ⇨ 327–328
Тито SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208, SPrim.Ит.20 ⇨ 211,
 SPrim.Ит.29 ⇨ 216–217
тот свет FVG.Сл(н).37 ⇨ 252–253, FVG.Сл(н).43 ⇨ 258–259
трава FVG.Сл(н).34 ⇨ 250
Тревизо SPrim.Ит.23 ⇨ 213–214, SPrim.Ит.29 ⇨ 216–217
три короля (волхва) SPrim.Ит.6 ⇨ 203, SPrim.Ит.7 ⇨ 203–204,
 FVG.Сл(н).11 ⇨ 236, V.Ч.6 ⇨ 305, V.B.3 ⇨ 276–278,
 V.B.18 ⇨ 288–289, V.B.23 ⇨ 292–293
Триест SPrim.Ит.6 ⇨ 203, SPrim.Ит.14 ⇨ 208–209,
 SPrim.Ит.29 ⇨ 216–217, FVG.Ит.4 ⇨ 226

Троица SPrim.Ит.18 ⇨ 210–211, FVG.Сл(н).33 ⇨ 249–250
трубочист SL.Ч.1 ⇨ 319–324
турки V.Укр.13 ⇨ 273–274
туфли RO.Ч.11 ⇨ 335–336

У

убирать V.B.18 ⇨ 288–289
уборка V.B.21 ⇨ 290–292
угасать FVG.Сл(т).1 ⇨ 259–260
угли FVG.Сл(н).31 ⇨ 248, V.B.10 ⇨ 282, V.Ч.3 ⇨ 303–304
ударять V.Укр.14 ⇨ 274–275, V.B.30 ⇨ 296–297
ужин V.Укр.9 ⇨ 271, V.B.15 ⇨ 285–287
Украина V.Укр.1 ⇨ 266, V.Укр.9 ⇨ 271, V.Укр.13 ⇨ 273–274
украинский язык V.Укр.6 ⇨ 269
украшать SPrim.Ит.5 ⇨ 202–203, SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208, V.B.1 ⇨ 275,
V.B.27 ⇨ 295–296, SL.Ч.2 ⇨ 324–326
улица Златне Гредe V.Ср.2 ⇨ 300–301
умирать FVG.Сл(н).40 ⇨ 255–256, FVG.Сл(н).43 ⇨ 258–259,
FVG.Сл(т).1 ⇨ 259–260, FVG.Сл(т).2 ⇨ 261–262
урожай SPrim.Ит.21 ⇨ 212, FVG.Сл(н).33 ⇨ 249–250
Успение Богородицы FVG.Ит.1 ⇨ 223–224, FVG.Сл(н).13 ⇨ 237–238,
FVG.Сл(н).31 ⇨ 248
усы FVG.Сл(н).35 ⇨ 250–251

Ф

фартук FVG.Сл(т).2 ⇨ 261–262
фашизм SPrim.Ит.7 ⇨ 203–204, SPrim.Ит.31 ⇨ 218,
FVG.Сл(н).3 ⇨ 230–231
французский язык FVG.Сл(н).3 ⇨ 230–231
Фриули FVG.Сл(н).25 ⇨ 244
фриульский язык FVG.Сл(н).3 ⇨ 230–231
фундамент V.Укр.4 ⇨ 268

Х

хлеб SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208, SPrim.Ит.18 ⇨ 210–211,
FVG.Ит.1 ⇨ 223–224, FVG.Сл(н).7 ⇨ 233,
FVG.Сл(н).9 ⇨ 234–235, FVG.Сл(н).15 ⇨ 239–240, V.B.8 ⇨ 281
хлев FVG.Сл(н).13 ⇨ 237–238, FVG.Сл(н).25 ⇨ 244,
FVG.Сл(т).4 ⇨ 263, V.B.18 ⇨ 288–289

- Ходош** SPrek.Сл(пр).1 ⇨ 306–307, SPrek.B.2 ⇨ 309
ходячий мертвец RO.Ч.10 ⇨ 335, RO.Ч.11 ⇨ 335–336,
RO.Ч.12 ⇨ 336–337
Хорватия SPrim.Ит.3 ⇨ 201, SPrim.Ит.22 ⇨ 212–213,
SL.B.3 ⇨ 317–318
хорватский язык SPrim.Ит.32 ⇨ 218–219, SPrek.B.5 ⇨ 311,
SPrek.B.8 ⇨ 314–315, SL.B.1 ⇨ 316
хорваты SL.B.1 ⇨ 316, SPrim.Ит.27 ⇨ 215–216
хрен SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208
хромать FVG.Сл(н).36 ⇨ 251–252

Ц

- цветы** SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208, SPrim.Ит.14 ⇨ 208–209,
SPrim.Ит.18 ⇨ 210–211, SPrim.Ит.23 ⇨ 213–214,
FVG.Ит.1 ⇨ 223–224, FVG.Сл(н).9 ⇨ 234–235,
FVG.Сл(н).13 ⇨ 237–238, FVG.Сл(н).31 ⇨ 248,
FVG.Сл(н).32 ⇨ 249, V.Укр.10 ⇨ 271–272,
V.B.23 ⇨ 292–293
цепь FVG.Сл(н).6 ⇨ 232–233, V.B.20 ⇨ 289–290
церковь FVG.Сл(н).39 ⇨ 254–255, FVG.Сл(н).41 ⇨ 256–257,
V.Укр.6 ⇨ 269, V.B.14 ⇨ 284–285, V.Ср.2 ⇨ 300–301,
SPrek.B.1 ⇨ 307–308, RO.Рум.2 ⇨ 328
цыгане V.Ср.1 ⇨ 298–299
цыганский язык V.Ср.1 ⇨ 298–299
цыплята V.B.8 ⇨ 281

Ч

- чай** SPrim.Ит.24 ⇨ 214, V.Укр.1 ⇨ 266
Чеплетискис FVG.Сл(н).17 ⇨ 241–242, FVG.Ит.3 ⇨ 225,
FVG.Сл(н).26 ⇨ 244–255
черт V.Укр.14 ⇨ 274–275
чеснок V.Укр.3 ⇨ 267–268, V.B.3 ⇨ 276–278, V.B.9 ⇨ 281–282,
V.B.18 ⇨ 288–289, RO.Ч.6 ⇨ 333
чехи RO.Ч.5 ⇨ 332–333, RO.Ч.13 ⇨ 337–338
Чехия RO.Ч.2 ⇨ 330–331, RO.Ч.13 ⇨ 337–338
Чехословакия RO.Рум.3 ⇨ 328–329
чешский язык RO.Рум.1 ⇨ 327–328, RO.Рум.2 ⇨ 328
Чивидале-деи-Фриули FVG.Ит.1 ⇨ 223–224
Чиклова-Монтана RO.Ч.1 ⇨ 329–330

чистилице FVG.Сл(н).4 ⇨ 231–232, FVG.Сл(н).17 ⇨ 241–242,
FVG.Сл(н).20 ⇨ 243, FVG.Сл(н).39 ⇨ 254–255

чистить SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208

Чичиголис FVG.Ит.1 ⇨ 223–224

чума SPrim.Ит.14 ⇨ 208–209, FVG.Сл(н).26 ⇨ 244–255

Ш

шахта RO.Ч.1 ⇨ 329–330

Шид V.Укр.6 ⇨ 269, V.Укр.12 ⇨ 273

шить V.B.8 ⇨ 281

школа SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208, SPrim.Ит.27 ⇨ 215–216,
SPrim.Ит.28 ⇨ 216, SPrim.Ит.30 ⇨ 217–218, SPrim.Ит.31 ⇨ 218,
SPrim.Ит.35 ⇨ 221, FVG.Сл(н).10 ⇨ 235–236, V.Укр.6 ⇨ 269,
V.Ср.1 ⇨ 298–299, SPrek.Сл(пр).1 ⇨ 306–307, SL.B.2 ⇨ 317

шоколад SPrim.Ит.2 ⇨ 200–201, V.Укр.14 ⇨ 274–275,
RO.Ч.2 ⇨ 330–331

штрукли FVG.Сл(н).2 ⇨ 229–230, FVG.Сл(н).27 ⇨ 245

шуметь SPrim.Ит.11 ⇨ 205, V.B.20 ⇨ 289–290

Ю

Югославия SPrim.Ит.6 ⇨ 203, SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208,
SPrim.Ит.23 ⇨ 213–214, SL.B.2 ⇨ 317

Я

яблоко FVG.Сл(н).25 ⇨ 244, V.B.3 ⇨ 276–278, V.B.9 ⇨ 281–282,
V.B.18 ⇨ 288–289, V.B.28 ⇨ 296

явление мертвых FVG.Сл(н).17 ⇨ 241–242, FVG.Сл(н).38 ⇨ 253–254,
FVG.Сл(н).39 ⇨ 254–255, FVG.Сл(н).42 ⇨ 258,
FVG.Сл(т).2 ⇨ 261–262, FVG.Сл(т).3 ⇨ 262–263,
FVG.Сл(т).4 ⇨ 263, RO.Ч.9 ⇨ 334–
335, RO.Ч.10 ⇨ 335,
RO.Ч.11 ⇨ 335–336

языковая компетенция SPrek.Сл(пр).1 ⇨ 306–307

языковая ситуация SPrim.Ит.32 ⇨ 218–219, SPrim.Ит.33 ⇨ 219,
SPrim.Ит.34 ⇨ 220–221, V.Укр.6 ⇨ 269, V.B.5 ⇨ 279,
V.B.13 ⇨ 283–284, V.B.17 ⇨ 287, V.B.26 ⇨ 294–295,
V.Ср.1 ⇨ 298–299, V.Ср.2 ⇨ 300–301, SPrek.Сл(пр).1 ⇨ 306–307,
SPrek.B./Сл.6 ⇨ 311–312, SPrek.B.8 ⇨ 314–315, SL.B.1 ⇨ 316,
RO.Пум.1 ⇨ 327–328

языковое смешение SPrim.Ит.29 ⇨ 216–217, SPrim.Ит.31 ⇨ 218

языковой анекдот RO.Ч.6 ⇨ 333, RO.Ч.7 ⇨ 334, RO.Ч.8 ⇨ 334,
V.B.26 ⇨ 294–295

яйцо SPrim.Ит.12 ⇨ 205–208, SPrim.Ит.16 ⇨ 209,
FVG.Ит.1 ⇨ 223–224, FVG.Сл(н).8 ⇨ 234,
V.Укр.3 ⇨ 267–268, V.B.10 ⇨ 282, V.B.19 ⇨ 289,
RO.Ч.3 ⇨ 331–332, RO.Ч.4 ⇨ 332

ярмарка SPrim.Ит.14 ⇨ 208–209, SPrim.Ит.18 ⇨ 210–211,
FVG.Сл(н).43 ⇨ 258–259

ясли SPrim.Ит.5 ⇨ 202–203, FVG.Сл(н).28 ⇨ 245

ячмень (болезнь) FVG.Сл(н).29 ⇨ 246

bussolai SPrim.Ит.18 ⇨ 210–211

frittuli SPrim.Ит.5 ⇨ 202–203

kroštole SPrim.Ит.23 ⇨ 213–214

kurent SPrim.Ит.11 ⇨ 205

miške SPrim.Ит.5 ⇨ 202–203

štruccolo SPrim.Ит.5 ⇨ 202–203

Список публикаций по проекту РНФ № 20-78-10030

«Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона»

- Березнев В. И.* Языковая ситуация у национальных меньшинств Сербии (АК Воеводина) и Боснии и Герцеговины (по материалам экспедиции 2023 года) // Славянский мир: общность и многообразие. Материалы конференции молодых ученых в рамках дней славянской письменности и культуры. 23–24 мая 2023 г. / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 151–158.
- Борисов С. А.* Языковые и культурные контакты чехов Румынии // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 13–14 октября 2020 г. / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 162–167.
- Борисов С. А.* Контактные явления в языке этнических чехов сербского Баната // Славяноведение. № 3. 2021. С. 64–79. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0014870-0>
- Борисов С. А.* Идентификация и самоидентификация через этнонимы в чешских миноритарных сообществах на Балканах // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках дней славянской письменности и культуры. 24–25 мая 2022 г. / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2022. С. 91–96.
- Борисов С. А.* Чехи среди сербов и хорватов: обзор социолингвистической экспедиции 2022 года // Славянский альманах. № 1–2. 2023. С. 231–248.
- Борисов С. А.* Чешско-хорватские языковые контакты в центральной Хорватии на материале полевого исследования // Вестник Томского государственного университета. № 486. 2023. С. 5–16.
- Борисов С. А., Немчинов В. А.* Особенности эпиграфики чешских надгробий на трех кладбищах в Центральной Хорватии (Меджурич, Горни-Дарувар, Каптол) // Славянский мир: общность и многообразие.

Материалы конференции молодых ученых в рамках дней славянской письменности и культуры. 23–24 мая 2023 г. / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 145–150.

Борисов С. А., Пилипенко Г. П. Чешско-сербско-румынские языковые контакты в румынском Банате на материале полевого исследования // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 15–26. <https://doi.org/10.17223/15617793/459/2>

Борисов С. А., Пилипенко Г. П. Чешско-румынские языковые контакты в румынском Банате (на примере данных полевого исследования) // Slavica Slovaca. № 1. 2021. С. 55–68. <https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2021.1.6>

Борисов С. А., Пилипенко Г. П. Репи/Ремси в румынско-сербском окружении: село Златица в Банате // Стратегии межбалканской коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание. Балканские чтения 16 / отв. ред. И. А. Седакова. М.: Институт славяноведения РАН; Индрик, 2021. С. 49–53. <https://doi.org/10.31168/2618-8597.2021.16.07>

Пивоваренко А. А. Колебания этнического состава населения Истрии в конце XIX — начале XXI вв. и проблема исторической и статистической интерпретации // Славянский мир: общность и многообразие. № 1. 2021. С. 167–171.

Пивоваренко А. А. «Локальная история» или новые горизонты хорватско-итальянских отношений. Рецензия на работу Филипа Шкиляна «Итальянцы в Загребе». Škiljan F. Talijani u Zagrebu. Zagreb: Zajednica Talijana u Zagrebu, 2015. 101 S. // Славянский мир в третьем тысячелетии. № 3–4. 2021. С. 197–206. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.13>

Пивоваренко А. А. Этнический состав населения Истрии с конца XIX до начала XXI века // Славяноведение. № 3. 2021. С. 36–49. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0014852-0>

Пивоваренко А. А. Политизация политики памяти Италии по вопросу Истрии (внешнеполитический дискурс) // Славяноведение. № 5. 2022. С. 88–102. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0022028-3>

Пивоваренко А. А. Партия «Истрийский демократический сабор» и проблематика регионализма в современной Хорватии // Сравнительная политика. № 14 (4). 2023. С. 59–79. <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2023-4-14-59-79>

Пивоваренко А. А., Пилипенко Г. П. Языковая ситуация в итальянской общине города Копер (Словения): данные полевого исследования // Славянский мир в третьем тысячелетии. Т. 17. № 1–2. 2022. С. 94–119.

- Пилипенко Г. П.* Некоторые контактнообусловленные явления в словенском диалекте долины Натизоне // *Slavia Meridionalis*. № 21. 2021. Article 2388.
- Пилипенко Г. П.* Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnár Ljubić M., Oszkó B., Siklósi B., Žagar Szentesi O. A magyar nyelv Horvátországban / szerk. M. Kontra. Budapest: Gondolat; Eszék: Media hungarica művelődési és tájékoztatási intézet, 2016. 306 old. [рецензия] // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. № 3–4. 2021. С. 207–216. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.14>
- Пилипенко Г. П.* Адаптация сербских и словенских заимствований в речи воеводинских и прекмурских венгров // *Ежегодник финно-угорских исследований*. Т. 16. № 3. 2022. С. 416–429. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-3-416-429>
- Пилипенко Г. П.* Восприятие Триеста в нарративах словенцев Италии // *Вестник славянских культур*. Т. 63. 2022. С. 247–267.
- Пилипенко Г. П.* Употребление топонимов в спонтанной речи венгров Воеводины и Прекмурья // *Вопросы ономастики*. № 1. 2022. С. 139–159. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.1.007
- Пилипенко Г. П., Борисов С. А.* Да-конструкции в переселенческих небалканских идиомах в сербскохорватском языковом окружении // *Определенность и неопределенность в языках и культурах Балкан. Балканские чтения 17 / отв. ред. И. А. Седакова*. М.: Институт славяноведения РАН. 2021. С. 98–102. <https://doi.org/10.31168/2618-8597.2023.17.13>
- Пилипенко Г. П., Борисов С. А.* Семейный полилингвизм в миноритарном сообществе Хорватии (на примере многоязычной семьи из западной Славонии) // *Славяноведение*. № 1. 2024. С. 95–114.
- Пилипенко Г. П., Ясинская М. В.* Контактные явления в сфере языка и традиционной культуры у словенцев долины Натизоне и Тера (по данным экспедиции 2022 года) // *Славяноведение*. № 3. 2023. С. 81–94.
- Pilipenko G., Yasinskaya M.* Easter traditions among Slovenes in Italy (Natisone Valley) // *Electronic Journal of Folklore*. Vol. 87. 2022. P. 93–104. https://doi.org/10.7592/FEJF2022.87.pilipenko_yasinskaya
- Ясинская М. В.* Образ границы и соседей в восприятии словенского этнического меньшинства в Италии (провинция Гориция) // *Этнография / Etnografia*. № 1 (11). 2021. С. 50–74. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1\(11\)-50-74](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1(11)-50-74)

-
- Ясинская М. В.* Br. BALLOCH. Lučice na oknách: naš sviet pouan naposebnosti (il nostro mondo pieno di meraviglia) / Ur. R. Dapit, L. Trusgnach, D. Zuljan Kumar. Cividale del Friuli, 2018. 480 s. Бр. БАЛОК. Огоньки на окнах: наш мир полон чудес [рецензия] // Славяноведение. 2021. № 3. С. 150–153. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0015002-5>
- Ясинская М. В.* Обычай *Vožična Devetica* (Novena di Natale) на итальянско-словенском пограничье: традиция и современность // Живая старина. № 4. 2022. С. 2–6.
- Ясинская М. В.* Сюжет о мессе мертвых в мифологических рассказах и поверьях словенцев // Слово и человек: к 100-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2023. С. 566–578. <https://doi.org/10.31168/91674-692-1.2.17>
- Ясинская М. В.* L. Spinozzi Monai. Iz pisem Giuseppeja Loschija: Pisma Janu Baudouinu de Courtenayju o italijanskem prevodu «Rezijanskega katekizma» (1890–1908) = Epistolario Giuseppe Loschi: Lettere a Jan Baudouin de Courtenay sulla versione italiana del «Catechismo Resiano» (1890–1908). Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 2021. 178 s. (Л. Спиноцци-Монай. Из писем Джузеппе Лоски: письма Яну Бодуэну де Куртенэ об итальянском переводе «Резьянского катехизиса» (1890–1908). Любляна, 2021. 178 с.) [рецензия] // Славяноведение. № 2. 2023. С. 140–144. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0025365-4>
- Ясинская М. В.* Некоторые особенности функционирования антропонимов у словенцев на итальянско-словенском пограничье (на материале полевых исследований) // Вопросы ономастики. № 3. 2022. С. 126–145. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.3.033

Иллюстрации из экспедиций

*Угощение словенской традиционной выпечкой — губанцой
(Таморис, Италия)*

*Алтарь для обходов во время Деветицы,
музей в деревне Дренкья (Италия)*

Вид на Сан-Пьетро-аль-Натизоне (Италия)

*Вышитая салфетка «Бог, благослови наш дом».
Мерсино (Италия)*

*Деревянная скульптура «Кривонета».
Массерис (Италия)*

*Древний каменный стол в подвале одного из домов,
на котором, по рассказам (нарратив FVG.Сл(н).17),
оставляли мертвых в непогоду.
Мерсино (Италия)*

*Крест из освященных трав.
Козица-ди-Сопра (Италия)*

*Центральная площадь Лузереры с надписью
(название части деревни) на словенском языке
(Италия)*

" O TI ZEMLJA RODNA,
ZEMLJA BEDNA, MALA,
KI TE MILOST BOŽJA,
MENI V LAST JE DALA!"
(TRINKO)

"SCRITTORE ED ACCADEMICO
IL SUO NOME SI SPANDE
OLTRE CHE IN FRIULI
E IN SLAVIA
ANCHE IN REMOTE LANDE."
(ZANETO)

N. 25. I. 1863

M. 26. VI. 1954

RIC

MONS. IVAN TRINKO
RESURRECTIONEM EXPECTAT
TANTO NOMINI
NULLUM PAR ELOGIUM
NON SIBI
SED SUIS VIXIT
LX ANNIS AMPLIUS
PERE INNUMEROS LEVITAS
IN SEMINARIO UTINENSI
SOLIDAE ARCI
THOMISTICAE PHILOSOPHIAE
CATHOLICITATI
CONAVIT

*Могилa Ивана Тринко.
Терчимонте (Италия)*

*Освящение могил на День поминовения усопших.
Крас (Италия)*

Словенско-итальянская граница в районе Тайпаны

*Вальбруна, дверь, украшенная венками,
сплетенными на Успение Богородицы
(Италия)*

Площадь Тито, двуязычная (словенско-итальянская) надпись в городе Копер (Словения)

Копер (Словения)

Горни-Петровцы (Словения)

Лендава (Словения)

*Лингвистический ландшафт города Лендава.
Надписи на словенском и венгерском языках
(Словения)*

*Дом венгерской общины и кальвинистская церковь.
Велика-Писаница (Хорватия)*

*После интервью с информантами на венгерском языке.
Ждала (Хорватия)*

*Венгерская надпись на надгробии в нестандартном исполнении.
Кладбище в селе Говедже-Поле (Хорватия)*

*Концерт квартета чешской народной музыки.
Солист с ударным инструментом vozetbouch (досл. оземь бух!).
Чешская беседа. Грубишино-Поле (Хорватия)*

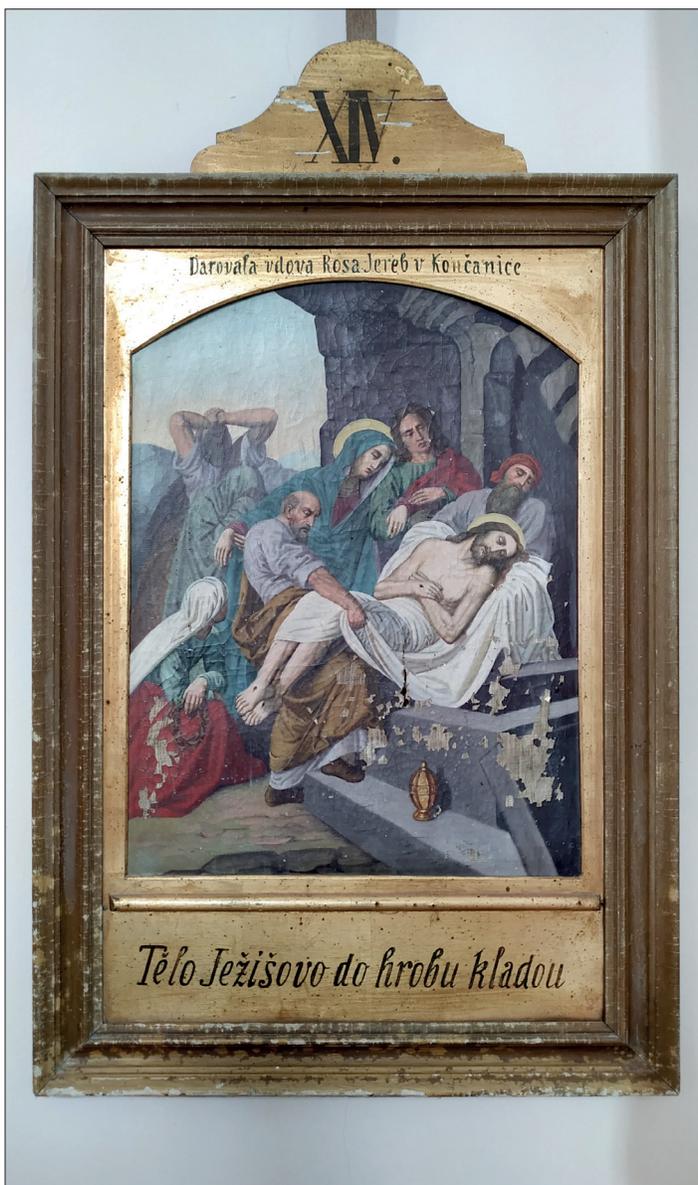
*Майское дерево перед зданием общества пожарных.
Шибовац (Хорватия)*

*Пасхальная помлазка.
Треглава (Хорватия)*

*Трещотка Зелёного (Страстного) четверга.
Звуками трещотки заменяют звон колоколов, которые, по легенде,
со Страстного четверга до Белой субботы улетают в Рим.
Меджурич (Хорватия)*

*Положение во гроб Иисуса Христа.
Изображение с подписями на чешском языке из цикла
Крестный путь в церкви Вознесения Девы Марии
в Кончанице (Хорватия)*

*Вышитое полотенце с надписью на венгерском языке
(Белый голубь летит над селом, он уносит мою печальную душу).
Музей в Руско-Село (Сербия)*

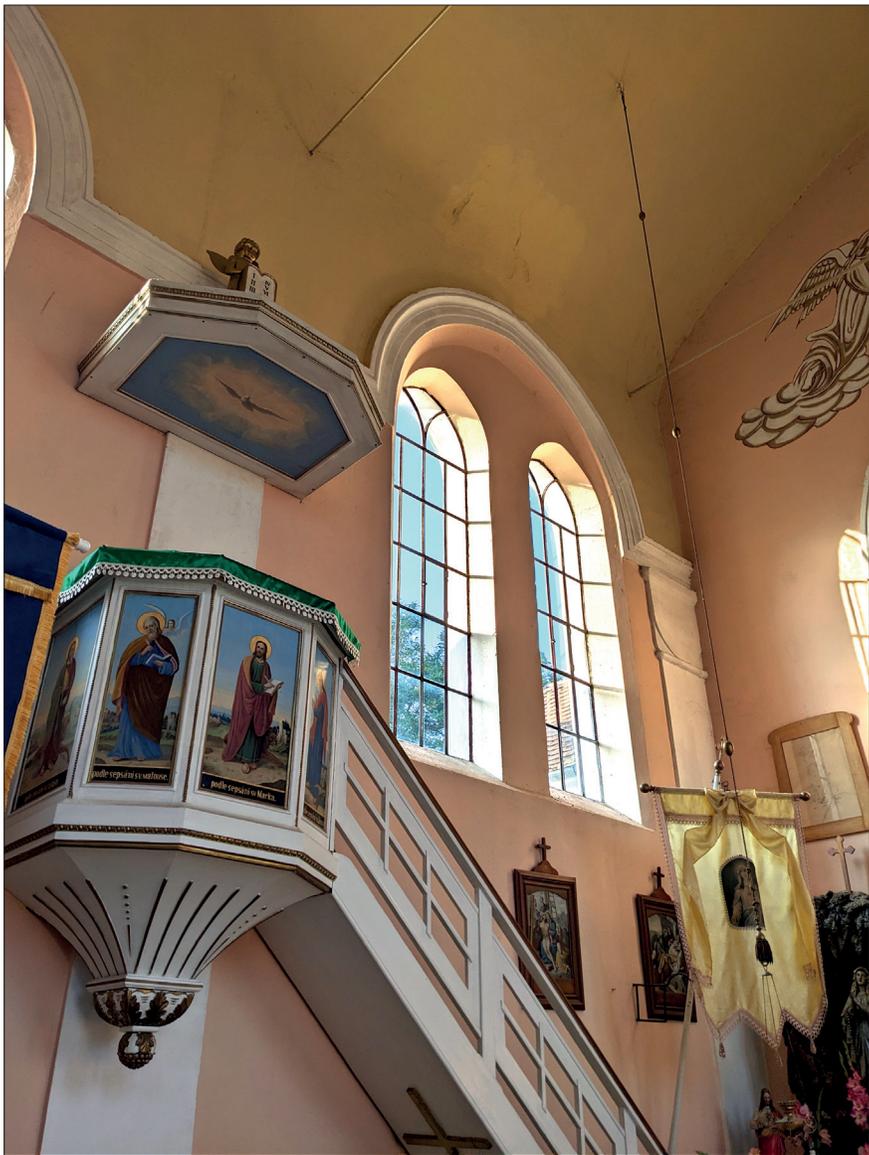
*Лингвистическиј ландшафт града Суботица.
Надписи на српском, венгерском, хорватском језицима
(Србија)*

*Дорожный знак с названием населенного пункта Бела-Црква
на сербском, венгерском, румынском и чешском языках
(Сербия)*

*Церковь Яна Непомуцкого в Чешко-Село
(Сербия)*

*В костеле св. Вацлава.
Крушчица (Сербия)*

Вид на село Златица (Румыния)

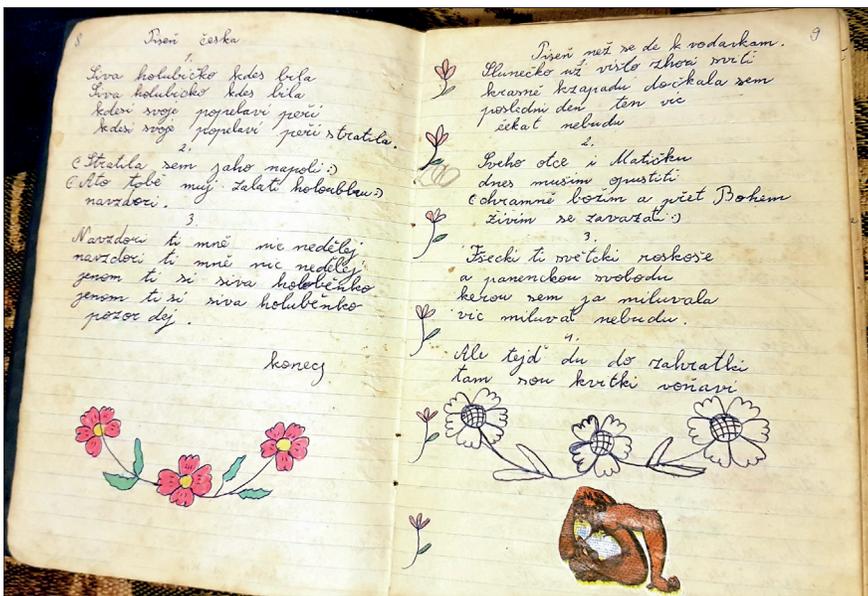
Дом культуры в Сфынта-Елене (Румыния)

*Чешская школа для 1–8 классов им. Я.А. Коменского
в Сфынта-Елене (Румыния)*

*Надгробие Венцеля Шухи на чешском языке
с особенностями румынской орфографии.
Шумица (Румыния)*

Тетрадь с текстами чешских песен.
Шумица (Румыния)

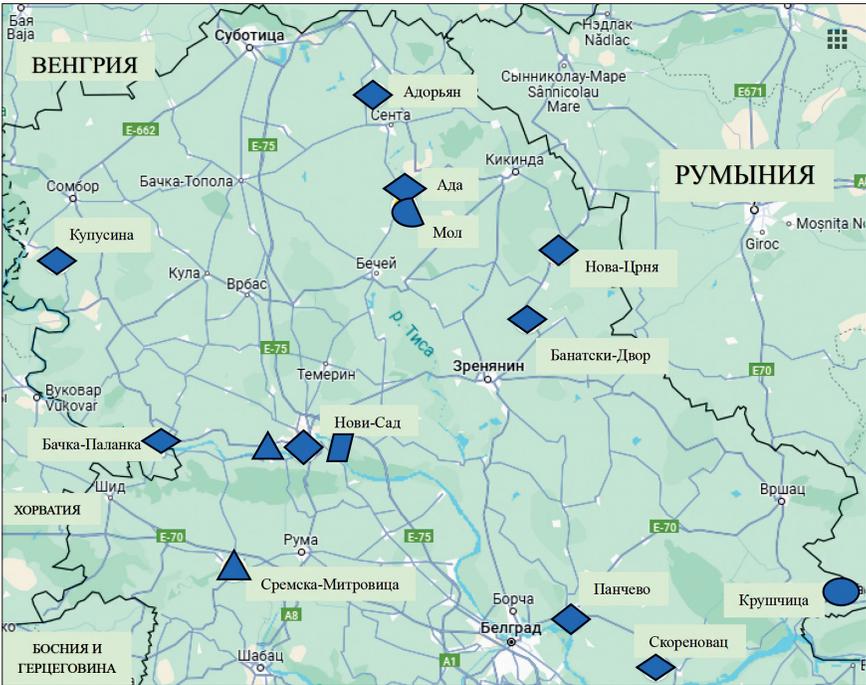

*Угощение традиционной чешской вытечкой.
Шумица (Румыния)*

*В доме у чехов.
Шумица (Румыния)*

Карты населенных пунктов, в которых были записаны опубликованные тексты

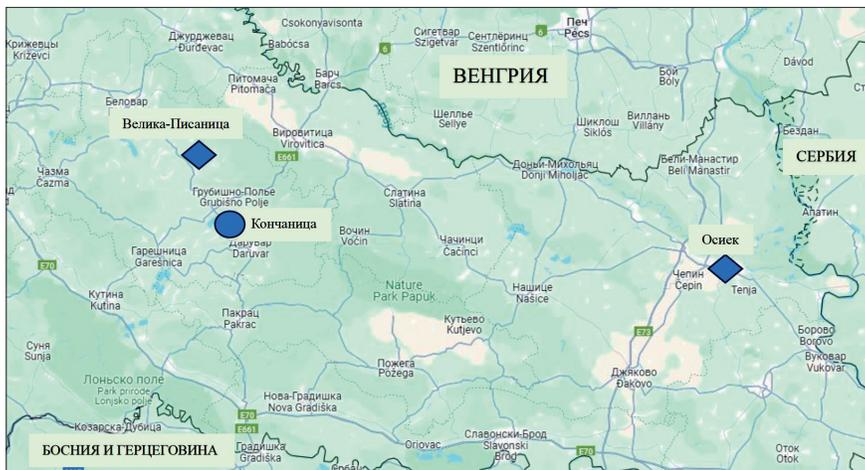
Карта с населенными пунктами в Воеводине (Сербия),
в которых были записаны опубликованные тексты

- ◆ — венгерский язык; ■ — сербский язык;
- — сербский язык как функционально второй;
- ▲ — украинский язык; ● — чешский язык

Карта с населенными пунктами в Банате (Румыния), в которых были записаны опубликованные тексты

- — румынский язык как функционально второй;
- — чешский язык

*Карта с населенными пунктами в Славонии (Хорватия),
в которых были записаны опубликованные тексты*

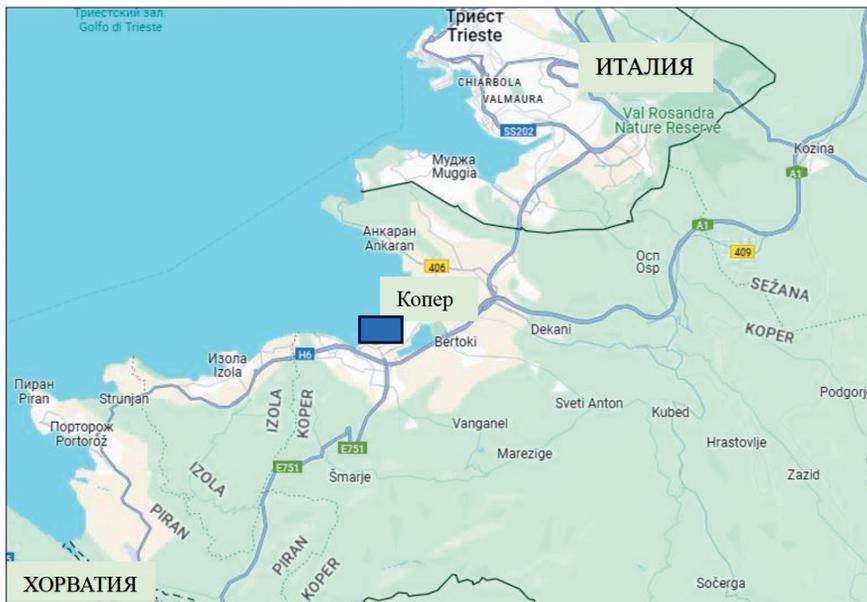
◆ — венгерский язык; ● — чешский язык

Карта с населенными пунктами в Прекмурье (Словения), в которых были записаны опубликованные тексты

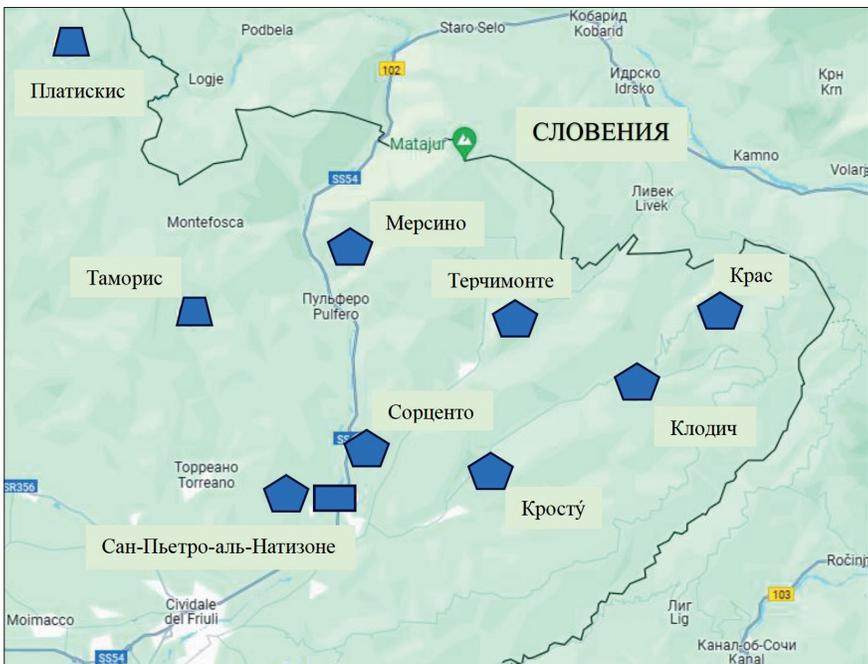
◆ — венгерский язык;

◐ — прекмурский диалект словенского языка как функционально второй

*Карта с населенным пунктом в Приморье (Словения),
в котором были записаны опубликованные тексты*

■ — итальянский язык

*Карта с населенными пунктами в провинции
Фриули-Венеция-Джулия (Италия),
в которых были записаны опубликованные тексты*

- — итальянский язык; ■ — словенский язык, долина Торре;
■ — словенский язык, долина Натизоне

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Пилипенко Глеб Петрович,
Ясинская Мария Владимировна,
Борисов Сергей Александрович,
Пивоваренко Александр Александрович

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА
АЛЬПИЙСКО-ПАННОНСКОГО РЕГИОНА:
ОЧЕРКИ ПО ЯЗЫКУ, КУЛЬТУРЕ, ИСТОРИИ**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН*

Ответственные редакторы:

к.ф.н. Г. П. Пилипенко,

к.ф.н. М. В. Ясинская

Компьютерная верстка:

П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32А, корп. «В»

Адрес электронной почты:

inslav@inslav.ru

Подписано в печать 01.10.2024. Формат 60×90¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная
Печать цифровая. Усл. печ. л. 25,5.
Объем 25,5 печ. л.

Заказ № 54.

Тираж 500 экз.